

*Если
я сломаюсь*

порша мур

•

ВНИМАНИЕ!

Текст предназначен только для предварительного и ознакомительного чтения.

Любая публикация данного материала без ссылки на группу и указания переводчика строго запрещена.

Любое коммерческое и иное использование материала кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды.

Порша Мур

«Если я сломаюсь»

Оригинальное название: «If I Break» by Portia Moore

Авторы перевода: Анастасия С, Елизавета А

Редакторы: Ирина Ш, Алёна Д, Ольга С, Наталья К

Вычитка: Настя З

Оформление: Евгения А

Обложка: Ира Б

Перевод группы: <https://vk.com/lovelit>

Аннотация

Это не типичная сказка, где в конце они стали жить долго и

счастливо...

Лорен Брукс хочет сделать три вещи: сбежать из маленького городка, в котором она выросла, поступить в колледж её мечты в Чикаго и выпуститься, не погрязнув в долгах. Сейчас она из кожи вон лезет, чтобы добиться хотя бы этого.

С полностью забитым учебным графиком и работой официантки в самом крутом чикагском ночном клубе, у неё нет времени отвлекаться. Особенно на того, кто только и хочет залезть к ней под юбку. Однажды она уже обожглась. Только дура наступит на те же грабли, когда осталось два семестра до выпуска. У неё всё шло по плану.

До встречи с Кэлом.

Ростом под метр девяносто, с черными волосами, глазами глубокого серого цвета и такой улыбкой, будто у него есть тайный план. Лорен знает, что от него можно ждать только неприятностей. Но впервые в жизни, немного неприятностей – это как раз то, что ей нужно.

Она хочет этого.

Она и подумать не могла, что когда-нибудь выйдет замуж, пока это не случилось.

Она думает, что это и будет ее сказкой со счастливым концом, но это только начало. У Кэла есть тайна. Любовь ей дорого обходится, а быть его женой стоит больше, чем она рассчитывала.

Глава 1

26 апреля 2011 года

Вот и он. Мой собственный чертов Прекрасный Принц. Кэл Скотт. Он заходит, его глаза быстро скользят по собранному чемодану в моей руке и останавливаются на миг на моем лице. Он раздраженно вздыхает, бросает ключи на стол, затем снимает пальто. Его взгляд падает на пустую бутылку вина, которую я выпила сегодня. На его лице появляется ухмылка, когда он проходит мимо меня, направляясь в гостиную.

Я ожидала, что он ничего мне не скажет, но это все равно ранит. Я совершенно уверена в том, что он скорее видит во мне высококлассный эскорт, чем свою жену.

Я крепко сжимаю чемодан, в котором совсем немного моих вещей. Он может оставить себе машины, деньги, пентхаус – все, что, по его мнению, поможет скрасить мое одиночество. Никакие материальные ценности в мире не могут компенсировать растущую пропасть между нами. И этот желтый бриллиант в четыре карата на моем пальце – прекрасное, но

болезненное напоминание о клятвах, которые он нарушил.

Я смотрю на него, ссутулившегося на диване с самодовольной наглой ухмылкой. Он ухмылялся точно так же, как когда мы с ним встретились впервые. Сейчас он смотрит баскетбол на таком оскорбительно большом экране, будто его ничто не беспокоит.

Кэл снова бросает на меня взгляд, не проронив ни слова, и во мне закипает злость. Если бы я была мужчиной, я бы надрала ему задницу. Я вытаскиваю из своей сумки календарь, в котором отмечены те немногие дни, когда он был дома, и кидаю ему на колени.

– Не начинай, Лорен. Я же написал тебе смс, – говорит он с явным раздражением.

В моей голове стремительно возникают вопросы, когда я загораживаю ему телевизор, при этом размахивая чемоданом в его направлении и изо всех сил стараюсь помешать его просмотру.

– Ты написал мне смс? И это улучшает ситуацию? Ты видишь мои сумки у двери и чемодан в моей руке? Разве ты не понимаешь? Я уйду, Кэл. Пошел ты со своими смсками!

Он меняет свою позу и указывает на пустую бутылку из-под вина, которую я забыла выбросить.

– Я не буду разговаривать с тобой, пока ты пьяна, – пренебрежительно говорит он.

– Нет, будешь! – настаиваю я, приближаясь к нему.

– Ты разве не уходишь? – спрашивает он с сарказмом, его лицо суровое, но глаза улыбаются.

Он не воспринимает меня всерьез, так что я наклоняюсь к нему и рычу:

– Ты такой козел!

Он целует меня прямо в губы и смеётся. Я пытаюсь дать ему пощечину, но он быстро уклоняется, так что я едва задеваю его лицо кончиками пальцев.

– Ненавижу тебя! – рычу я, стремительно уклоняясь от него. Я начинаю снимать обручальное кольцо. Я хочу швырнуть им в него, но потом понимаю, что кольцо мне нравится. Черт, оно великолепно. Поэтому я бросаю в него пульт от стерео-системы и направляюсь к двери.

Кэл встаёт с дивана, чтобы догнать меня, но я продолжаю идти. Он хватается за руку, разворачивает к себе и забирает мой чемодан.

– С меня хватит, оставь меня в покое! – кричу я, вырываясь из его стальных объятий. Он вдруг поднимает меня, и я повисаю на его плече.

– Отпусти меня! Перестань! – кричу я, но Кэл не слушает. Моя

попытка сбежать с жалостью провалилась.

– Больше никакого вина, миссис Скотт, – произносит он, несколько не взволнованный моим протестом.

– Отпусти меня! – снова кричу я, ударяя его по спине, пока он несет меня по лестнице в нашу спальню, где бесцеремонно бросает меня на кровать.

– Пропись, – простодушно говорит Кэл.

Да что он о себе возомнил? Я бегу к двери, но он быстро выскальзывает из комнаты, закрыв дверь за собой. Я добираюсь до нее на долю секунды позже и дергаю за ручку. Закрыто. Подоконник запер меня.

– И что, теперь ты меня похищаешь? Добавишь это к своему резюме, где уже значится «дерьмовый бесчувственный муж»? Ты не можешь держать меня здесь! Я бросаю тебя! Я устала от всего этого! Ты никогда не бываешь дома! Я не подписывалась на то, чтобы быть единственным супругом в этом браке!

Мой бунт оказывается бесполезным. Я слышу, как эхом с лестницы доносится прямая трансляция игры «Быков», и уверена, что он специально сделал свой тупой гигантский телик погромче, чтобы заглушить мои крики...

Я сажусь на пол и плачу. Плачу до тех пор, пока не устаю, и мне не начинает хотеться спать. Проснувшись, я пытаюсь открыть глаза. В голове стучит. Бутылка вина, которую я вчера выпила, дает о себе знать. Я понимаю, что лежу в кровати, укрытая одеялом, а не на полу.

Лунный свет заливает комнату, хотя солнце – последнее, что видел мой сознательный мозг, и какое-то время я не понимаю, что к чему. Я опускаю ноги на плюшевый ковер, вставая с постели и направляясь к террасе, чтобы насладиться свежим ночным воздухом.

Я внимательно изучаю, как сверкает центр Чикаго, и думаю о том, сколько ночей я провела здесь в одиночестве, пялясь на небоскребы и размышляя над тем, где находится мой муж. Мне становится тошно.

Я возвращаюсь в комнату и обнаруживаю, что дверь больше не заперта. Открываю ее, чтобы убедиться, что свет в доме выключен, и царит тишина. Кэл снова ушел, и это меня не удивляет. Чувство одиночества душит меня, так что я возвращаюсь на террасу.

Самый одинокий период в моей жизни настал после того, как я вышла замуж за того, кому отдала всю свою жизнь. Его прикосновения пробуждали каждый нерв моего тела, его слова и обещания завораживали меня, а в его руках я чувствовала себя безопаснее, чем где-либо еще. Я так долго была с ним, что больше не могу без него *дышать*.

Сейчас ничего не ясно. Связь между нами, раньше такая реальная и осязаемая, в которую я верила каждой клеточкой своего тела, теперь разорвана.

Мы потеряли все, что у нас было, наш дом, лишенный тепла и любви, и вместо этого наполненный злобой. Снова и снова начинается словесная война. Все надежды, которые я питала по отношению к нам, остались в прошлом, и это действительно угнетает.

Я смеюсь над своей наивностью и вытираю пару слез. Черт возьми. Я обещала, что не буду больше плакать из-за него, но что еще я себе обещала? Я стараюсь не обращать на это внимание, но не хочу никого обманывать. Меня это все еще беспокоит.

Открывается входная дверь. Я возвращаюсь внутрь и выхожу в холл. Выглядывая из-за перил, я вижу, что у него в руках десять розовых роз. Он кладёт их на стол, и я возвращаюсь в нашу спальню, ничего не сказав.

Вернувшись на террасу, я осматриваю город. Через несколько минут дверь на террасу открывается, и я чувствую, как Кэл подходит ко мне сзади. Его запах выдает его, когда он еще даже не рядом со мной. Это запах моего любимого одеколона. Его сильные руки обнимают меня за талию, спокойно, как всегда.

Я ненавижу тот факт, что до сих пор замираю, когда он дотрагивается до меня. Лучше бы я вместо этого чувствовала раздражение. Еще больше я ненавижу тот факт, что Кэл знает, какой эффект производит на меня. Его губы находят мою шею, направляясь к ее изгибу, в то время как руки гладят мой живот, задерживаясь внизу, пока не находят пуговицу моих штанов. Он начинает расстегивать их. Иногда я так сильно ненавижу его. Еще больше я ненавижу то, что неважно, как сильно я злюсь на него – каким-то образом мое тело всегда предает меня и прощает Кэла.

Он берет меня за руку и разворачивает лицом к себе. Кэл прекрасно знает, как на меня действуют его прекрасные серые глаза, и пользуется своим преимуществом.

Он чувствует, что я сдаюсь. Он знает, что я колеблюсь, потому что едва заметно самонадеянно улыбается и наклоняется ко мне, прикасаясь своими губами к моим, разделяя их. Пока я не опомнилась, Кэл проскальзывает языком в мой рот, играя с моим языком, бросая мне вызов устоять.

Я не могу.

С моих губ срывается мягкий стон. Какого черта я делаю? Я должна была уйти от него сегодня вечером. Он крепче хватает меня за талию. Он знает, что у него есть я, и, черт, я тоже знаю это. Ненавижу, что он узнал об этом первым. И еще больше ненавижу, что он так хорошо меня знает.

Я отстраняюсь и смотрю на него, расстроенная тем, что я для него как открытая книга.

– Иногда я ненавижу тебя, – резко говорю я, но даже с моим тоном, когда Кэл посмотрит на меня, он поймет, что я не имела это в виду. Эти его долбанные глаза загипнотизировали меня, вопреки всем правилам – и моей одежде тоже – в тот момент, когда мы встретились. У них есть склонность смотреть прямо сквозь меня.

– Я знаю, – отвечает Кэл, прежде чем поцеловать меня одним из тех опьяняющих поцелуев, которые заставляют меня чувствовать себя парящей в воздухе.

Кэл поднимает меня и несет внутрь, к нашей кровати. Вот что он делает после всего этого. Он мастер манипуляций, король обаяния. Он знает меня вдоль и поперек, и, возможно, лучше, чем я сама. То, что я позволила всему случиться, стало моей первой ошибкой. А второй стало то, что я влюбилась в него. Но как я могла сопротивляться тому, кто так неотразим? Как я могла убежать от того, что уже поймало меня? Вот что случилось со мной. Меня поймали еще до того, как я узнала, что за мной охотились, и когда я осознала это, было уже слишком поздно.

Я помешалась на нем, и это то, чего он хочет. Как я вообще могла допустить это?

Глава 2

15 апреля 2008 года

Иногда рабочие дни веселые и легкие. Но иногда работа может быть отстойной, и сегодня как раз такой день.

– Итак, две водки с тоником, «Лонг Айленд Айс Ти» и четыре пива? – спрашиваю я, стараясь расслышать заказ в пульсирующей музыке, которая прилагается к работе официантки в одном из самых крутых ночных клубов Чикаго – «Небосводе», где музыка всегда громкая, напитки не разбавлены, и можно гарантированно поймать взгляд самой горячей звезды города. После полгода работы, я все еще не привыкла к этому. Поначалу это должно было быть просто подработкой на пару недель. Постепенно недели превратились в пару месяцев, и вот я здесь уже полгода и продолжаю вести подсчеты.

Не то чтобы я жаловалась: чаевые отличные, и мне довольно хорошо платят. Теперь я привыкла к так называемым «внеурочным» людям. Это твои одноклассники, сотрудники и родственники, но в своей самой непристойной одежде, с тройным мэйк-апом и пьянее, чем ты когда-либо

видел. Большинство девушек готовы убить за эту работу – я знаю это, потому что очередь на собеседование просто километровая.

Я все еще не могу не чувствовать усталость после работы. Это лучше, чем работать в каком-нибудь фастфуде, но атмосфера опьяняющая. Я еще не успела долго пробыть здесь, а уже видела так много девушек, которым от нее снесло крышу. И я благодарна, что тоже не пала жертвой.

– Не могли бы вы принести одно пиво в стакане и положить больше льда? – вяло спрашивает девушка за столиком, который я обслуживаю.

– Без проблем, – я ободряюще улыбаюсь ей.

– Клянусь Богом, ты иногда как маленькая ханжа, – громко заявляет ее подруга, сидящая напротив нее, чтобы все услышали. Несносная стерва. Щеки моей клиентки вспыхивают розовым румянцем, и мне ее становится жаль. Если бы я не работала, я была бы на ее месте. Одному Богу известно, сколько у меня было в жизни таких отвратительных друзей.

– Ребят, а у вас нет вакансий? – спрашивает один парень, который сидит с ними. Вопрос, который мне задают пять раз за ночь.

– Я знаю, что нам требуется еще один бармен. Моего менеджера зовут Райан. Позвони завтра днем. Его ассистент принимает звонки, и затем они пригласят тебя на собеседование, если у тебя есть опыт работы.

– Круто! Спасибо, – говорит он с видимым волнением.

– Вам, должно быть, нравится здесь работать: хорошая музыка, горячие парни, и вы наряжаетесь каждый вечер. Очень милые туфли, кстати, – говорит та несносная.

– Да, работа ничего так, – я пожимаю плечами и ухожу.

Вся правда в том, что эти милые туфли убивают мои ноги каждый вечер. Нарядиться было весело до тех пор, пока нововведенные шорты, плотно облегающие зад, не стали обязательными. Но зато мне хорошо платят, а обучение в колледже недешевое. Я протискиваюсь сквозь толпу и направляюсь к барной стойке. Мой друг Стивен, бармен, стоит с моим бывшим, Майклом – мистером Моя-самая-большая-ошибка-в-жизни. Я отдаю бармену свой лист с заказом и принимаюсь отсчитывать минуты, пока мои ноги не отдохнут.

– Клуб сегодня битком забит, да? – кричит мне Майкл, стараясь пересилить музыку. Наши отношения закончились не совсем по-дружески. По правде говоря, это был первый раз, когда я ждала, что он как-то отреагирует после нашего разрыва два месяца назад. Лучшее, что я могу сделать – оставаться воспитанной, но это так сложно.

– А когда он не забит? – резко отвечаю я.

Ну, я сказала воспитанной, а не вежливой. Его улыбка пропадает. Не

то чтобы он рассчитывал, что я буду с ним милой. У него полно женщин, которые с ним милы. По сути, причиной нашего разрыва послужило то, что я застукала его в кладовке с какой-то девушкой, и он был с ней слишком милым.

– Эй, Лорен, похоже, тебе нужен перерыв, – моя подруга Энджи приходит мне на помощь, протягивая Стивену свой заказ.

– Перерыв? Лучше отпуск, – тихо смеюсь я, принимая поднос, полный напитков. Моя клиентка, которая попросила побольше льда, теперь сидит одна за столиком. Вряд ли ее выражение лица можно назвать радостным. Я улыбаюсь, надеюсь немного поднять ей настроение.

– Ваши напитки, – говорю я, расставляя их на столе.

– Спасибо, – отвечает она и берет свой стакан со льдом. Девушка принимается наливать в него пиво, поглядывая на меня. – Наверное, вы еще никого не видели до меня, кто бы так делал, – она смеется, а затем вздыхает. – Похоже, все друзья бросили меня и пошли танцевать, – объясняет она, вероятно, побоявшись меня обидеть. – Какой это оказался классный день рождения, – мямлит девушка перед тем, как глотнуть пива.

– С днем рождения! – говорю я, возможно, чересчур восторженно, и предлагаю, – пиво за счет заведения.

– Спасибо, – девушка поднимает стакан и принимается дальше знакомиться со своим напитком.

Я знаю это чувство, когда находишься там, где не очень хотелось бы. В любом случае, иногда лучше не думать об этом. Я направляюсь обратно к бару. Мои часы сообщают мне, что осталось еще два часа работы, которые могут тянуться целую вечность. Странно, что я могу заскучать в таком веселом месте. Боковым зрением я вижу, как Майкл флиртует с изящной рыжеволосой девушкой. Он всегда флиртует с изящными особами. Я была изящной брюнеткой. Не могу поверить, что меня до сих пор волнует, с кем он флиртует. Может быть, «волнует» не самое подходящее слово. Раздражает. Меня раздражает тот факт, что он флиртует с другими девушками.

– Эй, Эл, – Энджела щипает меня и передает другой заказ Стивену, а тот передает его Майклу, так как тот стоит совершенно никчемный.

– Не смотри снова, – шепчет она мне перед тем, как исчезнуть в толпе. Я понимаю, что пялилась на него.

– Эй, Майк, может, прекратишь болтать и примешься за работу, раз ты здесь? – Энджела перегибается через меня, махая перед его носом листком с заказом.

Парень отвечает ей саркастической улыбкой и небрежно направляется

к нам.

– Я тоже рад тебя видеть, – отвечает он, изучая заказ, но затем передает его обратно Стивену.

– Лорен, смотри, что у меня есть для тебя! – кричит другая официантка, Триш, держа в руке «Лонг Айленд Айс Ти» и демонстрируя его мне.

– Что это? – с любопытством спрашиваю я.

– Комплимент от джентльмена за VIP-столиком, – она улыбнулась, протягивая мне бокал.

Я ставлю его на стол. Я взяла себе за правило не принимать напитки от посетителей во время работы.

– Ого, VIP. Теперь ты просто обязана принять его, – дразнит меня Стивен, подмигивая.

– Разве благоразумно принимать напитки от клиентов? – вмешивается Майкл.

Мы все смотрим на него, не веря своим глазам: мы знаем, что он принимает от клиентов гораздо больше, чем просто напитки.

– Ну, знаешь, Райан хочет, чтобы мы были особенно любезными с VIP-клиентами. Плюс, это твой любимый коктейль, – настаивает Энджела.

– Да и парень просто милашка, – добавляет Триш.

Майкл бросает взгляд далеко не в моем направлении, но этот взгляд производит на меня совсем другой эффект, чем ему хотелось бы. Посмотрев прямо на него, я облизываю губы, беру соломинку и делаю хороший глоток.

Затем поворачиваюсь к Триш.

– Передай ему спасибо и скажи, что это мой любимый.

От разочарования на лице Майкла у меня кружится голова.

– Он знает. Я сказала ему. У него сегодня тоже день рождения, – добавляет Триш перед тем, как раствориться в толпе.

– Эл, подойди к нему и поздравь его с днем рождения, – советует Энджела, подталкивая меня локтем.

– Я не буду этого делать, – возмущенно отвечаю я.

– Ну же, почему нет? Немного флирта тебе не повредит, – смеется она.

– Это отчаянно и непрофессионально. Я уже сказала ему спасибо за напиток. Больше я ничего не собираюсь делать, – заявляю я, уходя от барной стойки.

Лучше пойти поработать, чем слушать, как она каждый раз заставляет меня поболтать с каким-нибудь парнем.

Я бросаю взгляд на часы. Уже половина второго ночи. Постель зовет.

Надеюсь, моя соседка Хилари не дома, потому что обычно в такое время она с кем-то, с кем производит очень много шума. Страшно сказать, столько денег я потратила на беруши. Я надеваю пальто и собираюсь уходить, как вдруг вижу своего менеджера Райана, который направляется за мной. Слишком поздно идти в другую сторону, по крайней мере, чтобы меня не заметили.

– Лорен, я очень рад, что застал тебя.

Он прямо светится, и его тон кажется мне – как я смею говорить такое? – милым. Он очень редко бывает таким, и, готова поспорить, он собирается попросить меня остаться еще на час.

– Привет, Райан, – осторожно отвечаю я, начиная переобуваться в свои кеды.

– О, ты уже уходишь, – говорит он с недовольной гримасой, напоминая, что быть старше на два года едва ли мило.

– Да, моя смена закончилась, – напоминая я ему, молясь, чтобы он не попросил меня остаться или, еще хуже, не сказал мне остаться.

– Ты не могла бы оказать мне крошечную услугу? – спрашивает парень, опережая меня.

Я знала, что это случится. Я до сих пор не научилась уходить быстрее. Ну и что мне делать, отказать боссу? Мое сердце кричит: «Да, черт возьми!», но мозг заставляет слабо улыбнуться.

– Конечно, – я со вздохом сдаюсь.

– Один мой очень хороший клиент хочет видеть тебя. Он следил за тобой весь вечер, – объясняет Райан, помогая мне снять пальто.

– Что? – резко выкрикиваю я, пытаюсь подвергнуть цензуре свой язык. Он ведь мой босс, и, как всегда, он слегка козел, но что он вообще возомнил о себе?

– Просто поздоровайся, и все. Он репортер из «Трибьюн». Он может сильно повлиять на клуб, – тут же говорит Райан.

– Не знаю, – отвечаю я.

Нет, я знаю. Я не хочу делать этого!

– Выпей с ним немного, ведь сегодня его день рождения, в конце концов. И в VIP-зале полно народу. Один коктейль. Если ты слишком устала, может, я переставлю твою смену. Скажем, вечер понедельника вместо этой *утомляющей* субботней смены, – лукаво предлагает Райан.

Это низко. В понедельник самая ужасная ночь для клуба. Она медленно тянется, меньше чаевых, и у меня занятия во вторник.

– Хорошо, я сделаю это, – окончательно сдаюсь я.

Вешаю пальто обратно и уже иду за Райаном, но он останавливает

меня перед дверью, едва я переступаю порог.

– Может, я дам тебе пару минут, чтобы ты надела другие туфли и распустила волосы? – подмигивает он.

Я разочарованно закусываю губу. «*Пошел ты, Райан*». Я отправляюсь обратно к своему шкафчику, чтобы надеть каблуки.

– Встретимся на лестнице через пару минут, – улыбается он, но, прежде чем уйти, показывается в дверном проеме.

– Немного блеска для губ не повредит, – язвит парень и уходит.

Придурок.

Я снимаю кеды и распускаю свой хвостик. Я специально не наношу блеск на губы. «Просто один коктейль и спать», – говорю я себе, пытаюсь не чувствовать себя такой одураченной.

* * *

В VIP-зале суетятся люди, но он просто пустой по сравнению с остальными залами в клубе. Хотя в этом есть смысл, если каждый стол покупает по три бутылки. Дэн, охранник в этом зале, стоит на входе. Он весьма устрашающий для каждого, кто может доставить какие-то неудобства. У него два метра роста, и весит парень по меньшей мере сто тридцать килограмм, а его бросок через спину с захватом руки поставил многих на колени. В целом, Дэн неплохой парень, когда на твоей стороне. Он флиртует с двумя девушками, которые пытаются попасть внутрь бесплатно, но быстро кивает мне, пропуская. Я делаю глубокий вдох и напоминаю себе, что мне нужна моя работа. Нет ничего плохого в том, чтобы выпить с каким-то парнем по просьбе начальства. Пойдите, это даже звучит неправильно. Это никак не входит в мои обязанности. Я надеюсь, он не полный придурок, пьяный он или нет. Даже если парень нормальный, я ненавижу встречаться в целом. У меня было двое серьезных отношений: Дэниэл, моя школьная любовь, и Майкл, который, как оказалось, вообще не настроен серьезно.

У меня было совсем немного свиданий с тех пор, как я переехала сюда из Мичигана. Многие из них оборачивались настоящими катастрофами. Я стала ненавидеть всю эту ситуацию: эти обязательные неловкие разговоры и то разочарование, когда я не дала на первом свидании. Парни, с которыми я сталкиваюсь в жизни, как принцессы из тех сказок, которые читала мне моя тетя в детстве. Моя взрослая теория: миф о Прекрасном принце – это еще одно проклятие Господа, созданное для наказания Евы и каждой другой женщины, укусившей то самое дурацкое яблоко. Осмотрев комнату, я замечаю Райана. Он сидит в углу и болтает с какой-то низкой блондинкой в голубой блузке, черных брюках и в компании мужчины.

Райан видит меня и подзывает к себе рукой. Как только я подхожу к тому самому парню, я понимаю, что Триш была права – он милый, как модель компании «Эберкромби и Фитч» (прим.пер.: «Abercrombie and Fitch» – компания, производящая повседневную роскошную одежду для парней 18-22 лет), с русыми волосами, зелеными глазами и застенчивой улыбкой, но это не значит, что все это может заставить меня поговорить с ним. Когда я подхожу к столику, мистер Эберкромби и Райан поднимаются на ноги, в то время как женщина просто улыбается мне.

– Лорен, я хотел бы представить тебе Джейсона Дэниэлса. Он ведет развлекательную колонку в газете «Трибьюн». А это его партнер Мэри.

– Рад познакомиться, – Джейсон пожимает мне руку, широко ухмыляясь. – Очень рад, – повторяет он снова, почти нервничая.

После нескольких неловких секунд мы все садимся.

– Что, если я попрошу Диану приготовить тебе один из моих любимых напитков, Мэри? – спрашивает Райан, указывая на барную стойку. Я сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Думаю, он хочет оставить меня наедине с Джейсоном на какое-то время, потому что меньше, чем через минуту, Райан выходит из-за стола вместе с Мэри.

– С удовольствием, – она берет его под руку, и нас с Джейсоном оставляют одних. Кажется, он в тот же миг теряет дар речи. Может, неловкого разговора удастся избежать?

– Не хотите присесть? – наконец говорит он.

Черт, не повезло. Он не немой. Я снисходительно улыбаюсь и сажусь.

– Вам понравился коктейль от меня? – улыбается он.

– Да, это мой любимый, – я опускаю глаза, стараясь избежать неловкой тишины, заполняющей воздух, – хотя это я должна была угостить вас выпивкой, я слышала, у вас день рождения.

– Да, большая дата – двадцать четыре, – смеется он.

– И как ощущения?

– Никак не отличаются от двадцати трех, – он снова смеется, потягивая свой напиток. – Может, вы хотите чего-нибудь? Еще один «Лонг Айленд»? – начинает парень, но кто-то привлекает его внимание в зале, возможно, его девушка.

Возможно, я хочу так думать, но как знать, с моей-то удачей.

– Вы простите меня, если я отойду на минутку? – произносит он, оставляя меня сидеть в одиночестве.

Интересно, удовлетворит ли один коктейль просьбу Райана. И кого ищет Джейсон? Возможно, они с той блондинкой больше, чем просто друзья? Я барабаню пальцами по столу в ожидании своего нового друга.

Райан приходит на несколько минут позже, а я все еще одна за столиком, и понимаю, что его тоже покинули.

– Куда ушел Джейсон?

Я не думаю, что должна нянчиться с ним.

– Мм, не знаю. Он сказал, что вернется через минуту. Слушай, Райан, у меня скоро экзамен, и я должна подготовиться на этих выходных, и мне правда надо немного поспать, – объясняю я ему, собираясь уходить.

– Постой! Пожалуйста, еще пять минут, я пойду поищу его, – умоляет он, взяв меня за руку.

– Ладно, – уступаю я.

– Я лучше пойду на террасу, пока ты будешь искать его, – решаю я пойти на компромисс.

– Хорошо, вернусь через пять минут, – обещает мне Райан перед тем, как убежать, и я проскальзываю на террасу клуба.

Это мое любимое место в Чикаго. Здесь я чувствую себя свободной, когда ветер обдувает меня, и в ночи сверкают огни города. Это напоминает мне, почему я не в своей зоне комфорта в Мичигане. Этот день мог стать счастливым, ведь я увидела лишь две парочки в углу, а их обычно больше. Я иду в другой конец террасы, чтобы они могли побыть наедине. Отсюда можно увидеть весь Чикаго. Я могу стоять здесь часами и просто наблюдать за городом.

Я смотрю на часы и замечаю, что пять минут прошли. Решаю вернуться в зал, прежде чем у Райана случится приступ паники. Как раз заходя внутрь, я встречаю Майкла.

– Мне сегодня определенно везет, – с сарказмом бормочу, но достаточно громко, чтобы он меня услышал.

– Могу я поговорить с тобой пару минут? – спрашивает он, когда я прохожу мимо него.

– Вообще-то у меня здесь встреча кое с кем, – ухмыляюсь я и продолжаю идти.

– Что? С кем? В смысле, ты же только что закончила работать, – он запинается.

Думаю, я удивила его. Я улыбаюсь и пожимаю плечами, но он говорит мне вдогонку:

– Ладно, поговорим, когда ты не будешь так занята.

Я даже не оглядываюсь.

Что Майкл действительно не понимает, так это то, что мне все равно, что ему надо. Он потерял эту привилегию, когда я застучала его с другой девушкой на складе клуба. И он даже не посчитал неприличным трахнуть

ее в своей машине, как последняя сволочь.

Идя в VIP-зал, я сержусь. Я совершенно не поверила наглости Майкла и его внезапному намерению вернуться в мою жизнь таким скользким путем. Я так взбесилась, что не замечаю человека перед собой, в которого и врезаюсь. Через секунду я чувствую, как что-то холодное и жидкое разливается по моей блузке. Самый лучший день!

– Мне очень, очень жаль, – смущенно говорю я. Это полностью моя вина, и я злюсь еще больше, так как это все случилось из-за Майкла.

– Все в порядке, – отвечает мне глубокий голос, и по моей спине пробегает дрожь. – Уверен, что блуза стоит гораздо больше, чем этот напиток, – снова говорит голос, и я боюсь поднять глаза, слыша стук сердца в ушах.

Набравшись храбрости, чтобы, наконец, увидеть, чей голос заставляет мое сердце так биться, я вижу высокого темноволосого незнакомца, смотрящего прямо на меня.

Боже, у него самые красивые в мире серые глаза и поразительная улыбка, которая появляется на самых идеальных губах в истории человечества. Я мысленно напоминаю себе не проглотить язык и дышать. Он настоящий? Или я вырубилась, и меня обмахивают обложкой журнала «GQ»? Наверняка окажется, что это случайное столкновение придумало мое воображение.

Я продолжаю смотреть на него. Нет, я пялюсь. Я все еще пялюсь на него, он должен быть иллюзией. Я ищу какой-нибудь недостаток, изучая каждый дюйм, начиная с его отточенных черт и заканчивая шоколадно-каштановыми волосами, спадающими на его брови. Сильные широкие плечи спрятаны под темно-серым пиджаком и черной, идеально сидящей рубашкой. Изъянов не обнаружено. Он тревожно краснеет.

– И-извините. Иногда я такая неуклюжая, – я кашляю, мысленно подбадривая мозг снова взять все под контроль.

– Позвольте мне помочь вам с этим, – отвечает он, исчезая в толпе.

Я начинаю паниковать, вдруг он не вернется? А вдруг и *правда* вернется. Это пугает меня еще больше, но уже через минуту парень появляется снова, с тряпкой в руках, а я до сих пор не готова мыслить как цивилизованный человек, а не как пещерная женщина.

– Спасибо, – отвечаю я и робко беру у него тряпку.

Он улыбается мне так, будто знает какой-то секрет, о котором я даже не догадываюсь.

– Я, правда, сожалею, что вы разлили напиток. Я могу купить вам другой, – предлагаю, уставившись на него.

У него, должно быть, рост под метр девяносто. Я подсознательно отхожу на пару шагов назад, чтобы не смотреть на него снизу вверх, как маленькая девочка.

– Нет, все хорошо, – холодно заверяет он меня.

Нет, *он* очевидно хорош. Как бы я не пыталась отвести взгляд от его лица, у меня ничего не выходит.

– Я работаю здесь, мне не трудно взять вам новый напиток, – отвечаю я.

Его взгляд настойчивый, почти доверительный, а улыбка такая очаровательная, или даже доброжелательная, будто он соблазняет меня. И в какой-то момент время замедляется. Весь шум вокруг нас исчезает, и слышно только музыку и мое дыхание.

Интересно, он тоже его слышит?

Парень подходит ко мне ближе, и я замечаю, что в этих идеальных серых глазах радужка окружена нежным зеленым оттенком. Но как бы они ни были прекрасны, моим вниманием завладевает то, как он отпускает правый угол нижней губы, зажатый в его белоснежных зубах. Он проводит языком по этим прелестным губам, идеально увлажнив их, и в этот самый момент по моему телу проходит волна жара. Я нахожу эту часть тела восхитительной, к тому же незнакомой, но по-другому ее никак нельзя было описать.

– Я знаю, – его слова возвращают меня в реальность, и я немного наклоняюсь вперед, так как шум тоже возвращается и мешает мне расслышать его. Через секунду парень наклоняет свое лицо к моему уху, и мое дыхание становится прерывистым.

– Твои шорты тебя выдали, – говорит он мне и так же быстро возвращается в свое собственное пространство.

– Эти чертовы шорты, – я так смущаюсь, что начинаю оттягивать их пониже.

Он кивает, и на его лице появляется ухмылка, а глаза странствуют по моему телу.

– Нет, спасибо Господу за эти шорты, – парень опять закусывает губу, и я чувствую, как на моем лице переливаются все оттенки розового.

– ... и я как раз шел сюда, чтобы поближе рассмотреть девушку, от которой я не мог отвести глаз, как только она вошла, – объясняет он, смотря прямо мне в глаза с такой улыбкой, которая может растопить все арктические льды и от которой я чуть не проглатываю язык.

Что я могла ответить на нечто подобное?

– Ее зовут Лорен, – не могу не прошептать я.

Погодите, это не правильно. «Проснись, гений!» – мысленно кричу я.
– То есть, меня зовут Лорен, – смеюсь я, надеюсь, что музыка скроет мой нелепый ответ, и я не умру от смущения прямо здесь. К счастью, клетки моего мозга освобождаются от хватки гормонов и заставляют протянуть ему руку.

Он улыбается так, будто это его забавляет. Думаю, меня бы тоже позабавило, если бы женщина с высшим образованием выставила себя идиоткой от того, что я просто облизнула губы.

– Я Кэл, – отвечает он.

Глава 3

27 апреля 2011 года

Я открываю глаза и поворачиваюсь, чтобы увидеть, что Кэл все еще спит. Спящим, он кажется совсем другим человеком. А просыпаясь, становится уверенным, холодным, способным контролировать все в любой ситуации. Думаю, это единственное время, когда он не возводит стену, за которой всегда что-то проектирует и планирует, и уровень его защиты снижается. Эту стену он строит даже со мной.

Я прикасаюсь к локону его волос и поправляю его. Он начинает просыпаться, так что я отворачиваюсь и ложусь на подушку. Он знает, что я проснулась, но не говорит ничего, чтобы признать это.

Его пальцы пробегают по моим волосам, затем очерчивают мягкую линию на шее и моментально останавливаются на пояснице. Там он начинает выводить пальцами свою роспись, что заставляет меня закатить глаза и одновременно покрыться мурашками. Это его способ говорить «Доброе утро» – дразнить меня. Я чувствую, как Кэл встает с постели, до меня слабым звуком доносятся его шаги, когда он идет в ванную и затем закрывает дверь. Я переворачиваюсь на спину, запутывая себя в простынях.

У меня вырывается вздох, когда я вспоминаю события прошлой ночи. От воспоминаний по телу бежит дрожь, и я пытаюсь выбросить эту мысль из головы. Он может заставить меня чувствовать себя желанной и гармонировать со мной физически, но его мысли могут быть далеко-далеко в эмоциональной пустыне. Раньше он не был таким. Я не могу сказать точно, когда он изменился, но он начал обижаться на меня или, может быть, на наш брак. Я не уверена, на что именно, и есть ли вообще разница. Мы говорили об этом раньше – по крайней мере, я пыталась говорить, а Кэл не относился к этому серьезно, говоря, что у меня паранойя, и я слишком остро реагирую. Теперь я не говорю, я злюсь.

Раньше я не была постоянно злой и мстительной, но сейчас это мой защитный механизм, который так реагирует на него. Как будто это единственный способ сохранить здравый рассудок. Он воздвигает стену, за которой не видит меня. Я вижу лишь то, что он позволяет мне видеть. Я знаю его три года, и для меня он до сих пор как незаконченный паззл. Иногда я по-настоящему злюсь, желая кинуть мозаику в стену и сдаться.

К несчастью, я всегда берусь за нее снова, позволяя загадке полной картины увлечь меня. Кажется, вот в чем мы нашли спасение – в эмоциональных играх. Мы оба в них играем. Он заставляет меня играть, а все, чего хочу я – чтобы они закончились, и все было как раньше, до нашего брака. Если бы мне это удалось, я бы просыпалась каждое утро и говорила ему, как сильно его люблю.

Теперь я просто держу все чувства при себе до тех пор, пока не переполнюсь эмоциями, как вчера, когда мне на помощь пришла бутылка вина – плохая привычка, которая у меня появилась после того, как Кэл оставил меня одну на несколько дней.

Он говорит, что работает. По большей части я ему верю, и какое-то время меня удовлетворяло то, что я делю его с его же работой. Меня никогда не посвящали в особые детали, кроме того, что он работает в особом подразделении корпорации «Крест Филд» – компании, которая держит в своих руках все, начиная от недвижимости и заканчивая оптовыми продажами и очень сомнительными инвестициями.

Кэлу удобно, что его должность настолько конфиденциальна, что он даже своей жене не может сказать, где его носит весь день. Когда я начинаю жаловаться, он отвечает, что я знала все это, когда мы встретились. И я знала, но ведь принимать неожиданные визиты от парня более захватывающе, когда вы не живете вместе. Картина не такая радужная, когда ты почти все время сидишь дома одна, и тебе кажется, что твой муж просто проходил мимо и решил заглянуть к тебе, а не живет вместе с тобой.

Я смотрю в окно, где светит солнце. Должно быть, он раздвинул занавески. Я прихожу к двум умозаключениям: либо он пытался разбудить меня, либо позлить. Что бы там ни было, я этому не рада.

Хватаю пульт от занавесок и закрываю их обратно. Я ненавижу, что погода почти никогда не совпадает с моим настроением. Прямо сейчас я предпочла бы дождь или темноту, чтобы моя депрессия задержалась подольше, но, как и всегда, все идет не по плану.

Я слышу, как Кэл возвращается в комнату, и теперь смотрю, как он стоит перед шкафом. Он встает как обычно, значит, наденет серую

рубашку, застегнутую на все пуговицы, и черные брюки, завершив образ одним из своих длинных черных пиджаков. Наверное, этот мужчина тратится на одежду больше, чем я. Краем глаза я вижу, как он выходит из комнаты, так что я снова обращаю все внимание на потолок. Вдруг я чувствую, как солнце греет мне спину. Он опять раздвинул эти чертовы занавески. Я была права. Он пытается вывести меня из себя.

– Да что с тобой не так?

– Пора вставать, – Кэл бросает на меня взгляд, роясь теперь в ящике комода в другом конце комнаты.

– Сейчас утро. Я хочу еще поспать, – ворчу я, с головой укрываясь одеялом.

– Утро? – спрашивает он с ноткой сарказма и смеется. – Уже час дня.

Час дня? Я переворачиваюсь и маневрирую так, чтобы увидеть часы на его комоде. Черт, он прав.

– Извини, что вымотал тебя. Сегодня ночью я не буду так долго тебя мучить, – говорит он, в его голосе слышится самодовольство.

Кэл переключает внимание на свой телефон. Я закатываю глаза и начинаю вставать, убеждаясь, что полностью укутана в простыни. Он замечает это.

– Есть что-то, чего я еще не видел? – неопределенно спрашивает он.

Я не достаиваю его ответом и направляюсь к гардеробной, дверь которой он теперь перекрыл.

– Дай пройти, – резко говорю я.

Но Кэл только улыбается мне. Он даже не шелохнулся, и я пытаюсь оттолкнуть его, но он хватает простыню, так что мне предстоит либо пройти мимо него полностью обнаженной, либо стоять на месте в простынях. Я тяну за край простыни, но он не отпускает ее. В силовом поединке Кэл всегда побеждает, так что мне остается только одно, чтобы сохранить достоинство. Я поднимаю руки, кружусь и остаюсь в чем мать родила.

– Теперь счастлив? – с сарказмом спрашиваю я.

– Ну, теперь ты носишь мой любимый наряд, – отвечает он с веселой улыбкой.

Кэл направляет на меня свой телефон, и я вижу вспышку.

– Ты же взрослый, Кэл! – я ударяю его, прежде чем зайти в свою гардеробную и захлопнуть дверь. Я осматриваюсь, нахожу на крючке свой халат и надеваю его. Затем отправляюсь к комоду, чтобы подумать, что надеть сегодня; надо выбраться из этого дома.

Я ныряю в теплую ванну, хватаю пульт от стерео позади себя и делаю

звук погромче, надеясь успокоить нервы. Заплетаю косичку и закрепляю ее, а потом понимаю, что это надо было сделать раньше. Бросаю взгляд на ногти и думаю, что пора делать маникюр, а затем устраиваюсь поудобнее и закрываю глаза, пытаюсь расслабиться.

На самом-то деле, мне не так уж и необходим новый маникюр. Это еще один пример того, какой избалованной я стала после свадьбы. Тот факт, что он в таком приоритете для меня – это еще одна дурная привычка, приобретенная мной с тех пор, как я с ним, наравне с длинным списком ругательств, никогда раньше не произносимых мною, но которыми я пользуюсь теперь. Иногда он заставляет меня показывать себя с худшей стороны, но, когда захочет, он может увидеть во мне самое лучшее. В большинстве случаев, только когда ему это надо. Я открываю глаза и замечаю, как он показывается в дверном проеме.

Черт, он незаметно подкрадывается ко мне. Клянусь, у него совсем бесшумная походка.

На нем одна из его многочисленных плотно облегающих серых футболок и пара темных джинс. И только черные «Ролексы» на запястье выбиваются из общей картины. У него всегда так: с первого взгляда можно подумать, что вся одежда из первого попавшегося магазина в местном торговом центре, а потом – сюрприз!

На нем часы за одиннадцать тысяч долларов или солнцезащитные очки за триста, и ты, так или иначе, узнаешь об этом.

Я замечаю, что на нем не та же одежда, что была раньше. Я удивлена: обычно его решение окончательно, когда он что-то выбирает. Кэл никогда не был таким человеком, который может передумать. С тех пор, как мы познакомились, он всегда был очень обстоятельным и точно знал, чего хочет, и поэтому мне любопытно, почему он переоделся. Я беру мочалку, опускаю ее в воду и провожу ею по ноге. Я знаю, что он здесь. И он знает, что я знаю это, но у меня нет никаких причин говорить с ним.

Кэл подходит к раковине, и я не могу не подумать, как ему хорошо с отросшими волосами. Такой себе только-встал-с-кровати стиль.

Он снимает часы, заставляя меня спросить себя: «Зачем?». Затем он добирается до стерео-панели над раковиной и нажимает на кнопку, переключая плейлист, который я слушала. Я закатываю глаза. Лучше не делать так в его присутствии. Моей первой мыслью было переключить музыку обратно, но я пришла сюда для того, чтобы расслабиться, и не позволю ему помешать мне.

– Как ты вообще это слушаешь? – в отвращении трясет головой Кэл.

Наконец-то он нашел тот плейлист, который ему нравится, и закрыл

панель стерео. Я уже открываю рот, чтобы оспорить его выбор, но затем понимаю, что мне нравится эта песня.

Должна признать, я много раз похищала его «Айпод». Его музыкальный вкус открыл для меня такие песни, которые я бы никогда не услышала, не познакомившись с ним. Ему вообще не нравится поп-музыка, его любимые жанры варьируются от альтернативного рока до «R'n'B», а преобладает классический рок.

Я заслушиваюсь и понимаю, что теперь он присаживается на край ванны позади меня, так что мы находимся примерно на одном уровне. Я пытаюсь разыграть удивление на лице, но он с пониманием улыбается мне. Футболка оттеняет его глаза.

Было бы куда проще, будь у него пивной животик, одышка или ужасный шрам. Я отворачиваюсь от него, продолжая намывать себя. Я смотрю на него только краешком глаза и не собираюсь полностью обращать на него свое внимание. К сожалению, он знает, что все внимание принадлежит ему, и дает мне это понять.

Кэл берет пульт от стерео и делает потише. Я продолжаю упорно не смотреть на него. Боковым зрением вижу, что на его губах играет улыбка. Он заходит за ванну и начинает нежно поглаживать меня по шее. Я прикусываю верхнюю губу, чтобы не застонать. Как же хорошо. Я мысленно проклинаяю его за то, что он так хорошо знает каждый чувствительный участок моего тела. Одно прикосновение, и мои гормоны заглушают всю злость, упрямство и трезвость ума. Я чувствую, как его руки принимаются скользить по моим плечам, разминая их. Я стараюсь сохранить равнодушие, продолжая мыться. Не знаю, улучшает это ситуацию или ухудшает. Я знаю, что Кэл хочет или хотел сказать мне что-то такое, что может действительно вывести меня из себя.

– Чего ты хочешь, Кэл? – вопрос вырывается у меня шепотом, хотя я не так собиралась его задать.

Он ничего не отвечает, но я чувствую на плече его губы, которые опускаются ниже по спине.

– Разве не очевидно? – шепчет он мне на ухо, а затем просовывает в него кончик языка.

В этот раз я не могу сдержать небольшой вздох. Я начинаю ерзать, пытаюсь освободиться от его объятий, но его руки оказываются между моих грудей, удерживая меня на месте, в то время как другая рука добирается до пупка, медленно продвигаясь вниз.

– Кэл, оставь меня... – я не могу закончить предложение, поскольку его палец проскальзывает в меня, найдя то самое место, которое и искал.

Я замираю от того, что его пальцы начинают колдовать в двух самых чувствительных местах моего тела. Выпрямляю ноги, и моя защитная линия поведения исчезает, как только я закрываю глаза и откидываюсь назад, давая ему полную свободу действий в осуществлении своего намеченного плана.

– Что ты там говорила? – его голос становится низким и крайне глубоким.

Мне хочется выцарапать ему глаза, но я решаю довольствоваться тем, что вцепилась пальцами ему в плечо, чувствуя, что скоро потеряю самообладание. Это мало влияет на него, и он ускоряет ритм. Я начинаю ерзать, неспособная контролировать свое учатившееся дыхание, чувствуя приближение оргазма. Как бы сильно я этого не хотела, лучше бы это не прекращалось.

– Вчера ты устроила небольшое шоу, – продолжает он, целуя меня в шею. – Я просто хотел, чтобы ты знала...

Я слышу его голос, и мне хочется надрать его высокомерную задницу, но через мгновение все во мне поднимается, и я даю этому волю, невольно выкрикивая его имя. Через минуту по телу проходит дрожь, и в это мгновение я просто на седьмом небе.

– Последнее слово за мной, – хихикает он, и это выводит меня из состояния экстаза. Я отталкиваю его, на его лице появляется одновременно раздраженная и довольная ухмылка.

– И даже не скажешь «спасибо»? – спрашивает он снисходительным тоном.

Я выбираюсь из ванны, истекая влагой во многих смыслах. Взяв халат с раковины, вижу, что он разлегся рядом с ней, и у меня возникает подлая идея.

– Лорен, не смей делать этого, – Кэл широко раскрывает глаза, будто читая мои мысли, и не успевает он достать меня, как я хватаю его часы и бросаю их в воду.

– Черт! – орет он и бросается к ванне.

Но слишком поздно.

– Черт, это было действительно злобно, Лорен, – Кэл беспомощно держит часы в руке. Я стараюсь не засмеяться. – Какого черта ты сделала это? – в ярости кричит он. Он хмурит брови и весь краснеет.

Я выбрасываю из головы мысль о том, как хорошо он сейчас выглядит.

– Потому что ты высокомерный кретин, вот почему! – мой голос набирает обороты.

Он думает, что может делать и говорить, что ему вздумается, не боясь

последствий. Кэл скептически качает головой и выходит из ванной, захлопывая за собой дверь.

Я мысленно улыбаюсь, но где-то внутри чувствую укол совести. Он бывает таким ребенком. Но осознание вины все еще осталось.

С долгожданным вздохом я спускаю воду из ванны. Затем быстро вытираюсь полотенцем, надеваю белье и халат. Подойдя к зеркалу, я распускаю волосы.

Кэл покупает дорогие вещи, но он не поверхностный. Он относится ко всем вещам с большой заботой. Начиная с самой дорогой машины и заканчивая самой дешевой рубашкой – он одинаково заботится обо всех вещах. Я ненавижу чувство вины или сожаления. Знаю, что он почти никогда их не испытывает. Ладно, может, я действительно перегнула палку.

Я собираюсь надеть свитер, но совесть побеждает. Если я собираюсь извиняться, да так, чтобы он простил меня, то чем меньше одежды, тем лучше. Я заглядываю в спальню и вижу, что он разговаривает по телефону. На этот раз на нем голубая рубашка и черные брюки. Я вижу его дорожную сумку и понимаю, что он снова уезжает. Я действительно хочу сжечь ее. Даже при том, что мы поссорились, я ощущаю слабость в животе от того, что он уезжает.

– Когда он будет там? – слышу я его вопрос.

– Около половины восьмого. Ты должен приехать через два часа, – чей-то голос рокочет в динамике телефона.

– Позвоню, как приеду, – отвечает Кэл.

Он садится на кровать и начинает обуваться. Я тихо сажусь рядом и пытаюсь угадать, как сильно он зол на меня.

– Часы ведь водонепроницаемые, – сухо говорю ему я, пытаюсь скрыть искренность в голосе.

– А если нет, разве тебе не было бы плевать на это? – спрашивает он, обводя взглядом мой наряд. Мне всегда нравилось, как он отвечает вопросом на вопрос.

– Да, возможно, я немного перегнула палку, – признаю я, наблюдая, как Кэл переобувается из кроссовок в черные мокасины.

Я надуваю губы, потому что он игнорирует меня. Я встаю с кровати и становлюсь перед ним, но он даже не удосуживается взглянуть на меня.

– А в этот раз все по-другому, потому что...? – спрашивает он без особого энтузиазма.

– Ты надолго едешь? – спрашиваю я, становясь между его бедер и целенаправленно игнорируя его предыдущий вопрос.

– А ты будешь скучать по мне? – спрашивает Кэл, но это скорее

утверждение, чем вопрос.

Он развязывает пояс моего халата. Я не отвечаю и смотрю ему прямо в глаза, зная, что мои все скажут за меня. Он заставляет халат соскользнуть с плеч и полностью снимает его с меня.

– Постарайся в следующий раз избавить меня от извинений, – его голос становится низким и гортанным, заставляя мое сердце биться чаще. Он пробегает взглядом по моему телу и останавливается на моих глазах. – Они ни к чему, – говорит он, расстегивая мой лифчик.

– Кто сказал, что я извиняюсь? – возражаю я, и он притягивает меня к себе.

Его губы сталкиваются с моими. Я не борюсь с его языком за право господства, а позволяю ему свободно исследовать мой рот. Я крепко обхватываю ногами его талию, и Кэл, полностью освободив меня от халата, бросает его на пол. Я начинаю расстегивать его рубашку, смотря ему в глаза. Клянусь, иногда он читает мои мысли.

К счастью, он может прочесть в моих глазах и то, что я не в силах сказать ему. По меньшей мере, я знаю, что чем дольше мы с ним будем заниматься любовью, тем дольше эта связь будет между нами, прежде чем он уйдет, так что я пытаюсь найти в этом утешение.

* * *

Вот уже второй раз за сегодня на мне нет ничего, кроме холодной простыни. Половина кровати, на которой лежал Кэл, теперь холодная. Сейчас он одевается после душа, и я знаю, что через час снова останусь одна. Вот как все происходит между нами в физическом плане: между нами нет никаких границ, и все мои потребности удовлетворяются, но все, что за этими пределами – никому не принадлежащая территория, и, кажется, мне никогда туда не попасть, даже одной ногой. Он превращается из внимательного, чуткого и связанного со мной мужчины в замкнутого, далекого и отстраненного, так что мне интересно, *почему я?*

Любая неизвестная женщина могла бы полностью удовлетворять все его нужды. Он никогда не подпустит меня к себе в любом другом плане, кроме как сексуальном. Мне становится труднее видеть разницу между женой и первоклассным эскортом.

– Я вернусь завтра... или, скорее всего, в четверг, – спокойно констатирует Кэл.

Я бросаю на него взгляд и отворачиваюсь. Не могу поверить, что до сих пор так расстраиваюсь, в конце концов, это превратилось в рутину. Я пытаюсь справиться со слезами. Он не заслуживает их.

Кэл присаживается рядом со мной.

– Что случилось? – спрашивает он с искренностью, переплетенной с сарказмом.

– Не знаю, Кэл. *Что* случилось? – с сарказмом спрашиваю я.

– В чем дело? Не похоже, что ты будешь скучать по мне, – он целует меня в плечо одним из тех поцелуев, которые могут заставить меня простить ему что угодно. – Знаю, но я буду скучать. Совсем немного.

Последние слова Кэл произносит игриво. Я смотрю, как он надевает пальто, затем берет свою сумку с вещами. Я могла бы практически пересказать эту сцену по памяти.

– Проводи меня до двери, – просит он, выходя из спальни.

Я начинаю укутываться в простынь.

– Оставь простынь. Пожалуйста, – Кэл улыбается с таким блеском в глазах, по которому я скучала.

Я чувствую, как начинаю краснеть, но слушаю его. Выхожу за дверь, которую он придерживает для меня, и весело закатываю глаза. Через мгновение я чувствую, как он шлепает меня по заду.

– Кэл! – кричу я, потирая свою саднящую задницу.

Я должна была предвидеть это.

Когда мы доходим до входной двери, я скрещиваю руки, так как начала замерзать, ведь стою без одежды.

– Не позднее четверга, – гримасничаю я.

– Посмотрим, что мне удастся сделать, – расплывчато обещает он.

– Ну, надеюсь, увижу тебя, – говорю я, раздраженная отсутствием ответа.

– Перестань гримасничать. У тебя это получается слишком сексуально, когда я ухожу, – произносит Кэл, прежде чем украсть у меня один быстрый поцелуй.

Я быстро закрываю за ним дверь. На нашем этаже только две квартиры, и во второй никто не живет, но я не хотела бы смутить каких-нибудь потенциальных жильцов.

Я прислоняюсь головой к двери. Клянусь, наши отношения как будто маятник или партия в теннис, но только правила устанавливает он. Когда все плохо, все действительно плохо. А когда все хорошо, все очень хорошо. Я одновременно люблю и ненавижу его. Но таков Кэл.

Иногда, даже если ненадолго, он забавный, веселый и открытый, как раньше. А иногда он может быть настоящим подонком, который кажется веселым только самому себе. Когда я впервые увидела его, я подумала, что он загадочный. Теперь я пытаюсь вспомнить, был ли он в таком же дурном настроении, когда мы встретились, или я просто ослепла от того, что он

выглядел так хорошо и беззаботно.

Глава 4

30 апреля 2008 года

– Да ты приоделась, – дразнит меня Хилари, моя соседка по комнате, пока я заплетаю французскую косу.

– Ну, он сказал, что мы немного повеселимся, так что я решила одеться повседневно, – защищаюсь я, ссылаясь на свитер и синие джинсы.

Конечно, она думает, что лучше бы надеть мало что прикрывающую юбку и облегающую блузку, именно так она одевается на свидания.

Мы с Хилари как день и ночь. Она – высокая статная блондинка. Ну, когда красится в свой натуральный цвет. Однажды я тоже была блондинкой, не очень удачный эксперимент. Обычно я брюнетка, а мой рост едва дотягивает до 165 см и это с каблуками. Я могу провести всю ночь за книгой или просмотром телевизора, а Хилари и слышать об этом не хочет, она много раз вытягивала меня с работы, чтобы тусить где-нибудь всю ночь.

Я не могу её винить. Мы обе выросли в небольших городках в штате Мичиган, но наше детство не могло быть таким похожим. Отец Хилари – широко известный священник, он держал её с сестрами в ежовых рукавицах. Она говорит, что мать не особо пыталась ему как-то помешать.

Мои родители погибли в автокатастрофе, когда мне было три, так что я не могу позволить себе жаловаться на чрезмерную заботу отца или на слишком робкую мать. Моя тетя Рейвен воспитала меня и довела до совершенства родительский баланс между дисциплиной и свободой, что не так уж и плохо для женщины, которая никогда не хотела детей.

Думаю, иметь такого отца, который никогда не позволил бы пойти дочке в школу танцев, означает только то, что дочь будет компенсировать потерянное время, наслаждаясь утраченной свободой. Где-то в глубине души я восхищаюсь независимостью Хилари. Она никогда не позволяет чему-нибудь сломать её и делает то, что хочет, несмотря на мнение других. Она перекрашивала свои длинные волнистые волосы в различные цвета больше раз, чем я могу сосчитать, и она единственная из моих знакомых, кто носит фиолетовые и зеленые контактные линзы поверх своих великолепных детских голубых глаз. Иногда я задаюсь вопросом, нет ли у неё биполярного расстройства.

– Может, когда он сказал «веселиться», он имел в виду именно это, – смеётся Хилари.

Я смотрю на неё и тоже смеюсь.

– Начнем с того, что я даже не знаю этого парня. Так что в «этом смысле» ни о каком «веселье» нет и речи, – заверяю я.

– Ну, конечно. Ведь Лорен Брукс не показывает первому встречному белье «Виктория Сикрет» под узкими брюками, – Хилари со смехом падает на мою кровать.

– Ещё пять секунд, и я запру тебя в комнате, – говорю в шутку, обувая кеды.

– Все равно сегодня не будет ничего *веселого*, – она с издёвкой подмигивает мне.

Я кривляюсь, а Хилари смеётся.

– Девочка, ты же знаешь, что я люблю тебя и хочу узнать всё о парне, который смог уболтать тебя пойти на свидание после одного бокала, – говорит Хилари, листая журнал на кровати.

– Мы не пили. На самом деле, он вообще не пьет, и я считаю это плюсом. Мы просто поболтали, и у нас оказалось много общего. Я подумала, что будет весело, – отвечаю я, поворачиваясь к ней.

Господи, прости меня за эту ложь. Мы говорили совсем недолго, его ждал клиент, и он спросил, не хочу ли я сходить куда-нибудь, прежде чем исчез в ночи, так сказать. Я не знаю, есть ли у нас что-то общее. Я знаю лишь то, что он один из самых сексуальных мужчин, которых я когда-либо видела и при виде него я буквально потеряла дар речи.

Не знаю, почему мне так не хочется рассказывать всё Хилари. По правде говоря, я смущена. Надеюсь, мои щеки не вспыхивают, когда я думаю о нём, я вообще не должна о нём думать, пока не схожу на свидание. Парень прислал смс по поводу встречи. Я надеялась на звонок, но вряд ли у нас получился бы хороший разговор.

– Много общего, да? – произносит подруга с сарказмом, как будто знает мой секрет.

– Да, много общего, – повторяю я, изображая невинность.

Моя соседка хочет сказать что-то ещё, но звонок в дверь прерывает её. Она подсакивает с кровати и стремительно кидается к двери, крича при этом:

– Я открою!

Я иду за курткой и сумкой, и ещё раз смотрю в зеркало. Выйдя из комнаты, вижу Кэла в дверном проёме, и выглядит он немного иначе, чем в прошлый раз. Пиджак и брюки сменились на футболку, кожаную куртку и тёмные джинсы. Но те серые глаза и очаровательная улыбка остаются при нём.

Хилари стоит рядом с открытым ртом. Полагаю, он произвел на неё такой же эффект, как тогда на меня. Но потом я сразу осознаю, что на ней свитер с очень глубоким декольте и леггинсы, которые обтягивают формы Хилари уж слишком туго. Это сейчас я удивляюсь, как вообще позволила своей чересчур сексуальной, полуобнаженной, милой соседке и её четвёртому размеру встречаться с ним. Я сразу осознаю, насколько консервативно выгляжу на её фоне.

– Ну что, красотка, готова? – спрашивает Кэл, на его лице мелькает дьявольская улыбка.

Он подходит ко мне и обнимает, отрывая от пола одной рукой и, даже не смотрит в сторону Хилари.

– Привет, – отвечаю я, задерживая дыхание, когда парень ставит меня обратно. Я застигнута врасплох и чуть не врезаюсь в подругу.

Замечаю, что она сама в шоке. Не думаю, что ей когда-нибудь случалось встречать кого-то, кто не обращает на неё никакого внимания, как Кэл сейчас.

Позже нам определённо придётся объясняться по поводу границ дозволенного Лорен Брукс, если он так обнимает меня на первом свидании. Даже если его одеколон, какой бы он там ни был, гипнотизирует меня. От Кэла так хорошо пахнет, что это должно быть незаконно.

– Можно тебя на минуточку? – произносит Хилари и утаскивает меня за руку, не дожидаясь ответа. Прежде чем мы ускользаем в мою комнату, я беспомощно улыбаюсь Кэлу, и он подмигивает мне, от этого в моем животе начинают порхать бабочки.

– Она сейчас вернется. Присаживайся пока, – информирует его Хилари. Как только мы заходим в комнату, она закрывает дверь и начинает тараторить. – Ты видела, как он только что игнорировал меня? Как это грубо, чёрт возьми! – резким тоном говорит подруга. Я сдерживаюсь, чтобы не смеяться, Хилари такая серьезная.

– Я уверена, что он поговорил бы с тобой, если бы ты не утащила нас в комнату за долю секунды, – я пытаюсь успокаивать её, хотя мне чрезвычайно весело.

– А что по поводу его объятий? Вы разве не только что познакомились? Да что он возомнил о себе? – говорит она, задерживая руку на бедре, и впервые в жизни я думаю, что моя соседка мне завидует. *Никогда* её такой не видела. Ещё я думаю, что всё, что говорит Хилари, очень иронично, если вспомнить, что она начинает встречаться с парнями сразу после знакомства. Один такой как раз появился на прошлой неделе.

– Но, за исключением всего этого, он чертовски сексуальный, –

сдаётся она с задумчивой улыбкой, снова становясь той подружкой, которую я знаю.

– Правда? – облегчённо вздыхаю и думаю, что не только я снова стала пятнадцатилетней девочкой с гормональным всплеском. Хилари удивлённо смотрит на меня. Обычно, для меня в парнях внешность не главное. Я не могу встречаться с кем-то страшным, но усвоила, что отношения не могут строиться только на внешней привлекательности. Последних двух парней, которые были очень крутыми, я едва выносила.

У моего первого парня, Дэниела, были карие глаза, волосы к ним в тон и самые очаровательные ямочки на щеках. Я знала его с детства. Моя тетя всегда говорила, что у него лицо ангела и дьявольский ум. Если бы я только понимала, как она была права. Когда мы с Дэниелом начали встречаться, мы оба были девственниками и пообещали, что будем первыми друг у друга. Я думала, что мы преодолели все трудности *после* того, как я переспала с ним. Спустя два дня, в *мой* восемнадцатый день рождения, он признался не только в том, что не был девственником, но также в том, что хочет попробовать секс втроем, с ещё одной девушкой, с которой он зажигал, пока ждал меня.

Потом был Майкл. Конечно, всё закончилось тем, что я застала его с девушкой на нашем рабочем месте, так что, положив руку на сердце, я должна держаться от Кэла подальше. Но что-то ещё в нём заставляет меня нервничать и чувствовать радость одновременно. Дело не во внешности. Помимо того, что он излучает свой сексуальный магнетизм, который я не могу описать, я никогда не чувствовала такого раньше и, вроде как, боюсь этого.

– Вау, – произносит Хилари, отрывая меня от мыслей.

– Что? – с любопытством спрашиваю я.

– Ты покраснела! – радостно восклицает она.

– Да нет, – отрицаю я.

– Лорен Брукс, если бы я не знала, что к чему, то подумала бы, что ты хочешь переспать с ним! – говорит она с ещё большим восторгом.

– Заткнись, Хилари, – громко шепчу я, надеясь, что Кэл нас не слышит.

– Да, ты хочешь. Я немного знаю о любви, но знаю всё-е-е о страсти, и ты прямо излучаешь её, – хихикает подружка, обвиняюще тыкая меня пальцем в грудь.

– Да от тебя так и несет желанием! Страсть с первого взгляда, – смеётся она.

– Шшш! – я прижимаю указательный палец к губам так сильно, как только могу. Она никогда не перестанет говорить об этом.

– Ладно, может, немного, – признаю я и уже начинаю сомневаться. – Знаешь что? Я никуда не пойду! – заявляю объявляющим тоном. Не знаю, о чём я думала. Не могу даже собраться с мыслями рядом с этим парнем. Почему я вообще должна с ним куда-то идти? Я не хочу повторения того же, что случилось с Майклом вперемешку с Дэниэлом. Кто знает, что мне придёт в голову?

– Что? Почему? Ты с ума сошла? – кричит она на меня.

Я озадаченно смотрю на Хилари. Минуту назад она так плохо отзывалась о нём, но как только начала думать, что я хочу с ним переспать, она вдруг обеими руками за.

– Но ты же говорила до этого... – говорю я, сбитая с толку.

– Ты спала с кем, с двумя парнями? С обоими ты была в отношениях. И, милая, не похоже, что он из тех парней, кто хочет встречаться, – объясняет она, усаживаясь на мою кровать.

– Окей, и снова, почему ты думаешь, что я спятила, раз не хочу идти с ним? – в замешательстве произношу я.

– Потому что ты хочешь его, Лорен! – восклицает моя подруга, как будто это для всех очевидно. Я потираю виски, полностью запутываясь в этой ситуации.

– Слушай, иди. Повеселись. Вынеси ему мозг, но будь готова к тому, что он скажет, что хочет...

Я поднимаю руку, заставляя Хилари замолчать. Не могу больше это слушать. От её болтовни у меня разболелась голова.

Но она продолжает:

– Лорен, нет ничего плохого в том, чтобы подцепить кого-то. Особенно после твоего последнего скучного секса под названием «давай-обменяемся-клятвами». Поверь, это тебя раскрепостит! И когда у тебя вообще что-то было в последний раз? Тебе вообще было хоть раз стыдно за что-нибудь? – спрашивает она так, будто я серьезно ей отвечаю.

– Я не собираюсь сейчас обсуждать это с тобой, – говорю я, направляясь к двери, но Хилари останавливает меня.

– Слушай, каждый встречный парень не станет «тем единственным». Некоторые парни просто созданы для того, чтобы трахаться. Именно для этого Бог их и создал! Ты на последнем курсе колледжа, а у тебя ещё не было того опыта первокурсницы, – говорит она с очень серьезным выражением лица. – И этот Кэл, вроде как, идеальный кандидат.

Я даже не знаю, с чего начать объяснять, насколько неправилен этот разговор.

– Откуда ты знаешь, что он хорош в постели? – с сарказмом

спрашиваю я.

– Ты разве не заметила, что у него большие ладони и стопы? – говорит Хилари, будто это и так всем понятно.

– Ладно, сейчас мы выходим отсюда и, Хилари, прошу тебя, не пялься больше на его ноги! – говорю я, прежде чем открываю дверь.

Я возвращаюсь в гостиную и вижу, что Кэл сидит на диване и разговаривает по телефону.

– Мы позаботимся об этом позже, – суровым голосом говорит парень и отключает звонок.

– Девушка? – в шутку спрашиваю я.

Он бросает на меня взгляд.

– Ревнуешь? – спрашивает Кэл, на его лице появляется улыбка.

– У тебя странное чувство юмора, – отвечаю я ему.

Кэл подмигивает мне, открывает дверь и позволяет мне пройти перед ним.

– Повеселитесь там, – нараспев произносит Хилари, когда мы уходим.

– Ты тоже, – Кэл слегка улыбается ей, и я уверена, что это хорошее завершение её дня.

– Ну что, куда мы идём? – с любопытством спрашиваю я, когда мы выходим из дома.

– Увидишь, когда приедем, – отвечает он и подводит меня к прекрасному черному мотоциклу. Я останавливаюсь, чтобы полюбоваться этим сексуальным куском железа на колесах. Байк почти что отвлекает меня от мыслей о том, куда мы едем.

– Это твой? – спрашиваю удивлённо. Мне мало что известно о байках, но я точно знаю, что те, где написано «Ламборгини», стоят недешево.

– Лорен Брукс, позволь представить тебе миссис Скотт, – Кэл гордо улыбается, с любовью хлопая по мотоциклу. Ох уж эти мальчики с их игрушками.

– Ну, мистер Скотт, я буду чувствовать себя более комфортно, когда узнаю, куда везёт меня незнакомец. Даже такой высокий и красивый, как ты, – честно говорю я ему.

Он поворачивается и смотрит на меня весёлым взглядом.

– Ты думаешь, что от меня будут одни неприятности, Лорен? – спрашивает Кэл, приближаясь ко мне.

Между нами остается только пара дюймов. Та самая волна жара, как в прошлый раз, проходит по моему телу. Я не удерживаюсь и нервно сглатываю. Пытаюсь придумать, как лучше сказать ему, что так и есть. Да, я действительно думаю, что от него нельзя ждать ничего хорошего. Я

просто не уверена, какой именно беды от него ждать.

– А ты, правда, такой? – игриво улыбаюсь, хоть и чертовски нервничаю.

Кэл наклоняет голову в правую сторону и некоторое время молчит, как будто раздумывает над ответом.

– Настолько, насколько ты хочешь меня таким видеть, – на его лице остается хулиганская ухмылка и, по какой-то причине, я прихожу от этого в восторг. Затем его улыбка смягчается.

– Но я гарантирую, что со мной ты будешь в безопасности, – искренне говорит он.

– Так что я могу допускать, что ты не серийный киллер, не убийца с топором и не сумасшедший психопат? – теперь я смеюсь немного нервно.

– Если только я могу предположить, что ты не одна из них, – резко возражает парень, садясь на мотоцикл.

Я чешу затылок. Сейчас или никогда. Я стою на нижней ступеньке, а Кэл уже сидит на байке, и у него нет большого страшного фургона... и он невероятно привлекательный.

– Ты знаешь, как забраться? – спрашивает парень, замечая, как я смотрю на него и байк.

– Ну, да, кажется. Я никогда не каталась на байках, ну, мотоциклах, раньше, – говорю я скептически.

– Буду рад покатать тебя в первый раз, – говорит он, и я забираюсь на байк. Меня переполняет восторг, а мы ещё, даже не трогаемся.

– И что теперь? – спрашиваю я, как будто на уроке.

– Не высовывай ноги и держись крепче, – Кэл протягивает мне шлем, и я смотрю на уродливый громоздкий предмет. Уже представляю, как вылетаю с мотоцикла с этой штукой на голове. Иди все к чёрту, живём один раз. Я качаю головой, отказываясь от шлема. Он улыбается, приподнимая бровь, как будто его удивляет мой ответ, но надевает очки и забирает у меня шлем.

– Держаться за что? – я не замечаю никаких поручней или ручек.

– За меня, – отвечает Кэл. Я вижу в зеркале, как улыбка расплзается по его лицу.

Ещё бы, Лорен! Я смеюсь над собой и нерешительно кладу руки по обе стороны его талии, ногами пытаюсь охватить байк.

– Готова? – спрашивает он.

– Да, – отвечаю я.

Мотор заводится и моё сердце начинает бешено колотиться. Кэл легко отталкивается от парковки и едет, довольно-таки медленно. Всё не так

ужасно.

– Это неплохо. Мне было немного страшно, – признаюсь я.

– Подожди немного.

Несколько минут спустя он выезжает на автостраду и разгоняется. Мне кажется, что я на американских горках. Пространство, которое остаётся между нами, теперь исчезает. Я невольно прижимаюсь к нему как можно сильнее, крепко обхватывая руками его талию. После нескольких минут невероятного страха я чувствую, что лечу.

– Это здорово! – кричу я и смеюсь.

Он кивает:

– Это самое близкое к полету ощущение, оставаясь при этом на земле.

Я смотрю на закат, он совершенно прекрасен. Не верю, что не делала этого раньше. Я на байке, со скоростью как минимум 70 миль в час, с мужчиной, которого почти не знаю. Но я бы не согласилась на нечто подобное с любимым, кого я давно знала.

* * *

– Не верю, что ты впервые прокатил меня на мотоцикле и устроил банджи-прыжки в один день, – говорю я со смехом и обмакиваю картошку фри в кетчуп.

Кэл только улыбается и принимается за гамбургер.

Я пытаюсь не смотреть на него слишком пристально. Я думала, что парень окажется совсем другим. Я хочу сказать, что дорогой костюм, VIP-зал в клубе, ухоженные руки с маникюром и стильно уложенные волосы – это не очень намекает на вождение мотоцикла и прыжки с моста.

– Ты не такой, как я ожидала, – признаюсь я.

Он смотрит на меня и приподнимает бровь, на губах играет улыбка.

– Не такой, как тогда в клубе, а такой, как сейчас?

– Да, – я улыбаюсь.

– Это плохо? – спрашивает он, его невероятные глаза флиртуют со мной.

– Нет! Просто... ты удивляешь меня. Когда я увидела тебя в клубе, я не ожидала, что ты окажешься таким уличным типом в кожаной куртке и джинсах.

Кэл ничего не говорит, но сияет улыбкой на миллион долларов.

– Так чем ещё удивительным ты занимаешься? – я провожу рукой по спутанным прядям, которые раньше были заплетены в косу. Интересно, может ли он определить, как сильно я нервничаю. Кэл уже открывает рот, чтобы сказать что-то, но затем останавливается.

– Что? – я замечаю это незначительное колебание.

– Не бери в голову. Ты уже говорила, какая у меня плохая репутация в твоих мыслях. Так что свои я оставлю при себе, – говорит он, притворяясь, что его это задевает.

– Теперь вы разжигаете моё любопытство, сэр. Уверена, что это в любом случае не изменит моё мнение о вас. Скажите, – требую я игриво.

Кэл поднимает бровь и наклоняется ко мне, я следую его примеру, как будто он собирается рассказать мне секрет.

– Я скорее покажу тебе, но думаю, ты из тех девушек, которые требуют ещё несколько свиданий до того, как всё случится.

Я почувствую, как у меня открывается рот. Он говорит о том, о чём я думаю? Парень наблюдает за мной, ожидая мою реакцию. Я решаю не подливать масла в огонь, по крайней мере, не так прямо.

– Мою соседку Хилари слегка разозлило, что ты не заговорил с ней раньше, – я решаю сменить тему, желая узнать его мысли. – Она не привыкла к тому, чтобы её игнорировали, как поступил ты.

– Уверен, что это правда, – хихикает он и я вопросительно поднимаю бровь, – Но я – не большинство. Нужно нечто большее, чем большая грудь и накрашенное лицо, чтобы привлечь моё внимание, – добавляет Кэл без пафоса. Меня немного ошеломляет его прямота. Он это замечает. – Я только имею ввиду, что в этом нет ничего особенного. Я вижу такое каждый день. Она милая девушка, но я уже видел таких, как она.

– А что именно значит, таких как она? – спрашиваю я с заметным раздражением в голосе. Мы с Хилари смотрим на мир под разными углами, и мы во многом не согласны друг с другом, но она моя подруга, и я не позволю ему плохо говорить о ней, не важно, что он невероятно крут.

Парень вздыхает, замечая мою готовность защищать её, и складывает руки вместе.

– Могу я быть на сто процентов откровенным с тобой? – спрашивает Кэл, и я нерешительно киваю. – Такие, как она, обычно пустые, требовательные, они садятся на чью-нибудь шею, чтобы повышать самооценку, перепрыгивая от одного парня к другому.

Он продолжает объяснять:

– Так что, погрязнув в своем себялюбии, она не понимает, что любой парень, который может её терпеть, делает это достаточно долго только для того, чтобы перепихнуться.

Его ответ застигает меня врасплох. Я не стану подтверждать или отрицать его слова, так что решаю перевести разговор в другое русло.

– Так ты говоришь, что тебя не интересует секс? – сама удивляюсь, как я такое спрашиваю.

Кэл скрещивает руки и сияет веселой улыбкой. Парень придвигается ко мне и я, как магнит, делаю то же самое.

– О, нет. Он меня *очень* интересуется, – его голос низкий и чувственный и на мгновение я думаю, что сейчас он поцелует меня. Я очень разочаровываюсь, когда Кэл отклоняется обратно. – Но это не значит, что я пересплю с любой девушкой, которая хлопает своими глазами с накладными ресницами. А как насчет тебя? – спрашивает он, фокусируя на мне пронизывающий взгляд серых глаз.

Я улыбаюсь, чтобы скрывать свою нервозность. Большинство парней, которых я встречала, не могли смотреть мне в глаза, и я это ненавижу, но такое ощущение, что его глаза смотрят прямо сквозь меня, и я не знаю, что хуже. Его прямота необычна, но неожиданна. Не знаю, что отвечать ему. Он такой честный, было бы лицемерно с моей стороны не отвечать так же.

– Ну, у меня это было о-очень давно, – я нервно запинаясь.

– Вообще-то, я имел в виду «чем тебе нравится заниматься», но мне жаль это слышать, – Кэл улыбается, поддразнивая меня.

Я думаю, что умру от смущения.

– О боже, – ною я и закрываю руками лицо.

Затем я чувствую, как его руки отводят мои от лица. Я удивленно смотрю на него, от его прикосновения у меня в животе порхают бабочки.

– Никогда больше не прячь от меня эти великолепные глаза, – говорит Кэл, и я смущаюсь ещё больше, но в этот раз я не чувствую себя так плохо.

– Ну, я на самом деле довольно скучная, – смеюсь я, разочарованная тем, что он отпускает мои руки.

– Уверен, что это не так, – парень заводит руки за голову.

– Мне нравится рисовать красками и карандашом, лепить... – говорю я.

– Значит, художница – улыбается он.

– Да, вроде того, – улыбаюсь я в ответ.

– И это то, чем ты хочешь заниматься по жизни? – спрашивает Кэл. Каким-то образом мне кажется, что ему действительно интересно, и что он говорит это не просто для поддержания разговора.

– Ну, лепить и рисовать красками – это больше как хобби, но я обожаю рисовать карандашом. Если бы я могла просыпаться каждый день и зарабатывать этим на жизнь, было бы здорово. К сожалению, художники не очень востребованы, так что я не знаю, как далеко смогу зайти в профессиональном плане, – вздыхаю я.

– И у тебя хорошо получается? – спрашивает он.

Меня немного застаёт врасплох этот вопрос.

– Ну, я надеюсь. Если бы у меня не получалось то, что я так люблю, наверное, это разбило бы мне сердце, – замечаю я со смешком.

– И мне можно увидеть твои работы? – спрашивает Кэл.

– Не знаю, это вроде как личное, – отвечаю я нерешительно.

– Если ты хочешь потрясти весь мир, тебе придётся сначала показать рисунки, – говорит парень непринужденно и во второй раз я не нахожу, что ответить. – И ты можешь практиковаться на мне, – предлагает он.

– Может быть, – я ухмыляюсь, – Так ты из Чикаго?

– Я живу здесь большую часть своей жизни, – отвечает Кэл. – А ты?

– Нет, я поступила здесь в университет. Я родилась в Мичигане, в Сагино, если точнее.

– Красивая, умная, да ещё из Сагино, я бывал там раньше, – говорит он.

– Правда? Я раньше не встречала никого из Чикаго, кто добровольно бы поехал в Сагино, – отвечаю я удивлённо.

– Я знал нескольких людей из этих мест, – говорит парень, кривя рот. – Тебе там не нравилось?

– Нет, я люблю этот город. Это ведь мой дом, я там выросла. Просто там не очень много возможностей. Ну, ты ведь был там, должен понимать.

Он кивает.

– Странно, что мы начинаем ценить что-то, только когда теряем, – продолжаю я. – Когда я была моложе, я всегда мечтала перебраться в Чикаго и никогда не оглядываться. Но вот я здесь и мне не терпится поехать обратно ненадолго.

– Значит, ты девушка из глубинки? – шутит он.

– Можно и так сказать, – я смеюсь. – Это плохо?

– Вовсе нет, – отвечает Кэл убедительно.

Мой телефон вибрирует. Я смотрю, кто звонит, и вижу имя Хилари. Почему я не отключила его и почему она не написала мне смс? Я закатываю глаза.

– Мне лучше ответить, – говорю я со вздохом и нажимаю на кнопку «Ответить». – Алло?

– Привет! Ну как вы там? – спрашивает она громко и восторженно. Я знаю, что Кэлу всё слышно.

Я смотрю на него, и он улыбается.

– Извини, я на минуточку, – смеюсь я, встаю из-за стола и иду в другую часть ресторана. – Всё в порядке, – отвечаю я Хилари.

– Так что вы делаете? Куда вы поехали? Ты уже целовала его? Рассказывай мне всё! – требует подруга.

– Ты не можешь подождать, пока я вернусь домой? – смеюсь я.

– Ну, да. Просто уже час ночи и, поскольку, я самый лучший человек на земле, я решила поступить по-матерински и проверить, всё ли у тебя в порядке.

Больше похоже на то, что кто-то суёт нос не в свои дела. Я улыбаюсь.

– Спасибо, мам. Стой, ты говоришь, уже *час*? – недоверчиво спрашиваю я.

– Да! Ты никогда не уходишь так надолго, ну за исключением твоей работы! Вот почему я решила проверить, как ты там. Да, и к твоему сведению, твой начальник звонил трижды. Он сказал, чтобы ты перезвонила ему как можно скорее или что-то типа того.

Чего он хочет?

– Хорошо, спасибо, Хил. Я собираюсь положить трубку примерно через 3 секунды. Но мы ещё поговорим, когда вернусь, – я сообщаю ей шутя.

– Стой! Перед этим ты должна сказать мне, собираешься ли ты с ним переспать, – говорит она небрежно. Я закатываю глаза и ничего не отвечаю.

– Ну же, Лорен! Мне чертовски скучно! Пожалуйста, развлеки меня. Расскажи мне *что-нибудь*. Я, ведь, здесь одна всю ночь.

Я рада слышать это. Теперь я знаю, что мне удастся нормально поспать сегодня.

– Хилари, мы ещё даже не целовались, – говорю я почти разочарованно.

– Ну, ночь или вернее утро только начинается, – поёт она.

– Посмотрим. Мне надо идти. Поговорим позже, Хил.

– Конечно, ведь ты расскажешь мне всё, иначе я заберусь к тебе в кровать, – шутит подруга. По крайней мере, я на это надеюсь.

– Ладно, Хилари, – отвечаю я и кладу трубку.

Я возвращаюсь к столику.

– Всё в порядке? – спрашивает Кэл.

– Да, Хилари беспокоится обо мне, – смеюсь я.

Парень бросает взгляд на часы и хмурится.

– Да, наверное, уже пора, – он встаёт, залезает в карман куртки и достаёт кошелёк.

– Знаешь, я могу платить за ужин. Ты уже и так заплатил за всё остальное, – говорю я и открываю свою сумочку.

– Это я пригласил тебя на свидание. Вот в чём суть, – смеётся Кэл.

– Но... – настаиваю я.

– Когда ты пригласишь меня, тогда и можешь платить, – подмигивает он и кладёт на стол полтинник. Я знаю, что наш заказ стоит не так много.

Парень смотрит на меня и видит моё удивление...

– Не волнуйся. У меня довольно неплохая работа, – он улыбается, направляясь к выходу.

Я быстро накидываю куртку и следую за ним.

– Я никогда не спрашивала, а чем ты занимаешься? – говорю я, проскальзывая через открытую дверь, которую Кэл держит для меня. Он игнорирует мой вопрос, отвлекая меня волнующей поездкой на мотоцикле.

* * *

Я открываю глаза и слышу, как Кэл выключает двигатель. Успокаивающий шум мотора и мягкая поездка почти усыпили меня. Я оглядываюсь и вижу, что мы стоим у входной двери моего дома. Отпускаю его и слезаю с байка. У меня возникает сильное желание потянуться. Мы ехали больше часа.

– Должна сказать тебе, что я влюбилась в эту машину, – говорю я полушутливо.

Он смотрит на байк и улыбается.

– Она на всех так действует, – шутит парень, затем слезает и нежно похлопывает по бензобаку. Он проводит меня до двери.

– Это один из моих самых интересных дней за долгое время, мне, правда, было весело, – говорю я ему.

– Ты не такая скучная, какой хочешь казаться, – поддразнивает меня Кэл.

– Просто сегодня я в хорошем настроении, – отвечаю я.

Чем больше мне нравится всё происходящее сегодня, тем чаще я представляю себе этот момент, думая о нём весь день и спрашивая себя, случится ли он на самом деле. Сегодня вечером было несколько удобных моментов, когда я думала, что Кэл вот-вот меня поцелует, и ничего. Я знаю наверняка, что парень не боится или нервничает по этому поводу. В конце концов, он ведь оторвал меня от пола в страстном объятии, когда здоровался со мной. Но Кэл только и делал, что удивлял меня весь вечер. Может, он вообще не собирается меня целовать. Я нелепа. Обычно я сама не хочу, чтобы меня целовали на свиданиях, а теперь, когда я хочу этого, ничего не случается.

– Ну, спасибо тебе за всё, – говорю я, направляясь к входу. Я хотела зайти внутрь прежде, чем он увидит, насколько я разочарована.

– Я хотел... – начинает Кэл, но его перебивает мой зазвонивший телефон. – Можно? – спрашивает он, указывая на телефон. Я неуверенно

смотрю на него. Прежде чем я могу что-то сказать, он берёт мой телефон и отвечает. Меня немного возмущает то, что он так и не дождался моего разрешения, но затем я понимаю, кто звонит.

Кэл перебивает смущённый голос на другом конце провода:

– Нет. Это Кэл. Лорен перезвонит позже, в более подходящее время. Тебе не кажется, что это не лучшая идея звонить приличной девушке в такой поздний час? – он весело отчитывает собеседника, кладёт трубку и сияет невинной улыбкой. Это был Майкл.

Я не выдерживаю и смеюсь. Потом мне становится любопытно, почему Майкл звонит мне в два часа ночи. Наверное, он напился и снова пытался извиниться в надежде, что я сдамся и приглашу его к себе. Такого не будет.

Я смотрю на Кэла, он невинно пожимает плечами. Парень передаёт мне телефон, и я вспоминаю, что он ответил без моего разрешения, поэтому хмурюсь.

– Ты ведь не злишься, правда? – спрашивает он, по-видимому, удивленный.

Я действительно думаю, что получилось забавно, но он не должен думать, что это нормально. Что если бы я хотела, чтобы Майкл зашёл? Не то, что бы я *когда-нибудь* этого захотела, но все-таки.

– Нет. Но вдруг это был важный звонок. И ты спросил, но не дождался ответа, – говорю я твёрдым голосом, и впервые за весь вечер я не нервничаю. Кэл смеётся, как будто находится в шоке и меня это немного обижает.

– Спокойной ночи, Кэл, – я поворачиваюсь к двери, чтобы открыть её, но парень берёт меня за руку.

– Просто обычно мне не приходится спрашивать разрешения взять что-либо. Так что я не привык ждать ответа, – отвечает он шутливым тоном, но его лицо серьёзное.

– Тогда, наверное, тебе стоит поработать над этим, – говорю я с сарказмом, радуясь тому, что, наконец-то, проявляю хладнокровие с тех пор, как мы познакомились.

– Ну, так можно тебя поцеловать? – спрашивает Кэл, подступая ближе ко мне, флиртуя со мной глазами. От этого у меня сбивается дыхание. От него так хорошо пахнет, но нет. Я игнорирую то, как он хорошо выглядит и пахнет. Ему надо дать урок о том, что нельзя получать всё, чего он хочет, или делать, что ему вздумается. Теперь я объясню ему границы приличия Лорен Брукс.

– Кэл, ты мне нравишься, но ты должен... – прежде чем я успеваю

закончить, парень прижимает меня к себе, как уже делал раньше, но в этот раз его губы устремляются к моим.

Я обхватываю его шею руками, чтобы удержать равновесие. Я не знаю, как реагировать, но моё тело начинает отвечать, когда Кэл целует мою нижнюю губу. Вскоре я открываю рот, впуская его язык. Я чувствую лёгкое головокружение, по спине бегут мурашки, когда парень выводит пальцами круги на моей пояснице.

Я чувствую, что он улыбается, его рука пробегает по моим волосам и останавливается на затылке, а вторая забирается мне под свитер. Ощущение его кожи на моей действует на меня так, как я ещё не готова испытывать. Его пальцы начинают выводить те же круги, но ткань уже не мешает мне ощущать тепло его кожи и холодный ветер. От этого по телу проходит жар, и теперь я разгорячённая, беспокойная и... неудовлетворённая. Если наш поцелуй зайдёт дальше, меня унесёт. Но я хочу большего.

Я сильнее обнимаю руками его шею, тело требует быть ближе к нему, почти что действуя по-своему. В ответ его руки опускаются по обе стороны талии, притягивая меня к себе сильнее, Кэл прижимает меня к двери, или, может, к стене. Не могу сказать наверняка. Но теперь я зажата между ним и чем-то ещё. Я чувствую, как его сердце бьётся быстрее или это моё, мы так близко друг к другу, что я не могу различать. Пробегаю руками по его груди, поглаживаю холодную кожаную куртку. Я никогда еще так сильно не хотела ощущать прикосновение обнажённой кожи, и я понимаю, что у меня в голове начинают появляться сумасшедшие мысли, например, если бы на мне было платье, всё было бы намного проще; или если бы он был на машине, как быстро мы бы уже оказались в ней. Я думаю над тем, крепко ли сейчас спит Хилари, и может ли она услышать нас, если я приведу его к себе. Я понимаю, что ещё чуть-чуть, и я совершу что-то совершенно глупое и, собирая всю силу воли, я готовлюсь оторваться от поцелуя. Но перед тем, как я делаю это, Кэл сам отодвигается от меня. Мне моментально не хватает жара его губ.

– Лорен, – шепчет он мне на ухо, заставляя меня опуститься на землю.

Я как в дурмане. У меня не получится говорить с ним сейчас. Мне нужна минута, чтобы собраться с мыслями. Ну, Лорен, давай включай голову. Ты собиралась объяснить ему свои правила.

Я смотрю на него, и парень облизывает губы, его ладони опускаются мне на талию. Он наклоняется и прислоняется своим лбом к моему.

– Я лучше пойду, потому что если останусь ещё на минуту, то *наделаю* глупостей, – говорит он опасно низким голосом. Но его улыбка такая

невинная, как у бойскаута. Я киваю, не способная сказать ни слова.

– Спокойной ночи, красавица, – Кэл целует меня под ухом, и моё сердце трепещет. Через секунду он уже идёт к мотоциклу, но останавливается на полпути и поворачивается ко мне.

– Да, и я поработаю над тем, чтобы правильно просить что-нибудь, обещаю, – говорит он, возвращаясь к своему байку.

На моём лице появляется улыбка. Кэл забирается на байк, останавливается ненадолго и наклоняется к рулю.

– Вы заходите, мисс Брукс? – спрашивает он с ноткой сарказма в голосе, вызываясь сверкая глазами. Моё тело кричит: «*Чёрт, нет, я поеду с тобой*» и он, как будто, читает мои мысли. – Или поедешь со мной? – дразнит меня парень, и я задумываюсь. Я, правда, раздумываю над этим! Но разум побеждает настойчивость моего тела, как будто управляясь от нокаута.

– Нет, ты же сам сказал, *приличные* девушки не могут гулять так поздно, – дразню я его в ответ, и он смеётся.

Я вытаскиваю ключи и открываю дверь.

– Спокойной ночи, – все, что я могу сказать и, прежде чем закрыть дверь, я смотрю на него. Кэл машет мне рукой и приятно улыбается. Я закрываю дверь и надеюсь, что не расплываюсь в глупой улыбке.

Мой телефон опять звонит, и у меня бьётся сердце от мысли, что это Кэл. Но это всего лишь Майкл. Наверное, он в ярости от выходки Кэла, но я тоже в ярости, правда, по совершенно другой причине и *совершенно* другим образом.

Как только я вхожу в квартиру, слышу рёв мотора и бегу к окну. Мимолетом вижу, как Кэл поворачивает за угол, и весь остаток ночи я мечтаю о том, что могло бы произойти, если бы я поехала с ним.

Глава 5

5 мая 2011 года

– Ты что, блин, издеваешься, Кэл? – я убеждаюсь, что в моём голосе он отчётливо слышит недоверие. Но это ведь Кэл, я должна предугадывать его ответ.

– Успокойся, детка, – говорит он спокойно.

– Не называй меня деткой, Кэл! Ты сказал, что будешь дома в понедельник, а сейчас уже четверг! – ору я, меряя комнату шагами.

– Я знаю. Дела пошли в гору, – объясняет он. Его голос звучит отвлечённо, что бесит меня ещё больше.

– Дела пошли в гору, да? Что, чёрт возьми, там появилось из ниоткуда и задержало тебя почти на неделю? – кричу я в трубку.

– Знаешь что? Поговорим, когда ты успокоишься, – он кладёт трубку. Снова.

Я рычу и в порыве отчаяния кидаю телефон на кровать. Как обычно, наши разговоры заканчиваются тем, что я готова ударить его в лицо, но его, как на зло, здесь нет.

Он вообще не звонил, только прислал смс, где писал, что если я буду вести себя хорошо (чёрт его знает, что это значит), то он приедет сегодня. Я не знаю, где он был и с кем, но во время нашего разговора он не понял всю серьёзность ситуации и думал, что если просто отключился, то это остановит меня. О, он ошибается! Я ещё не закончила. Я хватаю телефон, нажимаю на предыдущий звонок и жду, пока он возьмёт трубку.

– Да, – резко отвечает он.

– Кэл, ты такой эгоистичный придурок!

Ответа не следует, поэтому я смотрю на экран и вижу, что звонок завершён. Я замахваюсь и швыряю подушку с кровати через всю комнату. Он почти никогда не спорит со мной! Я никогда не могу добиться от него нормального ответа. Он игнорирует меня, смеётся надо мной, или, когда он дома, просто поднимает меня и несёт в другую часть дома, что бесит меня больше всего. Как можно спорить с тем, кто ничего не отвечает? Но если учесть, что спор подразумевает общение, то нет ничего удивительного в том, что он никогда со мной не спорит. Кэл возвёл кирпичную стену, и я устала сквозь неё пробиваться.

Я никогда не думала, что с нами может такое случиться. Я знаю, что он может быть закрытым, но никогда не могла и подумать, что это произойдёт так скоро. Иногда я хочу вернуться в ту первую минуту нашего знакомства и сказать себе: «Беги от него!».

Телефон в моей руке звонит снова. Это он. Я нажимаю кнопку «Ответить», но продолжаю молчать.

– Ты закончила?

Я прикусываю язык, подавляя упрямое желание обзывать его, как только можно.

– Кэл, ты где? – спрашиваю я, как можно спокойней.

– Я буду дома завтра, – он игнорирует мой вопрос. Я слышу рёв фоновой музыки и это очень похоже на...

– Ты что, в клубе? – мой голос почти поднимается до визга на последнем слове, я не могу поверить своим ушам.

– Где-то в два, – продолжает он, очевидно, намеренно, игнорируя

меня.

– Кэл, ты что, в чёртовом клубе? – в этот раз о спокойном голосе не может быть и речи. Он в чёртовом клубе. Бог его знает где, а он говорил мне, что придет сегодня. Я делаю глубокий вдох. От злости у меня трясутся руки, но я заставляю голос успокоиться.

– Меня тошнит от всего этого дерьма, Кэл. Мне плевать, когда ты вернёшься, потому что меня здесь уже не будет, – и я оказываю ему ту же любезность, что и он мне минуту назад. Я бросаю трубку. Больше не буду это терпеть. Я не его коврик для ног под дверью. Он не может делать что хочет, а потом приходит домой, когда ему вздумается без какой-либо причины. Это конец. Я больше не буду играть с ним в эти игры.

Я хорошая, ну, *была* хорошей женой. Не знаю, понимает ли он это, но точно знаю, что он не ценит, как сильно я его люблю. Из всех мужчин, в которых можно было влюбиться, почему это должен был быть он, совершенно неспособный показывать свою любовь, *особенно* жене?

До нашей свадьбы я знала, что Кэл любит меня. Он заставлял меня чувствовать самым важным для него человеком. Вспоминая то время, я думаю, что может я так сильно влюбилась в него, что совсем не замечала, что он любит только себя. Кэл *говорит*, что любит меня, но его поступки доказывают, что ему плевать.

Звонит домашний телефон, отрывая меня от моих мыслей, и я его отключаю. Не хочу больше говорить с ним, или, вернее, слушать, как он отчитывает меня. Я иду в гардеробную за чемоданом. Открываю все ящики и начинаю наобум вытаскивать вещи и кидать их в чемодан. И игнорирую те, что забиты красивым бельём, которое я надеваю только для него.

Я слежу за питанием и каждый день занимаюсь спортом, так что моё тело всё ещё привлекательно для него. Но ему всё равно, ведь надо бывать дома почаще, чтобы замечать это. Я достаю из шкафа ещё пару рубашек и штанов и, тоже, бросаю их в чемодан. Затем я возвращаюсь в комнату, обуваю кожаные сапоги и смотрю на себя в зеркало. На мне чёрный кашемировый свитер и леггинсы. Я потратила два часа, чтобы накрутить волосы. Я выгляжу мило. Я ждала его как дура, потому что поверила, что он вернётся домой, когда сказал.

Мобильник звонит снова. В порыве гнева я выхожу на балкон и с удовлетворением выбрасываю телефон. Так он перестаёт звонить.

Чувствуя себя намного лучше, я возвращаюсь в комнату и попытаюсь застегнуть чемодан, но в нём слишком много вещей. Конечно, если бы я сложила всё аккуратно, то это решило бы проблему, но, у меня нет

настроения с этим возиться. Усаживаюсь на чемодан и принимаюсь утрамбовывать его содержимое, пока, наконец, не могу его закрыть.

Я хватаю кожаную куртку, которую он подарил мне на медовый месяц и швыряю через всю комнату. Мне тошно от мысли, что я надена её. В шкафу я нахожу другую кожанку, которую купила сама. Хватаю чемодан, довольно большой, полностью забитый и чертовски тяжёлый. Слава Богу, он на колёсиках, иначе у меня были бы серьёзные проблемы. Я вытаскиваю его в холл и ставлю у лестницы, затем переворачиваю набок и пинаю. Он останавливается посередине лестницы, так что я пинаю его до первого этажа.

Внизу я хватаю ручку и качу чемодан к входной двери. Я осматриваю этот красивый пентхаус, как я раньше думала, с его окнами на всю стену, дорогой мебелью, новейшей электроникой. Но в своих мыслях я вижу лишь зарешёченные окна и холодную кровать – это тюрьма, где я обитала в тишине. Ладно, это ложь, я натворила много всего, но на всё были причины. Я чувствую, как к глазам подступают слёзы, и стараюсь с ними справиться. Я действительно не должна плакать, он этого не стоит.

Проигрывая эту битву, я вытираю слёзы и замечаю на пальце своё эффектное кольцо. Оно ничего не значит. Я снимаю его и швыряю на столик у двери, прямо туда, куда Кэл кладёт свои ключи, когда приходит домой. По крайней мере, он не сможет его не заметить.

Делаю глубокий вздох, открываю дверь и направляюсь к лифту, таща за собой чемодан. Я могу спокойно не закрывать дверь. Охрана здесь лучше, чем в любом казино Вегаса, так что шансы быть ограбленным очень малы. Не говоря уж о том, что мы на десятом этаже. Я нажимаю кнопку лифта и отхожу назад в ожидании, нервно играя с волосами.

Не знаю, даже куда мне идти. Ну, было бы логично, если бы я поехала к тёте Рейвен, но не уверена, что хочу ехать туда. Вместо того чтобы засыпать меня объятиями с поцелуями, она, вероятно, засыплет меня вопросами и советами, типа «Что происходит?» и «Тебе правда нужно поговорить с ним». Я не в том настроении, чтобы слушать это прямо сейчас. Но у меня всё еще нет плана. Мне надо выдумать что-нибудь для неё. И надо думать о том, чего я хочу и что собираюсь делать. Я так долго была с Кэлом, что не могу даже вспомнить, когда я была без него. Я растворилась в нём, чего не должна делать женщина ни с одним мужчиной.

Приезжает лифт. Я ставлю чемодан и нажимаю на кнопку «Гараж». В животе появляется неприятное ощущение, пока я спускаюсь, напоминая мне о тех бабочках, которые появлялись у меня, когда мы с Кэлом только встретились. Наконец-то лифт приезжает, двери открываются, и я вижу

парковку. Кэл ненавидит, когда я спускаюсь сюда одна, но я всегда твержу, что здесь повсюду камеры и охранник Джефф, которому я только что махала; он следит за всем как ястреб.

Я направляюсь к нашим парковочным местам и останавливаюсь возле белого мерседеса, который Кэл подарил мне на день рождения. Помню, как я встала в то утро с завязанными глазами, и он повёл меня вниз. Там я нашла ювелирную коробочку, в которой лежало прекрасное изумрудное ожерелье. Я была в таком восторге от него, что не заметила ключи от машины, хотя я спрашивала себя, почему это он привёл меня на парковку, чтобы подарить ожерелье.

Это был один из тех хороших дней, но сейчас это только воспоминание. Нет смысла фантазировать, размышляя о прошлом, когда я живу в настоящем, хоть оно и оказалось неудачным. Сколько ещё я буду держаться за воспоминания, если они выцветают с каждым днем все больше и больше? Я открываю багажник, кладу туда чемодан и захопываю его. Глубоко вздыхая, я сажусь в машину и закрываю дверь. Откидываясь на спинку кресла и хватаясь за руль, я сижу неподвижно какое-то время. Вдруг, на меня с чудовищной силой нахлынули мысли о том, что я делаю, и я прислоняюсь головой к рулю.

– И что мне теперь делать? – тихо спрашиваю я саму себя.

Глава 6

3 мая 2008 года

– Не могу поверить, что ты хотела с ним переспать, – смеётся Энджела, вытирая барную стойку.

Мы проводим инвентаризацию всех алкогольных напитков, обычное дело до открытия клуба. Это Энджела потянула за кое-какие ниточки, чтобы меня взяли сюда на работу. Её мама училась в колледже вместе с моей тётёй Рейвен и, к счастью, они оставались на связи, так что когда я переехала в большой город, я не была какой-то безызвестной девушкой без друзей. Энджела устроила меня на эту работу и познакомила с Хилари, которая искала соседку по комнате, чтобы делить с ней аренду.

– Знаю. Такое ощущение, что я – Хилари, – шучу я и притаскиваю ящик «Patron Tequila».

– Нет, она переспала бы с ним прямо на пороге, – хихикает Энджела.

– По её словам, я так и должна была сделать. Она сказала, что это «освободило бы меня», – говорю я, показывая воображаемые кавычки.

Энджела смеётся, а потом вздыхает:

– Ну, я скажу, что мы живём только один раз. Но ты не должна делать ничего такого, о чём потом будешь жалеть, – её тон меняется от игривого до серьёзного по мере того, как она это произносит.

– Так, когда вы снова увидите? – спрашивает Энджи легкомысленно.

– Не знаю. Жду звонка. Он ещё не звонил, – признаюсь я неохотно.

– После такого поцелуя он точно позвонит. Тебе надо думать над тем, почему ты откажешь ему в следующий раз, если он заедет за тобой на машине, – она подталкивает меня локтем, и мы смеёмся до того, как Энджела замечает кого-то в двери. – Смотри, кто сюда заходит, – язвительно говорит она.

Я оборачиваюсь и вижу Майкла. Какая ирония, одно из моих самых больших разочарований идёт прямо ко мне.

– Знаешь, для того, кто здесь больше не работает, ты проводишь тут ужасно много времени. Ты разве не должен ловить преступников? – издевается она, шутливо ударяя его тряпкой. Теперь он работает охранником на полставки.

– И тебе добрый день, Энджи, – Майкл ухмыляется, проходя мимо неё.

– Была доброй, пока ты не пришёл, – поёт Энджела и возвращается обратно, закручивая волосы в пучок и оставляя нас одних.

– Лорен, надо поговорить, – говорит парень, и серьёзность в его голосе сменяет игривость.

Я поднимаю одну бровь.

– Нет, Майкл. Нам не надо говорить, – отвечаю я коротко и прохожу мимо него. Я чувствую, как он подходит ко мне сзади.

– Пожалуйста, – настаивает он, беря меня за руку.

– Майкл, мы с тобой не разговаривали уже два месяца. Что теперь поменялось? – спрашиваю я, вырываясь.

Он минуту стоит молча, а затем выпаливает:

– Я скучаю по тебе. И хочу, чтобы мы, по крайней мере, были друзьями. Как вы со Стивеном. Ведь вы расстались и остались друзьями!

В этот раз, обе мои брови устремляются вверх.

– Серьёзно? Мы со Стивеном ходили на свидание только два раза. Мы не были в отношениях, и он не счёл необходимым переспать с другой девчонкой, пока я работала наверху, – говорю я злее, чем намереваюсь.

– Лорен, не знаю, о чём я думал в ту ночь. Если бы ты только выслушала...

– Ты слишком много болтаешь. И ты не говоришь ничего такого, что стоит слушать, – прерываю я его.

– Я облажался. Мне жаль, очень жаль! – он смотрит умоляющими

глазами.

На мгновение я думаю, что Майкл говорит искренне. Но потом я возвращаюсь в мыслях к той блондинке, которую он прижал к стене в подсобке, её юбка задралась, его штаны спущены, и как он врал, что ничего не случилось... я запомнила его только как лгуна.

– Извинения приняты. Счастлив? – я озаряю его фальшивой улыбкой и собираюсь уходить, но он снова хватается меня за руку. Я смотрю на него убийственным взглядом.

– Не трогай меня, – предупреждаю я его ледяным тоном.

Майкл игнорирует:

– Если бы ты только дала мне шанс поговорить с тобой, – умоляет он.

Я выдёргиваю свою руку.

– О чём, Майкл? О чём ты хочешь со мной поговорить? – кричу я на него, размахивая руками.

– О том, что я сделал той ночью. С тех пор я жалею об этом каждый день. Если б я мог исправить это, я бы так и сделал, но не могу. Я продолжаю пытаться вспомнить, о чём я тогда думал, и в чём была проблема, но я могу списать всё это только на то, что был пьян, как идиот. Я никогда в жизни не хотел тебя так обидеть. Я просто... – он останавливается на полуслове, я слежу за его взглядом и вижу, как входит Энджела.

– Лорен, кое-кто хочет тебя видеть, – улыбается она, не забывая закатить глаза при виде него.

– Майкл, я уже говорила тебе, меня это не волнует, мы больше не вместе и это теперь меня не касается. Мне плевать, что ты сделал, что ты делаешь и что собираешься делать. Я живу дальше и просто хочу, чтобы ты оставил меня в покое, – говорю я ему и ухожу.

Мне понадобилось сделать глубокий вдох, прежде чем выйти из комнаты. Он никогда не узнает, как это было для меня тяжёло. У нас с Майклом были сложные отношения с самого начала. Я только что порвала с другим, вроде как, согласилась остаться друзьями со Стивенем, и одной ночью, немного перебрав с выпивкой, он поцеловал меня, с того момента мы вроде как начали встречаться. В конце концов, я думаю, что нам нужно всё списать на влечение по пьяни вместо того, чтобы быть вместе. Но мы все знаем, что они думают по поводу прошлого...

За баром сидел Джейсон, тот самый парень из газеты.

– Эй, Лорен, – он встаёт, когда я подхожу к нему.

– Привет, Джейсон, – говорю я неуверенно. В конце концов, когда мы говорили с ним в прошлый раз, он кинул меня.

– Я только хотел извиниться за тот вечер, – начинает он.

– Всё в порядке, – я улыбаюсь ему. По правде говоря, если бы он не кинул меня тогда, я никогда бы не вышла подышать свежим воздухом, а это значит, что я никогда бы не столкнулась с Кэлом.

– Просто... Мне показалось, что там был кое-кто... Не бери в голову. Моему поступку нет оправданий, и я хотел извиниться, – говорит он.

– Что ж, извинения приняты, – я слегка смеюсь. Кажется, я принимаю слишком много извинений за сегодня.

Майкл подходит к нам и выглядит он немного злобно. А сейчас чего он хочет, чёрт возьми?

– Помнишь меня? – говорит он Джейсону с сарказмом. Джейсон смотрит на него в недоумении.

– Нет, а разве мы виделись ра... – вопрос прерывается ударом кулака Майкла ему в челюсть, заставляя того падать на пол.

– Майкл, какого чёрта! – кричу я. Я немедленно отскакиваю в сторону, а Джейсон поднимается на ноги и налетает на Майкла. – Стивен, Ден! Сделайте что-нибудь! – зову я. Услышав шум, Энджела выбегает из подсобки.

– Ден! Ден, быстрее сюда! – кричит она. Вскоре выбегает Ден, чтобы растащить их, а за ним появляется и Стивен.

– Парни, разойдитесь! – рычит Ден, пытаясь растаскивать этих двоих по сторонам. Стивен хватает Джейсона и у него получается их разделить как раз тогда, когда заходит Райан.

– Какого чёрта здесь происходит? – кричит он злобно, его обычный смягчённый британский акцент становится ещё более заметным. Все смотрят на него, и никто из нас не знает, что сказать.

– Не знаю! Этот – этот лунатик только что набросился на меня! – кричит Джейсон.

– Что, чёрт возьми, случилось, Майкл? – спрашивает Стивен.

– Он бросил трубку, когда я звонил Лорен! – кричит Майкл. Боже мой, не могу в это поверить. В смущении я закрываю лицо руками.

– Я никогда с ним не разговаривал! – кричит Джейсон, – Я много раз бросал трубку, но никто ещё не приходил ко мне и не бил меня по лицу! Ещё раз, для протокола, я никогда с тобой раньше не говорил! – продолжает он.

– Джейсон, мне ооочень жаль, – говорю я, подходя к нему с мокрым полотенцем для его глаза.

– Джейсон? Ты разве не Кэл? – спрашивает Майкл, на его лице появляется глупое выражение.

– Нет, – отвечает тот резко.

Я протягиваю Джейсону полотенце.

– Нет, Майкл, это не тот парень. Но даже если бы и был – Боже, я не могла и представить, чтобы ты сделал такое!

– Это что, «*Мерлоуз Плейс*»? – кричит Райан (Прим.: «*Мелроуз Плейс*» (англ. *Melrose Place*) – американская прайм-тайм мыльная опера). – Мы ещё, даже не открылись, а я уже останавливаю драки. Отныне любой, кто здесь не работает на данный момент, не может заходить в клуб до открытия, и я лично это утверждаю! – Райан хмуро смотрит на всех нас.

– И-извините, – мямлит Майкл.

– Майкл, выметайся отсюда! – кричит Райан.

– Прости Райан, и ты, Джейсон, тоже, – Майкл быстро кидает взгляд на обоих и выскакивает за дверь, провожаемый Стивенем и Деном.

– Джейсон, извини за это, приятель, – говорит Райан, отряхивая костюм Джейсона.

– Ты в этом не виноват, – произносит Джейсон, потирая свой уже фиолетовый глаз.

– Я сейчас вернусь, – злобно говорит Райан и выходит, проклиная Майкла.

– Мне, правда, очень жаль, он иногда такой придурок, – искренне говорю я ему.

– Не извиняйся. Не ты же дала мне в глаз, – говорит он.

– Знаю. Но всё-таки... – я чувствую себя ужасно из-за всей этой ситуации.

– И что, всегда так сложно пригласить тебя на свидание? – смеётся он.

– Т-ты зовёшь меня на свидание? – тихо хихикаю я.

– Да, я как раз собирался, когда этот тип, я так полагаю, твой бывший, напал на меня.

Я засовываю руки в задние карманы джинсов. Это тяжёлая неделя: два *здравомыслящих* парня зовут меня на свидание в одно и то же время.

– Ну, я... – я хорошо думаю об этом. Это может быть весело. Ещё одно свидание не повредит. И этот парень только что получил в глаз из-за меня. Я не могу ему отказать после такого. Да и Кэл ещё не звонил, так что... – Я с радостью, – отвечаю я ему.

– Ну что ж, этот день не так уж плох, – широко улыбается парень.

– Я занята в пятницу вечером, а как насчёт четверга? – спрашиваю я.

– С моим глазом уже всё должно быть в порядке к тому времени. Надеюсь, – смеётся он.

– Здорово. Уверена, так и будет, – соглашаюсь я. Ну, ручаюсь, что, по

крайней мере, спадёт отёк. Но, вряд ли, глаз Джейсона снова будет нормального цвета. Мои сомнения основываются на его нынешнем состоянии. Я до сих пор в шоке. Майкл ударил его. Он учится на офицера полиции. Не думала, что он такой дурак.

– Замечательно! – говорит Джейсон с явным восторгом.

* * *

Сейчас одиннадцать вечера. Не могу уснуть. Вот что ночные смены делают с выходными. Я планировала отоспаться сегодня, но я совсем не хочу спать. Включаю лампу у кровати и достаю из-под матраса блокнот, начинаю рисовать. Вдруг звонит телефон, заставляя меня вздрагивать.

– Алло? – нерешительно отвечаю я.

– Привет, красавица.

Голос знакомый и сразу же бабочки порхают у меня в животе.

– Думаю, это я, – и по моему лицу расплзается улыбка.

– Я ведь не слишком поздно звоню?

– Нет, всё в порядке. Я сама чуть-чуть сова.

– Пометь себе, работает над просьбами, – смеётся он.

Я вспоминаю о его обещании и улыбаюсь.

– Да вы только поглядите. Я очень горжусь тобой, – весело говорю я ему.

– Что ж, тебе придётся показать насколько, – флиртует Кэл в ответ. Задумываюсь и прикусываю губу.

– Я хотел написать тебе смс. Я не знал, в клубе ты сегодня или нет.

– Нет, сегодня у меня выходной. А вчера я была там, мы пополняли бар, а ещё мне пришлось убирать склад... и смотреть, как ни в чём не повинный мужчина получил в глаз от того низкорослого, которого ты послал по моему телефону той ночью, – смеюсь я.

– Правда? Впервые я стал причиной драки, в которой, даже не участвовал. Ну, может, в следующий раз, – смеётся Кэл. – А ты говорила, что я опасный. Похоже, что опасности сами вас находят, мисс Брукс, – игриво говорит он.

– Ха-ха, – сухо отвечаю я.

– Слушай, – продолжает парень, – если ты не слишком занята прекращением драк по всему Чикаго, хочу спросить, собираешься ли ты на открытие выставки в субботу?

У меня занимает несколько секунд, чтобы понять, что он говорит о благотворительном бале в честь 80-й годовщины музея Чикаго. Я очень хочу туда попасть, но, к сожалению, это эксклюзивное мероприятие только для приглашённых. Мои одногруппники только это и обсуждают

последний месяц. Они пришли в ярость из-за того, что комитет Красного Креста, одна из самых больших компаний в Чикаго, спонсирует это мероприятие и полностью приватизирует его.

– Я очень хочу. Но вход только по приглашениям, – говорю я ему. Очень жаль, что я не богата и не знаменита, ведь пригласили именно таких.

– Ну, думаю, тебе придётся пойти со мной, – вздыхает он.

– Стой, у тебя что, есть приглашение? – спрашиваю я восхищённым голосом и слышу, как смеётся Кэл. – Как ты его достал? Ты же не играешь со мной, Кэл? – осмотрительно спрашиваю я. Не хочу казаться помешанной на искусстве, но моя мечта может сбыться.

– Мы ведь говорим по телефону, ты знаешь, в чём было бы все веселье? – в его низком тоне слышен намёк, заставляя меня трепетать.

– Я с удовольствием пойду!

– За тобой приедут в восемь, – говорит он.

Приедут за мной? Он что, не идёт?

– А ты за мной не заедешь? – спрашиваю я с любопытством.

– Ну, я сейчас в Нью-Йорке и вернусь как раз в субботу вечером, так что я пошлю за тобой лимузин, который доставит тебя ко мне в аэропорт, ничего?

Конечно, ничего. Ведь я иду на годовщину чикагского музея!

– Да, замечательно, – говорю я ему. – Не могу дождаться!

Мне следует немного умерить в голосе свой энтузиазм.

– Ладно, мне надо идти. Но я думал о тебе, Лорен... – парень замолкает. Я немного крепче сжимаю в руке телефон, чувствуя, как ускоряется биение сердца. Я не ожидала услышать это от него.

– Я-я тоже думала о тебе, Кэл, – искренне признаюсь я.

– Хорошо, – говорит он. Я слышу в его голосе улыбку, и точно такая же расплывается по моему лицу.

Кладу трубку и кружусь, как будто мне семь лет и наступило Рождество. Я устремляюсь к своему шкафу и принимаюсь всё вынимать оттуда, надеясь найти что-нибудь подходящее. Я ещё даже не знаю, смогу ли отпроситься с работы. Я могу поменяться сменами с кем-нибудь или типа того.

Вздыхаю, разочарованная содержимым моего шкафа. Джинсы, джинсы, и ещё джинсы, несколько платьев, которые я одеваю на работу. Нет, всё это не подходит для такого случая. У меня есть карточка на крайний случай, там пара сотен долларов, которые я никогда не использовала. Кэл думал обо мне! Я должна убедиться, что моё платье

оставит неизгладимое впечатление.

Интересно, он думал обо мне столько же, сколько я о нём? Я бегу к двери, готовая сообщить Хилари все подробности. Потом вспоминаю, что она говорила воспринимать всё это легко и весело, и эти мысли останавливают меня на полпути.

Что, если Хилари права? Он сказал, что думал обо мне. Но не сказал, в каком смысле. Я игнорирую тошнотворное чувство в животе. Ну, прямо сейчас это всё не важно. Это всего лишь свидание в одном из моих самых любимых мест на земле, да ещё с таким невероятно красивым мужчиной. А я пытаюсь понять, в чём здесь подвох. Я никому не позволю разрушить всё это, даже самой себе.

Глава 7

5 мая 2011 года

«Сагино, Мичиган». Я не могу не чувствовать небольшой ностальгии, читая дорожный знак, встречающий меня в родном городе. Как будто я смотрю домашнее видео, выхватывая случайные воспоминания из памяти, пока еду.

Много времени прошло. Последний раз я была здесь сразу после нашей свадьбы с Кэлом. Вздыхая, проезжаю бесконечные ряды кукурузных полей. Через пятнадцать минут, на пороге дома своей тёти, я буду врать ей, почему я здесь, и выслушивать её исполненную благих намерений чушь. Ну, может и через десять минут, если поспешу, но ехать на большой скорости через Сагино на «Мерседесе» не самая лучшая идея.

Подъезжаю к светофору, который горит красным и обыскиваю свою сумочку в поисках телефона, но затем вспоминаю, что выбросила его из окна. Мой живот урчит. За весь день я съела только рогалик четыре часа назад. Я вижу заправку в нескольких кварталах от меня и решаю там перекусить, выключаю двигатель и закрываю дверь. Даже если нет особой нужды запираться, жизнь в Чикаго изменила мои привычки. Зайдя внутрь, мой взгляд устремляется к любимым слойкам с клубникой. Я подхожу к прилавку и жду продавца. Она подходит с тёплой улыбкой, напоминая о дружелюбии в Сагино.

– Добрый день. Это всё или что-нибудь ещё? – спрашивает женщина.

– Нет, пока всё, – улыбаюсь я и протягиваю ей доллар. Она кладёт его в кассу и протягивает мне четвертак.

– Хорошего вам дня, – отвечает продавец.

– И вам, – говорю я, уходя из магазина и открывая упаковку со

слойкой. Я отламываю кусочек и кладу в рот, а затем складываю остальное в сумочку и сажусь в машину. Мои мысли возвращаются к Кэлу. Интересно, что он делает сейчас. Кэл, наверняка, взбешён, а может, и нет. Вероятно, ему плевать на то, что жена ушла. Обычно я без понятия, что он чувствует.

Ненавижу тот факт, что я вообще о нём думаю, да ещё о том, что он чувствует. Я не должна так делать, но как можно перестать любить кого-то в одно мгновение? Это почти что нелепо, ведь я столько раз пыталась так поступить. У меня никогда не получится, потому что все чувства сразу же возвращаются, как только затихает злость. Было бы намного проще, если бы он не был таким скрытным человеком. Кэл – самый сложный человек из всех, кого я знаю. Его всегда окружает атмосфера таинственности, которая до сих пор сбивает с толку после стольких лет, но именно она и привлекает меня в нём. Когда я переехала в Чикаго, то окунулась в мир, совершенно, противоположный Сагино. В моём городе практически все знали друг друга, или, по крайней мере, друг о друге. Я выросла почти со всеми ребятами, с которыми училась в старшей школе, так что у меня никогда не было того радостного возбуждения, когда встречаешь кого-то нового или узнаёшь кого-то с самого начала.

Когда я перевелась в школу в Чикаго, в мой второй год в старшей школе, все люди вокруг казались «свежим мясом». Меня приглашали на свидание столько разных парней, особенно когда я начала работать в клубе. Были парни с татуировками и пирсингом, в дорогих костюмах и с очками, белые и чёрные, высокие и низкие, так много, что я не могла разобраться.

Слава богу, Энджела и Хилари стали моими гидами в мире свиданий, который довольно быстро устарел. Я начала скучать по той фамиллярности в Сагино. Я перестала встречаться со Стивенем, который сейчас мой хороший друг, а затем с Майклом, который оказался именно таким парнем, от которого лучше держаться подальше, хорош собой, но скрытный придурок. Не его привлекательность, а, скорее, просто то, что мы работали вместе, заставило меня думать о том, чего на самом деле не было. Всегда не хватало какой-то *малости*, которой у Кэла имелось *предостаточно*. Он всегда излучает сексуальную уверенность и не смотрится высокомерным. Каким-то образом он заставляет все обыденные вещи казаться захватывающими и новыми, так что Кэл стал для меня и подарком, и проклятьем. Больше проклятьем, чем подарком, полагаю. Когда мы встретились впервые, я никак не могла знать, что лишь скольжу по поверхности его тайны, загадки в нём самом. К сожалению, я её так и не разгадала.

Я всегда представляла Кэла таким, каким хотела видеть, и все ещё

спрашиваю себя, честно ли то, что он оказался не таким мужем, как я ожидала? Я полагала, что после брака Кэл мне откроется, раскроет все свои тайны, которые он прячет за своей улыбкой. И я бы поняла, почему он такой мирный, когда мы с ним вдвоём, но когда я смотрю в его глаза, то вижу нечто совершенно другое. Я думала, что получу ответы на все вопросы, когда мы поженимся, но такое чувство, что у меня их появилось ещё больше.

Я подъезжаю к дому своей тётки, и меня тут же захлёстывают воспоминания. Помню, как Рейвен вышла на крыльцо и успешно испортила прощальный поцелуй в конце моего первого свидания. Она прочистила горло и смотрела на меня в упор, пока я не поцеловала парня в щёчку и не сказала «Спокойной ночи».

Сейчас я улыбаюсь, но в тот момент я была злой и смущённой. Тётя была и хорошей, и плохой. Ей приходилось играть роль и мамы, и папы, женщине, которая никогда не хотела детей, но тётя справилась лучше, чем могла себе представить. Она всегда убеждалась в том, что я знала, как сильно любили меня родители и как бы они мной гордились.

Рейвен ни разу не вышла замуж, так что мне никогда не казалось удобным просить её дать совет по поводу моего брака. Я часто думаю, что бы посоветовала мама по поводу моих отношений с Кэлом. Мой отец, вероятно, свернул бы ему шею за то, как я из-за него мучаюсь. Я глушу мотор, беру сумочку, выхожу из машины и направляюсь к крыльцу. Я оставляю чемодан в машине, потому что не очень хочу подвергаться сейчас всем попыткам. Я придумваю, как упомянуть о нём позже, в разговоре. Уверена, что начну так. Она скажет: «Лорен, я нашла самый замечательный свитер», а потом я скажу ей: «Правда? А то у меня в машине всяких свитеров хоть завались, ведь я ушла от мужа». Да, всё будет очень просто и очень быстро. Я нажимаю на звонок и проверяю, как выгляжу в отражении окна, удостоверяюсь, что выгляжу презентабельно. Рейвен всегда подчёркивает, что если день плохой, то одеваться надо лучше, чтобы скрыть это.

Ещё раз звоню в звонок и теперь стучусь. У меня до сих пор есть запасной комплект ключей, но я не хочу входить без разрешения. Не похоже, что она дома. Я сажусь на верхнюю ступеньку на крыльце. Рейвен, наверное, ушла по магазинам, я надеюсь, не за одеждой, потому что это может длиться часами. Я, действительно, сожалею о том, что из-за того небольшого приступа ярости выбросила с балкона своей телефон, сегодняшним утром. Я смотрю на часы и обнаруживаю, что сейчас только час дня. Рейвен может отсутствовать весь день.

Я решаю, что лучше зайти внутрь, чем ждать её на крыльце, как посылка «FedEx». Нахожу комплект ключей на дне своей сумочки и открываю дверь. Как только я вхожу внутрь, включается радио, и я не могу сдержать улыбку. Сколько себя помню, Рейвен всегда любила радиостанцию 91.3 и в доме всегда постоянно играла музыка. Я закрываю дверь и кладу сумочку на стол. Всё здесь заставляет меня чувствовать себя комфортно, настоящий дом, а не просто место пребывания, каким становится пентхаус, когда я одна. Я поднимаюсь наверх и вижу дверь своей старой спальни. Ещё одна улыбка расплывается по лицу, когда я вхожу в комнату, она осталась такой же, какой я её оставила. Я сажусь на кровать и делаю глубокий вдох, поворачиваясь к окну, и солнечный свет льётся на меня сквозь занавески. На комодке стоят в ряд награды, ленты и медали, на тех же местах, как я их расставила, когда была в старшей школе.

Хотя, здесь есть и кое-что новое. Мои глаза скользят по нашей с Кэлом свадебной фотографии, и я ощущаю ревность по отношению к себе в прошлом. Пары на фото больше не существует, они находятся на расстоянии многих световых лет от нас с Кэлом сейчас. Я беру фотографию и кладу её изображением вниз. Если бы я только могла видеть будущее. Внизу хлопает дверь, наверное, Рейвен вернулась. Я решаю сказать себе что-то ободряющее: *«Я могу это сделать. Просто старайся ничего не испортить»*. Я делаю глубокий вдох и выхожу из комнаты. С лестницы я вижу Рейвен, которая раскладывает свои покупки. Так и знала, что она пошла в магазин. Тётя смотрит на меня и на её лице расплывается широкая улыбка.

– Лорен! Я так и думала, что это твоя машина! – визжит она, роняя все пакеты на пол.

– Привет, Рейвен, – отвечаю весело и сбегая вниз по лестнице. Она встречает меня внизу, крепко обнимает и говорит:

– Я так рада тебя видеть! Я так соскучилась по тебе!

– Я тоже по тебе скучала, – честно говорю я ей и её запах уносит меня назад в детство, когда любую проблему можно было решить кусочком шоколадного торта, пусть и магазинного, ведь Рейвен не смогла бы никогда в жизни испечь и кусок хлеба, даже если бы от этого зависела её жизнь. Рейвен отходит назад, пристально рассматривая мой внешний вид.

– Ты прекрасно выглядишь, мне нравится свитер, – говорит она, поглаживая меня по плечу. Рейвен, как всегда, наклонилась по-светски, и я часто спрашиваю себя, что могло произойти, вырасти она в большом городе, но, точно, она бы не была простым библиотекарем.

– Так что привело тебя сюда? Надолго остаёшься? И где же мой

красивый зять? – улыбается она.

Ладно, Лорен, давай начинай думать. Думай, думай, скажи что-нибудь, продолжай улыбаться. К несчастью, я только и делаю, что улыбаюсь, потому что в голову не приходит ни одно слово. Мне, правда, стоит планировать всё заранее.

Рейвен хмурится и убирает с лица свою пурпурную чёлку.

– Угу. Как насчёт того, чтобы помочь мне отнести покупки на кухню и всё рассказать? – говорит она, хватая два пакета и уходит из комнаты.

Я беру ещё три и следую за ней. Мне надо придумать что-нибудь. Я, определённо, не готова говорить ей, что ушла от мужа. Я вхожу в ярко освещённую кухню и кладу пакеты на стол. Пребывание здесь напоминает мне, каким мрачным иногда бывает Чикаго. Хотя она и не готовит, у неё всегда есть все её любимые закуски, много фруктов и овощей в холодильнике. Тётя начинает распаковывать сумки, убирает продукты, но всё её внимание приковано ко мне.

– Ну, как дела? – спрашивает она непринуждённо.

– Все хорошо, – я киваю, вытаскивая из сумки пакет молока.

– Ты не звонила на этой неделе.

– Знаю. Я...эмм, хотела сделать тебе сюрприз, – улыбаюсь я, надеясь, что в моих словах не слышно лжи.

– И ты сделала! Когда я увидела припаркованный «Мерседес» на дороге, не могла поверить своим глазам! Так вы, ребята, надолго у меня останетесь? – спрашивает она как администратор в отеле.

– Ну, я думала остаться на недельку-другую, – говорю я ей, вытаскивая бутылку сока и пытаюсь избежать её взгляда.

– Только ты? – спрашивает тетя удивлённо.

– Да, ну только если тебя не затруднит, – отвечаю нерешительно.

– Конечно, не затруднит, милая. Я обожаю тебя, и ты знаешь, что тебя здесь всегда ждут. Просто... две недели довольно долго. А Кэл здесь? – осведомляется Рейвен.

Вот и мой шанс. Просто скажи ей, скажи!

– Н-нет...эмм, собственно, поэтому я и здесь, – отвечаю кротко.

Она прекращает рыться в пакете и смотрит прямо на меня. Её взгляд пугает.

– Что случилось? – спрашивает Рейвен, слегка поднимая голос.

– О, ничего такого. Просто Кэл уехал в очередную командировку, и мне одиноко в пентхаусе по ночам. Вот я и подумала, что давно не видела тебя, – легко смеюсь я. Боже, почему я ей просто не сказала? Я упустила идеальную возможность и теперь, всё время буду как на иголках, и мне

придётся помнить всё, о чем я соврала.

– О, – она скептически смотрит на меня, но этот взгляд быстро заменяет улыбка. – Что ж, я, правда, рада, что ты здесь, – говорит она, ещё раз меня обнимая. – Что, если я закончу здесь, а ты пойдёшь в свою комнату и устроишься, и я закажу нам что-нибудь на обед?

– Здорово, – улыбаюсь я и встаю из-за стола. – Тебе, правда, не нужна моя помощь? – спрашиваю ещё раз.

– Нет, я справлюсь. Иди, устраивайся, – настаивает она.

Я выхожу из кухни и иду к своей машине. Ненавижу врать своей тёте, да и вообще врать кому-либо, но если бы я сказала, почему на самом деле здесь... Я открываю багажник и вытаскиваю свой большой чемодан, с хлопком ставя его на землю. Как только я выкатываю чемодан на дорожку к дому, замечаю в дверях Рейвен, с огромной улыбкой на лице и телефон, который она приставляет к уху.

Пожалуйста, скажите мне, что она говорит не с тем, о ком я думаю.

– Лорен, милая, это Кэл! – зовёт она.

Моё сердце замирает на минуту. Рейвен так сильно любит его, клянусь, если бы он не был моим мужем и был немного старше, я знаю, что она бы вцепилась в него, как в сумочку «Шанель» на распродаже, если бы она там была.

– Я тут немного занята! – кричу я ей так мило, как только могу, подавляя раздражение и злобу, и направляюсь обратно к машине, и пытаюсь выглядеть занятой, перетаскивая свои сумки.

– Лорен Брукс! Иди сюда сейчас же, занесёшь свои сумки позже, – говорит она тихим, но убедительным голосом. Я чувствую, как опускаются плечи, формируя самый широкий тупой угол, и медленно иду к крыльцу с не очень довольным лицом. Я помню, что должна притворяться счастливой. Я беру телефон из её рук и быстро улыбаюсь ей как можно шире.

– Я отвечу в доме, – говорю ей.

– Конечно, – отвечает она.

Захожу в столовую и закрываю за собой дверь. Я делаю глубокий вдох и подношу трубку к уху.

– Так и знал, что ты будешь у Рейвен, – говорит Кэл, прежде чем я успеваю дать ему понять, что слушаю.

«Какой молодец», – говорю я про себя и закатываю глаза.

– Ты со мной не разговариваешь? – спрашивает он.

Я вздыхаю в недоумении. Кэл всё ещё думает, что «я с ним не разговариваю». Я ушла от него, а он даже не заметил, приняв всё за

обычную вспышку гнева. Очевидно, не понимает.

– Два звонка. Должно быть, сегодня удача на моей стороне, – бормочу я с сарказмом, шагая по комнате.

– Знаю. Я был не прав, – говорит он.

– Ты, правда, так думаешь? Или ты просто говоришь то, что, как ты думаешь, я хочу слышать?

– Я говорю то, что думаю, – он кажется обиженным.

– Кэл, я устала от всего этого, – вздыхаю я.

– Ну, и что ты хочешь, чтобы я сказал? – спрашивает он оборонительно.

Что я хочу, чтобы он сказал? Что я, блин, хочу, чтобы он сказал? Я хочу, чтобы он просил прощения за всё. За то, что играл на моих нервах, за то, что он такая задница, за то, что оставляет меня дома одну целыми днями и, даже не звонит, за то, что превратил меня в человека, которого я даже не знаю, за то, что разрушил мою уверенность в себе, за то, что он вообще есть в моей жизни!

Я не слышу ничего, кроме тишины на другом конце провода. Упс, я, наверное, сказала всё это вслух.

* * *

Я сижу в своей старой спальне в тишине уже двадцать минут в ожидании его звонка. Вообще-то, я не должна его ждать. Я *должна* быть счастлива, что он не пытается мне перезвонить. Я провожу рукой по волосам и вздыхаю. Я слышу тихий стук в дверь.

– Милая, все в порядке? – тихо спрашивает Рейвен, входя в комнату.

– Да, всё нормально, – отвечаю ей и заставляю себя в очередной раз улыбаться.

Она открывает рот, как будто собирается что-то сказать, но затем улыбается и меняет тему.

– Я совершенно забыла, что обещала миссис Ингрэм пообедать с ней сегодня, ещё до того, как ты приехала. Может, ты к нам присоединишься? Она будет рада тебя видеть, – говорит Рейвен.

– Нет, всё нормально. Думаю, я просто останусь здесь и обдумаю кое-что. Передавай ей привет.

– Хорошо, если тебе что-нибудь понадобится, просто позвони мне, – говорит она, словно мне снова двенадцать лет.

– Со мной всё будет в порядке, – уверяю я её.

– Увидимся позже, дорогая, – говорит тетя и закрывает дверь.

Вдруг я осознаю, что очень вымоталась. Я начинаю снимать с кровати большое покрывало и цветные простыни, заменяя их на те, что привезла из

дома. Я осматриваю комнату, делаю глубокий вдох. Скоро это место станет таким, как раньше. Я забираюсь в постель и обнимаю подушку, будто она плюшевая игрушка.

Глава 8

9 мая 2008 года

– Я учился в университете Иллиноиса два года, а затем перевёлся в штат Индиана, где играл в футбол. Верить или нет, но, сначала, моим основным предметом была криминология. Забавно, как я перескочил из криминологии в журналистику, они так отличаются друг от друга. Сначала, я занимался этим в старшей школе только из-за одной девушки, в которую втрескался. Потом сменил предмет, криминология становилась слишком сложной, но, думаю, это самое лучшее, что я сделал в своей жизни. И тогда, когда я выпустился, то вернулся в Чикаго. Мой отец помог получить работу в газете «Трибьюн», где мой босс отдал мне развлекательную колонку. Кто её, вообще, читает? Но, тем не менее, дело в том... – Джейсон всё никак не затыкается.

Я продолжаю кивать и улыбаться, притворяясь, что мне интересно слушать, о чём он говорит уже двадцать минут. Джейсон не задаёт мне ни одного вопроса, кроме того, что я хочу заказать. Затем он говорит, что его блюдо вкуснее, и я тоже должна его заказать. Я смотрю на часы уже третий раз. Мне ещё никогда в жизни не было так скучно. Не знаю, нервничает ли он и просто мелет чушь, чтобы это скрыть, или он действительно такой самовлюблённый. В клубе Джейсон казался совершенно другим. Да, внешность бывает обманчива.

Я отпиваю из своего стакана с водой. Лёд растаял. Осматриваюсь вокруг и восхищаюсь изысканностью ресторана. На фоне тихо играет пианино. Я действительно могла бы наслаждаться атмосферой, если бы Джейсон просто помолчал минутку.

– Я помню свой первый журналистский опыт, статья о декане, который спит со студенткой. Я тогда хорошо повеселился, даже несмотря на то, что получил за неё тройку. Мой профессор всегда говорил, что я могу писать лучше и за свою последнюю работу я получил пятёрку, – продолжает он. – А как насчёт тебя? – спрашивает он, наконец.

Я чуть не давлюсь водой. Не ожидала, что мне предоставят возможность говорить. Я думала, он, по крайней мере, перескажет все статьи, которые написал, прежде чем задать *мне* этот вопрос.

– Ну, я учусь в университете Чикаго. Моя специальность – английский,

а второстепенный предмет история искусства, – говорю я.

– В мир искусства тяжело пробиваться, – отвечает он, как будто я не знаю.

– Вот почему я и выбрала профильным предметом английский, – говорю ему слегка раздражённо.

– Так чем именно ты занимаешься? – спрашивает он.

– Что ты имеешь в виду?

– Я знаю, что ты специализируешься на истории искусства, но занимаешься какой-нибудь художественной деятельностью? – спрашивает Джейсон рассеянно, одновременно подзывая официанта.

Я только говорила ему, что история искусства – мой непрофильный предмет, но какая разница. Почти угадал.

– Ну, я немного рисую и леплю, но моя страсть – рисунки карандашом, – говорю я.

– Да, можно счёт, пожалуйста? – говорит он приближающемуся официанту, тот кивает и уходит. Джейсон снова поворачивается ко мне:

– Извини... что ты там говорила?

Я качаю головой:

– Неважно, – не похоже, что он, вообще, обращает какое-то внимание.

– Ты слышала о благотворительном вечере в музее в честь годовщины?

Он уже забыл об истории искусства?

– Да, слышала, – отвечаю я, пытаюсь говорить без сарказма.

– Тебе бы, наверное, там очень понравилось. Так жаль, что ты не можешь достать билеты. «Трибьюн» получила только три. Мне очень повезло достать один из пропусков для прессы, это же будет событие сезона, – хвастается он.

Говорить ему, что я иду или не стоит? Ммм...

– Но будь уверена, я предоставлю тебе полный отчёт, – улыбается Джейсон.

Я решаю не говорить ему, и буду продолжать улыбаться, может быть, он поймет намёк. Мой телефон начинает вибрировать в сумочке. Я вытаскиваю его и вижу номер Хилари. О, я люблю тебя, Хилари!

– Извини, я на минутку, – говорю ему, уходя к главному входу. – Я ещё никогда не была так счастлива тебя слышать, – благодарно говорю в трубку.

– Я так понимаю, свидание отстой? – спрашивает она оживлённо.

– Помимо еды, да. Я буду дома через час. Джейсон, наверное, самый самовлюблённый мужчина из всех, кого я когда-либо встречала. Весь вечер он только и говорит о себе. Я, наверное, вставила предложения три, – говорю я.

– Ох ты, бедняжка! – констатирует она, – Ну, нельзя войти в одну реку дважды.

Я улыбаюсь, думая о моем свидании с Кэлом, по сравнению с которым это кажется приёмом у стоматолога.

– Он планирует что-нибудь ещё после ужина? – спрашивает Хилари

– Я не знаю, но больше не вынесу.

– Помнишь парня, которого я встретила на той вечеринке, куда ты не захотела пойти на прошлой неделе, у Джинера, или Джоне, никогда не смогу произнести это правильно. Короче, что-то иностранное, и он до смешного горяч. Я готовлю ему ужин и он, может, останется на десерт... – предупреждает подруга с ноткой восторга в голосе.

– Веселись, Хилари, – говорю я. По крайней мере, хоть одна из нас проводит время хорошо сегодняшним вечером.

– Хочешь, чтобы я дождалась тебя?

– Нет, всё в порядке.

– Ладно, тогда спокойной ночи, – говорит подруга и завершает звонок.

Я смотрю на часы, сейчас только 9:12. Вечер тянется слишком медленно. Возвращаюсь в ресторан и вижу, что Джейсона нет за столом. Думаю, он пошёл в уборную. Слава Богу, я посижу в тишине несколько минут.

– Прощу прощения, мисс? – спрашивает тихий голос сзади. Я оборачиваюсь и вижу хостес, которая посадила нас за столик, когда мы приехали.

– Джентльмену, который был с вами, кто-то позвонил, и ему пришлось уйти, но он вызвал вам такси. Машина приедет через двадцать минут, – сообщает она.

Он меня бросил? Он меня бросил. После того как я полтора часа выслушивала его болтовню о его скучной работе и о том, как он ходил на историю в университете, он меня бросает? Я вздыхаю и замечаю, что хостес ждёт моего ответа.

– Спасибо, – говорю я и улыбаюсь, чтобы скрывать раздражение.

Она кивает и уходит. Я снимаю свою курточку со спинки стула и надеваю её. Кто бы мог подумать в начале вечера, что я останусь сидеть одна в холле ресторана в ожидании такси, которое увезёт меня домой, потому что парень меня бросил?

* * *

Я пристально смотрю на чистый холст перед собой и вижу... чистый холст. У меня нет вдохновения. Я ничего не вижу. Я ставлю мольберт обратно к стене и беру со стола свой альбом. Мне приходится перелистать

всё до конца, чтобы найти чистый лист.

Я начинаю делать небольшой набросок карандашом в центре листа. Все мои рисунки начинаются таким образом, а потом я просто рисую, что чувствую. Живопись – это непросто, нужно планировать все краски, оформление и нельзя просто рисовать отдельные штрихи в ожидании, что они превратятся во что-то цельное.

Именно поэтому мне нравится рисовать карандашом. Это как терапия. Мои мысли уносятся к юбилейному вечеру завтра в музее. В моём животе начинают порхать бабочки. Поскольку будет годовщина, там представят все новые коллекции, выставленные только в этот вечер, хотя, возможно, у них уже есть и новые экспонаты, которых я не видела. Я не была там целую вечность. Мне всегда нравится находиться там в своём собственном мире. Завтра я пойду туда впервые с кем-то ещё не из школы. Я всегда воспринимаю искусство как личную награду для самой себя. Интересно, увлечён ли Кэл искусством. Мне кажется, что он не слишком в восторге от такого события, как в принципе и большинство людей. Его заслуга в том, что он предложил свидание исходя из моих интересов, не говоря уже о том, что у него билеты, которые среднестатистический человек вряд ли достанет.

Я откладываю свой альбом и направляюсь к комоду, достаю платье, которое планирую завтра надевать. Это платье Энджелы, она была добра и одолжила его, поскольку, наверное, впервые мне понадобилось нечто подобное для такого события. Я снова восхищаюсь им, как и туфлями на 12-сантиметровых каблуках, которые пожертвовала мне Хилари. Они убьют мои ноги, но идеально подходят, и это того стоит.

Любой художник в Чикаго готов умереть, чтобы попасть туда, а мне выпал случай одеться нарядно куда-то ещё, кроме работы. О, и Кэл не так уж плох в качестве привилегии.

Я смеюсь с самой себя и вешаю платье обратно в шкаф. Кэл. Я действительно не знаю, что и думать о нём. Думаю, что поняла, кто он ещё в первый раз, когда встретила его, и парень был обходительным бизнесменом или каким-то богатым плейбоем. Но я не могу так сильно ошибаться. Он ни тот, ни другой, но, даже если я и могу сказать, кем он точно не является, я все ещё не знаю, кто он на самом деле. Я знаю о нём меньше, чем когда мы впервые встретились, и это меня интригует, и пугает. Кэл пригласил меня на вечер, потому что предположил, как сильно я хочу пойти, и теперь я знаю, остаётся ещё, по крайней мере, одна глава моей автобиографии, а здесь я едва держу в руках фрагмент его свидетельства о рождении.

Единственное, что я действительно знаю о нём: он загадочный, искренний и невероятно сексуальный. Я всё ещё не могу поверить, как я хочу так много после того поцелуя. Обычно, я никогда не позволяю парню даже приближаться к моим губам, выкручиваясь старым добрым поцелуем в щеку или неловким объятием. Позволить парню просунуть свой язык в мой рот – это что-то вроде кощунства для «Кодекса Лорен Брукс», но я уже нарушила несколько правил с Кэлом. К этому времени, я бы уже знала его возраст, чем он зарабатывает на жизнь, как много у него братьев и сестёр, и кем был его первый домашний питомец, но так случилось, что я не спросила у него ничего. Ну, его улыбка и глаза отвлекают меня. Они заманивают и заставляют остаться...

Глава 9

5 мая 2011 года

Я вытираю запотевшее зеркало и со скрипом открываю дверь в ванную, чтобы впустить немного воздуха. Только примешь душ, и комната уже нагревается до сорока градусов. Я оборачиваюсь в плюшевое полотенце и влезая в шлёпки, которые оставила у ванны. Слегка зеваю, хотя, даже не устаю. Я проснулась в десять вечера, не веря в то, что проспала целый день. Но я думаю, сон – лучшее средство для снятия стресса, а мне ещё предстоит так много его снимать.

Я знаю, что не должна себя так чувствовать, но не могу не задаваться вопросом, почему Кэл мне всё ещё не перезванивает. Я проверяю телефон в надежде увидеть смс, даже если знаю, что он вряд ли пошлёт мне хоть одно сообщение, хотя бы на автоответчик Рейвен. Смахиваю с лица мокрую прядь волос. Надо высушить их феном, но я слишком раздражена, чтобы делать это прямо сейчас. По пути из ванной в комнату, проходя через зал, я замечаю, что Рейвен уже пошла спать, поэтому выключаю свет, который освещает крошечный зал. Когда я захожу в свою комнату, меня обдувает лёгкий ветерок из открытого окна, и я иду к нему, чтобы его закрывать. До моей поясицы дотрагивается чья-то рука.

Я громко вскрикиваю, поворачиваюсь вокруг себя и оглядываюсь. Передо мной стоит Кэл. Он обнимает меня, чтобы я не упала. Какого чёрта он здесь делает? Мне сразу хочется обнять его, но потом я вспоминаю, что я злюсь на него и отступаю в другую сторону комнаты.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я, ещё находясь в шоке.

Я всё ещё не могу отдышаться, но я совсем чуть-чуть радуюсь тому, что он здесь. Это последнее, что я могла ожидать. Он мне, даже не

перезвонил.

– Ой, да ладно. Даже не скажешь «привет» или «рада тебя видеть, дорогой»? – дразнится он.

Лунный свет освещает его точёное лицо, и Кэл прошмыгивает мимо меня, усаживаясь на кровати. Я вдыхаю запах его одеколона. Он манит меня к нему. Это тот самый одеколон, который я подарила ему в прошлом месяце, и его запах заставляет меня хотеть... *Чёрт, возьми себя в руки, Лорен!*

– Может, я бы так и сказала, если бы была в том настроении. Но это не так, – я хочу быть краткой, но не уверена, что на него это действует так, как я хочу, поскольку Кэл застигает меня врасплох.

Он смотрит на меня и его глаза скользят вниз от моего лица, напоминая, что на мне только полотенце. Я крепко обнимаю себя руками, желая показать, что намерена оставлять его на себе. Он ухмыляется и берёт пластиковую свинью, которую я выиграла на карнавале в старшей школе. Я вырываю её у него из рук.

– Осторожно! Ты ведь не хочешь уронить полотенце, – шепчет он и его рука начинает ползти по моей ноге. Я быстро делаю шаг назад и игнорирую холодок, бегущий по моей спине.

– Что ты здесь делаешь? – упрямо спрашиваю я ещё раз.

– Ты здесь и я полагаю, я тоже должен быть здесь, – мне кажется, что он говорит искренне, но кто его знает.

– Правда? А то сорок восемь часов назад для тебя вообще не важно было быть там, где я, – отвечаю ему с горечью в голосе.

Кэл встаёт и направляется ко мне.

– Прости меня, – говорит он и смотрит мне прямо в глаза.

Я быстро отвожу взгляд. Ненавижу, когда Кэл так делает. Клянусь, он может видеть меня насквозь и читать мои мысли.

– Это то, что ты говоришь.

Кэл оставляет свою руку на моей талии.

– Это то, что я имею в виду, – отвечает он, приближается и обнимает меня.

Я качаю головой и отхожу от него.

– Ну, откуда мне знать? – тихо говорю я сама себе, как будто пытаюсь проснуться и избавиться от кошмара, – Я устала от того, что ничего не знаю, Кэл! – говорю я громче.

– Я когда-нибудь говорю тебе то, что не имею в виду? – повторяет он.

Кэл натворил столько всего. Он игнорирует меня, избегает моих вопросов или оставляет меня без предупреждения, но он никогда не врёт. Я

стараюсь думать, но меня отвлекают его пальцы, пробегающие по моим влажным волосам. Как я могу думать, когда он так делает? Мне надо думать. Его губы нежно скользят по моей шее, и мужчина притягивает меня к своей груди. Я пытаюсь понять, как ему отвечать. Я злюсь и у меня есть на это полное право. Что бы я не хотела, надо делать всё быстро, пока он не тащит меня в кровать. *Скажи что-нибудь! Скажи сейчас!*

– М... мы не можем, я не буду делать это здесь, – говорю я ему, моё дыхание сбивается и полотенце падает на пол.

Слишком поздно. Он наклоняет меня к кровати, накрывает всем весом своего тела и целует. Мне надо говорить с ним, а не спать. Так происходит всегда, когда Кэл прикасается ко мне, сначала дрожь по спине, затем жар между ног, а потом я теряю голову и забываю все свои мысли. Он как будто подвергает меня какому-то заклятию. Что же ещё может быть?

– К... Кэл, остановись, – говорю я так тихо, что сама себя едва слышу, пока его пальцы опускаются вниз по моему телу.

– Ты хочешь, чтобы я остановился? – он начинает покусывать моё ухо.

– Я больше не знаю, чего хочу, – честно говорю я, пытаюсь восстанавливать дыхание. Я поворачиваю голову к окну. Оно всё ещё открыто и в комнату врывается лёгкий ветерок.

– Разве ты не этого хочешь? – говорит он хрипло, усиливая поцелуй. Кэл забирает всю мою силу, но я прерываю его, нежно держа его подбородок в своих руках. Он смотрит на меня с удивлением и каким-то любопытством.

Я пристально смотрю в его глаза, которых обычно стараюсь избегать. Всматриваюсь в них и пытаюсь понять, о чём он думает, что чувствует. Нас заливают свет луны, струящийся из окна. Я не могу читать его глаза. Не могу ничего видеть за ними, они как будто затянуты пеленой. Я не могу видеть больше, чем он мне показывает.

– Я больше *не знаю*, Кэл, – шепчу я, пытаюсь сдерживать горячие слёзы, и отпускаю его лицо.

Широкая улыбка на его лице смягчается. Кэл смахивает прядь волос с моего лба и смотрит мне в глаза, как мне кажется, целую вечность, но, в реальности, всего лишь минуту.

Через секунду, он слезает с меня и встаёт с кровати. Я передвигаюсь на другую сторону и оставляю голову поднятой, пытаюсь видеть, что он делает. Мне холодно и я забираюсь под одеяло. Подпираю голову руками, я смотрю, как он берёт свою куртку и что-то из неё вытаскивает. Я вздыхаю и поворачиваюсь к нему спиной.

Несколько минут спустя, он ложится на кровать позади меня,

прикасаясь голой кожей к моей. Кэл покрывает поцелуями мои плечи и притягивает меня к себе. В этот раз я стараюсь не смотреть ему в глаза. Я не знаю, что думать или чувствовать; я не хочу теряться в нём. Я не хочу продолжать влюбляться в него, уступать его манипуляциям, какими бы они ни были.

– Лорен, – тихо говорит он, берёт мою руку, подносит её к своему лицу и нежно поглаживает.

Я всё ещё ему не отвечаю. Горячие слезы обжигают мне лицо. Кэл уже давно не видел, как по моему лицу, вот так, текут слёзы. Та видимость злости и мстительности, которую я создаю, обычно, идеально их скрывает. Сегодня ночью у меня совсем нет сил на неё. Кэл вытирает слезы с моего лица и нежно целует в щёку.

– Я так устала. Я не могу. Я не могу так продолжать. Это... всё это разрушает меня, – хнычу я. Мой голос ломается, и я отворачиваюсь от него.

Он хватается мой подбородок, заставляя смотреть ему в лицо.

– Лорен. Я здесь, – серьёзно говорит он.

Я отворачиваюсь.

– Но как я могу... – я не могу закончить, мой голос срывается.

– Я здесь, красавица, – говорит Кэл, его голос неузнаваемый и почти умоляющий.

После такого я не могу от него отворачиваться. В его серых глазах я вижу тот слабый оттенок зелёного. Кэл сжимает мою руку, которая просто крошечная по сравнению с его рукой. Вторая его рука тоже оказывается в моём поле зрения, и она показывает мне то, что он искал в кармане куртки минуту назад. Медленно и осмотрительно Кэл надевает обручальное кольцо на мой палец, возвращая его законной хозяйке. Я начинаю плакать сильнее, потому что сейчас я в такой растерянности. Я обнимаю руками его шею, и он притягивает меня ближе к себе.

Меня приводят в замешательство мысли о его любви ко мне, но я никогда не сомневаюсь в моей любви к нему. Я люблю Кэла. Вот и всё. Я не могу сделать ничего такого, чтобы я смогла разлюбить его. Не важно, как сильно я злюсь или расстраиваюсь из-за него. Он умеет выбрать нужный момент и делает именно то, что заставляет меня снова его любить.

Я закрываю глаза, на мгновение, ощущая покой. Возвращаюсь в мыслях в тот момент, когда лежала в его объятиях, и он заставлял меня чувствовать себя так, как будто в мире были лишь мы одни, и ничего между нами.

Пока у меня есть этот момент, этот покой, я буду спать, а обо всём остальном я буду переживать завтра. Наконец, я чувствую, что засыпаю в

руках Кэла. И, во всяком случае, сейчас та пара на фото, которое я перевернула раньше, уже не кажется мне такой далекой.

* * *

Почему я остаюсь с ним? Действительно, очень простой вопрос. Почему мне просто не уйти? У нас с ним нет детей. Мы женаты, но в наше время развод – такое простое и обычное дело. Почему меня всё так заботит?

Вопросы проносятся у меня в голове, пока я пялюсь на потолок. На этот же потолок я смотрела каждую ночь, когда была маленькой девочкой. Подросток-мечтательница теперь женщина. Я бросаю взгляд на кольцо на своём пальце, обращая на него всё свое внимание, и не из-за эффектного жёлтого бриллианта, достойного принцессы, а из-за того, что оно раньше значило для меня.

Оно должно было стать символом нашей любви, доверия и наших обязательств по отношению друг к другу. Когда я произносила те клятвы, то ни капли не сомневалась в том, что оно означает всё это для нас обоих.

Я люблю Кэла, но мое доверие к нему подорвано. Иногда я сомневаюсь в его обязательствах ко мне, в наших обязательствах, которые заставляют наш брак работать. Я так легко сняла кольцо, потому что больше не верю во все эти вещи, символом которых оно является. Тем не менее, я раз за разом надеваю его обратно.

Почему происходит так, что когда Кэл не со мной, я так сильно по нему скучаю, и это ощущается хуже физической боли? Почему когда я вижу его глаза, клянусь, иногда я вижу в них ту его часть, которую он никогда не позволяет мне узнать?

Его глаза, я думаю, что влюбилась в его глаза. Они показывают так мало и так много. Я смотрю в них, а они безжизненные, холодные и пустые. А ещё бывают моменты, когда я вижу что-то доброе и тёплое где-то за ними.

Раньше его таинственность волновала меня, заманивала, она слишком интриговала, чтобы не обращать на неё внимания. Сейчас же меня разочаровывает тот факт, что мой муж – всё ещё для меня загадка, которая заставляет осознавать, что все его тайны теперь просто секреты, которые он мне не доверяет. И с каждым днём я всё больше обижаюсь из-за этого.

Я позволяю себе оставаться, потому что бывают такие моменты, как вчера, когда я снова безумно люблю Кэла всем сердцем. А иногда я чувствую, будто вообще едва его знаю. Меня пугает то, что я так сильно привязана к нему, и мне будет сложно жить одной. Осознание этого вызывает тошнотворное чувство, и часть меня винит его за всё. Я знаю, что

сама позволяю всему случиться. Я позволяю своей ледяной наружности брать верх и изменять меня. Изначально, таким был способ как примириться с ним и при этом не чувствовать печали, одиночества и неполноценности. Некий временный защитный механизм, но сейчас он стал краеугольным камнем той женщины, которой я стала.

Уже утро. Я лежу в постели какое-то время и не могу заснуть, пытаюсь всё выяснить. Я чувствую, как Кэл проснулся, и когда он садится, скрипит матрац. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. Он смотрит на меня, зевает и собирает с пола свою разбросанную одежду.

– Доброе утро, – говорю я, бесшумно подпирая голову рукой. Кэл надевает свои боксеры и рубашку, но не отвечает. Его брови нахмурены, и он собирается так, будто спешит куда-то. Подходит к моему старому шкафу, нетерпеливо перебирает одежду. Я сижу абсолютно неподвижно, пытаюсь понять, что он там ищет.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, пытаюсь сохранять спокойствие. Я не хочу делать это с ним сегодня. Я стараюсь не быть стервой, но он, правда, давит на меня. Кэл находит мой чемодан и вытаскивает его.

– Одевайся. Мы уезжаем, – говорит он.

– Что? Нет, я никуда не поеду.

– Слушай, у меня нет времени. Вставай и одевайся.

– Так вот значит как. После всего, что было ночью, ты встаешь не с той ноги и швыряешь свои требования. Может, ты не понимаешь, но я приехала сюда не на один день.

– Знаешь что, Лорен? Я устал от всей этой ерунды. Я мог заключить долбаную сделку с Дексом, но вместо этого приезжаю за тобой, чтобы держать тебя, блин, за руку. Я хочу домой, чтобы, по крайней мере, спать в своей собственной кровати! – ворчит он.

Я бросаю в него подушку. Запрыгиваю на кровать и беру с пола своё платье и надеваю его.

– Опять начинается, – злобно смеётся он.

– Зачем ты приехал за мной? Зачем ты привёз мне его? – я протягиваю руку, выставляя напоказ кольцо.

– Да, я привёз тебе кольцо. Ты моя жена, так какого чёрта ты его снимаешь?

Вопрос застигает меня врасплох и заставляет задуматься.

– Потому что я скучаю по тебе, но мне начинает казаться, будто всё просто для того, чтобы утихомирить меня!

– Но я ведь здесь! Вот, чего я совсем не понимаю! Как ты по мне скучаешь?

Я делаю глубокий вдох. Я знаю, не он один виноват во всём, и поэтому решаю принять какую-то часть вины и на себя.

– Я скучаю по нам, – исправляю я его, понижая голос. – По тому, как у нас раньше было. Какими мы раньше были. Что с нами случилось?

Я подхожу к нему с умоляющим взглядом, и его брови смягчаются, но он отворачивается от меня.

– О чём ты говоришь? – его тон становится оборонительным.

– Я... я не поеду, я не поеду в Чикаго с тобой, – говорю я сурово, но с опущенной головой: я не могу смотреть на него, когда говорю такое.

Я люблю его, да. Я влюблена в него, вопросов нет. Но проблема заключается в том, что я задаюсь вопросом, люблю ли я его больше, чем себя, и любит ли он меня вообще.

– Ты не едешь домой? – спрашивает Кэл, как будто не слышит меня.

– Отныне, Кэл, у нас нет дома. Я не воспринимаю то место, где мы живём как дом, – говорю я со злостью.

– Отлично, теперь у нас нет дома. Полагаю, тот пентхаус, ради которого я рву задницу, он что, выдуманный? – насмешливо отвечает он.

– Ты знаешь, что я имею в виду, Кэл! – кричу я на него, но он лишь смеётся, оборонительно качая головой.

– Нет, я не знаю, что ты имеешь в виду. Я провёл с тобой ночь. Я не хочу оставаться в долбаном Сагино следующие несколько дней, в которые я взял отгул. Почему ты превращаешь всё в то, чего нет?

– Потому! Я не хочу, чтобы ты думал, будто это всего лишь вспышка гнева. Я серьёзно, Кэл. Если я вернусь, то буду отвечать за всё, что ты делаешь – мы оба делаем, будто всё нормально. Я буду говорить тебе, что всё нормально, когда ты оставляешь меня на несколько недель. Если я буду так сильно по тебе скучать, и мне будет больно – всё нормально. Нормально, если я смирюсь с тем, чего почти не знаю, что ты чувствуешь или о чём думаешь, и я буду каждый день спрашивать себя, любишь ли ты меня, – мой голос начинает ломаться.

Его строгое выражение лица смягчается, и он подходит ко мне.

– Почему? Почему ты поступаешь так? – Кэл обхватывает свою голову руками и раздражённо вздыхает. – Ты знаешь, что я люблю тебя! – он делает злобный жест в мою сторону и начинает ходить по комнате. – Если бы ты только знала, чего мне стоило приехать к тебе! – говорит он громко, но такое ощущение, будто говорит самому себе.

– Конечно, ты же отрываешься от работы. Как же сложно быть рядом со своей женой, ведь мы же нуждаемся в деньгах, конечно. Мне ведь нужны «Лабутены», а тебе «Ролексы» и иномарки! – кричу я в ответ сквозь

слезы, сидя на кровати. – М... мне кажется, ты на меня обижен за что-то. Раньше ты был – ну, я думала, что ты счастлив. Ты был весёлым, ты мог меня рассмешить и дать почувствовать себя сексуальной и желанной, – улыбаюсь я, вспоминая счастливые времена. – Теперь мне кажется, что ты где-то далеко. Я знаю, ты ускользаешь от меня. Я чувствую себя связанной с тобой, только когда мы занимаемся сексом. И недавно как раз, так и было. Ты больше не занимаешься со мной любовью... Возможно, брак превратил тебя в такого человека. Я никогда не могла представить, что мы станем такими, – говорю я, собирая все силы, чтобы закончить.

Я закрываю глаза и делаю долгожданный выдох, который я, кажется, задерживала целую вечность. Тишина в комнате после всего шума кажется странной.

Кэл сидит на моем стуле у письменного стола, руки скрещены на груди, на лице пробегает ряд эмоций. Ни одна из них едва ли была похожа на сожаление или понимание.

– Я никогда не хотел чего-то больше, чем наш брак, Лорен. Ты – единственное, что мне принадлежит. То единственное и чистое, что у меня есть – это мы. Раньше у меня была другая цель существования. Она появилась из тёмного места. Моя мотивация изменилась, когда я влюбился в тебя. Ты моя сила и моя слабость. Ты – та причина, по которой я здесь.

Я открываю глаза и вспоминаю, что слова его свадебной клятвы были в точности такие же. Не могу поверить, что он помнит их. Я, даже не помню свою клятву до такой степени. У меня теплеет на сердце, когда я думаю о том дне на пляже в Рио, где мы соединили наши узы, где я стала миссис Скот. Я была самой счастливой женщиной на свете.

– Именно это я имел в виду тогда, и с того дня ничего не изменилось, – его голос тихий и дрожит как у ребенка.

Я начинаю медленно приближаться к нему и нежно касаюсь его плеча. Кажется, он сильно задумался.

– Я хочу, чтобы ты остался со мной. Здесь, – я смотрю прямо на него, умоляя взглядом ответить мне то, что я хочу и мне нужно услышать.

– Я не перееду в Сагино! – говорит Кэл непреклонным тоном, руки всё ещё скрещены, он смотрит в окно.

– Я не говорила такого, – отвечаю я ему.

– Ты имеешь в виду остаться на неделю или пару дней? – спрашивает Кэл. Он всё обдумывает. Это хороший знак.

– Настолько, насколько потребуется, – говорю я ему, стараясь сохранять твердость в голосе. Он выдыхает и закрывает лицо руками.

– А как же с моей работой? Я как раз собирался...

Я кладу голову ему на плечо.

– Ой, ну перестань. Ты же Мистер Большой и Плохой Кэл, просто скажи им, что вернешься когда угодно, – улыбаюсь я ему.

Я касаюсь его лица и поворачиваю ко мне так, что я могу смотреть ему в глаза и видеть в них отражение своих.

– Если ты любишь меня, ты сделаешь так, – шепчу я ему. – Я знаю, ты говоришь, будто любишь. Мне просто надо это чувствовать, – умоляю я. Если он скажет, нет, я не знаю, что буду делать.

Он думает, а это всегда хороший знак. Я прекращаю на него смотреть и кладу голову ему на грудь.

– У меня ведь нет выбора, да? – вздыхает Кэл.

– Не совсем, – честно говорю я.

Если он уйдёт, с меня хватит. Я не могу больше с ним так жить. Я найду способ забыть его, неважно насколько это будет тяжело. Я не могу больше так себя чувствовать. Но если он останется...

Глава 10

10 мая 2008 года

– На Лорен Брукс надето одно из последних платьев Дома Хилари. Стильный чёрный самоцвет идеально подходит для свидания, деловой сделки или, даже изысканного торжественного вечера. Верх платья отделан блестящей тканью, что придаёт немного современности этому винтажному силуэту, в тоже время, сохраняя классический покрой. Декольте в форме сердца, также усыпанное блёстками, дополняет её платье, как и глубокий вырез на спине, потайная застежка на молнии и разрез внизу платья, выставляющий ножки в выгодном свете заставляют любого храброго мужчину истекать слюной, – объявляет Хилари голосом Джоан Риверз (*Прим.: американская телеведущая и стендап-комик*).

Мы с Энджелой умираем от смеха.

Хилари тепло прерывает меня:

– Перестань, а то у тебя появятся морщины, – отчитывает меня подруга, всё ещё ложным, исключительно модным, голосом. – Покружись для нас, дорогая, – говорит она.

– Давай, девочка, – воет Энджела, поддерживая глупую игру. Я неохотно им подчиняюсь и закатываю глаза под их свист.

– Лорен Брукс, ты выглядишь такой сексуальной сейчас! – восклицает Хилари, возвращаясь к нормальному голосу.

– Я иду на вечер, посвящённый юбилею музея искусств. Выглядеть

сексуально – не совсем то, чего я хочу, – говорю я в шутку, рассматривая себя в зеркале.

Должна сказать, платье просто изысканное. Энджела заскочила ко мне сделать что-то волшебное с моими волосами, поэтому она сделала мне красивые романтические кудри. И после всего ворчания и ругани, я смогла переубедить Хилари нанести удобные светлые тени вместо драматических «смоки-айз».

– Она имеет в виду, что ты выглядишь просто потрясающе, – смеётся Энджела.

Я оборачиваюсь и вижу, как Хилари роется в моей сумочке.

– Хилари, что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Хочу убедиться, что у тебя есть всё необходимое, – говорит она сухим тоном. – Косметика, жвачка, кошелек, ключи... Лорен. Ты знаешь, что забыла кое-что очень важное? – спрашивает она. Энджела и я с любопытством смотрим на неё. – Где презервативы?

– Оу... У меня нет презервативов, – просто отвечаю я.

– Именно! – констатирует подруга.

Я закатываю глаза.

– Не думаю, что они мне понадобятся, – убеждаю я её.

– Ой, ну перестань. Я его видела. Они тебе понадобятся, – подмигивает Хилари. Я игриво вырываю свою сумочку из её рук,

–... и ты же помнишь, что почти случилось в прошлый раз, – говорит Энджела поющим голосом, падая на мою кровать.

Я игнорирую их обеих, безуспешно пытаюсь оттянуть маленькое чёрное платье вниз на пару сантиметров.

– Эй, перестань, – Хилари шлёпает меня по руке.

– Так чем он занимается? Учится где-нибудь? – спрашивает Энджела.

– Она не знает, – издевательски смеётся Хилари.

– Ты не знаешь? Чёрт возьми, что это должно значить? – озадаченно спрашивает Энджела.

Я открываю рот и хочу сказать что-то в своё оправдание, но Хилари меня перебивает.

– Вот что похоть делает с тобой, – дразнит она, а Энджела начинает смеяться.

Звонит телефон и моё сердце начинает быстро биться. Энджела ближе всех, поэтому отвечает на звонок:

– Алло? Она сейчас спустится, – и широко мне улыбается.

– Лимузин уже здееесь, – говорит она нараспев. Я делаю глубокий вдох и ещё раз смотрю на себя в зеркало.

– Всё в порядке! – кричат они в унисон.

Я беру свою сумочку, и мы все направляемся к двери. Спускаемся по лестнице, и я вижу прекрасный чёрный автомобиль и водителя, ожидающего у двери.

– Чёрт! – говорит Энджела под впечатлением от машины.

– Кто из вас, милые дамы, Лорен Брукс? – дружелюбно спрашивает водитель.

– Она, – обе указывают на меня.

– Добрый вечер, мисс Брукс. Я – Брайан и я буду вашим водителем сегодня, – улыбается он.

Я обнимаю их обеих и направляюсь к машине.

– Желаю хорошо провести время, – кричит Энджела.

– Слишком хорошо, – кричит Хилари и подмигивает, когда я забираюсь в лимузин.

Я машу им рукой, и Брайан закрывает дверь. Я осматриваюсь вокруг и замечаю, как меня окружает салон, отделанный мягкой кожей. Здесь есть телевизор и шампанское в ведёрке со льдом.

– Вау, – единственное, что я могу произносить.

Я слышу, как рядом со мной звонит телефон. Оглядываюсь, как будто сейчас увижу ещё кого-то, сидящего здесь, и неохотно поднимаю трубку.

– Алло, – говорю я нерешительно.

– Привет, красотка. Мне не терпится увидеть тебя. Всё прошло хорошо?

Я позволяю себе выдохнуть с облегчением – это Кэл, а не кто-то ещё, кто мог бы меня смущать.

– Да, всё в порядке, – я погружаюсь в сон, всё ещё пораженная салоном лимузина.

– Если тебе что-нибудь понадобится, просто скажи Брайану, и он позаботится об этом.

Я хочу спросить, взял ли он лимузин напрокат, но вопрос был бы грубым, правда?

– Хорошо, но я, правда, не думаю, будто мне может что-нибудь понадобится. Кажется, здесь есть всё... – говорю я потрясённо.

Кэл слегка смеётся:

– Ну, хорошо, увидимся примерно через час.

– Жду с нетерпением, – я улыбаюсь и кладу трубку.

Я позволяю широкой улыбке, которую сдерживаю, расплываться по лицу. Это должно быть весело. Напеваю свою любимую песню. Думаю, я чувствую, как останавливается машина, хотя мне очень сложно говорить,

ведь машина едет так плавно. В моём животе начинают играть бабочки. Телефон звонит снова, и я отвечаю.

– Мисс Брук, мы прибыли к дому мистера Скота, – говорит мне Брайан.

– Спасибо, Брайан, – отвечаю я и кладу трубку.

Я выхожу из машины, и меня пробивает холодный ветер, развивая моё платье и шаль. Я поднимаю глаза и вижу большой самолёт (или его личный реактивный самолет?) в пятидесяти шагах от меня. Нет, ну правда, а чего я ожидала? Не такого. Кэл выходит с телефоном в руках. Он подходит ближе, и я изучаю его внешний вид. На нём чёрный костюм с серебристой рубашкой, без галстука. Он носит очки, вот что меня, действительно, поражает, я не замечала раньше, и это крайне заводит. Когда он подходит ко мне, то отключает телефон.

– Ты выглядишь... – говорит он с ослепительной улыбкой на лице и пробегает по мне взглядом снизу-вверх, начиная с моих туфель на 12-сантиметровых каблуках.

– Ладно, запомни эту мысль, – говорит Кэл, кусая губу, и начинает обходить меня с взглядом хищника. Как только он полностью заходит мне за спину, его руки обвивают мою талию, и парень нежно целует меня в шею. Я покрываюсь мурашками.

– Я рад, что ты добралась, – шепчет он мне в ухо, и я надеюсь вернуть спокойствие, прежде чем он увидит моё лицо.

К счастью, он берёт меня за руку и, через секунду, уже ведёт в противоположную сторону от лимузина. Я в замешательстве, но стараюсь поспевать за ним на этих каблуках и мысленно призываю свои гормоны контролировать себя.

– Куда мы идём? – наконец-то я снова могу говорить.

– Я подумал, что сегодня нам лучше воспользоваться более личным транспортом, – улыбается Кэл в ответ.

Он достаёт из кармана ключи, и когда мы останавливаемся перед машиной, припаркованной сразу за складом, моя челюсть падает на пол. Передо мной стоит великолепный, полностью чёрный «Астон Мартин».

– Это...это ведь не твоя машина? – говорю я с большим удивлением. Я никогда не сходила с ума от автомобилей и никогда не сталкивалась с дорогими вещами, но «Астон Мартин», чёрт возьми! Я помню, какое впечатление произвело на Стивена и Энджелу автомобильное шоу, на которое они меня притащили, а я как раз собираюсь забраться в такую машину.

– Нет, не моя. Машина – имущество компании, – объясняет он,

открывая передо мной дверь с игривым блеском в глазах.

* * *

Я не могу не оценивать тепло машины после холодного ветра снаружи и, конечно, осязаемый вкус безупречной роскоши. «Астон Мартин» напоминает мне самолет, он такой футуристический. У меня такое чувство, что я вышла из этого года и попала куда-то в другое десятилетие. Кэл улыбается, наблюдая за мной.

– Должно быть, ты очень ценный сотрудник, – смеюсь я, всё ещё под впечатлением.

– Я усердный работник. Во всех смыслах, – говорит он, и я мысленно спрашиваю себя, намек ли это или мой мозг достиг дна. Мозг, прекрати!

– Ещё раз, чем ты занимаешься? – я говорю «еще раз», хотя он так и не ответил мне в прошлый. Теперь, когда я еду в *этой* машине, я стала ещё более любопытной, чем раньше.

– Я работаю в корпорации «Crest Field», – отвечает Кэл и включает радио.

Ладно. Не совсем то, о чём я спрашивала, но я принимаю ответ на вопрос «где ты работаешь?» вместо «чем ты занимаешься?».

– Сколько тебе лет? – спрашиваю я, пытаюсь выяснить, намного ли он старше того, насколько выглядит. Кэл должен занимать какую-то нецензурную должность, чтобы пользоваться такими преимуществами работы, как такая машина.

– Двадцать с чем-то, – остроумно отвечает Кэл.

– А почему ты носишь очки? – любопытствую я.

Он похож на человека, который носил бы линзы, если бы у него был выбор.

– Так люди будут думать, что я умный, – лукаво улыбается Кэл и снимает их, к моей радости. Он выглядит в них сексуально, но теперь я могу видеть его завораживающие глаза.

– Ты волнуешься по поводу вечера? – спрашивает он, меняя тему разговора.

– Очень, если честно. Я всё ещё не могу поверить, что иду.

– Ну, хоть кто-то из нас, – вздыхает он.

– Я так понимаю, тебя не интересует искусство?

– Кое-кто однажды сказал мне, что всё вокруг – это искусство, поэтому я не пошёл бы в музей, чтобы увидеть его.

Я немного хмурюсь, здорово пойти с кем-то, кто разделяет мой интерес к искусству, но я слишком возбуждена, чтобы расстраиваться.

– В общем, я решил, что мне надо, по крайней мере, посмотреть на что-

нибудь красивое, – говорит он, улыбаясь мне флиртующей улыбкой.

Я не могу не улыбаться, вечер начинается очень хорошо. Я не могу дожидаться, когда увижу другие сюрпризы, которые могут оказаться у Кэла в запасе.

Глава 11

9 мая 2011 года

Люблю весенний бриз в Сагино. Я закрываю глаза, и прохладный ветерок обдувает меня, оставляя на теле мурашки от смены температуры. Смотря на часы, я вижу, что время три утра. Уже четыре дня мы живем в Сагино. Эти дни пролетели как одно мгновение.

Кэл остался – скромный жест, но он так много значит. Вот так мы уже давно не были вдвоем, без претензий или расписаний – просто быть с ним целый день и не бояться, что его оттолкнет мой телефонный звонок.

Мне удалось растопить лед, и Кэл показал мне ту часть себя, которую я не видела уже давно. Я знаю, у нас впереди долгий путь, но тот факт, что он остался здесь – это шаг в правильном направлении. Конечно, есть моменты, когда он выглядит потерянным в своих мыслях, куда он уходит, чтобы побыть в одиночестве, оставляя Рейвен и меня одних.

В такие моменты моё сердце тянется к нему. Я чувствую, как он борется с чем-то, что мне никогда не покажет. Я не донимаю его из-за этого, хотя надеюсь, что, в конце концов, он научится полагаться на меня точно так же, как и я на него.

С часу ночи я сижу на балконе. Мне действительно следует постараться немного поспать. Я возвращаюсь в комнату, где Кэл растянулся на кровати, и не могу сдержать улыбку: он похож на маленького мальчика, когда спит, такой невинный и умиротворенный. Я иду на цыпочках к другому краю кровати, снимаю халат и ложусь.

Забираясь под одеяло, я кладу голову ему на грудь. Я не делала так уже месяц, и поэтому осторожно обнимаю его рукой. Я так сильно скучала по этому. Когда всё стало плохо, я ненавидела желание быть рядом с ним. Меня возмущала моя тоска по прикосновениям того, кому, как казалось, я была не нужна, так что я отступала назад.

Поворачиваюсь к нему и наблюдаю за его дыханием. Оно всегда неглубокое и едва различимое – почти такое, как будто Кэл вообще не дышит. Он всегда спит тихо: никогда не храпит и большую часть времени его лицо спокойно. Но бывает так, что его дыхание учащается, будто у него в голове одновременно происходит миллион событий. Я стараюсь

насладиться моментом и не думать о чём-то ещё, но он такой непредсказуемый и я не удивилась бы, если бы он вдруг вскочил и сказал, что возвращается в Чикаго.

Должно быть, Кэл услышал мои последние мысли. Теперь он поднялся и посмотрел на меня, возможно попытавшись понять, что у меня в голове. Я бы сказала, что он уделил мне своё внимание, но больше похоже на то, что это я – всё внимание.

– Ты слишком много думаешь, – шепчет он, массируя мою поясницу.

Я вздыхаю:

– Как и ты.

Я кладу свою ладонь в его. Он с минуту улыбается и встаёт с кровати. Я смотрю, как он берёт сумку, с которой приехал, и исчезает в ванной. Слышу, как начинает шуметь вода, ведь здесь такие тонкие стены. Передвигаясь на другую сторону кровати, я пытаюсь лечь поудобнее. Но это бессмысленно. Я слишком встревожена. Знаю, что не смогу сейчас уснуть. Как только я просыпаюсь, для меня очень сложно заснуть ещё раз.

Поют сверчки – я уже давно их не слышала. Когда ты живёшь в высотке, то скучаешь по роскошной возможности слышать их убаюкивающую, хотя иногда и надоедливую песню.

Встаю с кровати и включаю радио, которое стоит на комод. Мягкие звуки льются из динамиков – это единственная станция, которую слушает Рейвен. Я научилась это ценить больше, чем в свои юные годы, когда думала, что это скучно. Но теперь музыка гипнотизирует мой разум, заставляя меня забыть о стрессах, которые загружают мои мысли.

Мой взгляд скользит по будильнику, комфортно устроившемуся между трёх книг и моим старым школьным фото. Светло-зеленые цифры говорят мне, что сейчас 3:20. Мне, правда, надо поспать. Я натягиваю одеяло на рот, пытаюсь скрыть вырвавшийся зевок. Я не устала. Ну, мой мозг не устал, но тело с этим несогласно.

Падаю на кровать и ложусь поперёк, упираясь лицом в матрац и поглощая остатки тепла Кэла, которые остались на кровати. Закрывая глаза, я надеюсь, что музыка подействует на меня как колыбельная, и я снова засну. Начинаю напевать песню, и она через минуту ко мне уже прилипает. Вижу, как в холле зажигается свет, и тут же исчезает. Я узнаю его запах и тут же открываю глаза. Мне нравится его одеколон, но правда в том, что ему он и не нужен, ведь его собственный запах так опьяняет.

– Я хочу есть, – говорит Кэл, находясь в шаге от кровати.

– Хочешь пойти куда-нибудь? – спрашиваю я.

Я встаю с кровати в поисках чего-нибудь, чтобы на себя накинуть, так как нам придется долго ехать, прежде чем мы найдем в это время какое-нибудь открытое кафе.

– Приготовь мне что-нибудь, – говорит он, выходя из комнаты.

– Должно быть, ты очень голоден, раз захотел мою еду, – хихикаю я.

Мы направляемся к лестнице и спускаемся на кухню. Кэл включает свет и садится за стол. Я с любопытством смотрю на него.

– Ты собираешься вот так стоять и смотреть на меня весь день? У меня типа живот урчит, – поддразнивает он меня, потирая живот, и подпирает голову рукой. Я игриво закатываю глаза.

– Прошу прощения.

Я возмущенно кладу руку на грудь и направляюсь к шкафчикам. Достāju буханку хлеба и открываю холодильник, чтобы взять упаковку ветчины.

– Не-а, – говорит он.

Я поворачиваюсь к нему с поднятыми бровями.

– Приготовь мне что-нибудь, – его глаза вызывающе улыбаются.

– Ты, правда, хочешь, чтобы я приготовила что-нибудь? – спрашиваю с недоверием.

Он скрещивает руки на груди, а на лице веселая улыбка. С тех пор, как я познакомилась с Кэлом, он никогда не просил меня *что-то* приготовить ему. Я говорила ему, что ужасно готовлю, когда мы встретились, и до настоящего времени он помнил об этом. Но я, как никто другой, могу подать блюдо.

– Только если пообещаешь, что съешь всё, что я приготовлю, – бросаю я вызов, скрещивая руки.

– Договорились.

Я принимаю позу мыслителя, обхватывая пальцами подбородок, и, по крайней мере, пытаюсь придумать что-нибудь съедобное. Сейчас утро и яичница – это просто. Я видела, как её готовить тысячу раз.

– Приготовься к лучшей яичнице в твоей жизни, мистер Скот, – хвастаюсь я, доставая из холодильника яйца и сыр.

– Просто пообещай мне, что это будет не последнее, что я съем, – смеется он.

Я бросаю на него теплый взгляд и готовлю рабочее место. Он заходит за стол и опирается на него, думаю, чтобы лучше меня видеть.

– Ты хочешь мастер-класс по готовке? – шучу я, пока мою руки.

– Скорее хочу убедиться, что ты не спалишь дом Рейвен, – говорит Кэл.

Я в шутку слегка толкаю его локтем в грудь.

– Итак, сначала разбиваем яйца, – начинаю объяснять я, демонстрируя процесс. Яйцо падает прямо в миску, но... чёрт.

– Не думаю, что скорлупа там тоже должна быть, – он прикрывает рот рукой, заглушая смешок.

– Она идет в комплекте, – говорю я с сарказмом. Кэл качает головой и берет вилку, пытаюсь вытащить скорлупу из миски.

– Ты должен съесть всю скорлупу и тебе должно понравиться, помнишь? – говорю я, припоминая его обещание. Он вздыхает. – Теперь не думаешь, что ты такой умный, да? – я добавляю соль и перец, и собираюсь добавить сливочное масло. Кэл хватается меня за запястье.

– Ладно, я думаю, масло добавляют на сковородку, а не в яичную смесь, – смеется он.

– Ну, в мою яичницу добавляется масло, – говорю я, шлепая его. Мужчина неожиданно обнимает меня за плечи и отодвигает.

– Думаю, теперь я продолжу, – смеется он, и я надуваю губы.

– Но я думала, ты хочешь, чтобы я что-то приготовила для тебя, – хнычу я.

– Я тоже так думал, – бормочет он, и я в шутку ударяю его.

Я с завистью отхожу назад к столу и смотрю, как Кэл ходит по кухне. Должна признать, он лучше смотрится на кухне, чем я.

– С каких это пор ты стал шеф-поваром? – спрашиваю я, когда он начинает взбивать яйца с видом профессионала.

– Не нужно быть шефом пятизвездочного ресторана, чтобы приготовить яичницу, – подмигивает он.

Теперь я, правда, жалею, что я не оттачивала свои кулинарные навыки, пока Кэла не было дома. Прошло совсем немного времени, а яичница уже готова, так что он ставит передо мной тарелку с самой аппетитной яичницей в моей жизни. Он полностью наполняет ложку и подносит её к моему рту. «Боже, так вкусно».

– Ладно, ты выиграл. Я поработаю над своей готовкой, – говорю я, пока мы едим.

Через пару секунд я решаю воспользоваться преимуществом его хорошего настроения, чтобы кое-что ему сказать.

– Я подумываю о том, чтобы получить степень магистра, – говорю я ему после нескольких кусочков.

– Зачем тебе это? – спрашивает Кэл без восторга.

– Ну, я ещё ничего не решила по поводу последнего курса. Я просто думала об этом, – он молчит. – Что вы думаете по этому поводу, сэр?

– Ты знаешь, что я думаю по этому поводу, – говорит он, доедая яичницу.

– Магистр – это не бакалавр, Кэл. Степень магистра имеет больше веса и престижа.

– Это жалкая бумажка, на которую ты потратишь тысячи долларов. Это пустая трата твоей жизни – работать на жалкой работе, которую ты будешь ненавидеть.

Он встает и ставит свою тарелку в раковину.

– Дело не только в этом. Так я смогу доказать себе, что сама могу чего-то добиться и получить что-то ещё, кроме... – я замираю от его неодобрительного взгляда.

– Слушай, я думаю, это хорошо, что ты хочешь добиться чего-то в жизни. Думаю, раз ты со мной и у меня такая работа, это хорошо, что ты решила потратить время с пользой, но степень магистра по английской филологии? Разве ты хочешь сейчас преподавать? Ты презираешь мир корпораций. Что ты собираешься с ней делать?

Раздраженная, я отталкиваю тарелку. Я действительно по-другому себе это представляла.

– Думаю, тебе стоит открыть галерею, – говорит он, возвращаясь за стол.

Я изумленно выпячиваю глаза.

– Правда?– говорю я, не веря своим ушам.

Он улыбается и скрещивает руки на груди.

– Да, почему нет? Твои работы такие же хорошие, как и дерьмо Декса на его стенах, – говорит он.

Я прикусываю язык, решая принять комплимент во что бы то ни стало, и осмеливаюсь высказать серьезную мысль.

– Ну, это не было бы просто моей работой. И мне нужно будет выставлять работы более престижных художников. Открыть галерею – это слишком много работы и очень затратное дело...

– Думаю, тебе придется пожертвовать парой-другой своих туфель, а я могу обойтись без нескольких «Ролексов», – замечает он с насмешкой, припоминая мои ранее сказанные слова.

Я вскакиваю и подхожу к нему, чтобы сесть ему на колени.

– Ты, правда, думаешь, что у меня получится?– спрашиваю я, глядя ему в глаза.

– Ну, я же не женился на тебе из-за твоих кулинарных навыков, – остроумно отвечает он, и я смеюсь.

В такие моменты я знаю, почему я здесь и почему так усердно борюсь

с его воздвигнутой стеной.

– Предстоит много работы. Я... Боже, милый, я так взволнована! Даже не знаю, с чего начать, – восторженно говорю я.

– Я могу думать только о том, что хочу сделать с тобой прямо сейчас во всех смыслах.

Я вижу озорство в его глазах, и они прикованы ко мне, а его руки залезают под мою рубашку. Спрыгивая с его колен, я начинаю отходить от него с игривой улыбкой на лице. Кэл встаёт и медленно идёт за мной до тех пор, пока я не останавливаюсь, оказавшись в ловушке между ним и кухонным столом. Он кладет обе руки мне на талию.

– Нет, – несмело говорю я, прежде чем он поднимает меня, усаживая на стол, а я обнимаю его бедрами, затем Кэл принимается целовать мою шею.

– Нет, Кэл, не здесь, – умоляю я, пока его губы не целуют мои. Мне необходимо собрать всю свою волю, чтобы оттолкнуть его. – Что, если Рейвен проснется?

Он тяжело вздыхает, и прежде чем я могу почувствовать, его руки оказываются на моем голом животе. Поднимая со стола, он уносит меня в кладовую и закрывает за собой дверь.

– Но Рейвен..! – протестую я, пока он приподнимает мою широкую шелковую рубашку до пупка и нежно поглаживает его пальцами.

– Тогда тебе лучше быть тихой, – шепчет Кэл мне на ушко, прежде чем туда проскальзывает его язык. Мгновение спустя, он уже внутри меня, а я беспомощна. Я плотно обхватываю его шею, обнимая ногами его талию, и пытаюсь приглушить свои стоны, прижимаясь к его плечу. Мужчина прижимает меня к задней стене, убирая мои руки с его шеи, и держит их над моей головой, обхватывая запястья. Моё тело становится полностью открытым для него, и он этим пользуется, входя в меня ещё глубже. Я кусаю свою губу, стараясь не застонать. Его губы целуют мои ключицы, и я сдаюсь, не в силах больше сохранять тишину. Через секунду я теряюсь. Моё тело попадает в рай, пока Кэл продолжает ритмично двигаться внутри меня. Я чувствую приближение оргазма, но где-то вдалеке слышу шаги. Это совсем не хорошо!

– Кэл... ты-ы... с-с-слышишь? – моё предложение звучит несвязно даже для меня.

– Заткнись, – говорит он, и крепче сжимает мои запястья, чем раньше. Я сильнее обхватываю его ногами и начинаю двигаться вместе с ним. Это должно случиться быстрее.

«Боже, пожалуйста, пусть Рейвен не идёт на кухню».

– Чёрт, Лорен, – стонет он, отпуская мои запястья, и я благодарна за то, что снова могу уткнуться ему в плечо.

– Сейчас... – и я отключаюсь как раз, когда открывается дверь, и свет с кухни освещает самое последнее (и самое травмирующее), что Рейвен ожидала увидеть в своей кладовке.

– О Боже! Милая, извини! – голос Рейвен превращается в хриплый визг.

Я не вижу ее лица, но Кэл выглядит так, будто он увидел призрака. Дверь быстро закрывается, и Кэл опускает меня. Через секунду он разражается смехом. Я бью его много раз.

– Я ведь говорила тебе, что мы не должны быть здесь! – злобно ругаю я его, пока он надевает боксеры.

– Извини, детка, но ты не должна была ходить вокруг меня в таком виде! – говорит он в свою защиту, указывая на его рубашку, которую я надела.

– К тому же сейчас утро, – добавляет он, стараясь сохранить серьёзное лицо.

Это совсем не смешно! Как мне вообще смотреть в глаза Рейвен после такого. Слава Богу, я не видела её лицо, когда она застала нас.

– Я скажу ей, что это моя вина! – говорит он, проглатывая смешок.

– Конечно, это твоя вина! Боже, нет, ты не будешь с ней разговаривать. Это сделает всю ситуацию ещё более странной.

Я скрещиваю руки на груди, расстроенная произошедшим.

Он притягивает меня к себе и крепко обнимает.

– Детка, не волнуйся. Уверен, с Рейвен случилось нечто подобное в кладовке, – смеется он, и я отталкиваю его.

– Фууу, – меня передёргивает, и я ударяю его ещё раз.

– Ну, а что, Рейвен очень даже секси!

Глава 12

10 мая 2008 года

– Так ты говоришь, будто эта картина не пробуждает в твоей душе желание творить? – говорю я с сарказмом, подталкивая его локтем.

Это уже пятая картина, которая ему не нравится. Кэл улыбается и слегка вздыхает.

– Не совсем, – говорит он с небольшой улыбкой.

– Серьёзно? Как это может тебя не зацепить? – спрашиваю я, глядя на него.

Его лицо становится причудливым. Он обходит меня, придерживая рукой за подбородок и имитируя глубокую задумчивость.

– Это поезд, проходящий сквозь стену – гениально! – насмешливо говорит парень.

Если бы его чёртова улыбка не была такой завораживающей, я была бы весьма заинтригована.

– Ладно, может, современное искусство – не совсем твоё, – уступаю я.

Я осматриваю музей. Уже давно я здесь не была, и они выставили так много экспонатов по случаю гала-вечера. У меня появляется идея, и я не могу сдержать улыбку. Я беру его за руку, и мы быстро идем до тех пор, пока мне на глаза не попадается картина, которую я ищу. «Победа!» Бросая на него взгляд, я вижу, что он смотрит не на мой затылок, а кое-куда ниже. Притворюсь, что я этого не заметила.

Останавливаюсь перед картиной, и Кэл выжидающе смотрит на меня.

– Ладно, а эта о чем? – спрашиваю я его с любопытством.

Наблюдаю за ним, пока он подходит ближе, осматривая картину.

– «Воскресный день на острове Гранд-Жатт» – читает он.

– Тебе нравится? – спрашиваю я.

Парень пожимает плечами.

– Ничего так, – сухо отвечает он.

– Ничего так? – смеюсь я, не веря в это, – Жорж Сёра совершенствовал форму пуантилизма ещё перед тем, как об этом, правда, задумались. Всё это началось с точек и взгляда... – я замираю, чувствуя тепло его тела позади меня. Прерываясь на полуслове, я ощущаю его тёплое дыхание на шее, пока он одной рукой убирает мои волосы на другую сторону. Его другая рука находит мою талию, а пальцы начинают медленно скользить вниз до бедра.

– Как я уже говорил, – Кэл проводит пальцами по шее, а его губы полируют моё ухо, – думаю, здесь есть вещи более интересные, на которые стоит посмотреть, – шепчет он.

«Лорен, возьми себя в руки и успокойся». Я ничего не могу поделать со своим телом, которое только что так среагировало, а ведь он едва коснулся меня, но зато в нужных местах. «ПЕРЕСТАНЬ!» Я складываю руки на груди, просто чтобы убедиться, что Кэл наверняка не видит реакцию моего тела.

– Ты так не думаешь? – игриво возражает парень, отходя назад с улыбкой.

«Боже, помоги мне». Мы здесь только час, а я уже не могу избавиться от мыслей о нём, которые должны были появиться на четвертом или пятом

свидании. Глубоко вдыхая, я снова стараюсь обрести спокойствие, прежде чем подойти к нему и присоединиться к рассматриванию огромной чёрно-белой фотографии океана.

– Вот это мне нравится, – говорит он, пристально всматриваясь в фотографию. Я тоже смотрю на неё. Мне никогда особо не нравились фотографии, но должна признать, что эта прекрасна.

– И я вижу, почему, – констатирую я, очарованная ею.

– Она настоящая. Без украшений или чувствительных датчиков. Всё, как есть на самом деле, – тихо говорит Кэл. – Так, что именно ты рисуешь? – он разрушает чары и обращает на меня всё своё внимание.

Я смеюсь:

– Чем именно ты занимаешься?

– Многим, – ухмыляется он.

– И я, – я тоже улыбаюсь.

Если он не хочет ничего мне рассказывать, я тоже ничего ему не скажу.

– Я покажу тебе мою любимую картину, – улыбаюсь я, и веду его туда, где, как я помню, она была в последний раз. К счастью, она всё ещё там, так что я не выгляжу как идиотка.

– Дега – мой самый любимый художник. Он потрясающе изобразил свет и передал цветовую гамму.

– «Танцевальная школа», – читает он карточку внизу. – Я видел её в Вашингтоне в прошлом году.

– Думаю, он заключил сделку ради другой картины. Стой, ты был в музее? – самодовольно улыбаюсь я.

– Типа того, – намекает Кэл. Он любит говорить загадками.

– Хмм, подсказка... Ты работаешь в музее? Ты коллекционируешь живопись? Или ты печально известный вор, и присматриваешься к картинам для следующей кражи? – гадаю я в шутку.

– Ты, правда, хочешь знать, чем я занимаюсь? – говорит он с коварной ухмылкой.

Вдруг парень становится серьёзным и подходит ближе, не отводя взгляд. Я не даю своим глазам переключиться на его губы. Он медленно наклоняется ко мне и шепчет:

– Я работаю на мафию.

Вздыхая, я мягко толкаю его, и у него на лице появляется широкая улыбка.

– Ладно, ладно, я перестану спрашивать, – уверяю я его. – Это ведь законно, да? – неуверенно интересуюсь я.

Кэл привычно пожимает плечами, слегка улыбаясь.

– Может быть, да, а может, и нет, – ещё более уклончиво говорит он.

Я закатываю глаза. Вдруг карман его пиджака начинает вибрировать, и он достаёт телефон.

– Это займет одну минуту, – обещает он, и я киваю в знак прощения.

Слышу, как он говорит «Алло», пока отходит вглубь зала. Моё наслаждение видом прерывает голос:

– Привет. Я – Дэррел Камин, фотограф из «Джорнал». Не возражаете, если я сниму, как вы смотрите на эту картину? – спрашивает он, уже подготавливая свою камеру. Я даже не знаю, откуда появился этот парень.

– Эм... конечно, – говорю я, но когда снова смотрю в зал, Кэла нигде не видно. Могу поклясться, он только что был здесь.

Фотограф ставит меня перед картиной.

– Просто смотрите на картину естественно, – командует он. Я смотрю на картину и вижу её впервые.

– Так нормально? – спрашиваю я, чувствуя легкое порхание бабочек в животе.

– Идеально, не двигайтесь. – Я слышу тихий щелчок фотоаппарата, а за ним: «Готово».

– Спасибо, – улыбается парень, и вместе со своим компаньоном уходит.

Я всматриваюсь в толпу, пытаюсь найти Кэла. Войдя в главный зал музея, я рассматриваю людей. Все гости одеты безупречно, а официанты несут подносы с дорогим шампанским, лавируя между ними. Расслабляющая тишина предыдущего зала сменяется низким гулом болтовни, стуков каблуков и тихой игры фортепиано.

Я иду сквозь толпу и пытаюсь отыскать моего красивого спутника ростом метр восемьдесят с чем-то, чувствуя, как кто-то легко берёт меня за руку. У меня вырывается вдох облегчения, но я оборачиваюсь и вижу, что это Джейсон.

– Лорен, так и думал, что это ты, – счастливо говорит он.

– Привет, – говорю я, стараясь соответствовать его восторженной манере.

«Боже, я не хочу застрять с ним, слушая его болтовню весь вечер». Продолжая осматривать всё вокруг, я надеюсь где-нибудь увидеть Кэла.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает он, не замечая моей тревожности.

– Я... меня пригласили.

– Правда? – спрашивает он, подойдя ближе, чем мне хотелось бы.

Я отхожу назад, пытаюсь вернуться в зону комфорта, в которую он вторгся, но парень продолжает ближе подходить ко мне.

– Извини меня за тот ужин, мне, правда, жаль. Позвонил мой босс, – объясняет он.

«Слишком занят, чтобы позвонить, и узнать, как я добралась домой, да?»

– Всё в порядке, я понимаю.

«Боже, почему я всегда такая милая?»

– Да, хорошо. Знаю, это уже во второй раз. Правда, я просто хочу извиниться; такого больше не повторится, – Джейсон он.

Я знаю, что такого больше не повторится, потому что никогда больше не пойду с ним на свидание. Нам обоим становится неловко, и я снова принимаюсь искать в толпе Кэла.

– Хочешь шампанского или ещё чего-нибудь? – спрашивает он.

– Нет, спасибо, – вяло улыбаюсь я. – Твой глаз выглядит лучше, – говорю я ему. Он всё ещё слегка опухший, но нанесенный тональный крем прекрасно скрывает это.

– А, да. Почти не болит, – говорит он, проводя по глазу рукой. Джейсон улыбается мне. – Т-ты прекрасно выглядишь, – говорит он, осматривая меня с ног до головы.

Я раздражённо обнимаю себя руками. Такое чувство, что он видит меня сквозь одежду, и это ужасно.

– Спасибо. Мне нравится твой костюм, – отвечаю я на автомате.

– Спасибо, я только купил его, – отвечает парень, гордо поглаживая край пиджака. – Эмм, у тебя есть какие-то планы после гала-вечера? – спрашивает он, снова подходя ко мне.

– Вообще-то... – я начинаю придумывать отговорку, чтобы избежать ещё одного свидания, похожего на пытку, когда чувствую, как сильная рука обнимает меня за талию, и Кэл снова стоит рядом со мной, смотря с приподнятой бровью и сексуальной улыбкой.

– Я потерял тебя на минуту, – говорит он.

– Больше, похоже, что я тебя потеряла, – отвечаю я, благодарная за его возвращение.

На секунду я забыла, что Джейсон вообще здесь стоит. Я бегло осматриваюсь, замечая, что он выглядит недовольным, но больше смущённым.

– Джейсон, это Кэл, – представляю я их друг другу. Я должна чувствовать неловкость, но мне весело, как никогда.

Джейсон протягивает руку и Кэл пожимает её. На мгновение, на лице

Джейсона появляется злость.

– Печально известный Кэл, – натянуто смеется он, и проводит рукой по своему синяку под глазом. После этого я вспоминаю, что именно из-за Кэла он и получил этот синяк. Смотрю на Кэла и вижу, что его лицо всё ещё спокойно, если я правильно понимаю.

– Лорен, я думал, что ты будешь держать наши полуночные эскапады в тайне, – говорит он, притягивая меня ближе.

Я внимательно смотрю на Джейсона, который уже краснеет от злости и смущения, но не уверена, от чего больше. Мне немного жаль его, но так не хочется вырываться из удобных объятий Кэла.

– Что ж, я лучше пойду. Мне надо много чего написать для газеты, – бормочет он, уже начиная уходить.

– Рада была увидеть тебя, – я легонько машу ему вслед.

– Джейсон, аккуратней, – говорит Кэл, указывая на балку над его глазом.

Джейсон плотно сжимает губы и раздраженно уходит. Наконец-то я вздыхаю с облегчением.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, но, кажется, у тебя здесь есть ещё варианты? – весело смеется Кэл.

– Вы на что-то намекаете, сэр? – говорю я в надежде, что мой сарказм скрывает смущение в голосе.

– Да нет. Просто я думал, что был единственным игроком на поле, – отвечает он, скрепя руки на груди, а на его лице появляется самодовольная улыбка.

– Ты не похож на человека, которого можно легко запугать, – колко замечая я, подыгрывая ему.

– Да, это так, – высокомерно смеется парень. – Думаю, мне нужно предпринять что-то ещё, чтобы стать незабываемым, – говорит он, оставляя меня позади и так соблазнительно улыбаясь, что я не в силах не пойти за ним.

Глава 13

9 мая 2011 года

Уже несколько часов я хожу на цыпочках по дому, стараясь не натолкнуться на Рейвен. Я ещё не виделась с ней после самого неловкого момента в моей жизни. Как я подозреваю, она сразу ушла из дома после того, как застучала меня с Кэлом в кладовке. Мы выгнали бедную женщину из её собственного дома. «Ну, разве это не ужасно?»

Всё это время я думаю, где воспользоваться сетью Wi-Fi в Сагино. Мой разум в беспорядке, генерируя идеи и мечты по поводу открытия своей галереи. Не знаю, почему я сама никогда об этом не думала. Я улыбаюсь при мысли об озарении Кэла этим утром. Он может быть сдержанным, равнодушным и растерянным почти всё время, но как бы далеко ни были его мысли, это не меняет того факта, что он знает меня – знает, как сделать меня счастливой. На данный момент он должен знать, что расстраивает меня и может ранить в самое сердце.

Я спускаюсь на первый этаж и вижу, что Кэл уснул на диване, смотря программу «Спортс Сентер». Улыбаясь, я устраиваюсь рядом с ним и вдыхаю его запах. После всех этих лет я до сих пор не могу поверить, как от него может так хорошо пахнуть всё время. Он двигается, давая мне возможность лечь рядом с ним. Я тянусь к пульту, который лежит у него на груди, но он хватается его.

– Ты же спишь, – жалуясь я.

– Но я всё ещё слушаю, – возражает он, по-прежнему не открывая глаз.

– Ты такой эгоист, – говорю я с недовольной гримасой, прижимаясь ближе к нему и наслаждаясь теплом его тела.

– Нет, просто ты слишком боялась спуститься вниз первой, – возражает Кэл.

– Как все прошло... с Рейвен?

– Всё нормально. Я извинился и сказал ей, что это была моя вина.

– Как она это восприняла?

– Она сказала, что тоже была молодой, и чтобы ты не переживала. Говорю тебе, у неё точно раньше что-то было в кладовке, – смеивается он.

Я в шутку ударяю его.

– Ты ещё не говорил с Декстером?

– Нет, он в Ирландии. А зачем?

– Ну, ты говорил, что если ты останешься здесь, то можешь сорвать с ним сделку. Я просто хотела знать наверняка, что у вас всё в порядке.

– Да, я как раз занимался этим... сам. Я не собирался говорить Дексу, пока всё не будет утверждено. Ничего страшного.

– Ладно, а что было бы, если бы ты... – я прерываюсь, так как звонит его телефон. Вижу отсюда, кто звонит. Это Декс.

– Легок на помине, – смеется Кэл, и отвечает. – Декс! Ну, как там местное виски? – спрашивает он с широкой улыбкой на лице.

Я слышу голос Декстера, но его тон совсем не такой громкий и шутливый, какой обычно бывает с Кэлом. Через несколько секунд улыбка

Кэла пропадает, а его лицо становится серьезным.

– Кэл, что случилось? – спрашиваю я, замечая смену его поведения. Я ещё никогда не видела его лицо таким.

– Да, я всё ещё здесь, – почти рассеянно говорит он. Его лицо выглядит обеспокоенным, но глаза почти ничего не выражают. Он медленно садится, заставляя меня также сесть. – Когда им сообщили эту информацию? Насколько всё плохо? Да, она здесь. Мы в Сагино, у её тети.

Кэл встает и идёт в другой конец комнаты. Я тоже встаю и иду за ним. Он перекладывает телефон к другому уху.

– Одну минуту, ладно? – говорит мужчина. Его голос дрожит, и это заставляет моё сердце биться быстрее. Я ещё никогда не видела его таким.

– Мальщ, что случилось? – инстинкт кричит мне не оставлять его одного.

– Мне нужна минута, – его голос звучит холодно и сурово.

Вопреки здравому смыслу я киваю и отхожу назад, позволяя ему выйти из дома. Я вижу из окна, как он ходит из стороны в сторону и продолжает говорить по телефону. Никогда ещё не видела его таким удрученным. Злым – да, но не таким. Я бы отдала всё на свете, чтобы услышать, что ему сказали. У меня засосало под ложечкой – такое же чувство возникает, когда я вижу знакомую сумку, которую он берёт при поездке в командировку, но сейчас ещё хуже.

Машина Рейвен останавливается. Я смотрю, как она идет мимо Кэла в дом. Он здоровается с ней, но продолжает ходить и говорить по телефону. Я встречаю её на пороге.

– Милая, у Кэла всё хорошо? Он кажется расстроенным, – спрашивает тетя, закрывая дверь. – Ты в порядке? – спрашивает она, дотрагиваясь до моего плеча.

– Я-я не знаю. Ему позвонил Декстер, и о чём бы они ни говорили, но это точно что-то плохое, – объясняю я, обнимая себя за плечи.

Теперь мы обе стоим у окна, наблюдая за ним.

– Может, ему надо вернуться домой? – спрашивает Рейвен.

– Я не знаю. Может быть, но я думаю, дело в чём-то более серьезном. Он не показался тебе злым?

– Нет, скорее обеспокоенным или встревоженным, – говорит она, подтверждая мои страхи.

За три года я никогда не видела его встревоженным или взволнованным из-за чего-то.

– Обычно Кэл так не переживает из-за работы, – вслух говорю я, но больше самой себе.

Кэл хорош в своём деле, и я бы даже сказала, что он предан ему, но оно не волнует его до такой степени. Всего лишь раз я видела его в таком эмоциональном состоянии из-за работы, и это было как раз перед тем, когда всё начало меняться между мной и Кэлом. Тем не менее, это что-то другое. Наконец, он кладёт трубку и разочарованно проводит руками по волосам. Я направляюсь к двери, но Рейвен мягко берёт меня за руку.

– Милая, возможно, ему надо побыть одному? – говорит она.

Я смотрю, как он пинает ногой землю, как будто это чья-то голова.

– Я не могу, – говорю я извиняющимся тоном.

Может, ему и нужно побыть одному, но я не могу сдержаться. Мне необходимо узнать, что происходит, и всё ли с ним в порядке. Я быстро бегу вниз по ступенькам.

– Кэл, что-то не так? Что случилось?

Он бросает на меня взгляд и снова обращает всё своё внимание к земле.

– Что случилось? Поговори со мной, – умоляю я.

Я подхожу к нему ближе и прикасаюсь руками к его лицу. На секунду он становится уязвимым, и эти серые глаза, которые захлестывают меня, становятся редко появляющегося светло-зеленого оттенка. Кэл открывает рот, начиная говорить, и я представляю, что он вот-вот скажет мне, что случилось. Наконец-то он позволит мне узнать, что его так беспокоит, что бы это ни было. То, что всегда проскальзывает между нами и разделяет нас, вот-вот обнаружится. Но так же быстро, как и пришло, оно уходит. Его нет. Выражение лица Кэла становится холодным. Он убирает мою руку со своего лица и уходит от меня, стремительно направляясь к дому.

– Кэл, поговори со мной! – кричу я, следуя за ним, когда он уже входит внутрь. – Что сказал Декстер? Это по поводу сделки? – я иду за ним по лестнице в мою комнату. Он берёт своей кошелек и ключи.

– Ты уезжаешь? Что случилось? – Кэл выходит из комнаты, не говоря ни единого слова, и быстро сбегает вниз по лестнице.

– Куда ты едешь? Ты можешь сказать что-нибудь?

Я хватаю его за руку, но он вырывает её и выходит из дома. Выйдя за ним, я подавляю злость. Знаю, что-то не так. Кэл выключает сигнализацию своего «Порше» и идёт к водительскому креслу. Открывая пассажирскую дверь, я забираюсь внутрь и пристегиваю ремень.

– Что ты делаешь? – резко спрашивает он.

– Я еду с тобой, – говорю я ему.

– Нет, не едешь, – коротко отвечает мужчина.

– Нет, я еду. Что-то случилось, и ты не скажешь мне, что именно. Я не

позволю тебе уехать вот так.

Складывая руки на груди, я смотрю перед собой и избегаю его разгоряченного взгляда. Я кладу ногу на ногу, понимая, что выгляжу смешно, ведь на мне нет обуви, но если выйду из машины, он добьется своего.

– Лорен, выходи из машины, – говорит Кэл, и его голос становится громче.

– Нет, я еду с тобой, – решительно говорю я.

– Лорен, выходи из чёртовой машины! У меня нет на это времени! – кричит он.

– Нет! – кричу я на него в ответ. Через секунду он выходит из машины и идёт к моей двери. Он открывает дверь, и я пристально смотрю на него.

– Не заставляй меня вытаскивать тебя из машины, – тихо говорит мужчина, и я игнорирую его настойчивый взгляд.

Через секунду он уже отстегивает мой ремень безопасности. Я отталкиваю его, и он обхватывает меня за талию, поднимая с сиденья.

– Я не выйду! – я хватаюсь за руль и держусь изо всех сил, но ему каким-то образом удаётся ослабить мою хватку. А во время этого я как-то задеваю гудок. Мы сделали столько всего, чтобы не привлекать внимание.

– Прекрати, Кэл! – кричу я на него, пока он несёт меня к дому.

Я пытаюсь вырваться из его рук. Один из соседей Рейвен вышел из дома и смотрит на нас. Должно быть, Кэл тоже заметил его, поэтому опускает меня на землю. Я уже собираюсь идти обратно к машине, но он преграждает мне путь.

– Чёрт, Лорен! Иди в дом, ты не едешь со мной!

– Почему? Почему мне нельзя с тобой поехать? – кричу я на него, и он разочарованно закрывает лицо руками.

– Ты просто не можешь! Ты тратишь моё время, заставляя меня заниматься с тобой этой ерундой! – кричит он. – Просто... просто иди в дом, – злобно продолжает Кэл, и я начинаю плакать. Он демонстративно качает головой. – Пожалуйста! – говорит он всё ещё громким тоном, но уже смягчившимся.

– Что там происходит? – яростно кричит Рейвен с крыльца. Очевидно, она услышала тот шум, который мы вызвали. И последнее, чего бы мне хотелось – это смущать её всей этой драмой на её переднем дворе.

– Ладно, тогда иди, – говорю я, глотая всё ещё льющисся слёзы и указывая на его машину.

– Я вернусь, – его единственные слова перед тем, как он садится в машину.

Спустя несколько секунд я замечаю, что Рейвен стоит возле меня. Она что-то говорит, но я не могу толком разобрать. Всё моё внимание приковано к черному «Порше», который выезжает с подъездной дорожки, забирая с собой весь прогресс за прошедшие пару дней. Я понимаю, что всё это было как повязка на открытой ране, которая ещё даже не собирается заживать.

Глава 14

10 мая 2008 года

– Вот, мы и пришли, – говорит Кэл, когда мы останавливаемся перед одной из двух дверей на всём этаже. Он открывает её и отходит в сторону, позволяя мне войти первой.

В машине мне это казалось хорошей идеей – подняться в его квартиру, но сейчас я сама сомневаюсь в правильности этого поступка. После того, как мы вышли из музея, он упоминал, какой прекрасный вид на горизонт открывается из его квартиры. Я сказала, что видела горизонт Чикаго только с террасы клуба, и тогда Кэл сказал, что из его окон открывается потрясающий вид.

Поднимая свой взгляд, я вижу, что он всё ещё ждет, пока я зайду. Я прикусываю губу. Может, это была не такая уж и хорошая мысль, я не знаю, что всё это предполагает в его мыслях... возможно, мне следует просто сказать, что я неважно себя чувствую, и поехать домой. Я смотрю на него ещё раз и вижу на его лице довольную ухмылку. Улыбаясь ему в ответ, я игнорирую его забавную реакцию на мою нерешительность и прохожу мимо него.

– Спасибо, – тихо говорю я, пока захожу в квартиру... или скорее пентхаус.

Бабочки в моём животе утروились. Стук моих каблучков о деревянный пол шоколадного цвета эхом отдаётся по всему дому. Я выпускаю изумлённый вздох и замечаю высокий сводчатый потолок, который разоблачает второй этаж, а к нему ведёт длинная закруглённая лестница.

Следующее, что бросается мне в глаза – это концепт открытой кухни с оборудованием из нержавеющей стали, которая отделена от зоны гостиной островком. Могу поспорить, он из гранита. Здесь нет много мебели. Только белая кушетка с угловым диваном, который подходит к ней по цвету и простирается на много миль вперед. Перед ним стоит телевизор с диагональю экрана, как минимум в семьдесят дюймов. Есть также круглый стеклянный столик, отделяющий диваны от телевизора. Но что заставляет

меня замереть на месте, так это прекрасные окна от пола до потолка. Удивляюсь, как я не заметила их раньше, ведь они занимают всю левую стену квартиры, открывая захватывающий вид на Чикаго.

– Это-это потрясающе, – тихо говорю я вслух.

Чувствую, как Кэл касается моих плеч, и нервы заставляют меня подпрыгнуть.

– То, что я помогаю тебе снять куртку? – улыбается он, указывая на неё.

«*Боже, Лорен! УСПОКОЙСЯ!*»

– Не нужно вот так незаметно подкрадываться к людям, – шучу я, и позволяю ему снять мою маленькую курточку, если её вообще можно так назвать, ведь она сделана из такой легкой ткани.

– Я запомню это, – причудливо говорит парень, и берёт то, что лучше описать как мою шаль, и исчезает в другой части дома.

Я потираю плечи, внезапно чувствуя себя уязвимой, ведь на мне только тонкий кусочек облегающей материи. Проведя рукой по уже раскрутившимся локонам, я подхожу к широкому кухонному островку и присаживаюсь на один из высоких белых стульев. Я снимаю свои лодочки в надежде, что на пульсирующих от боли ступнях не появятся мозоли, и поднимаю взгляд, как только появляется Кэл, направляющийся к стереосистеме.

– Это, правда, прекрасно, – говорю я ему, ещё раз поражаясь виду из окна.

– Спасибо.

Музыка начинает заполнять дом, играя одновременно навязчивую и завораживающую песню.

– Мне нравится эта песня, – говорю я, охваченная медленным и чувственным ритмом.

– Это одна из моих любимых, – отвечает он.

Кэл вынимает стеклянный кувшин из гигантского холодильника из нержавеющей стали и наливает воду со льдом в два стакана.

– Она интересная.

Вообще-то, мне на ум приходит другое слово, но я не хочу его озвучивать – сексуальная. Я слышала вульгарные песни о сексе, но никогда не думала, что песня не о сексе может быть почти эротичной.

– Я думаю, что она сексуальная, но может, так кажется только мне, – говорит он обыденным тоном. Улыбаясь мне озорной улыбкой, парень протягивает мне стакан, и я тоже улыбаюсь, чувствуя, как у меня горят уши.

– Это именно то слово, – соглашаюсь я, делая глоток воды.

Такое ощущение, что температура поднялась, по крайней мере, градусов на десять. Я начинаю осматривать квартиру, чтобы как-то отвлечься.

– Ты здесь проводишь много времени? – рассеянно спрашиваю я.

Большинство парней, которых я знаю, не часто занимаются уборкой. Даже когда у них остаётся девушка, если они уберут мусор со стола, то думают, что хорошо убрали. Но в этом доме нет ни единого пятнышка. Ни одна вещь не кажется неуместной. Каждая поверхность в доме блестит, и нигде нет пыли.

– Что ты имеешь в виду? – серьезно спрашивает он.

Я удивлённо поднимаю бровь.

– Эмм, не знаю. Я думала о том, что всегда сижу дома, если не на работе или на занятиях, – хихикаю я.

«Я только что хихикнула?» Ещё я начинаю понимать, какая у меня невероятно скучная жизнь.

– Ты была когда-нибудь за границей? – спрашивает Кэл.

– Дальше всего я была во Флориде, на свадьбе своей двоюродной сестры, – смеюсь я, наблюдая, как он заходит за барную стойку.

Я быстро обуваю свои туфли обратно.

– Это надо поправить, – говорит он, усаживаясь на барный стул рядом со мной.

Я чувствую покалывание на коже от того, что теперь мы сидим близко друг к другу, совсем одни. И я делаю глоток воды.

– Я ещё никогда не встречал таких женщин, как ты, Лорен, – говорит он, ещё раз бросая на меня пристальный взгляд. Его бровь поднимается вверх, словно парень пытается меня разгадать.

– Что ты имеешь в виду? – спрашиваю я, быстро допивая воду.

Кэл улыбается.

– Просто ты – одна из самых красивых женщин, что я когда-либо видел, и ты не пользуешься этим ради своих интересов. Здесь я ещё такого не видел, – говорит он, пока берёт меня за руку и ведёт в середину зала. Правда, я не знаю, что ответить на это.

– Я открою тебе секрет, – говорит Кэл.

Он обнимает меня одной рукой за талию, а в другую кладет мою. *«Пожалуйста, не будь женатым или серийным убийцей».*

– Тот день, когда мы встретились – это был не первый раз, когда я увидел тебя, – говорит он, и кладёт мои руки себе на плечи с хитрой улыбкой. Я нервно хихикаю. – Впервые я заметил тебя, когда был в

«Пещере». Ты была единственной официанткой, которая не подходила для этого места.

– Это комплимент? – спрашиваю я, смеясь.

– Комплимент, – говорит он с небольшой улыбкой на лице.

Я убираю руки с его плеч и нерешительно обхватываю шею.

– Ты довольно хорош в этом, – говорю я, слегка удивленная.

Кэл – первый парень из тех, с кем я когда-либо танцевала, и кто не оттоптал мне все ноги за первые десять секунд.

Он умело кружит меня.

– Не знаю, о чем ты говоришь, – невинно отвечает парень.

– Конечно, не знаешь.

Снова прижимая меня к своей груди, он продолжает танец. Его рука начинает поглаживать мою поясницу, и по спине пробегает дрожь. Его прикосновение наряду с этой музыкой почти что опьяняет. Я закрываю глаза и кладу голову ему на грудь. Пока мы качаемся вперед и назад в такт музыке, он ведёт меня во всех отношениях.

– Я никогда еще так себя не чувствовала, – тихо говорю я, сама не узнавая тон своего голоса.

– В хорошем смысле? – спрашивает Кэл. Я не могу даже произнести ни слова, а просто киваю. – Я могу сделать так, что ты будешь чувствовать подобное каждую ночь.

– Правда? – слегка смеюсь я, ощущая себя так, словно парю в воздухе.

Он неожиданно останавливается. Поднимая на него свой взгляд, я вижу, что парень пристально смотрит на меня.

– Я абсолютно в этом уверен.

– Но стал бы ты так делать? – спрашиваю я.

Не уверена, почему я так сказала. Я чувствую, что слегка не в себе, хоть и выпила сегодня всего лишь один бокал шампанского. Не хотела, чтобы Кэл чувствовал себя некомфортно, принимая во внимание, что он не пьет. Ну да, я чувствую себя слегка не в своей тарелке, но совсем не в плохом смысле.

– Если бы ты попросила, – отвечает он. Сарказм снова вернулся и испортил момент.

Я тихо смеюсь.

– Так вот, что ты говоришь всем девушкам?

Парень ещё раз кружит меня под своей рукой и прижимает к груди мою спину, обнимая руками за талию и покачиваясь под гитарный ритм в песне.

– Кто сказал, что мне приходится что-то говорить, – тихо отвечает он.

Его губы находятся на опасно близком расстоянии от моего уха.

– Уверена, что тебе и не приходится, – говорю я, стараясь показаться безразличной. – Так это отличает меня от всех остальных?

– Ты другая. С того момента, когда впервые увидел тебя, я знал, что ты другая.

– Как? – мне любопытно.

– Ну, ты не бросилась мне на шею, как только увидела мой «Астон Мартин», – смеется Кэл.

Я не могу сдержать улыбку.

– Что ж, у меня невероятная сила воли, – отвечаю я с сарказмом, – и высокие личностные стандарты.

Я обнаружила, что использую сарказм как защитный механизм, когда я с ним. Правда состоит в том, что я не могу винить тех девушек, которые бросались ему на шею. Он определенно сам так на них влияет, даже без машины. Я ощущаю легкий смешок, рокошующий у него в груди, но парень не говорит ни слова.

– Итак, скажи мне, что будет дальше?

Я закрываю глаза, концентрируюсь на его руках, пока они ползут вверх и остаются на моих плечах, а затем медленно скользят вниз по предплечьям, от чего по телу пробегает дрожь. Я поворачиваю голову, чтобы снова посмотреть на него.

Он лукаво улыбается.

– Это зависит от тебя.

– Правда? – говорю я. Снова закрывая глаза, я чувствую его дыхание на шее, и это заставляет меня закусить губу, чтобы удержаться и не сказать ему, как это на меня действует. – Если бы я не знала наверняка, то сказала бы, что ты пытаешься меня соблазнить, – мурлычу я, пока его рука медленно переползает на мой живот.

– Скажи мне, я справляюсь? – его голос становится сиплым, почти что опускается до шёпота. Мой маленький внутренний голос сейчас сойдет с ума, крича на меня. Вот, когда я должна пожелать ему «спокойной ночи» и сказать, что хорошо провела время и мне пора идти, но у меня с этим проблемы.

Удар грома вытаскивает меня из состояния транса, в которое я вошла. Высвобождаясь из его объятий, я подхожу к окну и наблюдаю, как капли дождя раскрашивают город. Кэл подходит и становится рядом со мной. Я не смотрю на него, но знаю, что он наблюдает за мной.

– Я не хотел, чтобы ты почувствовала себя неудобно, – тихо говорит он.

– Ты не сделал ничего такого. Просто – просто всё это... Я не привыкла к такому, – признаю я, запинаясь.

– Я не хочу, чтобы ты сегодня делала что-то, чего не хочешь сама. Как бы сильно мне этого не хотелось, – Кэл вздыхает и смеется. – Я буду всю ночь держать руки при себе, – невинно улыбается он, скрещивая руки на груди, и специально прячет кисти рук под мускулистыми плечами.

Дело в том, что я не хочу, чтобы он держал свои руки при себе. Я хочу, чтобы они обнимали меня, и это пугает. Ещё никогда в жизни я так сильно не хотела кого-то, и это ошеломляет.

– Ты, правда, так делаешь? Я серьёзно, это привычное дело для тебя? – спрашиваю я его с комом в горле, боясь услышать ответ.

Он удивленно смотрит на меня:

– Ну, я не собираюсь лгать и скажу тебе, что не святой. Далеко не святой. Я люблю женщин, и мне никогда не надо было тратить много усилий, чтобы заполнить одну из них, – напрямик отвечает он.

Я тоже скрещиваю руки на груди. Думаю, где-то внутри себя я ревную, представляя всех этих женщин, которые стояли на этом самом месте, вошли в эту дверь и были в его постели.

– Но ты – первая женщина, которой могу честно сказать, если ты останешься здесь сегодня и не покажешь мне, что у тебя под платьем, то я всё равно тебе перезвоню, – говорит Кэл с легким смешком, и меня это шокирует.

«Какой надо быть сволочью, чтобы сказать такое!»

– Мне пора домой, – раздраженно говорю я.

«Определенно, мне пора уходить». Я разворачиваюсь, чтобы уйти, но он хватается за мою руку.

– Подожди! Я не это хотел сказать. Прости меня. Я не привык объясняться перед кем-либо, – говорит парень. Он проводит пальцами по своим темным волосам и смеется. – Ты мне нравишься! Я люблю *быть* с женщинами. Но обычно мне не нравится *быть* с женщинами, если это имеет какой-то смысл, – пытается он объяснить, и кажется слегка сбитым с толку. Это первое неприятное качество, которое в нём проявилось. Сегодня я впервые замечаю зеленые крапинки, мерцающие в его серых глазах, и они подмигивают мне.

– Похоже, ты из тех парней, кто не строит дальнейших планов. Я не такая, – говорю я ему.

Он делает шаг мне навстречу, и знакомая волна жара пробегает между нами.

– Ну, на тебя у меня дальновидные планы, – говорит Кэл, охватывая

руками моё лицо.

Я прислоняюсь к его руке, закрывая глаза и не зная, что мне делать. Мой разум говорит мне уходить прямо сейчас, а тело умоляет остаться и позволить ему делать всё, что ему хочется. Моё сердце одиноко, ведь я так долго была одна. Даже с Майклом мне чего-то не хватало, и я знаю, что то чувство, которое тянуло его ко мне – это всего лишь страсть, но здесь есть что-то ещё. «Если бы это была лишь страсть, я бы так не боялась, правильно?»

Я отворачиваюсь и возвращаюсь к окну, пытаюсь собраться с мыслями – мои желания против страхов.

– Чего ты хочешь от меня?

«Кого я обманываю? Я прекрасно знаю, чего он хочет».

– Я хочу, чтобы ты сказала мне, чего хочешь сама, – шепчет Кэл.

Секунду спустя его губы находят секретную точку на моей шее, и по телу проходит дрожь.

– Что, если я не знаю, чего я хочу? – мой голос подсакивает на целую октаву.

Кэл поворачивает меня к себе лицом, наклоняется и целует так, что у меня сбивается дыхание. Мне приходится крепче обнять его, чтобы сохранить равновесие. Я тихо стону, когда его язык начинает исследовать мой рот. Парень начинает плавно расстегивать молнию на моем платье, ожидая, что я остановлю его, и когда я этого не делаю, его рука проскальзывает под ткань. Жар его руки кажется чужим, но потрясающим.

Я открываю глаза. Вся комната кружится, но я фокусируюсь на нём. Каждое движение в такт, каждый поцелуй, каждое прикосновение – не следовало ему заставлять меня так чувствовать себя, будто он может читать мои мысли.

– Я хочу быть тем, кто покажет тебе, чего ты ещё не видела, – шепчет Кэл мне на ухо, пока расстегивает мой бюстгальтер. – Заставить тебя чувствовать то, чего ты никогда не чувствовала, – его голос льётся мне в ухо, пока его рука скользит вверх по моему бедру.

– Просто позволь мне, – говорит он, поднимая меня. Бретелька платья спадает с плеча.

– И что мне нужно сделать?

У меня вырывается стон. Он полностью околдовал меня. Поднимая меня выше, так что теперь я смотрю ему в глаза, он подносит губы к моему уху:

– Скажи «да».

Есть так много причин, почему я должна сказать «нет» – я едва его

знаю, и мы только на втором свидании.

– Да, – говорю я, затаивая дыхание.

* * *

Время, которое потребовалось Кэлу, чтобы добраться до спальни на втором этаже квартиры, проходит за считанные секунды. Парень донёс меня как пушинку. Как только мы входим в комнату, он медленно и чувственно целует меня, и этот поцелуй заставляет меня желать большего. Когда его губы отпускают мои, мы восстанавливаем дыхание. Спустя пару секунд порознь мысли в моей голове начинают меняться с бешеной скоростью.

– Эм, подожди. У тебя есть какая-нибудь защита? – спрашиваю я, немедленно осознавая неловкость вопроса, как только тот срывается с моих губ.

Всё-таки я впервые попадаю в такую ситуацию, где не состою в отношениях с мужчиной, с которым собираюсь поделиться своим телом. Я не очень хорошо спланировала, что мне делать, если сегодня ночью всё зайдет так далеко, и ранее высказанное предупреждение Хилари теперь издевательски звучит в моей голове.

Я открываю глаза, ощущая, что его руки вокруг моей талии ослабляют хватку. «Чёрт, эти серые глаза очаровывают». Кэл опускает меня на пол, и пальцы ног утопают в самом мягком на свете плюшевом ковре. Перемещая фокус на всё его лицо, я пытаюсь найти в его выражении хоть намек на злость. Я уже слышала ужасные истории о мужчинах, отказывающихся пользоваться презервативами. К счастью, парень широко улыбается мне, берёт меня за руку и ведёт к кровати. Он садится и начинает рыться в ящике, встроенном в изголовье кровати. Пытаясь успокоить свои нервы и гормоны, я осматриваю комнату.

У него большая комната со стенами цвета серого камня. Большой камин встроен в стену, примыкающую к его калифорнийской королевской кровати, которая, кажется, простирается на мили вперед и застелена серо-голубыми простынями. Мои глаза быстро сканируют комнату в поисках личных вещей, но их здесь нет. Нет фотографий, безделушек или разбросанной одежды. Правда, я замечаю неоткрытый большой батончик «Сникерс» на дорожке, покрывающей камин, от которого на стенах начинают играть тени. Женский голос льётся из встроенной стереосистемы в спальне.

Я чувствую, как его рука скользит вверх по моему животу, и это возвращает меня в тот момент, когда каждый нерв моего тела просыпается. Упаковка из золотой фольги лежит возле него на кровати, ожидая меня.

Глубоко вдыхая, я подхожу к нему, чтобы сесть, но его рука на моём запястье останавливает меня.

– Сюда, – говорит он глубоко повелительным тоном, указывая на место напротив него.

Моё тело начинает дрожать, и я двигаюсь туда, куда он мне указал. Кэл перемещается вперёд к краю кровати и нежно притягивает меня ближе к себе. Теперь его лицо в нескольких дюймах от моего живота, а губы нежно целуют пространство над моим пупком, и мышцы живота изгибаются в ответ. Он медленно водит пальцами по задней поверхности моих бедер, пока я смотрю ему в глаза – теперь они темно-серые. А светло-зелёные искры, которые появились в них раньше, сменяются страстью.

– Я хочу, чтобы ты знала, что контролируешь ты, – говорит он, чувственно облизывая губы, и я так сильно хочу, чтобы они накрыли мои.

Его руки двигаются вверх по моим бёдрам от задней поверхности к талии. Кэл прикусывает губу, но неожиданно отклоняется назад, удерживая вес своего тела на локтях. Его глаза прикованы к моим, и у меня появляется ощущение, будто он дразнит меня. Я в замешательстве, но затем вспоминаю его предыдущие слова: «Он ждёт меня». Чувствуя, как вся краснею, я слегка вздыхаю и поворачиваюсь к нему спиной.

– Раздевайся, – мой голос низкий и неузнаваемый, но я не могу не почувствовать какое-то удовольствие от той уверенности, что ощущаю. Я чувствую его позади себя и слышу, как он снимает одежду и обёртку. Моё сердце колотится со скоростью миля в минуту. – А теперь раздень меня, – говорю я.

Нервное ощущение в подложечной ямке превращается в восторг, который я ещё никогда не испытывала, в незнакомое напряжение и сильное желание. Я ощущаю его позади себя. Его руки убирают волосы мне на плечо, падающие на спину. Кэл целует обе лопатки, и я чувствую его возбуждение, упирающееся в меня. Пока парень целует меня в загривок, одна из его рук исследует моё тело, а другая расстегивает лифчик. Я свободна.

Обычно в этот момент я чувствую себя неловко, нервно и неуверенно из-за того, что первый раз показываю кому-то своё тело, но в этот раз всё по-другому. Я обнимаю его рукой за шею. Мои колени буквально ослабли, но медленное радостное возбуждение растёт во мне с тех пор, как я сказала ему раздеться. Его прикосновения и скользящие поцелуи по всему телу становятся мучительными.

Его пальцы оказываются между моих бедер, отодвигая тонкую, а теперь влажную, кружевную ткань и проскальзывают в меня. Я стону,

невольно отклоняя голову назад. Убирая его руку, я быстро поворачиваюсь к нему лицом.

– Я не говорила тебе этого делать, – шепчу я с дразнящей улыбкой на лице, которая исчезает сразу же, как только я вижу его идеально вылепленное голое тело.

Кэл не даёт мне долго им любоваться, поскольку поднимает меня, овладевая моим ртом. Его язык заставляет мой подчиниться, и только когда я оказываюсь на кровати, зажатой под ним, он прерывает поцелуй. Я выравниваю дыхание, и парень весело улыбается мне. Он подносит губы к моему уху, и моя рука скользит по его спине.

– *Теперь* ты знаешь, чего хочешь? – спрашивает он перед тем, как его губы оставляют дорожку поцелуев к моей груди, захватывая один из сосков.

Я стараюсь сосредоточиться на том, что Кэл говорит. Он останавливается, и я умоляюще смотрю на него.

– Скажи мне, что ты хочешь, – требует он ещё раз, глядя мне в лицо, и его глаза гипнотизируют меня. Моё тело страстно его желает и крайне сильно хочет, чтобы Кэл вошёл в меня.

– Всё, – признаю я почти в отчаянии. Я ещё никогда в жизни не была такой честной.

Он улыбается, по-видимому довольный.

– Вот это ты и получишь, – обещает он, исполняя моё желание.

Глава 15

9 мая 2011 года

– Лорен, дорогая, – голос Рейвен будит меня.

Открывая глаза, я вижу, что небо уже тёмное, но усеяно звёздами. Я уснула в патио на диване, пока ждала Кэла домой.

– Который час? – всё тело затекло, и я сажусь, чтобы прошли спазмы в спине. – Кэл вернулся?

Кривляясь, я изо всех сил стараюсь убрать настойчивость в голосе. Чувствую себя обеспокоенной, и бабочки снова заполняют мой желудок.

– Я уверена, он скоро вернётся, и что всё хорошо, – Рейвен безуспешно пытается говорить убедительно. Даже не могу улыбнуться, чтобы скрыть своё разочарование. Я слишком устала, чтобы пытаться играть роль счастливой и довольной жены. Это ведь даже не стоит того после шоу, которое мы с Кэлом устроили её соседям.

– Может, нужно подумать, почему он не сказал тебе, что случилось? – спрашивает она, и я закатываю глаза. Если бы я только могла подумать о

причине, а не о том, что он не хочет говорить. – Лорен, ты не возражаешь, если я задам тебе личный вопрос? – спрашивает тетя, присаживаясь возле меня. «Ну, ладно, понеслась».

– Ты ведь спросишь в любом случае, да? – отвечаю я с сарказмом, и двигаюсь, чтобы она села со мной.

– Я не хочу ничего выпытывать, но милая, у вас что-то не так? – мягко спрашивает Рейвен.

У неё боязливый и чувствительный тон. Такой тон люди используют, когда затрагивают неприятную тему.

– Что наводит тебя на такие мысли? – отвечаю я с сарказмом, сразу же жалея о моём лицемерном замечании, как только она опускает взгляд на свои ноги с побеждённым видом. – Прости меня, Рейвен, – говорю я, вздыхая и смотря вдаль.

Я злюсь, чувствуя себя выбитой из колеи, но это не имеет к ней никакого отношения. Она только лишь проявила заботу, и у меня нет никакого права, чтобы так к ней относиться.

– Дорогая, всё в порядке, – говорит она, сжимая мою руку в знак поддержки, и я чувствую, как глаза наполняются слезами.

«Боже, ненавижу это». Ненавижу, что она всё ещё может читать меня как открытую книгу и увидеть любые эмоции, которые я скрываю.

– Милая, не плачь, – говорит Рейвен, обвивая меня руками и долго обнимая меня.

Я чувствую себя разбитой и обнимаю её в ответ, а по щекам бегут слезы.

– Всё будет хорошо, милая, – говорит она мне, похлопывая по спине.

– Я так не думаю, – открываюсь я ей.

– Я знала, у вас что-то не так, ещё когда увидела тебя в первый раз. Но надеялась, что это не так.

Тетя достает из кармана куртки «Клинекс» (*прим.: бумажная салфетка*), протягивая мне, и садится возле, а я вытираю слезы.

– Дело в другой женщине? – почти нервно спрашивает Рейвен.

– Я не знаю, чем он занимается, его так долго не бывает дома, – признаю я. – Хотя если честно, возможно, я и не хочу признавать очевидное, но не думаю, что дело в другой женщине или женщинах. С другой стороны, Кэл никогда бы не позволил мне узнать об этом, ведь он слишком умен для такого, – нерешительно говорю я.

Я вспоминаю ту ночь, когда мы сильно поссорились из-за моих теорий, где он так долго пропадает. Тогда я впервые устала от его повторяющихся исчезновений, и всё это закончилось тем, что привело к

такому шаблону отношений, который у нас сейчас.

– Хорошо. В чём дело? Он ведь не бьёт тебя, да? – обеспокоенно спрашивает Рейвен.

– НЕТ! – быстро говорю я. – Ничего подобного. Кэл ни разу меня не ударил, не толкнул, и он даже ненавидит спорить со мной. Он всегда просто уходит. Вот, в чём проблема.

– Ну, милая, иногда лучше всего просто уйти, особенно, если у него тяжелый характер. Долгая прогулка...

Я знала, что Рейвен не поймет. Наверное, она думает, что я глупая, или чересчур эмоциональная, раз сказала ей, что чувствую на самом деле.

– Я не это имею в виду. Это больше, чем просто прогулка. Кэл, он... – вздыхаю я.

Не могу даже произнести это вслух так, чтобы не показаться сверхчувствительной идиоткой.

– Лорен, ты можешь рассказать мне всё, что угодно, – говорит Рейвен одобряющим тоном.

Я вздыхаю и становлюсь у перил на другой стороне крыльца. Если я скажу ей это, то так, чтобы не смотреть ей в глаза.

– Когда мы познакомились, это было как... как будто мне это снилось. Он был самым красивым, загадочным, строгим и умным мужчиной. Всё, о чем я только могла мечтать. Я ещё никогда не чувствовала такого притяжения, как к нему. Гормоны победили, и я потеряла голову.

Я оглядываюсь на Рейвен с неловким видом, которая сидит с легкой улыбкой на лице.

– Продолжай, – говорит она, зажимая руки.

– Было такое ощущение, словно я жила в каком-то нереальном мире. Были только мы. В реальном мире я бы никуда не пошла с парнем, которого едва знала, не задавая ему никаких вопросов. Но с Кэлом, я ведь фактически ничего о нём не знала, мне было всё равно. Потому что хоть я и не знала каких-то деталей, но я чувствовала, будто у нас была связь. Я рассказывала ему о таких вещах, о которых никому не говорила.

Я останавливаюсь, вспоминая о тех ночах с Кэлом, когда раскрыла ему всю душу, пока лежала в его объятиях. Как его глаза смотрели в мои, будто я была единственным человеком на земле.

– Боже, его глаза. Из-за этих глаз я влюбилась в него. Они заставляют меня прощать его снова и снова, – я вытираю остатки слёз с лица. – Как может существовать наш брак, если он не доверяет мне? Сегодняшняя ситуация только доказывает это, а такое случилось не впервые. Он редко говорит мне даже то, что чувствует, и уходит, когда зол. А затем

возвращается и думает, что хороший секс может всё исправить!

Моя челюсть падает, как только я понимаю, что только что сказала. Я смотрю на Рейвен, чувствуя себя неловко, но вижу, что она этого не испытывает, а внимательно слушает.

– Я-я просто не знаю, как до него достучаться. Не знаю, как заставить его открыться. Он не впустит меня в свой мир. Раньше я так сильно пыталась, а затем мне осточертело, что он меня не пускает и закрывает мне рот. И то, что случилось сегодня, было лишь напоминанием всего этого. Если он не доверяет, ты можешь себе представить, какие у него секреты? Если он так тщательно выбирает, что мне надо знать, а что нет, то я скорее ребёнок, а не жена, – я делаю так необходимый мне вдох.

– Ну, из того, что ты рассказала мне, могу сказать, что его работа конфиденциальна в принципе. Это объяснило бы...

– Это не работа! – прерываю я её, непокорно качая головой. – Здесь есть что-то ещё. Я чувствую это и что бы ни случилось сегодня... – я умолкаю, как только замечаю чёрный «Порше», который останавливается у подъездной дорожки.

Рейвен подходит ко мне, кладёт обе руки мне на плечи и смотрит мне прямо в глаза.

– Всё тайное становится явным, – говорит она, одаривая меня обнадёживающей улыбкой, и в очередной раз обнимает меня.

Она уходит в дом, и я обращаю всё своё внимание на Кэла, который выходит из машины. Его лицо ничего не выражает, и он бросает на меня взгляд, пока медленно поднимается по лестнице.

– Я не... – начинаю я, но он поднимает руку вверх, прерывая меня на полуслове.

– Я не собираюсь обсуждать это с тобой сегодня. Если хочешь ссориться, оставайся здесь и спорь сама с собой, – пренебрежительно говорит Кэл.

Я смотрю на него, пока он стоит там без единой эмоции на лице. Как будто мне нравится ругаться и спорить всё время. Будто я не просидела все эти часы на крыльце с тех пор, как он уехал, волновалась за него и ждала, пока он благополучно вернётся домой.

Думаю, как у него хватает нервов вот так разъезжать, будто он не вылетел отсюда как угорелый после того, как выгнал меня из машины. Я хочу закатить истерику, наорать на него и не останавливаться до тех пор, пока он не спросит меня, в чём дело. Часть меня задаётся вопросом: «Было ли всё произошедшее просто спектаклем и поводом для того, чтобы убраться отсюда?» Возможно, ответ очевиден: он – лживый подонок.

До сих пор, когда думаю, каким он был раньше, как он умоляюще смотрел на меня, каким был смущенным и ранимым, и тот единственный момент, когда я увидела панику на его лице и обеспокоенность, которую не видела ещё никогда, я знаю, что он искренне борется с чем-то. Я уже долго терплю его замкнутость, и завтра мне нужны ответы. Я их потребую, потому что такое больше продолжаться не может. Даже, если сегодня нужна ему, и я знаю это, хоть он и не говорит.

Глава 16

11 мая 2008 года

До сегодняшнего дня у меня ещё не было такого, чтобы заснув, я боялась проснуться, а потом открыть глаза и понять, что всё случившееся – всего лишь сон. Это настолько идеально, что не может быть правдой, и настолько замечательно, что просто не может существовать. Вот, что я сегодня чувствую. Чувствую тепло солнечных лучей, заливающих мое лицо, и я боюсь открыть глаза. Боюсь, что если сделаю это, то окажусь в своей собственной кровати, и моя ночь с Кэлом окажется всего лишь сном. Жестокий неестественный обман судьбы. Ложь, на которую я купилась, ведь это было ни на что не похоже, что я когда-либо испытывала. Жаль, я не могу снова пережить весь этот день. Моя собственная личная сказка – чтобы меня быстро увезли в экипаже и снесли с ног в танце. Ну, а следующая часть не слишком похожа на те концовки, которые я читала. Она ещё удивительнее, чем я вообще могла предположить.

Повернувшись на спину, я заворачиваюсь в самые мягкие простыни, на которых я когда-либо спала, и улыбаюсь, зная, что это, определенно, не мои. Я могла бы спать в этой кровати вечно, ведь прошлой ночью я не так уж много и спала. На ней происходило со мной такое, что всю следующую неделю я буду краснеть, вспоминая об этом. Всё это из-за мужчины, которого я едва знаю. Но он заставил меня почувствовать себя так, будто целую вечность провел с моим телом, изучая меня. Он точно знал, что нужно делать, будто у него была инструкция к моему телу. Глядя мне в глаза, он заставил меня почувствовать то, чего я никогда не испытывала в моих прошлых отношениях. Где-то в глубине души я чувствую себя виноватой, потому что не знаю его, а он не знает меня. Но ему удалось уговорить меня поделиться с ним частичкой себя, которую я так боюсь показывать кому-то ещё. Впервые я потерялась в момент страсти, что заставило меня отбросить все сомнения и забыть про комплексы, которые когда-либо у меня были.

Майкл всегда жаловался, что я сдерживала себя во время секса, и знаю, что это правда. Что-то во мне не давало возможности полностью забыться, но прошлая ночь была другой. Чувство, которое я никогда не позволяла себе испытывать с другим человеком – полностью раствориться во мне. Но все сомнения унесло ветром в тот момент, когда я разрешила Кэлу дать мне *всё*, чего я хочу. Проведя руками по волосам, я массирую кожу головы. Я едва знаю его, но у меня такое ощущение, будто я отдала ему частичку души. Его глаза до такой степени загипнотизировали меня, что я захотела, чтобы он прочувствовал каждую часть моего тела. И как только я полностью это осознаю, мое сердце начинает биться быстрее.

Оглянувшись вокруг, я вижу, что завернута в это море простыней *одна*. Ощущение спокойствия ослабевает, и в моей голове начинают проноситься мысли: *«Что же будет дальше?»*

Впервые я вообще столкнулась с тем, чтобы проснуться в постели парня, с которым я не была в отношениях! Вот мне в голову и лезут эти странные мысли, а он с легкостью может отсчитывать минуты до моего ухода. *«Что, если мне впервые предстоит пережить этот позор?»* После самой потрясающей ночи в моей жизни мне придется выйти из здания на шумные улицы Чикаго во вчерашней помятой одежде и гадать: *«Увижу ли я его ещё?»* *«Брр. Идиотка! Чёрт возьми!»* Если это один из освобождающих моментов, которые, по словам Хилари, мне надо пережить, то я убью её, потому что совсем не чувствую себя освобожденной. Я в ужасе! *«Что, если он просто ушел, или прячется где-то и ждет, пока я уйду?»* Хотя ни один парень не оставил бы незнакомую девушку совсем одну в его собственном доме. *«О, Боже, ведь я для него всего лишь незнакомка!»*

Осмотрев комнату в поисках своей одежды, я чувствую, что у меня вот-вот начнется приступ паники. Я вылезая из кровати и обхожу её на цыпочках, надеясь найти свое платье и нижнее белье, разбросанное на полу, но там ничего нет. *«Где, чёрт возьми, моя одежда?! Ладно, успокойся, успокойся. Этому должно быть разумное объяснение, и почему это я хожу на цыпочках?»*

– Дыши. Просто дыши, – говорю я себе вслух, делая глубокий вдох.

– Дыши, пожалуйста. Если ты потеряешь сознание, я не знаю, как оказывать первую помощь.

Его голос заставляет мои волосы на шее встать дыбом. Я поворачиваюсь и вижу его. Он стоит, облокотившись об косяк двери. Его руки сложены на голой груди, пижамные штаны слегка спущены, а на лице всё та же довольная улыбка, как в тот день, когда я его встретила. На моем

лице тоже растягивается улыбка. Я с облегчением выдыхаю и понимаю, что на мне ничего нет, кроме улыбки. Быстро схватив простынь с кровати, я заворачиваюсь в неё.

– Эм, я... Доброе утро, – я, наконец-то, снова могу говорить.

– Доброе утро, – я слышу, как Кэл подавляет смешок, и прикусывает губы, определенно, для того, чтобы не рассмеяться.

– Ты смеешься надо мной, – должно быть, я смешно выгляжу, хотя это может зависеть от того, как долго он мог там простоять.

– Чуть-чуть, – признает он, подходя ко мне.

С каждым шагом я нервничаю всё больше, но в самом лучшем смысле. Его волосы взъерошены, но смотрятся почти идеально. При солнечном свете его кожа выглядит потрясающе, и в его глазах просматривается зеленый оттенок. Я напоминаю себе, что мне двадцать один, а не четырнадцать, и приказываю большой девочке появиться.

– Ну, ты спрятал мою одежду, – жалуюсь я, и Кэл садится на кровать передо мной.

– Ты выглядишь так же и без неё, – говорит он, бегло осматривая всё мое тело. – Я не прятал её, а послал в прачечную.

Он удерживает свой вес на локтях и игриво смотрит на меня. Я чувствую облегчение. Если бы он хотел, чтобы я ушла, как можно скорее, то по логике, он не сделал бы этого. И мне стало легче дышать.

– Спасибо, – говорю я, не поднимая взгляда со своих ног.

– ...тебе неловко? – Кэл смеется и встает с кровати.

«Это так очевидно? Фу, перестань вести себя как дура».

– Немного, – признаю я, смеясь над собой.

Я хочу ему сказать, что так чувствую себя только при нем, но решаю этого не делать. Парень подходит ближе ко мне, и мое сердце бьется быстрее с каждым шагом.

– Не то, что ты ожидал? – говорю я, жалея, что у меня не так много опыта в таких ситуациях.

Кэл смотрит на меня, и его улыбка смягчается.

– Я просто удивлен, – теперь его грудь касается моей, и я инстинктивно шагаю назад. – После всего, что ты позволила мне делать вчера ночью, – добавляет он, снова сокращая расстояние между нами.

Прикусив нижнюю губу, он наклоняется ко мне, и я знаю, что покрываюсь всеми возможными оттенками красного. Его улыбка становится шире.

– Думаю, ты вроде как заставляешь меня нервничать, – говорю я, и моя спина теперь упирается в стену, а его руки у меня по бокам.

– Нет. Я просто вроде как тебя вымотал, – говорит Кэл, наклоняясь ко мне, и его губы всего лишь в дюйме от моих.

Его дыхание пахнет мятой, а кожа – ванилью, и я понимаю, что моя так не пахнет.

Я проскальзываю под его руками, и это застывает его врасплох.

– Можно воспользоваться твоим душем? – спрашиваю я, улыбаясь от его удивления.

– Это приглашение? – спрашивает Кэл, проходя мимо меня в ванную, как я полагаю.

Он указывает на неё рукой, и я иду следом. Как только я появляюсь в дверном проеме, на его лице появляется дерзкая улыбка. От этого у меня сосёт под ложечкой, но знает он это или нет, мне слишком больно даже думать о том, на что он намекает.

– Немного личного пространства? – смеется парень, и я благодарно киваю.

Он выходит, но перед этим его рука скользит по моей спине и сжимает мою попу.

– Очень жаль, – вздыхает Кэл перед тем, как выйти из комнаты, и я игриво закатываю глаза, приказывая моему телу вести себя хорошо.

Когда он уходит, у меня почти что падает челюсть. Ванная просто огромная, намного больше, чем моя спальня. Она вся в серых и темно-синих тонах, и по цветовой гамме подходит к спальне Кэла. В центре стоит глубокая ванна из камня, а рядом с ней душ с двумя лейками и вокруг чистое стекло. Здесь две раковины и вода из кранов льется, словно из фонтана. Это место становится всё лучше и лучше.

Полотенца для тела и лица аккуратно сложены на скамейке. На раковине стоит маленькая чашка рядом с ополаскивателем для рта, как я полагаю, хотя бутылочка совпадает по цвету с декором ванной. Открыв её, я нюхаю колпачок, чтобы удостовериться, что это запах мяты, который я заметила ранее. Раздумывая над тем, закрывать дверь или нет, я выглядываю в спальню и вижу, что Кэла нигде нет.

Я шумно полощу рот. Жидкость мятная с привкусом чего-то ещё, не могу разобрать, но она мягкая и не похожа на тот обжигающий ополаскиватель, который раньше покупала тетя. Когда я заканчиваю, то направляюсь к душу. Включив его, я пугаюсь, когда лейка душа сзади меня орошает спину. Как только разбираюсь с настройками, душ становится просто божественным. Меня слегка будоражит тот факт, что я весь день буду пахнуть как Кэл из-за его геля для душа и шампуня. У них обоих именно тот «мужской» запах ванили, чтобы хорошо пахнуть, но и

одновременно сохранять мужественность.

Я вытираюсь, обернув вокруг себя полотенце, и направляюсь в спальню, которая всё ещё пуста. Посмотрев на кровать, я надеюсь, что он оставил мне свою рубашку. Но там ничего нет.

Спускаюсь по лестнице и слышу включенный телевизор. Кэл стоит возле холодильника с упаковкой апельсинового сока в руке. На лице все еще довольная улыбка, и он быстро пробегает по мне взглядом.

– С мякотью или без? – спрашивает он, закрывая холодильник.

– Без, – смеюсь я и сажусь с той стороны кухонного островка, что ближе ко мне.

– Хороший выбор, – говорит он, наливая мне чашку и усаживаясь напротив меня.

Перед тем как взять чашку, я проверяю свое полотенце, убеждаясь, что оно на месте. Я замечаю, что Кэл смеется, и неодобрительно качает головой.

– Что? – спрашиваю я с любопытством.

– Ничего, – весело отвечает парень, прячась в холодильнике. – Как твой душ? – спрашивает он, наконец-то появляясь полностью с миской в руке.

Когда Кэл садится, я вижу, что в ней самые разные нарезанные фрукты.

– Прекрасно. Я, определенно, завидую тебе, потому что у меня нет такого душа, – признаю я, и кладу в рот кусочек дыни.

Он берет виноград, делая то же самое, и садится по другую сторону стола. Я беру другой кусочек и снова убеждаюсь, что полотенце все еще на месте. Кэл склоняется над столом и слегка наклоняет голову вправо.

– Тебе лучше снять полотенце, – говорит он, и его глаза улыбаются мне.

Вместо фрукта я прикусываю себе язык. «*Черт!*»

– Что? – смеюсь я, не веря своим ушам.

– Что смешного? – спрашивает парень с кривой улыбкой на лице.

– Просто ты так по-обычному сказал это, но прозвучало так серьезно, – шучу я.

– Я серьезно, – говорит он, подпирая рукой подбородок.

Его взгляд впивается в меня, заставляя ерзать на стуле.

– Извини. Я не собираюсь сидеть на твоей кухне полностью голой, – смеюсь я из-за своей нервозности.

Он не может быть серьезным. Поднявшись, Кэл обходит стойку и направляется ко мне. Мое сердце бьется быстрее с каждым его шагом. Я

сглатываю, как только он огибает угол островка и поворачивается в моем направлении. Вдруг у меня появляется такое чувство, будто я – жертва, а он – охотник. Но тут звонят в дверь. Чары разрушены, и Кэл вздыхает. Он напрямик идет к двери, по пути целясь в меня.

– Тебя спас звонок, красотка, – говорит парень, но на лице остается улыбка.

Минуту спустя он возвращается с двумя пакетами. Кэл протягивает мне один и идет к другой стороне стойки.

– Ты еще спала, когда я заказал. Так что я взял блинчики с беконом, ведь кому они могут не нравиться? – смеется он.

Когда я открываю пакет, запах дразнит меня, и я сдерживаюсь, чтобы не схватить кусочек и не положить его в рот. Я бросаю взгляд на Кэла, в то время как он кладет себе в рот полоску бекона.

Пока мы едим, я наблюдаю за ним, стараясь не тарашиться, когда наполняю мой пустой желудок. Я продолжаю пытаться разгадать эту загадку, сидящую передо мной. Кэл молод, но его дом обставлен по вкусу кого-то старше. Прямолинейный, но иногда такое чувство, что он хочет что-то рассказать, но не делает этого. Соблазнительный, но в нем есть какой-то мальчишеский шарм. Ну, парень пропадает, когда его глаза слегка косят и омрачаются страстью. Непонятливый, но загадочный, когда речь идет о чем-то простом. Кажется, будто он хочет, чтобы я была более напористой, но заводится от того, что я молчалива с ним.

– Что творится у вас в голове, мисс Брукс? – спрашивает Кэл, искоса поглядывая на меня, пока доедает кусочек тоста.

– Тебе сказать честно? – прямо спрашиваю я.

– Всегда, – так же прямо отвечает он.

– Я... думаю. Я пытаюсь разгадать тебя. *Всё* это, – признаюсь я.

Парень вытягивает руки над головой, и на мгновение меня отвлекает его мускулистое тело.

– Это? – любопытно спрашивает он.

– Всю эту неловкую ситуацию «день-после-ночи-с-парнем-с-которым-я-правда-не-знаю-как-себя-вести», – выпаливаю я.

– Единственная неловкая вещь – то, как ты пытаешься есть и удерживать полотенце, – игриво говорит Кэл.

От его игривости я хмурю брови и решаю объяснить всё за столом.

– Ты первый парень, которому я сказала, что «не из тех девушек», но это правда. И я не уверена, какие есть правила этикета для «такого». Не знаю, как тебя расценивать. Я вроде как думала, что утром ты где-то прятался и ждал, пока я уйду или типа того.

Как только я заканчиваю свою болтовню, то глубоко вздыхаю и нервно смотрю на него, не зная, что он собирается делать дальше.

– Так, ты думаешь, что я козел? – громко смеется Кэл, и кладет локоть на стол.

Это сбивает меня с толку.

– Нет, я... не это имела в виду, – мне слегка неловко, я и правда не думала, что он это воспримет, как оскорбление.

– Ты как раз это и имела в виду. Если ты думаешь, что я переспал с тобой, а затем прятался бы от тебя в своем собственном доме. Тогда я был бы козлом и трусом, – он считает по пальцам и улыбается.

– Ладно, прости меня. Но я просто пыталась выяснить, что у тебя на уме, – признаю я, чувствуя себя еще более смущенной.

– Всё в порядке. Я уверен, ты еще не раз подумаешь, что я козел, – говорит парень, выбрасывая свой пакет, который теперь был пуст. Я чувствую, как поднимается моя бровь. – Ну, только, если ты не планировала переспать со мной и никогда больше мне не звонить, – добавляет он с понимающей улыбкой.

В этот раз моя очередь допить свой апельсиновый сок.

– Дело не только в этом. Я просто... – я сильно вздыхаю. – Ты мне нравишься, и я бы чувствовала себя более уверенно, если бы знала о тебе больше, – честно говорю я ему.

Кэл снова наклоняется над стойкой.

– Ладно, – он пожимает плечами. – Что ты хочешь знать?

– Для начала, сколько тебе лет? Эм, какую яичницу ты любишь? Какое у тебя второе имя и любимый цвет? И чем ты зарабатываешь на жизнь? – говорю я, выпаливая на одном дыхании вопросы, ответы на которые я обычно знаю, прежде чем снимаю трусики перед парнем.

– Двадцать шесть, мне нравится болтуня. У меня нет второго имени. Черный. И я осуществляю связь между отделом связей с общественностью и отделом исследований и разработок в корпорации «Крест Филд» – так же быстро выпаливает он ответы. – Теперь моя очередь. Ты всегда такая нервная после секса? – смеется Кэл, и мои глаза расширяются.

– Я не нервная. Просто я... Обычно я знаю все эти вещи перед тем, как заняться сексом, – возражаю я.

– Со сколькими парнями у тебя был секс? – спрашивает он так, будто только что спросил, какая сегодня погода.

– Почему ты спрашиваешь? – говорю я, чувствуя, как у меня срабатывает защитная реакция.

– Такое чувство, что у тебя не часто бывает секс, вот, и всё.

– В смысле?

– Ты слегка скована в этом плане, – посмеивается Кэл, не задетый злобой в моем голосе.

– Ты сейчас ведешь себя типа как придурок, – резко говорю я, и он ухмыляется.

– Я ответил на все твои вопросы, а ты не ответила ни на один, – возражает парень. – Мне кажется, что ты не позволяешь полностью узнать тебя, – добавляет он с сарказмом, и я закатываю глаза, делая глубокий вдох.

– Я спала с тремя мужчинами. И к твоему сведению, вчера у меня был секс, – последнюю часть я говорю с сарказмом.

Он наклоняется через стойку, и его глаза сужаются. Спустя мгновение его улыбка меняется с игривой и надменной на опасно сексуальную.

– И как? – спрашивает он.

Его тон стал ниже, и он смотрит мне прямо в глаза. Моя разочарованность в нем начинает рассеиваться.

– Потрясающе, – выдыхаю я, тоже смотря ему в глаза.

После настойчивой игры в гляделки, его улыбка становится шире.

– Ну, теперь то, что я тебе нравлюсь – это нормально для тебя? – спрашивает Кэл почти снисходительным тоном.

Его широкая ухмылка смягчается. Закусив губу, в душе я спорю сама с собой, пусть эта лодка, и правда, хорошо плыла.

– Не буду врать. Я могу быть козлом. Возможно, могу вести себя и хуже, но я не несу чушь. Ты мне нравишься, и всё, что я сказал прошлой ночью – правда. Так что не надо тратить остаток дня, задаваясь вопросом, искренен ли я или нет. Я – кто угодно, но точно не лжец, – говорит он все это обыденным тоном, но у меня, словно камень упал с души.

По моему лицу мгновенно расплывается улыбка. Я кусаю большой палец, полностью осознавая всё, что сказал Кэл.

– Всё еще думаешь, что я козел? – улыбается он.

Я киваю.

– Ну, может, совсем чуть-чуть козел, – признаюсь я.

Снова с довольной улыбкой он встает и идет ко мне. Наконец-то я выдыхаю и поворачиваюсь к нему на своем барном стуле.

Парень раздвигает мои ноги, от чего полотенце слегка приподнимается, открывая бедра, и становится между ними.

– Хорошо. Потому что я, правда, такой. И все еще думаю, что ты слегка нервная, – говорит он, поднося свои губы к моим, а руки – к узлу на моем полотенце.

Я игриво толкаю его в грудь. Кэл смотрит мне в глаза, все еще улыбаясь.

– Ты не спрашивал, – ругаю я его, дразня.

– Можно снять с тебя полотенце? – шепчет он мне на ухо.

Прикусив губу, я весело смотрю на него.

– Нет, – довольная, я качаю головой.

Он смотрит в потолок, притворяясь расстроенным. Когда его лицо оказывается возле моего уха, он целует мою кожу под мочкой и направляется к шее, целуя её так нежно, что у меня ненамеренно закрываются глаза.

– Пожалуйста, – снова говорит Кэл, пока его пальцы пробегают между моих бедер и один проскальзывает в меня, а его большой палец начинает ласкать самую чувствительную часть моего тела. Я не могу удержаться, и у меня вырывается стон. Я немного отклоняюсь от него и медленно развязываю узелок, позволяя полотенцу упасть. Он облизывает свои губы.

– Лучше тебе привыкнуть к этому, – говорит Кэл, обвивая руками мою голую спину.

– Привыкнуть к чему? – спрашиваю я, обнимая ногами его талию.

Думаю, мне должно стать еще больнее.

– Быть в моем доме обнаженной. Мне вроде как это нравится.

Я обвиваю руками его шею и притягиваю для поцелуя.

«Мне вроде как тоже это нравится».

Глава 17

10 мая 2011 года

Я проснулась. Ещё рано, ведь я поспала совсем немного. События вчерашнего вечера поглощают все мои мысли, наряду с Кэлом, который сейчас ворочается на кровати из стороны в сторону. А ведь она была такой удобной, когда я была подростком, теперь она стала слишком тесной для женщины с её мужем под метр девяносто. Даже если бы он лежал спокойно, я сомневаюсь, что смогла бы поспать. В моей голове роится миллион мыслей. Я продолжаю обдумывать те вещи, с которыми уже смирилась, и всё, что я прощала. Но углубляюсь в эти мысли, несмотря на здравый смысл. Я смотрю на него, и, кажется, Кэл, наконец, успокоился и отдыхает. Я проверяю дважды, убеждаясь, что он уснул, и как можно тише вылезаю из постели. Взяв его телефон с комода, я на цыпочках выхожу из комнаты и закрываю за собой дверь.

За все время нашего брака, я никогда не нарушала личное

пространство Кэла. Ни разу. Но всё когда-нибудь случается впервые. Это абсолютно подтверждено. Мне нужны ответы, и нужны прямо сейчас. Если мне придется ради них лезть, куда не надо, то так тому и быть. Я нажимаю на кнопку включения, и, конечно, телефон защищен паролем. Пройдя на носочках мимо спальни Рейвен, я спускаюсь вниз по лестнице, нахожу беспроводной домашний телефон и набираю номер Кэла. Когда его телефон зазвонил, я отвечаю, включив громкоговоритель, и мне удается залезть в список его контактов.

Мне всего лишь нужен номер жены Декстера. Допустим, если бы я не выбросила свой собственный телефон с балкона, прежде чем уйти из дома, мне бы не пришлось этого делать, но это не важно. Меня искушает возможность просмотреть историю звонков. После небольших колебаний я сдаюсь, и когда пролистываю, то понимаю, что её почистили. Я закатываю глаза. *«Ему ведь незачем очищать историю звонков, если он не скрывает что-то? Но я же выяснила это раньше, не так ли?»* Я вздыхаю и беру со стола ручку, выписывая номер Хелен на листке бумаги.

Оставив телефон Кэла на коленях, я откидываюсь на спинку плюшевого шезлонга Рейвен и набираю на домашнем телефоне номер Хелен. Пока идут гудки, я прикусываю губу. Надеюсь, она ответит на незнакомый номер. Знаю, что у меня нет шансов, ведь сейчас только 6:30 утра.

– Алло? – отвечает она, и я благодарю Бога за удачу.

– Хелен. Привет, это Лорен. Тебе удобно говорить? – тихо говорю я, и не хочу, чтобы меня услышала Рейвен или Кэл.

– Лорен? Как ты? И откуда ты звонишь? Я едва успела ответить. Всё в порядке?

– Эмм. Вообще-то, я как раз, поэтому и звоню, – я бросаю взгляд в коридор, убеждаясь, что там никого нет. – Декстер говорил что-нибудь о том, что они с Кэлом поссорились?

– Нет, не думаю, что это так. Ты же знаешь, какими они бывают. А почему ты спрашиваешь?

– Просто Декстер вчера позвонил Кэлу, сказав ему что-то, и его это сильно расстроило. Думала, это, должно быть, связано с бизнесом. Или если нет, может быть, ты знаешь, в чем дело.

– Декс ничего мне не говорил, но обычно он не посвящает меня в свои дела, – смеется она.

– А что, если это не было связано с работой? – спрашиваю я.

– Декс сейчас в Ирландии. Я могу попросить его, чтобы он тебе позвонил...

– Я хотела спросить у тебя, Хелен, – прерываю я её, надеясь, что настойчивость в голосе очевидна. – Есть что-нибудь, что ты можешь мне рассказать? То, что мне надо знать? – жалобно спрашиваю я.

Мы с Хелен никогда не были лучшими подругами, но все еще поддерживаем связь, пусть и невыраженную. Обе любим мужчин, которые, кажется, доверяют свои секреты только друг другу. Несмотря на это, думаю, что Хелен предпочитает оставаться в тени, тогда как я вынуждена. Я никогда не рассказывала ей о наших отношениях с Кэлом. Никогда не втягивала её в наши личные дела или вмешивалась в их, но сегодня я надеюсь, она услышит мою просьбу и каким-то чудесным образом расскажет мне что-нибудь. Думаю, я шокировала её, так как пауза затянулась.

– Прости, Лорен. Декс мне ничего не рассказывал.

Я закатываю глаза.

– Конечно, он бы и не рассказал, – я вообще в это не верю.

– Лорен, извини, но...– телефон Кэла вдруг начинает вибрировать у меня на коленях, заставляя меня подскочить.

Номер неизвестный.

– Мне надо идти, Хелен. В любом случае, спасибо, – говорю я, прежде чем завершить звонок.

Глядя на телефон, я думаю, ответить или нет. Я и так уже просмотрела его контакты, могу и до конца пойти. Я отвечаю и подношу телефон к уху, ничего не говоря в надежде, что звонящий скажет что-нибудь первым. Проходят секунды, но человек на другом конце по-прежнему молчит.

– Алло? – говорю я от отчаяния, но человек на другом конце провода ничего не отвечает. – Там кто-нибудь есть?

– Извините, я ошиблась номером, – говорит голос, и быстро завершает звонок.

Голос женщины старше меня, может, приблизительно такого возраста, как Рейвен. Это не кажется мне правильным, и я снова набираю этот номер с телефона Рейвен.

– Спасибо, что позвонили в главную больницу Медисон. Ваш звонок может быть записан для проверки качества. Представитель будет с вами краток, – говорит мне запись.

Я вешаю трубку. Что ж, это вряд ли может мне помочь. Может быть, просто ошиблись номером.

Я поднимаюсь в свою комнату. Когда захожу, я вижу, что Кэл проснулся, и сидит на краю кровати. Глубоко вздохнув, я подготавливаю себя к тому, что сейчас будет. Я стискиваю зубы и протягиваю ему телефон.

У него озадаченное выражение лица.

– Так, теперь ты лазишь в моем телефоне?

– Мне нужен был номер Хелен, – отвечаю я, стараясь сохранять спокойствие.

Я жду, пока он возьмет телефон, но он этого не делает, и я сажусь рядом с ним.

– И зачем тебе звонить Хелен? – резко спрашивает он.

– Ну, я подумала, что она могла бы рассказать мне, что случилось вечером, ведь ты не считаешь нужным ничего рассказывать, – быстро отвечаю я.

Кэл сжимает челюсти.

– Если я не захотел тебе рассказывать, ты должна уважать мое решение, – говорит он, потирая виски.

– А если я говорю тебе, что мне нужно знать, ты должен уважать мою просьбу и рассказать мне, – возражаю я.

Запустив руки в волосы, Кэл забирает из моей руки телефон и переключает всё свое внимание с меня на него.

– Я хочу знать, что тебя так расстроило вчера, и куда ты поехал, – говорю я, стараясь сохранить напористость в голосе.

– А что, Хелен не смогла предоставить тебе информацию? – говорит он с сарказмом.

– Сейчас же!

– Ну, блин, начинается, – раздраженно говорит мужчина, бросая телефон на кровать.

– Это только мне кажется или действительно каждый раз, когда мы делаем шаг вперед, ты бежишь на два назад? – я слышу, как уровень отчаяния в моем голосе поднимается, пока я говорю.

Кэл встает и поворачивается, возвышаясь надо мной.

– Потому что каждый раз, когда у нас всё нормально, у тебя найдется что-то, из-за чего ты начинаешь со мной спорить! – кричит он.

– Кэл, ты был заметно расстроен, когда вчера уехал. Ты не сказал мне, что произошло. Я хотела быть там с тобой, а ты вышвырнул меня из чертовой машины! Почему ты думаешь, что после этого все будет нормально? – спрашиваю я.

Он далеко не дурак, но это – самая тупая чушь, что я когда-либо слышала от него.

– Ну, похоже, с тобой было всё в порядке прошлой ночью! – с сарказмом говорит он.

– Ничего со мной было не в порядке! Я знала, что бы у тебя там не

случилось, ты все еще думал об этом. Знала, что тебе нужна была моя поддержка, а то, что надо было мне, могло и подождать. Я пошла на компромисс, в этом и есть смысл брака. Теперь твоя очередь! – выпаливаю я в ответ.

Игнорируя меня, он берет с кровати рубашку и надевает её.

– Знаю, что бы там не случилось, это не по работе. Я хочу знать, в чем дело, – говорю я, подойдя к нему сзади.

Кэл игнорирует меня, вытаскивая свои ботинки из-под кровати, и обувается. Я понимаю, к чему всё идет, так что быстро хватаю его ключи с комода. Он разочарованно смеется.

– Как, по-твоему, я себя чувствую из-за этого, как твоя жена? Из-за того, что ты постоянно убегаешь от меня, когда у тебя такое настроение? Что бы ни случилось, ты мне даже не скажешь. Так что я должна думать?

– Ты вечно всем недовольна. Каждый Божий день что-то не так. Когда меня нет, я козел, который не проводит с тобой время, но когда я дома, то недостаточно долго, а когда достаточно, то не говорю тебе о каждой чертовой мысли в моей голове? – сердито ворчит он, пока завязывает шнурки.

– Это не так, и ты это знаешь! Что происходит? – кричу я, чувствуя, как у меня начинает першить в горле. – Я должна была сделать это еще давно. Я доверю тебе, как никому другому, Кэл, и ничего не получаю взамен. Я пыталась ждать, зарабатывая твое доверие. Я ругаюсь с тобой в попытках разрушить эту эмоциональную стену между нами, и ничего не срабатывает. Так что сегодня ночью я последний раз буду думать о том, где ты, с кем ты или что бы там еще ни было...

– Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе всё? Ладно, позволь мне сказать, Лорен, – ожесточенно кричит Кэл, прерывая меня. – Когда мы впервые встретились, я был таким же. Я такой же сейчас и буду таким же завтра. Ты знала это, когда мы познакомились! И тогда ты приняла это. Я никогда не обещал тебе ничего другого. Это ты пытаешься всё изменить. Я никогда не врал тебе! Я говорю то, что тебе нужно знать. Я тебе не изменяю. Дело не в другой женщине, и это всё, что тебе нужно знать!

– И ты думаешь, я с этим смирюсь?

– Почему нет? Почему ты концентрируешься на том, что не важно? Важно то, что я здесь! В конце дня, оставляя весь этот бред позади, сейчас я здесь с тобой! – орет он.

– Потому что я твоя жена, Кэл! Я – не чертов домашний питомец, – кричу я на него в ответ, не веря своим ушам.

Его нахмуренные брови смягчаются, и он проводит рукой по волосам.

Я жду, пока Кэл скажет еще что-нибудь, но он молчит. Думаю, ему и правда не нужно больше ничего говорить. «Что еще он может сказать?» Кэл сказал мне именно то, что думает. Но я не могу смириться с тем фактом, что этот мужчина, которого я так люблю и ради которого я иду на уступки, не любит меня так сильно, чтобы доверять мне.

– Уходи, Кэл, – шепчу я.

– Что? – переспрашивает он, словно не слышит.

– Убирайся к черту, – рычу я.

– Да ты шутишь, – мужчина испускает легкий смешок, и это заставляет меня перейти все границы.

– Выметайся сейчас же! Я даже смотреть на тебя больше не могу! – кричу я так громко, что сама удивляюсь.

– Лорен, да что с тобой не так? – кричит он в ответ.

– Кэл, клянусь, если ты сейчас не уйдешь...

Он смотрит на меня так, будто я говорю на чужом языке, и слышу стук в дверь.

– У вас всё нормально? – обеспокоенно спрашивает Рейвен по другую сторону двери.

– Нормально, Лорен? – его тон звучит угрожающе, как ультиматум, но сегодня для Кэла неудачный день, чтобы пойти со мной на это.

– Будет нормально, когда ты уйдешь, – говорю я, глядя прямо ему в глаза.

– Лорен, Кэл, откройте дверь, пожалуйста! – её стук становится сильнее.

Я отхожу назад, пропуская Кэла, который останавливается в паре дюймов от меня.

– Не знаю, что с тобой происходит, но тебе надо исправить это, потому что в следующий раз, когда ты скажешь мне уйти, обратно я не вернусь, – холодно шепчет он мне на ухо.

– Если для тебя это так просто, то, может, и не стоит, – я протягиваю ключи и роняю их.

Однако Кэл быстро реагирует и аккуратно ловит их еще в воздухе, прежде чем они касаются пола. Облизав губы, он улыбается, берет свою куртку и открывает дверь. Заходит Рейвен и смотрит то на него, то на меня. Кэл пристально смотрит на меня с ухмылкой на лице. Я не могу смотреть ни на одного из них. Обняв себя за плечи, я смотрю в окно.

– Еще увидимся, Рейвен, – слышу я, как тихо он говорит.

– Пока, Кэл, – слышу я, как она отвечает ему и медленно подходит ко мне.

- Лорен? – тихо спрашивает она.
- Рейвен, я не хочу сейчас разговаривать, – говорю я, как можно более вежливым тоном.
- Лорен, ты не можешь... – она пытается мне что-то посоветовать, но я перебиваю её.
- Не сейчас, – прошу я её, направляясь к кровати.
- Хорошо, милая. Когда захочешь поговорить, ты знаешь, где я. Я киваю, наблюдая через окно, как уезжает «Порше».

Глава 18

2 октября 2008 года

Пока поднимается лифт, я постукиваю пальцами. Это моя вредная привычка, но я еще так не нервничала со времен старшей школы.

- Не волнуйся, – Кэл обнимает меня.
- Тебе легко говорить. Я вот-вот познакомлюсь с двумя самыми важными для тебя людьми. Кстати, они владеют почти всем в Чикаго, – хнычу я, положив голову ему на грудь.

Прошло уже почти шесть месяцев с тех пор, как начался мой головокружительный роман с Кэлом, но он всё ещё для меня загадка. Думаю, это довольно большой шаг на пути к разоблачению его тайны.

- Просто притворись, что они не смогли бы купить и продать твою душу, если бы захотели, – шутит он.
- О, теперь я чувствую себя гораздо комфортней.
- Не переживай. Они любят тебя. Просто будь собой.

Кэл покусывает мое ухо, заставляя меня забыть о проблеме на долю секунды. Как только дверь лифта открывается, я отстраняюсь от него.

- Идем.
- Парень берет меня за руку и выводит из лифта. Я глубоко вздыхаю и следую за ним. Когда я вижу огромный холл, который простирается перед нами, у меня отпадает челюсть,

– Видишь? Прямо как в музее, – подмигивает он, проведя меня по пустому коридору.

Мои глаза удивленно перебегают с одной картины на другую, которые тянутся вдоль стены. Каждая из них в золотой раме, как я полагаю. *«Зачем ведь экономить на раме, когда можно позволить себе такой шедевр?»* Из состояния транса меня вытягивают звуки 40 симфонии Моцарта, исходящие от рояля в центре комнаты. Её играют так легко, словно это игра в карты. Левая часть широких и богато украшенных двустворчатых дверей

открыта, и мы заходим во впечатляющую гостиную.

– Снова пытаешься произвести впечатление, Декс? – прерывает Кэл музыканта, объявляя о нашем прибытии.

– Неужели ты пришел вовремя? Что за повод? – говорит мужчина, вставая из-за рояля.

Его взгляд скользит по Кэлу и останавливается на мне.

– Мисс Брукс, я полагаю, – понимающе улыбается он.

Я нервно сглатываю. Парень не очень высокий – может быть, около ста семидесяти сантиметров, немного выше меня, с карими миндалевидными глазами и каштановыми волосами, но по какой-то причине его присутствие меня смущает.

– Да, я Лорен, – неуклюже говорю я.

– Меня зовут Декстер Крест Филд, – отвечает он, взяв меня за руку, и к моему удивлению, подносит её к своим губам для поцелуя.

Я не могу сдержать смешок.

– Рада познакомиться, – наконец-то произношу я.

Декстер Крест Филд Младший – человек, отец которого самый богатый на Среднем Западе. Слава Богу, я как раз прочла о нем статью в газете для колледжа.

– У тебя красивый дом. Ну, ты и сам знаешь, – говорю я как идиотка, и подхожу ближе к Кэлу.

– Я передам привет дизайнеру.

Подойдя к барной стойке, он ставит несколько стаканов для виски.

– Выпьете чего-нибудь?

– Нет, спасибо, – сначала мне надо успокоить нервы, прежде чем держать в руках что-нибудь хрупкое.

– Где Хелен? – спрашивает Кэл, снимая свой пиджак и вешая его на стул рядом с собой, будто он находится у себя дома.

Он показывает мне рукой на массивный секционный диван рядом с ним, приглашая меня сесть.

– Она где-то здесь, – отвечает Декстер, наливая в стакан скотч, как я понимаю.

– Итак, Лорен. Кэл говорил, что ты – художница, – говорит Декстер, присаживаясь рядом с нами.

– Я бы не сказала. Я только учусь, – скромно говорю я.

– Она – художница. Я видел её работы, – Кэл встает и подходит к странно расположенному бильярдному столу, принимаясь укладывать шары в треугольник.

– Я всегда хотел стать художником, пока не выяснил, что мне не

хватает терпения, – говорит Декстер.

Я вижу, как парень тщательно меня изучает, раздраженный шумом, исходящим от Кэла.

– И как бы ты одним словом описала Кэла? – неожиданно спрашивает Декстер.

Вопрос слегка сбивает меня с толку.

– Эмм, Кэл уникален.

«Уникален? Откуда я это взяла?»

– Меня ещё никогда не называли уникальным, – смеется Кэл, сидя на бильярдном столе.

– Думаю, это его самое честное *лестное* описание, которое я когда-либо слышал, – смеется Декстер. – Ты мне уже нравишься.

Выражение его лица смягчается впервые с тех пор, как мы познакомились. Мои нервные окончания начинают затихать, так как Декстер кажется вполне крутым. Мне нужно было знать, что Кэл не станет тусоваться с кем-нибудь занудным, даже если это его босс.

– Как жаль, что она уже моя, – Кэл подходит ко мне сзади и наклоняется, чтобы обнять меня.

Его губы касаются моей шеи, и я чувствую, как у меня вспыхивают щеки.

– Да, тебе придется довольствоваться мной, – красивая высокая брюнетка заходит в комнату с пакетом, на котором отчетливо написано «Harry Winston», и бросает его Декстеру, будто это пакет из универмага «Wal-Mart».

– И во сколько мне это обойдется? – Декс с любопытством смотрит на женщину.

– Гораздо меньше, чем ты можешь себе позволить, – колко отвечает она, небрежно садясь ему на колени и чмокая его в губы.

Наконец, она обращает свое внимание на нас с Кэлом.

– Ты вовремя, – говорит она Кэлу с сарказмом.

– Я не так часто опаздываю, – защищается он.

– Нет, ты просто не приходишь, когда говоришь, что зайдешь, – возражает она с улыбкой. Затем девушка обращает внимание на меня: – Ты, должно быть, Лорен.

Её глаза инспектируют меня, как всегда делают женщины. Она встает с колен Декстера и протягивает мне руку.

– Я – Хелен, жена Декстера, – объясняет она, пока мы жмем руки.

– Очень рада познакомиться, – отвечаю я.

– Так, Кэл вел себя, как следует? – спрашивает она, бросая на Кэла

фальшивый теплый взгляд.

– Я всегда веду себя в высшей степени прилично.

– Ну, конечно.

– Так, какие у нас планы на вечер? – прерывает Декстер перебранку.

– Ну, я попросила Люка придти и подать ужин на восемь, – говорит Хелен, убирая прядь волос. – Что, замечательно, ведь вы с Кэлом уже вернетесь к этому времени.

Я вижу, что Кэл бросает на неё теплый взгляд.

– Ты уходишь? – строго спрашиваю я его.

Он не говорил, что оставит меня здесь одну. Хелен вроде как милая и всё такое, но единственная причина, почему я здесь – это наконец-то познакомиться с самыми дорогими ему людьми, помимо клиентов с его работы. Я не хотела, чтобы меня оставили на жену его лучшего друга. Обернувшись, я вижу, что Кэл стоит, запустив руки в карманы. Напряжение в комнате доходит до предела.

– Хелен, может быть, покажешь мне, что ты еще купила, потому что я знаю, что это не всё, – говорит Декстер, извиняя себя и Хелен.

Когда они покидают комнату, я встаю и поворачиваюсь лицом к Кэлу. Он подходит ко мне, но я отворачиваюсь. Его руки плотно обвивают мою талию, притягивая меня к себе.

– Я ненадолго, – обещает парень, поглаживая мою спину, что всегда отвлекает меня от того, что он говорит. – Зато у вас с Хелен будет время узнать друг друга получше, – говорит он, его рука проскальзывает мне под блузку.

Я отхожу от него и чувствую, как у меня поднимается температура. По его хитрой ухмылке я понимаю, что у него тоже. Кэл просовывает пальцы в петлю для ремня на моих брюках и притягивает меня обратно к своей груди.

– Я попытаюсь загладить вину, – шепчет он, прежде чем накрыть мой рот поцелуем, нежно покусывая мою нижнюю губу.

Чувствую, как его руки скользят вниз по спине, и его тепло посылает импульсы по всему моему телу, которые совсем неуместны на данный момент. Я обвиваю руками его шею, когда поцелуй становится чувственнее. Кэл всегда так делает. Я могу быть полностью сосредоточенной на том, что он говорит или что говорю я, а затем он подходит и целует меня так, будто всё это неважно. Он отстраняется с довольной улыбкой на лице.

– Всё в порядке? – тихо говорит Кэл, зная, что я в порядке.

Я киваю и облизываю губы.

– Декс сказал, что будет ждать тебя внизу, – голос Хелен прерывает нас, и я вспоминаю, что мы в чужом доме.

Хелен возвращается в комнату. От моей реакции по лицу Кэла расплывается удивленная улыбка, и он отпускает меня. В полном смущении я бросаю взгляд на Хелен, но она только улыбается, падает на диван и скрещивает ноги.

– Увидимся позже, ладно? – говорит он, и срывает поцелуй с моей шеи.

– Постарайся не влезть в неприятности, – говорит Хелен материнским тоном, пока он берет свой пиджак.

– Буду осторожен, как всегда, – Кэл подмигивает нам обеим и уходит.

Я обнимаю себя за плечи. Вот, я и сижу в чужом доме с женщиной, которую совсем не знаю. «К чему так нервничать?» Я уже жду, пока неловкость заполнит всю комнату, но она начинает говорить.

– Ты привыкнешь к этому, – говорит она, закуривая сигарету.

Я смотрю на неё с любопытством.

– Привыкну к чему? – спрашиваю я, надеясь, что она не заядлая курильщица.

Мне и так приходится сталкиваться с ними на работе.

– О, дорогая, – улыбается она, подойдя ко мне, и я задерживаю дыхание от дыма. – Нам с тобой так много надо обсудить, – дьявольски улыбается она, и берет меня под руку. – Давай выйдем на террасу, – говорит она, уводя меня.

Похоже, этот вечер будет интересным.

* * *

Когда мы выходим на террасу, у меня отпадает челюсть. А я думала, что вид из пентхауса Кэла был потрясающим.

– Красиво, правда? – говорит она, устраиваясь поудобнее за прекрасно расположенным столом справа от нас. – Я точно так же чувствовала себя, когда увидела вид впервые.

Обставленная белой мебелью, терраса простирается на мили вперед, и зажженные свечи пересиливают дым её сигарет еще до того, как мы заходим.

– Конечно, всё было не так, – говорит она, рукой показывая на безупречную дачную мебель и пышную зелень, обрамляющую балконную стену, – но я заметила потенциал.

– Это ты сделала? – шокировано спрашиваю я, когда присаживаюсь на место рядом с ней.

Этот комната совершенно отличается от того готического стиля

комнат, через которые я прошла.

– Ну, дизайн и всё такое. Я говорила дизайнеру всё в точности, как я хотела, и она это сделала, – говорит она, и тушит сигарету.

– Превосходно, – признаю я, все еще осматривая окрестности.

– Спасибо. Жаль, Декстер не разрешает мне переделать остальные комнаты. Он говорит, что дом мужчины – это его царство или что-то вроде этого, – объясняет она, убирая с лица еще одну прядь волос.

Похоже, это её коронное движение, и оно ей очень идет.

– Итак, расскажи мне вашу с Кэлом историю. Я знаю только ту версию, где Декстер смягчил все подробности. Мужчины так неточны в подобных вещах.

Она подпирает подбородок ладонью, словно готовится выслушать интересный рассказ.

Я выдыхаю. На самом деле, я не очень люблю вдаваться в подробности и никогда не чувствую себя в свое тарелке, когда говорю о чем-то, вроде этого.

– Ну, мы познакомились у меня на работе. Я буквально врезалась в него, и он пролил на меня свой напиток, – рассказываю я ей, вспоминая ту ночь, которая задала темп последующим месяцам моей жизни.

– И как давно вы встречаетесь?

– Около пяти месяцев.

«Вообще-то, уже пять месяцев и четырнадцать дней, но кто считает?»

– А теперь я здесь, чтобы вы одобрили его выбор, как я полагаю, – смеюсь я, чувствуя себя с ней поудобнее.

– О, нет, Лорен, не переживай по поводу нас. Кэл делает, что он хочет. Он привел тебя, чтобы похвастаться, – констатирует она прозаическим тоном. – По правде говоря, но только между нами, ладно? – она наклоняется, будто сейчас выдаст самый главный секрет. – Ты – первая девушка, которую он привел познакомиться с нами, ну, или, по крайней мере, со мной, – и она подмигивает мне.

Я не могу сдержать улыбку, но по какой-то причине, снова начинаю нервничать от того, что только что узнала.

– Значит, ты не просто сногсшибательная девушка, – смеется Хелен.

От комплимента я вспыхиваю.

– Декс с Кэлом питают слабость к красивым женщинам, а красивые женщины – к ним, – вздыхает она, ерзая на стуле, и я нервно сглатываю, что она замечает. – Не волнуйся, их не цепляет просто красивое личико. Они не такие идиоты, как все среднестатистические мужчины, – хихикает

она.

– Как долго вы знакомы с Кэлом? – спрашиваю я, все еще чувствуя тревогу.

– Дай подумать, по-моему, в этом году будет уже шесть лет. Да, всё верно.

– Так, Декстер и Кэл правда близки?

– Как братья. Это им на пользу, ведь Декс – единственный ребенок в семье, а у Кэла вообще никого нет, – после её слов я не могу не почувствовать печаль.

Я знала, что Кэла усыновили, но никогда не думала, что у него совсем никого нет. Знаю, его родители – это всегда болезненная тема для него. После смерти своих родителей я чувствовала себя одинокой, но, правда, у меня были отличные отношения с Рейвен. Я просто предполагала, что у него с приемными родителями были сердечные, если не близкие отношения.

– А как вы с Декстером познакомились? – спрашиваю я, меняя тему.

Девушка медленно улыбается.

– Он был на выгодном положении в «Чикаго Джeneral», где я работала. Черт, я не знала, кем он был, когда подошел ко мне и сказал: «Я пожертвую миллион долларов сегодня вечером, если ты пойдешь со мной на свидание». И теперь я здесь, и мне противен этот дерзкий мужчина, который, как я полагаю, мне врет. Так что я сказала ему: «Если ты пожертвуешь миллион долларов, я пробегу вокруг этого отеля голой», а он засмеялся и ушел. Я больше об этом не думала. Спустя десять минут главврач больницы объявил, что Декстер Крест Филд младший только что пожертвовал десять миллионов долларов больнице. И когда появился он, у меня остановилось сердце, – она начинает смеяться, и я присоединяюсь к ней. – Будет ещё лучше. После его речи, во время которой, кстати, он не сводил с меня глаз, он подошел прямо ко мне, наклонился и прошептал: «Я бы предпочел свой дом», и оставил мне свой номер телефона, – заканчивает она рассказ с улыбкой на лице.

– Вау, – говорю я в шоке. – Это отличная история.

– Да, он такой подлый сукин сын. Но милый, когда хочет таким казаться, – улыбается она. – Ну, ты понимаешь, о чем я. Кэл и сам наглый ублюдок.

Я никогда не думала, что он наглый, скорее, очень самоуверенный. Ему плевать, что другие говорят или думают о нем, потому что он знает, что все они хотят быть, как он, или переспать с ним. Ну, это уже зависит от их предпочтений. Он делает, что хочет и когда хочет. Это обычный порядок вещей.

– Ну, хватит о нас. Поговорим о тебе. Дети, карьера, брак? – спрашивает она, закуривая очередную сигарету.

– С Кэлом? – смущенно спрашиваю я.

– Ну, да или точка? – спрашивает она, затягиваясь.

– Ну, я, мы еще не так долго встречаемся, – немного заикаюсь я.

«Она ведь понимает всю суть, да?»

– Хорошо, ты из тех девушек, которые мечтают о свадьбе, или ты хочешь откладывать это, как можно дольше?

– Я могу представить себя замужней и с семьей когда-нибудь. Хотела бы попутешествовать за границей, а потом приехать и делать что-нибудь, что действительно имеет значение, но не знаю. По крайней мере, я еще не собираюсь замуж, – смеюсь я.

– Кто знает, – смеется Хелен, и я смотрю на закат. – Я имею в виду, что думала точно так же. Когда я встретила Декса, то планировала просто повеселиться с ним, но никто не отказывает Декстеру Крест Филду, – смеется она, выбрасывая сигарету, и достает упаковку жвачки.

– Я почему-то думаю, что Кэл не из тех, кто женится, – смеюсь я.

Хелен улыбается, подойдя к перилам, и садится на них.

– Поверь мне, худшее, что ты можешь делать с Кэлом – это притворяться.

Она переключает свое внимание на небо. Мне интересно, что она имела в виду, но я больше ни о чем её не спрашиваю. Я чувствую себя так же, будто зайду сейчас на территорию, куда Кэл не хотел бы меня пускать. Солнце уже касается горизонта, и это выглядит потрясающе.

– Будешь? – говорит она, предлагая мне жвачку «Зимняя свежесть».

– Спасибо.

Думаю, всегда приходится иметь под рукой жвачку, когда куришь. Подняв глаза, я вижу, что Хелен пристально смотрит на меня, и быстро отвожу взгляд.

– Лорен, я хочу кое-что тебе рассказать, – она резко меняет тон, и мое сердце уходит в пятки. – Не знаю, что ты чувствуешь к Кэлу. Сейчас я могу сказать, что он тебе действительно нравится. Я давно знаю Кэла, и он мне, как брат. Сейчас я скажу тебе то, чего мне никто не сказал в свое время, но мне пришлось узнать об этом. Иногда будет так, что ты не сможешь понять, в чем его проблема, и тогда для вас единственной надеждой станут серьезные отношения, но ты должна полностью это принять. Тебе придется принять его таким, какой он есть – его всего – даже ту его часть, которую ты можешь никогда не узнать... – её выражение лица меняется с серьезного на причудливое с такой же ухмылкой, как и раньше. – Кто знает,

может быть, Кэл не такой, как Декстер. Может, он будет более открытым с тобой, чем Декс со мной. Но меня это совсем не волнует. Честно говоря, чем меньше я знаю, тем лучше. Но некоторые не могут с этим справиться, – она смотрит в упор на меня, и, чувствуя себя неловко, будто под следствием, я прочищаю горло. – Здесь становится прохладно. Я пойду внутрь, – и она встает.

– Думаю, я еще немного побуду здесь, – говорю я ей.

– Хорошо, я буду внизу. Должно быть, Люк уже пришел. Пойду и посмотрю, как у него дела. Кухня на первом этаже, крайняя слева. Ты увидишь, как только спустишься, – объясняет она, и я киваю.

– Ну, в общем, я буду там. Если ты замерзнешь, в нашем гардеробе в комнате, из которой мы вышли, есть курточки, можешь взять любую.

– Всё в порядке. Отсюда красивый вид. Я хочу им насладиться, если ты не против, – улыбаюсь я.

Она улыбается в ответ.

– Я полностью тебя понимаю. Спускайся, когда будешь готова, или погуляй по дому, если захочешь. Чувствуй себя, как дома, но только не потеряйся, – смеется она, прежде чем уйти.

* * *

Солнце совсем село. Теперь черное небо усеяно звездами, и только свечи освещают террасу. Не знаю, как долго я уже сижу здесь. Всё это время я пытаюсь обдумать и объяснить то, чем так любезно поделилась со мной Хелен.

Я стараюсь не придавать особого значения этим тяжелым словам, которые скрываются за её причудливым и саркастическим поведением, пока она говорила.

Они пугают меня, и я не знаю почему. Я встречаюсь с Кэлом уже пять месяцев. И с каждым днем, которые я провела с ним, мои чувства становились сильнее, но я никогда не думала о замужестве. Конечно, я фантазировала на эту тему, но не воспринимала всерьез. Знаю, я не смогу выйти замуж за мужчину, у которого есть целый мир, полный секретов. Я такая глупая: у меня никогда не получилось бы выйти за Кэла, и я чувствовала, что совсем не знала его. Такого просто никогда не случилось бы. Кроме того, Декстер и Кэл – два совершенно разных человека, даже если всё, что она сказала – правда. Или может, она ищет то, чего нет на самом деле, или пытается меня отпугнуть. Из размышлений меня вырывает прикосновение теплой руки, скользящей по спине. Я поворачиваюсь и вижу, как Кэл улыбается мне. Он садится возле меня, и я оказываюсь у него на коленях.

– Что случилось? – спрашивает он, пытаясь заглянуть мне в глаза.

– Ничего. А что? – улыбаюсь я.

Тепло его тела обволакивает меня, и я понимаю, как сильно я замерзла.

– Ну, я захожу сюда в ожидании какого-то подобия приветствия, а ты сидишь здесь в оцепенении, – ухмыляется парень.

– Просто замечталась, – улыбаюсь я, положив голову ему на плечо.

– Врунья, – смеется он, но меняет тему: – И долго ты уже сидишь здесь? – спрашивает он, накидывая мне на плечи свой пиджак.

Я благодарно улыбаюсь.

– Около получаса.

«Ну, скорее, часа полтора».

– И как тебе Хелен? – спрашивает он с любопытством.

– Она милая, – говорю я, и нежно целую его в губы.

– Милая?! Хелен не милая. Она пугает, манипулирует и разочаровывает. И это еще при том, что ты ей нравишься, – смеется он, удивленный.

Я игриво закатываю глаза.

– Тогда зачем ты оставил меня с ней?

– Я знал, что ты справишься, – Кэл скользит губами по моей шее и легко касается моих губ. – Так что она сказала обо мне? – бормочет он.

«Он иногда такой задир».

– Помимо того, что ты безжалостный плейбой, который разбил сотни девичьих сердец? Почти ничего, – подшучиваю я над ним, прежде чем уступить его дразнящим губам сплетаться с моими.

Я отстраняюсь, чтобы восстановить дыхание и смотрю ему в глаза.

– Что? – спрашивает он с интересом.

Возможно, Хелен просто манипулировала мной, как он сказал до этого. Возможно, она не права. Должна быть.

– Ничего, – улыбаюсь я.

Глава 19

11 мая 2011 года

Интересно, поздно как-то поменять ситуацию в лучшую сторону, если я уже решила, что всё длится слишком долго? Может ли он разрушить этот трудный образ, который создал вокруг себя? Он говорит, что хочет, чтобы я приняла его таким, какой он есть. Но как я могу это сделать, довольствуясь тем, что никогда полностью не узнаю человека? Если я приму его таким,

разве от этого я не стану бесхарактерной? Я не могу так, да? Глубоко вздохнув, я упаковываю вещи в свой чемодан и беру ключи с комода. Бросаю взгляд на зеркало, оценивая свой внешний вид. Лицо выглядит уставшим даже после душа и легкого макияжа. Глаза все еще опухшие от того, что я всю ночь плакала. Я не хочу ставить крест на нем – на нас, но он должен понять, что я настроена серьезно. Да, я сказала ему уйти, и в тот момент я хотела, чтобы он ушел. Но корень проблемы заключается в том, что он так далеко от меня. Теперь уже и буквально и в переносном смысле.

Я обуваю пару «Chuck Taylors» (*Прим.: конверсы*), которые старше моего брака, но гораздо удобнее, чем ботильоны с каблукон 12 см, которые я носила здесь. К тому же, они больше подходят к моим прямым джинсам и футболке.

Беру сумку и чемодан, спускаясь по лестнице прямо на кухню, где сидит Рейвен с чашкой чая в руках. Когда я захожу, она улыбается, и её взгляд переключается на сумку на моем плече.

– Давай, я налью тебе чай, – быстро говорит она.

Я начинаю протестовать, но понимаю, что легче просто согласиться.

– Думала, ты поспишь подольше, – говорит тетя, наливая мне чашку.

Я кладу сумку на пол и сажусь напротив неё.

– Нет. Я хотела встать пораньше, – говорю ей, забирая у неё из рук чашку.

– Для чего? – спрашивает она, прежде чем сесть рядом со мной.

– Я уезжаю.

– Ты возвращаешься домой?

– Нет, – говорю я, делая глоток чая. – Я собираюсь остановиться у друга в Чикаго на какое-то время, до тех пор, пока не решу, что делать, – отвечаю я.

– Лорен, тебе лучше остаться здесь, я не...

– Мне нужно уйти. Не от тебя. Мне просто нужна смена обстановки, – прерываю я её.

Я вижу, что она не одобряет этого, но и не протестует.

– Ты поедешь на машине?

– Нет. Оставлю её здесь. Там негде парковаться. Я вызвала такси до автостанции, а оттуда уже поеду дальше.

– Я тебя отвезу, – предлагает она.

– Нет, зачем тебе везти меня в Чикаго, а потом сразу же ехать обратно.

– Всё в порядке. У меня всё равно сегодня немного дел, – говорит она, наливая мне еще немного чая, хотя моя чашка еще далеко не пустая.

– Нет, Рейвен. В этом нет необходимости, да и во время поездки я

смогу привести свои мысли в порядок, – говорю я ей, отчаянно не желая с ней спорить.

– Ну, позволь мне хотя бы подбросить тебя до автостанции, – говорит она умоляющим тоном.

Я вздыхаю, чувствуя, как на лице появляется небольшая улыбка, и сдаюсь.

– Ладно.

– Так, у кого ты остановишься? – спрашивает она с любопытством.

– Мы работали вместе, пока я была в колледже, – говорю я, проводя пальцем по ободку чашки.

– Это ведь женщина, да? – нервно спрашивает она.

Я широко раскрываю глаза от удивления.

– Конечно, – быстро отвечаю я.

– Я просто спросила, – улыбается она с облегчением.

Я не могу сдержать смешок. Если бы Кэл выяснил, что я останавливалась у мужчины, то даже не могу представить, что бы он сделал. Он никогда не ревновал меня, ведь я никогда не давала ему повода. С тех пор, как мы вместе, я хотела только его. У другого парня не было шанса, и он это знал. Но даже, если бы он подумал об этом, мне бы не захотелось узнать, что бы он сделал. Я видела его в порыве гнева только один раз в жизни, и он был похож на льва, который вырвался из клетки. Он был в бешенстве, и я бы никогда не захотела еще раз довести его.

– И как долго ты будешь у этой подружки? – спрашивает она, забирая у меня чашку чая, от которой я отпила только один глоток.

– Не знаю. Мне просто... мне нужно уехать от всего, к чему привыкла, – вздыхаю я.

Рейвен продолжает возиться на кухне и поворачивается ко мне лицом, положив руки на бедра.

– Ну, я бы, правда, очень хотела, чтобы ты осталась здесь, и позволила помочь тебе разобраться во всем. Но нужно действовать так, как ты чувствуешь, так что знай, что я поддерживаю тебя на сто процентов.

Я не могу не улыбнуться. Иногда Рейвен просто удивляет меня. Думаю, она сделает одно, а она делает совершенно противоположное. Поднявшись со стула, я крепко обнимаю её и узнаю запах её духов, какие она использовала, когда я была младше.

– Спасибо, – тихо говорю я ей, прочищая горло.

– Всё будет хорошо, милая, – говорит тетя, потирая мою спину.

– Надеюсь. Я... я не хочу потерять брак. Просто на меня навалилось столько всего. Думаю, надо сделать шаг назад и отойти от всех наших

проблем. Это будет хорошо для нас обоих.

– Это просто тяжелый период. Они случаются в каждом браке, – говорит она мне, обнимая меня немного сильнее, затем отходит и поднимает мой подбородок. – Только сильные могут пережить их, – говорит она мне с суровой улыбкой.

Я киваю, вытирая слезы, которые уже появились на глазах.

– На самом деле, тебе пойдет на пользу какое-то время побыть наедине с собой. Иногда забываешь о себе, когда долго живешь с кем-то ещё, – улыбается она, убирая прядь волос.

Я представляла себе этот диалог по-другому. Думала, она скажет мне, перестать быть такой чувствительной и поддержать мужа.

– Что? – спрашивает она с улыбкой.

– Просто я... я думала, что ты примешь сторону Кэла, – говорю я ей.

– Лорен, я, правда, не знаю, что происходит между вами, чтобы принимать чью-то сторону. Но ты – моя племянница, и я люблю тебя. Мне очень нравится Кэл, но если он заставляет тебя чувствовать себя так, я не могу его поддержать. Ты на первом месте. В конце концов, я поддержу тебя в любом случае, права ты или нет. Но я не думаю, что ты не права.

Я обнимаю её еще раз.

* * *

– Лорен, мы приехали, – говорит Рейвен, слабо толкая меня локтем.

Открыв глаза, я вижу, что мы припарковались перед автостанцией, и слегка потягиваюсь. У меня такое чувство, будто я спала много часов, и могла бы проспать еще пару дней.

– Милая, всё в порядке? – спрашивает она, озабоченно глядя мне в глаза.

– Да, я просто устала, – говорю я ей, подбирая сумку с пола, и кладу её на колени.

– Я с тобой разговаривала, и прежде чем я это поняла, ты уже уснула. Надеюсь, я тебе не наскучила, – улыбается она, и я вспоминаю.

– Вовсе нет. Просто я плохо спала ночью, – уверяю я её.

По выражению её лица понятно, что я её не убедила.

– Ты точно не хочешь, чтобы я тебя довезла? Мне это не составит никакого труда, – говорит она мне снова.

– Со мной всё будет хорошо. Мне будет лучше, если буду знать, что ты не едешь одна домой из Чикаго, – говорю я ей, пока выхожу из машины.

Подхожу к её стороне, и она тоже выходит.

– Думаю, тебя все равно не переубедить, – уступает она.

Я смеюсь над её упорством, и она вздыхает.

– Хорошо, милая, береги себя, – говорит тетя, притягивая меня к себе и долго обнимая.

– Хорошо, – обещаю я ей.

– Мне было бы гораздо спокойней, если бы ты дала мне номер своей подруги.

Она хмурит брови, и я отрицательно качаю головой. Я бы оставила ей номер, но Рейвен бы звонила тысячу раз, убедиться, что со мной всё хорошо. Даже не упоминая тот факт, что я не хочу, чтобы Кэл узнал, где я. И сколько бы раз Рейвен не говорила, что она не даст ему номер и не скажет, где я, я знаю, каким убедительным может быть Кэл. Он – мастер в искусстве убеждения, и никто не защищен от того, что уступит ему через пару минут.

– Может, подождать с тобой, пока не приедет автобус?

– Нет, спасибо, всё в порядке. Он должен скоро подъехать... Видишь? Вот, и он, – я указываю на автобус, который останавливается у платформы.

– Ладно, милая, – вяло улыбается она, обнимая меня еще раз.

– Позвони мне сразу же, как доберешься, хорошо? – предупреждает она меня.

– Позвоню. Сразу же, как постучу в её дверь, – уверяю я её, пока она нерешительно садится обратно в машину.

Рейвен останавливается, чтобы посмотреть на меня еще раз, а её рука уже держит ключ зажигания.

– Я обещаю, – говорю я ей.

Она улыбается и посылает воздушный поцелуй, прежде чем наконец-то отъезжает. Я закидываю сумку на плечо и направляюсь к киоску, чтобы купить билет.

* * *

– Приехали, – говорит мне высокий мужчина с седыми волосами.

Я неловко улыбаюсь.

– Сколько? – спрашиваю я его, открывая сумку в поисках кошелька.

– 20,62, – отвечает он.

Я протягиваю ему 25 долларов.

– Спасибо, мэм, хорошего дня, – говорит он.

Я улыбаюсь и отдаю деньги.

– И вам, – отвечаю я, выбираясь из такси.

– Непременно, – говорит мужчина перед тем, как уехать.

На улице до ужаса тихо, а ведь я возле центра Чикаго. Обычно здесь всегда слышен шум машин, людей или громко играет музыка. Я просматриваю список жильцов со звонками напротив имен и улыбаюсь,

когда вижу фамилию Дэвис. Нажав на кнопку, я жду ответ.

– Кто там? – спрашивает её голос.

Я широко улыбаюсь.

– Это Лорен, – смеюсь я.

– ЛОРЕН!!! Я сейчас спущусь.

Я не могу сдерживать смех, ведь её восторг так заразителен. Спустя пару секунд открывается передняя дверь, и она бросается на меня с объятиями, чуть не повалив на землю.

– Не могу поверить, что ты здесь. Боже мой! – кричит она мне в ухо, пока я стараюсь сохранить равновесие.

– Да, я здесь.

«Почему-то мне кажется, что у меня с ней совпадает настроение».

– Однако я не думала, что ты, правда, приедешь. Ты всегда говоришь, что приедешь, а потом звонишь с извинениями, – смеется подруга, забирая мою сумку.

– Что ж, не в этот раз, – вздыхаю я.

– Идем, – говорит она, и ведет меня вверх по лестнице.

Я осматриваю здание. Оно напоминает мне мою квартиру, которую я снимала, когда училась в колледже. Белые стены, деревянные полы и окна, сквозь которые льется солнечный свет.

– Благодаря этим ступенькам я скинула, по крайней мере, 5 фунтов, – смеется девушка, пока мы проходим очередной лестничный пролет.

Но когда мы идем в её квартиру, она тяжело дышит и бормочет себе под нос: «Ненавижу то, что я живу на третьем этаже». Положив руку на дверную ручку, объявляет: «Пришли!», заводит меня внутрь и закрывает за нами дверь.

– Квартира небольшая, зато мне нравятся соседи. Поскольку на этой улице больница, здесь всегда тихо, но все-таки близко от города. У них там что-то вроде тихой зоны, – говорит она мне.

Я улыбаюсь, когда осматриваю маленькую квартиру, и подхожу к окну, через которое льется солнечный свет, освещая всю комнату. Закрыв глаза, я грею лучами лицо и открываю их снова, когда слышу шаги позади меня.

– Вот, так вот. Как я и сказала, она маленькая, поэтому ты будешь спать на диване, – объясняет она.

– Мне будет удобно, – уверяю я её.

Она еще раз широко улыбается мне. Это еще одна причина, почему мне нравится быть с Энджелой – она всегда смотрит на мир позитивно, и я лишь пару раз видела её грустной или злой из-за чего-то.

– Я все еще не верю, что ты здесь, – смеется она, и берет меня под

руку.

Энджи ведет меня к не совсем белому дивану, который расположен рядом с деревянным журнальным столиком.

– Так, как у тебя дела? – спрашивает она, уstraиваясь поудобней.

Я размышляю над тем, чтобы сказать ей правду с поддельной улыбкой, или просто вывалить на неё все проблемы.

– Нормально, – вздыхаю я, решая придерживаться той стратегии, которая займет меньше времени. Она хмурит брови.

– Нормально? – переспрашивает она с сарказмом. Я киваю, начиная играть пальцами. Подруга вздыхает. – Ну, я знаю, что-то не так, но не буду настаивать, потому что у меня такое ощущение, что ты ничего мне сейчас не расскажешь, – ухмыляется она.

Она по-прежнему хорошо меня знает. Теперь моя очередь вздыхать.

– Мы с Кэлом сейчас не в лучших отношениях, – натянуто говорю я.

Её улыбка мгновенно смягчается.

– Хочешь поговорить об этом?

Вот, почему я люблю Энджи. Любой другой просто принял бы меня расспрашивать, не задумываясь о том, что я думаю об этом.

– Сейчас не очень. Я так устала и просто хочу спать, – говорю я ей.

– Конечно! Что ж, у меня занятия примерно через полчаса, так что ты вполне можешь завалиться на мою кровать и отдохнуть, – предлагает подруга.

– О, да всё нормально, – я показываю на диван.

– Уверена?

– Последние полчаса я провела в тесной машине, а это гораздо лучше, – смеюсь я.

Энджи встает:

– Ну, давай, тогда я принесу тебе простыни и подушки, – говорит она, исчезая на минуту и возвращаясь со свежей розовой простыней и подушкой.

Подруга кладет их возле меня.

– Спасибо, – благодарно говорю я. – Я смотрю, ты все еще помещана на розовом, – хихикаю я.

– Кто бы говорил, – она в шутку толкает меня локтем, намекая на тот период в моей жизни, когда я носила все оттенки розового, по крайней мере, год.

Мне нужно было привнести ярких красок в свою тогда еще скучную жизнь, и это мне казалось хорошей идеей.

– Так, через три часа у меня закончатся занятия, а потом я пойду в

библиотеку на час или два. Когда я вернусь, ты уже отдохнешь, так что мы сможем поговорить о девичьем и заказать какой-нибудь еды, ладно? – говорит она, берет расческу и быстро проводит ею по волосам.

– Звучит здорово, – говорю я ей, снимая свои кроссовки.

– Лорен, сколько им уже? – визжит она.

Я смущенно закрываю лицо:

– Это моя единственная обувь на плоском ходу, – признаюсь я, и мы обе начинаем смеяться.

– Вау. В любом случае, в холодильнике есть немного пиццы, так что угощайся, хотя я бы не советовала. Из напитков у меня только «Пепси» – я пристрастилась. И если хочешь принять душ, включи сначала воду на десять минут. Она нагревается целую вечность, поверь мне, – объясняет подруга, хватая свой рюкзак со стола на кухне. – Ванная здесь возле моей комнаты. Не думаю, что мне надо показывать тебе кухню, вот, – Энджи быстро показывает рукой. – Я так ужасно чувствую себя из-за того, что оставляю тебя здесь одну, когда ты только приехала. Кажется, мне надо было тебе тут все показать или типа того, – хнычет она.

– Эндж, я же не туристка. Тебе не надо мне всё показывать. И я ведь заехала к тебе ненадолго. Со мной всё будет хорошо, – еще раз уверяю я её.

– Знаю. Я по-прежнему чувствую себя ужасно, но мне придется сделать это позже, – смеется она, и берет ключи со стола. – Если я пропущу автобус, то мне пипец, – говорит она, устремляясь к двери. – Как я говорила, мой дом – твой дом, – кричит она перед тем, как уйти, и я слышу, как закрывается дверь.

Осматривая уютную небольшую квартиру, я вспоминаю те дни, когда мы с Хилари вместе снимали жилье. Какой крошечной была та квартирка, но я чувствовала себя там так тепло. Так, было у меня дома, и именно по этому я скучала – теплу и счастью. Я ищу телефон, надеясь, что он на кухне, и заметив телефонную трубку на кухонном столе, набираю номер Рейвен.

– Рейвен, это я. Добралась нормально. Только что приехала пару минут назад, и просто хотела, чтобы ты знала. Я сильно устала, поэтому позвоню тебе еще раз вечером. Люблю тебя, – говорю я после звукового сигнала, и кладу трубку.

Вернувшись на диван, я натягиваю простынь на голову. Свет нигде не горит, но солнце освещает всю квартиру. Мои веки такие тяжелые, словно кирпичи. В конце концов, я позволяю им сомкнуться.

* * *

– Лорен, Лорен.

Открыв глаза, я вижу, что надо мной стоит Энджела.

– Привет, – говорю я, просыпаясь.

– Ты все это время спала? – спрашивает она, включая сзади нас лампу.

Мои глаза привыкают к свету. Солнце уже совсем село.

– Наверное, – тихо говорю я ей, и сажусь.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – обеспокоенно спрашивает подруга.

– Да, я просто очень устала, – говорю я ей.

Она трогает мой лоб.

– Ты горячая. Не заболела?

– Нет, всё нормально. Я просто долго не спала, – вру я.

«Я спала целую вечность. Я только и делала, что спала, или плакала».

– Ты уверена? – спрашивает Энджи со скептицизмом.

– Я в полном порядке, – с уверенностью отвечаю я.

Последнее, что мне сейчас нужно – это еще один человек, который волнуется за меня, ведь именно по этой причине я уехала от Рейвен.

– Ладно, по дороге домой я купила немного китайской еды. Думала, что ты уже проснешься к этому времени, – хихикает она.

Энджела берет в руки пульт, и включается стерео.

– Нужно как-то оживить этот дом, – смеется она, начиная двигать бедрами в такт музыке.

Я смеюсь от того, как она трясется и идет ко мне с серьезным лицом.

– Я видела, как ты танцуешь в клубе. Не надо стесняться, – предупреждает она меня, берет мою руку и ведет на кухню.

– Что ты купила? – спрашиваю я, услышав, как у меня урчит живот.

– Обжаренный рис, курица в апельсиновом соусе и луковые блинчики, – говорит подруга, передавая мне тарелку и приборы.

– Ну как там, в магистратуре? – спрашиваю я её, пока мою руки.

– Скучно и сложно, но это того стоит ради хорошей работы, – смеется она, хватая луковый блинчик и усаживаясь на стойку.

Я в шутку закатываю глаза. Родители Энджелы еще со школы готовы оплатить всё, что она захочет или попросит, и она с лихвой этим пользуется.

– Ну же, не смотри на меня так. Кэл тебя ужасно избаловал, – смеется она.

– Ну, это потому, что его никогда нет дома, – сухо отвечаю я, садясь за стол.

Выражение её лица смягчается, и она садится рядом со мной.

– Он все еще работает в корпорации «Крест Филд»? – спрашивает она обыденным тоном, и я киваю. – Целый день на работе? – даже у неё в

вопросе слышится скептицизм.

– Да, наверное, так и есть, – смеюсь я над собой с сарказмом.

– Ты ведь не думаешь, что он тебе изменяет. Да?

– Он говорит, что нет, но, сколько мужей говорят своим женам, что изменяют?

– Ты ему веришь?

– Думаю, наши проблемы гораздо серьезнее, чем просто женщина, но я не могу исключить такую возможность, – смеюсь я, насыпая себе немного риса.

Набрав полную ложку, я чувствую, как атмосфера в комнате становится неловкой.

– Что может быть хуже интрижки? – вдруг спрашивает Энджи.

– Если бы я знала, – отвечаю я, и отодвигаю тарелку, потеряв аппетит.

– Знаешь, когда ты мне позвонила, я, мягко говоря, удивилась, если не сказать больше, – сообщает она.

– Извини, что не рассказываю тебе всё. Мне просто надо было убраться оттуда.

– Всё нормально. Я знаю, каково это, – тепло улыбается она. – Помню, какими влюбленными вы были с Кэлом. Я уже не говорю о том, как сильно мы с Хилари завидовали, – смеется она. – Ну, то есть, он был невероятно привлекательным, – вздыхает она.

Я улыбаюсь.

– Он все еще такой, – признаю я.

– Помнишь Девона? Как только я видела его, то сразу же захотела на него наброситься. Только проблема в том, что это хотела сделать любая другая женщина, когда его видела, – смеется она.

– Девон, который играет в баскетбол, да? – спрашиваю я, будто не знаю.

Его невозможно было забыть – загар, черные волосы и зеленоватые глаза.

– Угу. И в каждом городе, где он играл, у него было, по крайней мере, три девушки, – хихикает она. – Знаешь, я встречалась с азиатом, черным, испанцем, а ещё с итальянцем. И милая, знаешь, что между ними общего? Они неспособны понять концепцию моногамных отношений, – объясняет подруга, нахмутив лоб, и насыпает мне еще немного риса. – А я решительно настроена найти именно такого. До этого у меня был ужаснейший вкус на мужчин, – хмурится она.

Мне стало жаль подругу. Я помнила их с Девоном, и как она до безумия была влюблена в него. Он был красивым, и Энджела подходила

ему внешне. У него была кожа цвета карамели, раскосые глаза и лицо, обрамленное короткими волосами. Она привлекала разных мужчин, но правильных – никогда.

– У всех нас плохой вкус на мужчин, – бормочу я, поедая рис.

– Ну, по крайней мере, у нас не всё так плохо, как у Хилари. Она даже дьявола заставит сходить с ума по ней, – вздыхает она.

– Да, у неё был единственный хороший парень – Джон, и она бросила его ради того ужасного козла – Арона.

– Боже, я думала, это я притягиваю плохих парней, но она превзошла нас всех.

Я погружаюсь в свои мысли, не слушая Энджелу. Слишком ясно я помнила ту ночь, когда поняла, насколько плохим может быть мужчина, и какой действительно беспомощной и потерянной может стать женщина. В ту же ночь я увидела ту сторону Кэла, которую никогда не хотела бы увидеть снова, но какая-то часть меня была благодарна тому, что я это увидела.

Глава 20

2 апреля 2009 года

– Мне никогда это не надоест, – говорю я, кладя голову Кэлу на грудь. С крыши его дома открывается один из самых лучших видов Чикаго.

– Тогда привыкай, – ухмыляется он, сохраняя спокойствие. Я игриво закатываю глаза и смотрю на небо, игнорируя его. Можно сказать, что я уже привыкла к его безразличию относительно того, что меня очаровывает.

– Я могла бы сидеть здесь вечно, – вздыхаю я, рассматривая звёзды. Бросаю взгляд на Кэла, в чьих опьяняющих серых глазах сверкают зелёные искорки. Боже, он так смотрит на меня...

– Что? – с улыбкой спрашиваю я. Мужчина слегка посмеивается.

– Ты слишком хороша для меня, – говорит он, крепче обнимая меня за талию. Я растерянно смотрю на него.

– Это ещё почему? – шутливо спрашиваю я. Кэл замолкает.

– Ты напоминаешь мне о чём-то, – тихо говорит он. У меня вопросительно поднимается бровь. – Дело не в другой девушке, – он смеётся, почувствовав мой немой укол ревности.

– Тогда в ком? – с любопытством спрашиваю я, и его улыбка смягчается.

– Скорее, я чувствую себя по-другому, – бормочет Кэл, поправляя мои волосы.

- Это так плохо? – спрашиваю я с улыбкой.
- Ещё не знаю, – отвечает он, а затем прижимается своими губами к моим, чувственно целуя меня. От таких поцелуев у меня до сих пор кружится голова.
- Нет, это ты слишком хорош для меня, – хихикаю я.
- Кэл улыбается:
- И почему же? – его пальцы скользят вниз по моему животу.
- Ты отвлекаешь меня, – говорю я, игнорируя мурашки, которые появляются у меня от его прикосновений.
- От чего? – злобно улыбается он, и его пальцы продолжают свой путь.
- От мыслей, на которых я пытаюсь сосредоточиться, о жизни, счетах, учебе, – я выпаливаю на одном дыхании.
- Ну, это скучно, – прямо констатирует Кэл, начиная расстегивать мою блузку.
- Знаешь, не все могут жить твоей жизнью. Ускользнуть на личном самолете, жить в дорогом пентхаусе и делать, что им вздумается, – говорю я ему, стараясь сфокусироваться на своих словах, а не ощущении, будто у меня сжимается живот.
- Ну, им надо попробовать, – говорит он, прежде чем его губы находят мою шею и жадно её целуют.
- Тогда весь мир погрузился бы в хаос, – объясняю я ему, пока Кэл продолжает меня раздевать, как будто он совсем не знает, что я не позволю ему вести себя так со мной на этой крыше. *Скорее всего*, не позволю.
- Я уже жил по-другому. Было не очень интересно, – бормочет он, преследуя мои губы своими.
- Я отстраняюсь, прежде чем забыться в поцелуе:
- А когда это было? Где-то между тем периодом жизни, когда ты начал летать на самолетах и тем, когда выпрыгивал из окон зданий – мурчу я, обнимая его.
- В другой жизни, – улыбается мужчина, поглаживая заднюю поверхность моих бедер. – Ты тоже должна *так* жить.
- Уверена, что любой хотел бы жить вот так, но это нереально. Нельзя так жить каждый день.
- Я живу.
- Ну, это потому, что ты *уникальный*, – я дразню его, упоминая то слово, которое сказала, когда Декстер попросил меня описать Кэла. Оно по-прежнему кажется мне подходящим.
- Нормально жить скучно. Когда ты просыпаешься каждый день в одно и то же время, с девяти до пяти сидишь на работе, которую

ненавидишь, приходишь домой к жене и маленьким монстрам, бегающим по дому, затем идёшь спать, и потом всё сначала. Я не хочу большую часть своей жизни ждать повышения, и всё равно зарабатывать меньше, чем пятьдесят тысяч долларов в год, – его слова звучат беззаботно, но глаза серьёзные.

– Жизнь не обязательно должна быть такой. Брак не обязательно должен превратиться в рутину, а твои дети в орущих монстров, – хихикаю я.

– Зачем тратить жизнь впустую на бесперспективную работу, мечтая о вещах, которые никогда не сможешь купить? Мечтая о местах, которые ты никогда не увидишь? Я не считал бы такую жизнь нормальной. Её переоценивают, – бормочет Кэл, вставая с гамака.

– Звучит так, будто тебя волнуют только деньги.

– Нет. Меня волнует полнота жизни. Когда ты делаешь то, что хочешь, вместо того, чтобы только мечтать об этом. А для этого нужны деньги, – говорит он так, будто всё так просто.

– Жизнь – это нечто большее, чем путешествовать и жить одним моментом, Кэл. Всё это потрясающе, но она доставляет тебе удовольствие, потому что ты убегаешь. Если делать это постоянно, то в чем смысл? А как на счёт завести семью, остепениться? – спрашиваю я его.

– Ты слышишь, что говоришь? Остепениться? Я не собираюсь сбавлять обороты ради чего-то.

Его слова обжигают меня. Пожениться и завести семью значит сбавить обороты? Вот что для него сейчас важно? Делать всё, что хочешь и не думать ни о чём другом? И где моё место в этом уравнении? Я с ним уже год, и не знаю ничего наверняка. С каждым днём, проведенным с ним, мои чувства к нему становятся сильнее, и все эти чувства переплелись со страстью.

Меня пугает то, что я боюсь задать ему все эти вопросы, потому что, ну, я не уверена, хочу ли я вообще знать на них ответы. Кэл не похож ни на кого из тех, кого я встречала. Сегодня я занимаю важное место в его жизни, но что будет, когда я перестану быть для него важной? Я уже видела, как ему всё быстро надоедает.

Я не смогла избежать того, как развились мои чувства к нему после всего того времени, что мы провели вместе. С ним я чувствую себя так, как ни с кем другим. Этот год так быстро пролетел, и когда я с ним, то время вообще не важно. Я обнимаю себя за плечи, теперь ощущая холод, когда Кэл меня больше не обнимает. Я делаю долгожданный выдох. У меня звонит телефон, но я его игнорирую.

– Так вот что я для тебя значу? Немного веселья, то, чем ты хочешь заняться ненадолго? – спрашиваю я.

Кэл подходит ко мне и берёт на руки:

– Причина, по которой ты меня пугаешь – это то, что я совсем не так к тебе отношусь, – шепчет он мне на ухо.

Я смотрю ему в глаза, ощущая себя беспомощной. Этот мужчина с легкостью может разбить мне сердце. Он с улыбкой украл его, и я не думаю, что хочу его вернуть.

– Ты хочешь, чтобы я была такой? – спрашиваю я его, прочищая горло. Кэл поднимает мой подбородок, чтобы я могла его видеть.

– Никогда, – по-мальчишески ухмыляется он мне.

От его вида у меня по-прежнему порхают бабочки в животе, а от его прикосновений у меня по телу проходит дрожь с тех пор, как мы впервые встретились.

– Я всё ещё не ощущаю полного комфорта с тобой, – честно признаюсь я.

– Это хорошо. Когда тебе комфортно, значит, тебе стало скучно.

– Скажи мне, что тебе никогда не надоест? – с сарказмом спрашиваю я.

– Мне на ум приходят пару вещей, – говорит мужчина с озорной улыбкой.

Мой телефон звонит снова. Это рингтон, который я поставила на Энджелу. Она не стала бы звонить мне дважды, если только не случилось что-нибудь важное. Я выскальзываю из его объятий, чтобы взять телефон и ответить.

– Привет, Энджела. Как дела? – хихикаю я, игнорируя руки Кэла, скользящие вниз по моему телу.

– Лорен... здесь Хилари. Я-я не знаю что делать... Она не хочет, чтобы я звонила в полицию, – её голос дрожит и подскакивает.

– В полицию? Подожди, Энджи, что случилось? – Кэл перестаёт мешать мне и с тревогой смотрит на меня.

– Она подралась со своим парнем, и теперь очень плохо выглядит, Лорен. Я не знаю, что делать, – объясняет девушка.

– Он ударил её? – я не верю своим ушам.

– В этот раз всё действительно плохо, – её голос дрожит, будто она сейчас заплачет. О Боже, я не могу в это поверить!

– В этот раз? – переспрашиваю я в бешенстве.

– Она не хотела, чтобы я тебе говорила, знала, что ты сразу пойдешь в полицию. Прости, я не думала, что это зайдет так далеко.

Я понимаю, что вся дрожу.

– Я уже еду, – быстро говорю я ей, вешая трубку. Чувствую, как глаза наполняются слезами.

– Что случилось? – Кэл выглядит встревоженным.

– Парень Хилари избил её, – быстро отвечаю я.

– Лорен, успокойся, я поеду с тобой, – решительно говорит он

– Нет, я должна поехать одна.

Чёрт! Если бы я не жила с ним в этой стране чудес, я бы знала, насколько всё плохо. Я могла бы ей помочь. Я ничем особо не занималась, кроме как была с Кэлом. Я знала, что тот парень плохой, и проигнорировала это, потому что Хилари так восторженно о нём рассказывала. Но если бы я была дома, я бы всё видела, я бы всё знала.

Кэл держит меня за плечи, чтобы я успокоилась.

– Лорен, это не твоя вина, – говорит он, читая мои мысли. – Я еду с тобой. Ты слишком расстроена, чтобы вести, – решительно заявляет Кэл, пока я застегиваю блузку, непокорно качая головой. Это личное для нее, уверена, Хилари не хочет, чтобы я привела его с собой.

– Позволь мне помочь тебе, – умоляет мужчина, хватая меня за запястье, когда я пытаюсь уйти. Я не могу оттолкнуть его, если хочу, чтобы он мне открылся.

– Ладно.

* * *

– Энджела? – зову я и направляюсь к ней, увидев, что она сидит одна в зале ожидания. Когда девушка позвонила мне и сказала, что они едут в отделение скорой помощи, у меня чуть сердце не остановилось от мысли, что Хилари так сильно избили.

– Привет, Лорен, – говорит Энджи, крепко обнимая меня. – Привет, Кэл, – натянуто здоровается она.

– Привет, – отвечает он, садясь рядом со мной. У Энджелы покраснели и опухли глаза, на голове у неё шелковый платок.

– Где она? – взволнованно спрашиваю я.

– Они положили её в дальнем крыле. Ей только что сделали рентген. Медсестра, с которой я говорила в последний раз, сказала, что у неё сломано ребро, – объясняет подруга дрожащим голосом.

– О Боже, – говорю я, чувствуя, как глаза наполняются слезами.

– Всё действительно плохо, этот раз хуже всех. Её лицо, оно... – она перестает держать себя в руках, и я обнимаю её, плача вместе с ней. – Я позвонила её родителям, они уже едут, – бормочет Энджи. – Это я виновата. Я должна была сделать что-нибудь. А она продолжала просить

меня, чтобы я никому не рассказывала, и что это случилось только тогда, когда он напился, – рыдает она у меня на плече.

– Это не твоя вина, – пытаюсь я убедить её.

Она делала только то, что сказала Хилари, но жаль, что она не сказала хотя бы мне. Ведь Энджела всегда держит своё слово, она самый надёжный человек из всех, кого я знаю.

– Как я могла знать, что тут такое происходит? – тихо говорю я себе.

– Я пойду, принесу вам чего-нибудь попить, – говорит Кэл, наконец оставляя нас одних.

– Когда она позвонила мне, её голос звучал нормально. Но когда я приехала к вам домой и увидела её... Я-я запаниковала. Я ещё никогда не видела такого в реальной жизни. Когда видишь, что этот козёл сделал с ней... – злобно рычит она.

– Ты позвонила в полицию?

– Нет. Она сказала мне не звонить, но доктора пытались расспросить меня, – я смотрю на неё так, как будто она свихнулась. Я ещё не видела Хилари, но судя по тому, что Энджи мне рассказала, я не могу поверить, что они не обратились в полицию. – Я знаю, знаю! Но она умоляла меня. Когда врачи спросили, что случилось, Хилари даже не хотела, чтобы я им рассказала, – быстро объясняется она.

– Она ведь не хочет, чтобы ему удалось удрать, да? – я не могу поверить своим ушам.

– Я честно не знаю. Такое ощущение, что он промыл ей мозги. Надеюсь, что это станет для неё тревожным звонком. Но она сказала, что не хочет звонить в полицию или рассказывать врачам, что он сделал, – объясняет Энджела, всё ещё расстроенная.

– Прошу прощения, – изящная блондинка приближается к нам.

– Лорен, это доктор Карсонс, – Энджела шмыгает носом.

Я протягиваю руку, и она пожимает её.

– Как она? – с тревогой спрашиваю я.

– У неё сломано ребро, отёчность лица, различные ссадины и гематомы. Я видела и похуже; к счастью, у неё нет внутреннего кровотечения, – объясняет доктор.

Не могу поверить, что это происходит на самом деле.

– С ней всё будет в порядке. И всё-таки, детектив хочет задать вам пару вопросов, – она указывает на Энджелу. Та скептически смотри на меня, и я киваю ей головой, чтобы она шла к детективу.

– Хочешь увидеть её? – доктор спрашивает меня. Я быстро киваю, и она ведёт меня за собой. Доктор Карсонс открывает занавески, и у меня

замирает сердце, когда я вижу Хилари. Её лицо настолько опухло и посинело, что если бы не её светлые волосы с розовыми концами, я бы её не узнала.

– Привет, – говорит Хилари, её голос на удивление весёлый.

У меня вырываются слова:

– Боже мой.

– Все не так уж плохо, Лорен, – слабо смеётся она.

Медленно подхожу к ней и пододвигаю стул.

– По-твоему, всё не так уж плохо? – в недоумении спрашиваю я.

– Я в том смысле, что выглядит хуже, чем есть на самом деле, – вздыхает подруга.

– Хилари, почему ты не сказала мне? – умоляюще спрашиваю я.

– Я никому не сказала, Лорен, – тихо отвечает она.

– Ты рассказала Энджеле, – возражаю я.

– Она случайно узнала. Я не собиралась ей говорить. Я вообще не хотела никому говорить. Я была в замешательстве. Никогда не думала, что стану той девушкой, которую избивает парень. Как в дешёвой драме по телевизору, – шутит Хилари. Она говорит медленно. Я не могу не думать о том, как ей, должно быть, больно говорить.

– Хил, это не смешно, – серьёзно говорю я.

– Ну, а что я должна делать, Лорен? Плакать? Ныть о том, какой я была беспомощной? Я не была такой. Я решила быть с ним. Это я виновата, а не кто-то другой. Я просто не думала, что всё станет настолько плохо.

– Это не твоя вина, Хилари, – заверяю я её. Я делаю паузу перед тем, как заговорить снова: – Как долго это продолжалось?

Она машинально смеётся.

– Около трёх месяцев с тех пор, как мы начали встречаться. Мы поругались, когда он был пьян, и он ударил меня. Я была в таком потрясении. Знаешь, меня никогда раньше не били. Он извинился и сказал, что просто сильно пьян, что ему очень жаль. Что это никогда не повторится снова. В тот день он показал себя настоящего.

Меня передергивает, я помню, как она говорила, что всё было так замечательно.

– В следующий раз это произошло, когда он завалился домой пьяным. Тебя не было дома. Он был совсем никакой, и я хотела отвезти его домой. Взяла его ключи, и он, ну, скажем, это была не лучшая идея, – Хилари останавливается, и я закрываю лицо рукой, не веря своим ушам.

– Он, правда, так себя ведёт, только когда напьётся. А трезвый он такой милый. Так что я просто держалась от него подальше, когда он пил.

Но сегодня у его друга была вечеринка, и он выпил. Я думала, всё будет нормально, потому что там было много людей. Я застучала его с девушкой, он уже собирался её поцеловать. Я так разозлилась. Я ударила его, швырнула ему в лицо стакан с пивом и ушла.

– Когда я пришла домой, он ждал меня у двери. Он был таким спокойным... – она злобно фыркает. – Я разозлилась и сказала ему, чтобы он ушёл, он извинился и сказал, что ему было жаль, и что он просто хотел поговорить... Я впустила его внутрь, как идиотка, и как только он вошёл в квартиру, то совсем озверел и набросился на меня. Он никогда раньше не был таким...

– Тебе вообще не надо было его впускать, – говорю я с жжением в горле, по лицу начинают катиться слезы.

– Я знаю. Теперь я знаю. Это становилось всё хуже и хуже? – говорит она.

– Не могу поверить, что я ни разу ничего не заметила.

– Нет, Лорен. Я просто очень хорошо скрывала сам факт и придумывала оправдания. Даже если бы ты попыталась сделать что-то, я бы тебе не позволила. Кроме того, он в основном старался не бить меня там, где синяки были бы заметны. Думаю, это признак того, что он не впервые избивает кого-то.

– И всё равно, – я не могу перестать ругать себя за то, что у меня не было ни малейшей догадки, что происходило.

– Перестань. Это я виновата. Это я возвращалась и прощала его.

– Нет, это не твоя вина! Мужчина никогда не должен поднимать руку на женщину!

– Но есть те, кто так делают! Я не должна была вообще видеться с ним после того, как он ударил меня в первый раз. И знаешь, что самое тупое? Я изменила Кэвину с ним, потому что думала, что Кэвин придурок. Хм, определённо, карма надрала мне задницу, – слабо улыбается Хилари.

– По крайней мере, я должна была заподозрить что-то. Я была так занята, проводя время с Кэлом... Думаю, нам надо перестать встречаться, – говорю я, прочищая горло.

– Что? Почему? – хрипло кричит она. – Милая, это ведь не из-за этого, да? Потому что это вовсе не твоя вина! Я говорила тебе, что ничего не изменилось бы...

– Нет, не только из-за этого, Хил. Из-за многого другого. Когда я с ним, я забываю обо всём на свете, о людях, которые мне дороги, и о том, что важно для меня.

– Лорен, это неправда. Если бы это было так, то когда тебе позвонила

Энджи, ты бы типа такая «Пошла ты, я собираюсь заняться сексом», – она преувеличивает. Я не могу не рассмеяться. Я просто не понимаю, как она ещё может шутить в таком состоянии.

– Вы же собирались, да? Или только что закончили, или...

– Хил, перестань, – в шутку ругаю я её.

Подруга вздыхает:

– Серьёзно, Лорен. Я никогда ещё не видела тебя такой счастливой. Из-за этого парня ты на седьмом небе и забыла о своих проблемах. Признаюсь, сначала мне не нравился Кэл, по крайней мере, как парень, достойный тебя. Я думала, вокруг него одни проблемы. Ну, то есть, я бы узнала, да? Ведь я так великолепно их притягиваю, – с сарказмом говорит она. – При этом он влюбился в тебя. Я дала вам максимум три недели, и вот, как всё вышло, – вздыхает она, сжимая мою руку.

– Он горяч, богат и может тебя рассмешить. Ты могла найти и похуже.

– Мы такие разные. У меня такое ощущение, что мы с ним идём по разным дорогам в противоположных направлениях. И он такой непредсказуемый. Что если ему надоеет или...

– Лорен, вот что значит влюбиться. Ты идёшь на риск. Иногда ты падаешь на задницу, или, как в моём случае, получаешь по заднице. Но иногда получается что-то потрясающее. Ты не можешь оставаться в стороне или быть слишком независимой. Не надо бежать от этого чувства, иначе можешь упустить что-то особенное, – она потирает мне руку.

– А что, если ты уже это потеряла? – спрашиваю я.

– Это и есть тот риск, на который ты идёшь, но оно того стоит, – уверяет меня Хилари, зевая и с болью сдерживая челюсть.

– Ты же не собираешься с ним дальше встречаться, да? – я не могу понять выражение её лица, потому что оно всё опухло.

– Нет, я усвоила урок. Сначала я думала, что это всё из-за алкоголя, но теперь я думаю, что ему просто нравится выбивать из девушек всю дурь. Оу! Он устроил в доме погром. Сломаны столы и лампы. Я заплачу за всё, что ты купила.

– Не стоит переживать. Я очень рада, что с тобой всё более-менее в порядке, – я пожимаю её руку, когда входит доктор Карсонс с полицейским, о котором она говорила.

– Мисс Грин, Детектив Лонг хотел бы задать вам пару вопросов, – объясняет доктор. – Я вынуждена попросить вас, нас оставить, – говорит она мне.

– Конечно. Хил, я подожду снаружи, – говорю я ей, слегка улыбаясь.

– Нет. Езжай домой, мне разрешат принимать посетителей только

завтра. К несчастью, здесь скоро будут мои родители, – она вяло машет мне рукой, прежде чем доктор Карсонс закрывает дверь. Как только я выхожу из палаты, то не могу больше сдерживать слёзы. Кэл с Энджелой быстро подходят ко мне.

– Я-я не могу поверить, что он сделал с ней такое, – бормочу я в его плечо.

– Что сказал детектив? – спрашиваю я Энджелу, вытирая слёзы.

– Он спросил, что произошло, и я рассказала ему всё, что знаю. Но всё это неважно, потому что меня там не было, и если Хил не выдвинет обвинение... – говорит она, закрывая лицо рукой.

– Даже если она выдвинет обвинение, наказание, которое он получит, будет для него недостаточным, – резко говорит Кэл.

– Его родители вытащат его из-за решётки. Он из богатой семьи с юга. Ему наймут какого-нибудь высокооплачиваемого адвоката, и ему всё сойдет с рук, – говорит нам Энджела. Теперь я чувствую себя ещё ужасней из-за того, что не знаю об этом парне ничего, кроме его имени и как он выглядит.

– Давай вернёмся домой, и возьмём для неё какую-то одежду, – тихо говорит Энджела.

– Я вас отвезу, – говорит Кэл, обнимая нас обеих. Энджела благодарно улыбается и похлопывает его по руке, пока мы выходим из больницы.

* * *

Когда я открываю дверь своей квартиры, у меня падает челюсть.

– Боже мой, – это невероятно. Диван и стул перевернуты. Наши светильники так же на полу, сломанные, как и стеклянный столик, который обычно стоит в центре комнаты, на полу повсюду осколки.

– Я не могу поверить в это, – говорю я, начиная собирать куски разбитого стекла.

– Он, должно быть, швырял её по всей комнате, – бормочет Энджела.

– Я надеюсь, что Хилари подаст заявление, после такого она просто обязана, – я стараюсь убедить себя.

– Ты знаешь, где он живет? – спрашивает Кэл, двигая диван на его первоначальное место.

– Нет, но я знаю, что он всегда торчит в «Golden Rod». Я была там пару раз с ним и Хилари. Владельцы – его родители. Клянусь, он сейчас там. Там с ним Хилари и познакомилась, – говорит Энджела.

– Это бар на пересечении третьей и Уоллас? – спрашивает у неё Кэл.

– Да, – подтверждает Энджела.

– Я даже не знаю его фамилии, – говорю я себе.

Я её лучшая подруга, и даже не знаю фамилии её парня.

– Лорен ты не можешь винить себя за это, что бы ты могла сделать... – начинает Энджела, но её прерывает шум на улице.

– Хилари! Хилари! – кто-то громко кричит и тарабанит в дверь. – Малыш, прости меня. Ты же знаешь, я был не в себе. Пусти меня, мы с этим разберёмся.

Мы с Энджелой в недоумении смотрим друг на друга. Он что, серьёзно пришел сюда сейчас?!

– Её здесь нет, козёл! – кричит Энджела.

– Убирайся, или я вызову полицию, – ору я.

– Это не твоего ума дело, сучка! – кричит он в ответ. – Хилари! Прости меня. Я был пьян, – кричит он и по-прежнему стучит в дверь.

– Её здесь нет! – кричу я, направляясь к двери. Кэл вдруг подходит ко мне и берёт за руку, останавливая меня на полпути.

– Иди в свою спальню вместе с Энджелой, – твёрдо говорит он. Его лицо становится каменным, а глаза расширяются. Моё сердце начинает так быстро биться, что я даже не пытаюсь спорить. Взгляд Энджелы прикован ко мне, и мы обе быстро направляемся в спальню.

– Я знаю, что она здесь, не заставляйте меня выбивать эту чёртову дверь!

Мы с Энджелой прижались к двери моей спальни, и теперь слышим, как открывается дверь. Я слегка приоткрываю дверь спальни, чтобы видеть, что там происходит. Когда Кэл открывает входную дверь, Аарон вваливается в квартиру, но останавливается, когда понимает, кто его только что впустил. Как я понимаю, Аарон не ожидал увидеть Кэла. Я оцениваю его комплекцию – он выглядит намного больше, чем я запомнила – по крайней мере, сто двадцать килограмм и около ста семидесяти пяти сантиметров. Я вздрагиваю при мысли, что он избивает Хилари, которая весит максимум пятьдесят пять килограмм.

– А ты кто такой, чёрт возьми? – с удивлением спрашивает Аарон.

– Не важно, кто я, – говорит Кэл со стоическим лицом и запирает дверь на замок. Взгляд Аарона на мгновение становится подозрительным, но затем парень продолжает свою миссию.

– Хилари! – кричит Аарон, его слова глухим эхом доносятся до нас, когда парень подходит к спальне. Когда он замечает нас, то останавливается. – Она там? – лихорадочно спрашивает он. Я стою в дверях, от него несёт алкоголем. Я ни в коем случае не пушу его в комнату Хилари.

– Хилари, – кричит он снова, устремляясь к её двери, я с уверенным

видом стою перед ней, Кэл стоит прямо за ним. Он протягивает руку, чтобы оттолкнуть меня:

– Подвинься, су.. – но прежде, чем он успевает закончить предложение, Кэл уже схватил его за горло и прижал к стене с таким звуком, что у нас с Энджелой от удивления открыли рты. Аарон бешено пытается высвободиться из рук Кэла, но он в тупике.

Кажется, что голос Кэла вырывается из глубины его горла, и он спокойный – пугающе спокойный.

– Ты, гнусный кусок дерьма. Нравится бить девушек, да? Получаешь удовольствие, когда швыряешь кого-то в два раза меньше тебя?

Я бросаю взгляд на Энджелу, которая так же шокирована, как и я.

– Надо вышвырнуть тебя из этого чёртова окна, – рычит Кэл. Он отходит назад и убирает руку с горла Аарона, но пока тот ещё не опомнился, Кэл бьёт его кулаком по лицу. Аарон падает на пол и старается быстро подняться, но пока встаёт, Кэл набрасывается с новым ударом ему в спину, и он снова падает.

Повисла мёртвая тишина, и Кэл выглядит так, будто сейчас сорвётся.

– Да тебя вообще надо, блин, прикончить! – кричит он, на шее вздулись вены. Его нога касается груди Аарона, и тот снова падает, пытаясь восстановить дыхание и в то же время отползти в сторону. Кэл взбирается на него и снова обхватывает руками его шею, давя коленом ему в грудь.

Он задирает ему подбородок и поворачивает его голову в мою сторону:

– Извинись за то, что назвал её сукой! – орёт Кэл, ещё больше наваливаясь на него. Аарон напрягается изо всех сил, чтобы посмотреть на меня.

– Извини, – с пискom говорит он.

– Ты бы ударил её, если бы не я? Ты получаешь удовольствие, когда избиваешь женщин? Ну, как ощущения? – язвительно спрашивает Кэл. – Если ты ещё хоть раз близко подойдешь к ним, я сверну тебе шею. Если Хилари тебе позвонит, тебе лучше сбросить. Если увидишь её на улице, то бежишь в другую сторону. Понял?

Аарон уже начинает синеть.

Да он сейчас его убьёт! Я понимаю, что Кэл потерял контроль. Я подбегаю к ним и пытаюсь оттащить от него Кэла.

– Кэл, он посинел! – кричит Энджела.

– Кэл, хватит, – умоляю я его.

– Ты меня понял? – кричит Кэл.

– Кэл, ты сейчас убьёшь его, отпусти! – говорю я, отчаянно и безуспешно пытаюсь его оттащить.

Кэл смотрит на меня, и я вижу в его глазах огонь.

– Он того не стоит, отпусти его, пожалуйста, – умоляю я со слезами на глазах. – Малыш, он того не стоит.

Кэл в ярости. Я должна вытащить его из этого состояния. Если он убьет этого подонка прямо здесь, то сядет за решетку до конца своей жизни, я себе этого никогда не прощу.

– Не стоит, Кэл, не стоит, – Энджела присоединяется ко мне, и он кивает головой, убирает колено со спины Аарона и отпускает его шею. Аарон мгновенно сворачивается клубком, вдыхая так много воздуха, сколько может. Кэл смотрит на него как на грязную крысу, в полнейшем отвращении, и пинает его.

Я смотрю на Аарона и думаю, как сильно он избил мою подругу. То, что сделал Кэл, кажется как раз достаточным за то, как он избивал её, и не один раз, но я не могу позволить Кэлу получить ему по заслугам. Мы все наблюдаем за тем, как Аарон встаёт. Кэл ещё раз подступает к нему, и Аарон замирает со страхом во взгляде.

– Если я когда-нибудь узнаю, что ты снова избил женщину, если я даже подумаю, что ты снова избил женщину, ты покойник, – предупреждает его Кэл. – Ты меня понял? – орёт он. Аарон лихорадочно кивает. Кэл бьёт его в живот, и тот снова падает.

– Открой дверь, – говорит Кэл, смотря на меня. Я делаю, как он велит. Следующее, что я вижу – это как Кэл вышвыривает Аарона в холл, сталкивая его с лестницы вниз. Мы видим, как Аарон скатывается с лестницы. Через несколько секунд, ему удаётся буквально выползти из двери. Я смотрю на Кэла. Я не могу поверить в то, что только что увидела. Он смотрит на нас обеих, но ничего не говорит. Я не знаю, что сказать, и Энджела тоже в полнейшем шоке.

– Возьмите её вещи, я буду в машине, – простодушно говорит Кэл, восстанавливая дыхание. А затем уходит. Я смотрю на Энджелу, у которой отвисла челюсть.

– Не думаю, что он в скором времени потревожит Хилари, – тихо говорит она. Я только киваю в знак согласия.

Глава 21

12 мая 2011 года

– Лорен, твоя тетя звонит, – говорит Энджела, протягивая мне телефон. Я показываю жестами, что не хочу разговаривать. Она примирительно улыбается.

– Эмм, её нет, миссис Скотт, то есть Брукс, – бормочет она. Через секунду подруга смеётся. – Она говорит, что знает, что ты здесь, и ей правда очень нужно с тобой поговорить.

Я закатываю глаза и беру трубку.

– Привет, Рейвен, – говорю я, стараясь сохранить сухость в голосе.

– Привет, дорогая, как ты? – беспокойно говорит тетя.

Я приподнимаю бровь, я знаю, что ей не терпится рассказать мне что-то.

– Все в порядке. Что-то случилось? – спрашиваю я ее, чувствуя себя почти тревожно.

– Кэл здесь! – радостно сообщает она.

У меня стынет всё внутри, я закрываю глаза, а на лице появляется улыбка. Наконец-то. Я не разговаривала с ним уже целых три дня.

– Лорен, ты здесь, дорогая?

– Да, я здесь, – говорю я ей, вспоминая, что говорю по телефону.

– Он говорит, что ему очень важно поговорить с тобой, – обеспокоенно говорит Рейвен.

Он думает, что всякий раз, когда ему что-то нужно или хочется, это важно. Но когда это нужно ещё кому-нибудь...

– Ты сказала ему, где я?

– Нет, милая, я не знаю точно, где ты.

– Ты сказала ему, у кого я остановилась?

– Милая, может, ты поговоришь с ним? Ты всё ещё его жена, даже если сейчас расстроена из-за него, – настаивает тетя.

Я вновь закатываю глаза. Рейвен снова стала такой, как раньше.

– Я поговорю с ним, – бормочу я.

– Кэл, держи, – радостно говорит она.

– Лорен, – сухо говорит он. По его голосу мне совсем не кажется, что он беспокоится обо мне.

– Да, Кэл, – отвечаю я без энтузиазма, хоть я и правда рада услышать его голос.

– Где ты? – бесстрастно спрашивает мужчина.

– Какая разница? Тебе, правда, не всё равно? Уже почти неделя прошла, если ты не заметил, – горько бормочу я.

– Послушай, я хочу, чтобы ты вернулась домой, – его голос звучит раздраженным.

– Нет, – он мне не хозяин. Он не говорит мне прыгать, а я должна спрашивать, как высоко.

– Это важно, – говорит Кэл, его тон немного смягчается.

– Важно, ага, – смеюсь я. Я слышу, как он разочарованно вздыхает.
– Я приеду, чтобы забрать тебя, – говорит он так, словно это приказ.
– Ты даже не знаешь, где я.
– Хочешь, чтобы я поиграл в угадайку?
– Знаешь что, Кэл? Что бы там ни было, мне всё равно...
– Лорен. Ты можешь просто встретиться со мной дома? Пожалуйста, – перебивает Кэл.

Я провожу рукой по волосам и прикусываю губу. Возможно, это ловушка, может он просто заманивает меня туда, где я совсем не хочу быть, но в его голосе проскальзывает нотка срочной необходимости.

– Зачем? – спрашиваю я, зная, что скорее всего я не получу ответа.
– Мне нужно сказать тебе это лично, – тихо отвечает мужчина.
– Конечно, лично, – говорю я сама себе.
– Ладно. Ладно, Кэл, – ворчу я, вопреки тихому голосочку в моей голове. Я уже довольно часто не слушала его с того момента, как встретила Кэла – зачем тогда мне сейчас его слушать?
– Я буду дома до вечера, – говорит он.
– Да, хорошо, – вздыхаю я и отключаюсь. Не могу поверить, что вообще делаю это.
– Что случилось? – спрашивает Энджела с любопытством.
– Кэл говорит, что ему надо встретиться со мной, – вяло отвечаю я ей. Она садится на диван.
– И ты пойдешь? – спрашивает подруга, но судя по её лицу, она уже знает ответ.

– Я просто пойду, чтобы узнать, чего он хочет. Он сказал, это важно, – говорю я, больше стараясь убедить в этом себя, чем её.

– Никаких осуждений, – отвечает Энджи, хватая пульт и переключая каналы.

Я закатываю глаза и заваливаюсь рядом с ней.
– Я такая жалкая, – бормочу я и кладу голову ей на плечо.
– Не жалкая, просто влюбленная, – хихикает она, опирая свою голову на мою.

– Думаю, любовь делает нас действительно тупыми.
– Это точно, – смеётся она. – Ты не думаешь, что это просто уловка, чтобы вернуть тебя домой, убедить тебя остаться? Мне кажется именно так, – фыркает Энджела.

– Если это так, я уйду, – демонстративно говорю я.
– Ой, да ладно. Как только ты увидишь его, то всё. Он начнёт шептать тебе на ушко, как ему жаль. Трогать тебя за все нужные места, заставляя

тебя забыть, почему ты вообще на него злилась... – смотрит она мне в глаза. Боже, сколько раз такое случалось?

– Ты что, преследуешь меня? – дразню я её, но я понимаю, насколько идеально она описала конец каждой ссоры с ним.

– Что ж, давай вернём тебя муженьку, – смеётся она, хватая ключи со стола. – Если ты не собираешься оставаться, то не бери ничего с собой, – она показывает мне язык.

Я смеюсь.

– Ты права, – пожимаю плечами и беру свою сумочку, выходя с ней из двери.

* * *

Интересно, почему люди влюбляются. Если бы я могла вернуться назад во времени, поступила бы я по-другому? Мой разум говорит, что да, но те решения, которые я принимала по поводу Кэла, никогда не были логичными.

Кто-то однажды сказал мне, что, когда ты влюблена, сердце захватывает власть, и мозг отключается. Я никогда не понимала, что это значит, когда была младше, но теперь понимаю. Новая любовь заставляет тебя не замечать ошибки других, которые затем кажутся слишком преувеличенными. Я бросаю взгляд на своё обручальное кольцо, даже когда я снимаю его, то всё равно ощущаю его на пальце.

Открываю дверь пентхауса. Всё выглядит точно так же, будто я и не уходила.

– Кэл! – зову я, кладя сумочку на столик возле двери. Я не думала, что он меня здесь ждёт, похоже, я была права. Поворачиваюсь и закрываю за собой дверь. Я направляюсь вверх по лестнице в нашу спальню, и я должна сказать, что её убрали с тех пор, как я ушла. Сажусь на кровать и осматриваюсь, понимая, что соскучилась по комфорту собственного дома. Кто знал? Я зеваю и ложусь на кровать, моё тело наслаждается одеялом под ним. После узкого дивана Энджелы кровать кажется просто потрясающей.

* * *

Открываю глаза и сразу замечаю, что пока я спала, солнце зашло. Я бросаю взгляд на часы на столе и вижу, что уже 8:14. Я пришла сюда около шести. Из холла доносятся шаги, я вскакиваю, и у меня тут же начинает кружиться голова, так что я сажусь обратно на кровать. Открывается дверь, и входит Кэл. Он неодобрительно смотрит на меня, нахмурившись.

– Ты наконец-то проснулась, – говорит он, включая свет.

– Ты давно пришел? – спрашиваю я, скрывая зевок, вырвавшийся изо рта и пытающийся окончательно разбудить меня.

– Примерно час назад, – отвечает мужчина, садясь на стул параллельно кровати, так что теперь мы сидим лицом к лицу. Интересно, когда он притащил его сюда. Раньше его здесь не было.

– Так о чём ты хотел со мной поговорить? – вздыхаю я, в тайне ругая себя за то, что хочу почувствовать, как его руки обнимают меня, что я скучаю по нему, что готова простить его, если он попросит. Кэл подвигает стул ближе ко мне, и садится обратно. Я с интересом смотрю на него, и впервые за всё время его глаза избегают моих. Мы сидим в тишине, как мне кажется, уже в течение самых длинных секунд в моей жизни.

– Кэл, – тихо говорю я, целенаправленно уничтожая нотки презрения, которые раньше пронизывали мой голос. Его глаза пугают меня. Я всегда старалась прочесть по ним, что он чувствует, но они избегают меня. Он смотрит в мою сторону, но не мне в глаза.

– Что случилось? – шепчу я, почти что боясь услышать ответ.

– Я никогда не врал тебе, – говорит Кэл стальным и непоколебимым голосом. – И я не собираюсь начинать, – вздыхает он и опускает голову, проводя обеими руками по волосам.

Биение моего сердца усиливается.

– Просто скажи, – выпаливаю я. Количество моих нервов увеличивается с каждой секундой.

Он берёт мою руку и крепко сжимает её между своими.

– Я... Мне надо уехать.

Моё лицо застывает, и я убираю руку.

– Ты позвал меня, чтобы сказать это? – я встаю, чувствуя, как во мне закипает злость. Он тянет меня вниз.

– Слушай, в этот раз все по-другому, – его глаза расширяются, а голос подсакивает.

– С тобой все по-другому, Кэл. Если бы ты не был таким другим, может быть, сейчас я не чувствовала себя так паршиво, – я дергаю руку, вырываясь из его хватки. Не могу поверить, как легко он водил меня за нос. Боже, он кормил меня с руки. Мужчина хмурится, встаёт и подходит к окну, он смотрит в него и кажется потерянным в своих собственных мыслях.

– Я не знаю, *вернусь ли я*, – я ищу в его голосе нотки сарказма, но ничего не нахожу.

– Что? – переспрашиваю в надежде, что неправильно его поняла. Кэл ничего не говорит. Я подхожу к нему.

– Не мог бы ты повторить? – резко спрашиваю я.

– Я хочу убедиться, что у тебя всё есть. Я положил шестьдесят тысяч на твой счет... – начинает он. Моё сердце бьётся чаще, его глаза всё ещё

избегают меня.

– Что? Ты не знаешь, вернешься ли? – спрашиваю я в бешенстве.

Кэл оставляет мне деньги? В моей голове быстро проносятся мысли, так что я даже не могу сказать то, что хочу.

– Почему это звучит так, будто ты бросаешь меня? – спрашиваю я, к горлу подступил комок. Он ничего не отвечает, что заставляет моё сердце биться ещё быстрее. Мне приходится делать поспешные выводы. Ну конечно нет. Кэл не бросил бы меня. Мы спорим, мы ссоримся, мы миримся. Это не правда.

– Я должен, – говорит он. Его глаза наконец-то смотрят на меня, и его взгляд меня пугает. Он кажется беспомощным, и мне вдруг становится страшно. Горло начинает жечь.

– Дело во мне, в том, как я себя вела? Это что-то вроде мести? – спрашиваю я и слышу, как у меня ломается голос.

– Это не имеет к тебе никакого отношения, – говорит мужчина почти шёпотом.

– Вот именно, Кэл! Ты слышишь, что говоришь? Я твоя жена. И твоё решение не имеет ко мне никакого отношения?

– У меня нет выбора.

– О чём ты говоришь? Кэл! Расскажи мне, пожалуйста! – кричу я в бешенстве. – Посмотри на меня, – ору я. Его глаза смотрят сквозь меня. – Да что с тобой не так? Почему ты себя так ведешь? – взмаливаюсь я, чувствуя, как по лицу начинают бежать слёзы. Это не тот человек, которого я знаю. Он кажется сломленным. – Расскажи мне, что, чёрт возьми, происходит! Расскажи, что с тобой происходит, в кои-то веки! – умоляю я.

– Я не могу! – Кэл кричит в ответ, лицо становится суровым. – Это не моё решение, – говорит он напряженно и уходит от меня в противоположный угол комнаты.

– Тогда чье? – я не понимаю, всё совсем не так должно было случиться.

мужчина ничего не отвечает.

– Ты ведь всё равно не расскажешь мне, да? – тихо говорю я, не в состоянии остановить поток слёз, льющихся из моих глаз. Я сердито вытираю лицо. – И что я должна сказать, Кэл? Что? – кричу я. – Я просто должна смириться с тем фактом, что ты уходишь? Без каких-либо объяснений, кроме как то, что «ты должен». Как будто ты вообще мне что-то когда-нибудь объяснял. В этот раз всё точно так же, за исключением того, что кто знает, когда ты вернёшься обратно? Если ты вернёшься.

– Мои дивиденды от компании будут по-прежнему приходить на счет...

– продолжает Кэл.

Боже, он думает, что меня волнуют деньги, что это сейчас моя единственная забота?

– Да мне плевать на эти чёртовы деньги! Мне всегда было плевать на все это – поездки, этот дом – мне всё это было не нужно! Всё, чего я хотела... – теперь я кричу. – Всё, чего я хотела, это ты, разве ты не понимаешь? – слова застревают в горле. – Скажи что-нибудь, – мой голос переходит на шёпот. – У тебя появилась другая? – спрашиваю я, стараясь сохранить ту капельку самообладания, которая у меня осталась.

– Я уже говорил, я никогда тебе не изменял, – настаивает мужчина, почти что раздражённо.

– Тогда почему? Люди не решают на пустом месте вот так взять и уйти. Должна быть причина, скажи мне, что ты влюбился в кого-то ещё, что ты устал от меня, что ты попал в беду, просто скажи мне что-нибудь, – умоляю я его, выпрашивая хоть какое-то объяснение.

– Я ничего не могу тебе сказать, – холодно отвечает Кэл и даже не смотрит на меня.

Я смотрю на него, мужчину, которого я любила все эти годы; мужчину, которого я любила так сильно, что у меня болело всё тело. Сколько ночей я рыдала, пока не засну, скучая по нему? Сколько раз мой разум говорил мне уходить, но я оставалась?

Если для него это так легко, он не заслуживает и капельки того, что я сейчас чувствую. Он не заслуживает знать, как сильно я люблю его. Я даже не знаю, что ему ответить. Как бы вы ответили, когда ваш муж говорит, что он уходит, и не может сказать, почему?

– И что я должна делать? – спрашиваю я его, ожидая какое-то подобие ответа.

– Хелен с Декстером позаботятся о тебе...

– Хелен с Декстером? – я не верю своим ушам.

– Они знают об этом? – кричу я. Он отворачивается уже в сотый раз за сегодня. – И как долго ты знал, что уйдешь от меня? Я тебе надоела, или тебе это только что пришло в голову?

– Всё совсем не так, – говорит он, подходя ко мне.

Я быстро отхожу назад.

– Тогда как? Скажи мне, как так. Скажи мне что-нибудь. Скажи почему, – говорю я, жжение в горле усиливается. – Не могу поверить, что ты делаешь это со мной! – кричу я так громко, как только могу.

Горло горит огнём. В глазах всё настолько расплывается, что я не могу отчётливо его видеть. Подхожу к кровати и опираю голову на руки. Я

полностью опустошена. Каждая эмоция внутри меня зашкаливает, но всё, что я могу – это плакать. Кэл подходит ко мне, протягивая руки. Я поднимаюсь и отхожу в сторону, но он притягивает меня к себе.

– Почему? Почему ты так поступаешь со мной? – хнычу я, чувствуя, что у меня не хватает сил оттолкнуть его, я и не хочу. Я хочу крепко держать его и никогда не отпускать. Я ощущаю себя полностью сломленной.

– Мне жаль, – говорит он, поправляя мои волосы. Но вместо того, чтобы почувствовать утешение, у меня такое ощущение, что я беспомощный щенок, которого сейчас усыпят в приюте для животных.

– Нет, тебе не жаль, – ошеломленно говорю я. Я даже не понимаю, что всё это происходит в данный момент. Могу только смотреть сквозь него. И я ничего не вижу.

– Нет, мне жаль, – тихо говорит Кэл мне на ухо. Я не замечаю и намёка на сарказм или веселье в его голосе, что заставляет меня плакать ещё сильнее.

Я ещё крепче обнимаю его и смотрю ему в глаза.

– Не заставляй меня просить тебя остаться, – я начинаю плакать ещё сильнее. Я даже не могу контролировать, что говорю, что ощущаю. У меня такое чувство, будто всё вокруг меня рушится.

– Если бы я мог, – отвечает он шёпотом.

– Нет! Даже не смей выставлять это так, словно ты не можешь ничего сделать. Если бы хотел остаться, ты бы остался!

На это у меня уходят все силы, но я высвобождаюсь из его объятий. В глазах всё настолько расплывается, что я вижу только его очертания. Чувствую, как его руки обнимают меня за талию, и его губы целуют мои. Я даже не отвечаю. Не могу. Я хочу поцеловать его в ответ, обнять его, но я вся онемела, настолько, что не могу реагировать, я слишком беспомощна, чтобы оттолкнуть его. Я даже не могу осознать это, не могу поверить в то, что он целует меня в последний раз, в последний раз прикасается ко мне. Я закрываю глаза, притворяюсь, что всё это плохой сон, и что я проснусь в любой момент. Но когда его губы отрываются от моих, я знаю, что не проснусь. Это не кошмар, это на самом деле.

Теперь я чувствую его губы на моей щеке.

– Ты справишься с этим, – говорит Кэл после того, как целует меня в щеку. – Тебе придётся.

Я вытираю глаза и бросаю быстрый взгляд на него, прежде чем в них снова всё расплывется.

– Если ты уходишь, так уходи! – говорю я, стараясь удержать

последнюю каплю достоинства, что у меня есть, единственное, что не позволяет мне умолять его остаться со мной. Я злобно поднимаюсь и смотрю ему в глаза.

– Уходи, – я толкаю его. – Я ненавижу тебя! Ненавижу тебя, чёртов ублюдок! – я начинаю бешено бить его в грудь, в истерике, задыхаясь от рыданий, а он стоит и принимает это, даже не пытаюсь остановить меня. Он тоже выглядит опустошённым, и я ненавижу его за это.

Ненавижу это, даже в эту секунду, я надеюсь, что с ним всё в порядке. Ненавижу то, что выражение его лица смягчается, и он кажется уязвимым. Это всё обман: Кэл пытается показать, что на самом деле ему не хочется уходить. Как он может так поступать, а мне его всё равно жалко? Почему в этот самый момент я переживаю за него?

– Просто иди, – хнычу я.

Усаживаюсь на пол, не хочу больше ничего чувствовать, даже удобство кровати, которую мы раньше делили. Наверное, ему непонятно, но это не важно, потому что ему всё равно. Я не могу поверить, что его волнует всё это, не сейчас. Я должна поверить в это. Я не отпущу свою злость. Это всё, что я могу удержать.

Альтернатива ещё хуже, но я чувствую, как она берёт верх. Она уже вот-вот победит, и я молюсь про себя, что Кэл уйдет прежде, чем меня накроет, потому что я уже на грани. Это вырывается из подложечной ямки – отчаяние. Я сжимаю кулаки вместе и под руками. Слышу приближение его шагов. Он уже возле меня, и мгновение спустя его шаги слышатся отдаленно, всё дальше и дальше с каждой секундой.

А затем закрывается дверь, и у меня такое чувство, будто у меня остановилось сердце. Я поднимаю голову и вижу, что его нет. Моя имитация молитвы сработала, и то отчаяние, разраставшееся у меня в животе, теперь перерождается во что-то ещё, что-то ещё более пугающее – полное и абсолютное горе.

Я закрываю глаза и теперь молюсь, чтобы быстрее уснуть. Я хочу, чтобы этот момент закончился, закончилась эта жизнь, которую я начала – и в которой я теперь в ловушке, одна. Моя единственная временная привилегия – это сон. Я закрываю глаза, сжимая их как можно сильнее, и больше всего на свете хочу уснуть, и побыстрее. Но я не могу, не через несколько минут, ни через час. Такое ощущение, что я в ступоре, пялюсь на часы над моей кроватью. Когда я слышу, как дверь снова открывается, сердце начинает биться как бешеное, но я закрываю глаза, почти что боясь увидеть его. Интересно, забыл ли он что-то здесь – ключи, или что-то достаточно важное, чтобы взять с собой. Я всё ещё лежу с закрытыми

глазами и пытаюсь замедлить своё дыхание, когда слышу, как Кэл двигается возле меня. Надеюсь, он быстро возьмёт, что ему нужно и оставит меня в своём отчаянии.

Я снова слышу его шаги возле себя. Задерживаю дыхание, словно хочу не дышать до тех пор, пока он не исчезнет. Но когда его руки оказываются подо мной и поднимают меня, я совсем перестаю дышать. Боюсь дышать, и делаю вдох только тогда, когда Кэл кладёт меня на кровать. Он поднимает мои ноги, снимая мои туфли, или что он там делает. Разве я что-то говорю? Разве я его выгоняю? Мгновение спустя меня накрывают прохладные простыни. Затем его губы нежно целуют меня в лоб, и я чувствую себя оцепеневшей, зная, что он думает, что я сплю. Его шаги снова отдаляются, свет выключается, открывается дверь, и то чувство, что било во мне ключом до этого, снова рвётся наружу в полную силу, и я вырываюсь из своего состояния зомби.

– Ты можешь остаться? – выпаливаю я и сразу же жалею об этом. Он останавливается на полпути, спиной ко мне – и тишина, и я вспоминаю, что должна спать. Но я «проснулась», наказывая его за его любезность по отношению ко мне.

– Только-только пока я не усну, – мне удаётся выдать эти слова так, чтобы мой голос не надломился, без самодовольства, с которым я говорила раньше, как измученная и злопамятная женщина, которой стала за последние пару месяцев.

Кэл ничего не отвечает, но снова подходит к кровати. Я медленно понимаю, что мои пальцы запутались в простыни. Он садится на край кровати, всё ещё не смотря на меня, оперев локти о бёдра и сложив руки в замок. Я ощущаю, как в груди начинает что-то жечь, а после появляется и жжение в горле. Через несколько минут я уже не смогу перестать плакать.

Я сразу же жалею о том, что попросила его остаться. Говорю себе, что ему пришлось задержаться из-за жалости, или какого-то испорченного чувства долга, исполняя последнюю просьбу отчаявшейся жены. Жены, которая даже не знает, куда он, чёрт возьми, едет и почему он сидит так далеко от меня на нашей кровати, словно я отвратительна? Я передумала. Хочу, чтобы он ушёл, но не могу сказать ему об этом, не выпустив наружу то, что не смогу контролировать. Так что я быстро ложусь на кровать, натягиваю простыни на лицо и стараюсь изо всех сил рыдать как можно тише.

Его вес переносится, и я понимаю, что он встал. Я знала, для него это будет слишком. Зачем ему надо сидеть здесь и заниматься этим? Он всё равно уходит, и то, что Кэл здесь сейчас никак не улучшит ситуацию. Ему

вообще не стоило заходить сюда снова. Ему надо было оставить меня в печали, лежащей на полу, одну. В конце концов, именно это он, по сути, и собирается сделать.

Когда с меня стягивают одеяло, это как будто мне в лицо плеснули водой. Когда Кэл забирается на кровать рядом со мной и притягивает меня к себе, это спокойствие, так что борьба с ним почти что вызывает у меня головную боль. Мой разум говорит мне оттолкнуть его, отвергая любую другую мысль.

Я пытаюсь сделать это, кладя руки ему на грудь, но Кэл прижимает меня к себе сильнее, обнимая меня своими сильными руками, и я больше не пытаюсь драться. Он крепко держит меня. Я чувствую, как быстро бьётся его сердце, но когда смотрю на него, то его лицо спокойно. Кэл смотрит сквозь меня, и я задаюсь вопросом, здесь ли он сейчас, со мной ли. Не знаю, хочу ли я, чтобы он был со мной, но я точно знаю, чего хочу.

Поворачиваюсь в его объятиях, и Кэл опускает взгляд на меня. Я подношу губы к его губам и надавливаю на них, задерживая дыхание насколько возможно. И когда он отстраняется, у меня замирает сердце, и я не могу посмотреть ему в глаза. Быстро встаю с кровати, но он хватается меня за руку. Мужчина выглядит смущённым и запутавшимся, и от этого всё становится ещё хуже. Единственное, в чём Кэл никогда не отказывал мне – это в поцелуе, прикосновении, его теле – всё это было моим, и то, что он сейчас делает, сломило мой дух.

– Я... мне по-прежнему надо уехать.

Его голос звучит непреклонно, но тихо, и от этого у меня тает сердце, он нежно, но довольно крепко держит меня за запястье, так что я не могу убежать, а ведь это было моим основным намерением. Жаль, что я не могу удержать *его*. Я прокручиваю в голове его слова, стараясь расшифровать их значение, и в моём омраченном эмоциональном состоянии я понимаю, что он пытается дать мне выбор. На этот раз Кэл не пытается использовать секс в качестве банджа, или как способ контролировать меня, или манипулировать. Но, должна сказать, что он неудачно выбрал момент.

Я делаю глубокий вдох и приказываю своему голосу быть твердым.

– Я хочу спать, – голос звучит хрипло и как-то резко.

Прочищаю горло и убираю все признаки ранимости и искренности. Я хочу, чтобы Кэл знал, что если он даст мне своё тело, то это всё равно, что пронзить меня ножом, что это не просто какой-то способ удержать его здесь – мне это нужно, сейчас. И его чувство вины по этому поводу сейчас для меня не самое главное.

– Уложи меня спать, – говорю я, строго приказывая своему

нормальному голосу вернуться, и его брови скептически поднимаются. Должно быть, он удивлен. Прежде, чем Кэл что-нибудь скажет, я атакую его губы, в этот раз без колебаний, стремительно, что, как я думаю, застигло его врасплох, и с такой силой, что я сама в шоке.

Забираюсь на него, ногами опутывая его тело, руками крепко обхватываю его шею и целую его с такой крайней необходимостью, какую я раньше не испытывала. В этот раз Кэл отстраняется, по-видимому чтобы перевести дыхание, но он берёт мое лицо в свои руки, пытаюсь понять выражение моего лица, его глаза находят мои – ситуация изменилась, и он пытается выяснить, чего я хочу. Но у меня нет на это времени, он пытается в последний раз дать мне волю, но я не хочу этого, я хочу от него, то единственное, что поможет мне забыть обо всем на свете.

– Чего ты ждешь? – спрашиваю я, разрушая мрачность момента.

Не проходит и секунды, как его губы целуют мои, парируя мои лихорадочные поцелуи и безумную необходимость со страстным спокойствием, к которому не готова моя поддельная храбрость, с неспешным желанием, из-за которого моя чопорность исчезает. Его губы держат мои так, словно он пытается втянуть меня в себя. Его руки начинают медленно снимать с меня одежду, но его задающий ритм заставляет меня почувствовать себя ранимой, почти что невинной. То отчаянное увядание чувств, которое я пыталась создать, сейчас исчезнет, но я стараюсь его удержать. Я прерываю наш поцелуй, снимаю через голову свою рубашку и начинаю расстегивать его брюки, и у меня каким-то образом это получается, хотя пальцы двигаются быстро и неуклюже.

– Лорен!

Я похищаю его губы, чтобы он замолчал, перенося на него всю тяжесть своего тела, из-за чего мы моментально падаем на кровать. Я понимаю, что на мне всё ещё надеты брюки, и быстро избавляюсь от них. Когда я снова стараюсь забраться на него, Кэл хватается за талию, останавливая. Его глаза смотрят вниз, его губы плотно сжаты – он расстроен, но сейчас мне плевать. Не ожидала увидеть смущение на его лице, но я не хочу знать, почему он смущён.

Мне надо отвлечься. Мои губы снова находят его, и Кэл опять целует меня так медленно и чувственно, почти как тогда, когда меня это чуть не сломало. Я отстраняюсь. Я смотрю на его грудь, не могу смотреть ему в глаза. Я пересиливаю свою нервозность и снова пытаюсь страстно его поцеловать, прикусывая его нижнюю губу. В этот раз отстраняется он, и я не успеваю переключить взгляд с его лица. Там я заметила проблеск чего-то такого, чего я никогда не видела раньше, и думаю, что это его душа,

возможно, разочарование, и это пронзает меня, но это выражение лица кратковременно. Вскоре на его лице появляется знакомая коварная ухмылка. Его пальцы скользят между кружевной тканью на моём бедре и кожей. Кэл оттягивает её вниз, и я снимаю их. Через секунду я уже на кровати, руки над головой, зажаты его руками. Вот чего я хочу. Похоть, а не любовь. Телесная близость, а не чувственная.

Он трахает меня в переносном смысле, а я хочу в буквальном. Я не хочу, чтобы со мной занимались любовью – с этим покончено. Я не могу пустить его в сердце, не сейчас, когда он уходит. Не буду. Я целую его шею, и он двигается. Его палец скользит вниз по моей руке, и я пытаюсь не замечать покалывания на спине от его прикосновения, мне придётся забыть об этом. Кэл хватает меня за руки и держит их вместе, берёт мои кружевные трусики и связывает ими мои запястья. Довольно туго, но я ничего не говорю. Всё равно я не хочу нежности. Хочу ощущать его внутри себя. Хочу быть вымотанной до такой степени, чтобы я забыла. Хочу забыть этот момент, ведь это могло быть или есть прощанием.

Когда его губы касаются моей шеи, то задерживаются там совсем ненадолго, его язык скользит вниз к изгибу, посасывая кожу. Его путь медленный и мучительный, и я ёрзаю, чтобы остановить эту пытку. Его пальцы путаются в моих волосах, заставляя меня посмотреть на него, и я закрываю глаза. Я не буду. Я не буду смотреть на него.

Его губы шепчут мне на ухо: «Открой глаза». Его голос глубокий и непреклонный, но я игнорирую его. Я не могу смотреть на него. Я прикусываю губу и сжимаю глаза ещё сильнее, и вскоре его язык оказывается у меня в ухе. Моё тело невольно изгибается дугой под ним, из-за того места, о котором он знает, теперь я полностью под его контролем. Мои глаза открываются. Я молюсь, чтобы собирающиеся слёзы не потекли. Я стараюсь сфокусироваться на волнах страсти, проходящих сквозь моё тело, а не на том, что после всего этого Кэл уйдет. Вот что я хочу забыть. Я хочу забыть, что я не хочу, чтобы он уходил. Чувствую, как твердость упирается в меня. Это пытка, и я больше не могу ждать. Я хочу, чтобы он вошёл.

– Сейчас, – требую я, но слышится так, словно я умоляю, и понимаю, что я беспомощна. Я пытаюсь освободить руки. Его губы оставляют моё ухо, путешествуя вниз по шее, мимо груди, и когда они доходят до пупка, я замираю, пока его язык кружится вокруг него. Это не то, чего я хотела. Знаю, что Кэл будет делать дальше, и это не то, чего я хотела.

Я пытаюсь отодвинуться от него, но он удерживает меня на месте, его губы опускаются всё ниже и ниже. Я стараюсь сжать ноги вместе, но Кэл

легко удерживает их открытыми и неподвижными, и его язык начинает исследовать ту часть моего тела, которую я совершенно не контролирую. Я не могу удержаться и выкрикиваю:

– Кэл! Кэл, перестань, – задыхаюсь я.

Мой разум требует, чтобы я как-нибудь остановила это, но моё тело не может устоять перед каждым движением его языка, из-за чего мои мысли и чувства сталкиваются друг с другом, мои стоны наслаждения сражаются с просьбами, чтобы он прекратил. Это не то, чего я хотела. Закрываю лицо руками как можно плотнее, пока его язык всё глубже погружается в меня. Я пытаюсь увернуться от него, но Кэл крепко схватывает мои бёдра и подтаскивает к себе. Он замедляется, давление нарастает, и мои протесты становятся короткими и невнятными. Живот сжимается, он начинает ускоряться, и я едва могу перевести дыхание. Я окончательно сдаюсь, и когда чувствую приближение оргазма, у меня начинают дрожать ноги. Я думаю о том, когда мы встретились, о нашем первом поцелуе. Стараюсь отгородиться от этого всего и сконцентрироваться на абсолютном удовольствии, которое ощущает мое тело – никаких эмоций.

Но мой разум не сдаётся. У меня перед глазами тот вечер, когда он сделал мне предложение, и затем день нашей свадьбы. Затем я почему-то вижу нашу первую ссору, когда Кэл *впервые* оставил меня на несколько дней и даже не звонил. Я вижу, как он выходит из комнаты, а я сижу на полу одна, и представляю, как мне звонит Декстер и говорит, что он мёртв. И в тот момент, моё тело сдаётся окончательно, и удовольствие моментально подавляет эти ужасные мысли.

Я прихожу в себя, ноги перестают дрожать, и меня накрывает невыносимая печаль. Я пытаюсь восстановить дыхание и оправиться после жутких видений, давящих на меня. Теперь, больше чем когда-либо, я хочу, чтобы он держал меня. Я хочу, чтобы Кэл поцеловал меня так медленно и чувственно, как раньше, но он просто развязывает мне руки, идёт в ванную и хлопает дверью. Я не знаю, что и думать или что чувствовать, все мысли затуманены. Я потираю запястья, которые теперь свободны, и задаюсь вопросом, что же будет дальше. Он что, просто выйдет оттуда? Он скажет что-нибудь? Кэл зол, и я не знаю почему, у *него* есть какое-то право злиться. Я надеваю свою футболку и притягиваю колени к груди.

Когда он выходит, то опирается о дверной проём, губы плотно сжаты, руки сложены на груди.

– Ты ведь этого хотела, да? – злобно спрашивает он. Кэл снова полностью одет.

– О чем ты говоришь? – спрашиваю я, потирая виски, у меня нет

желания смотреть на него.

– О разрядке. Ты ведь этого хотела. Хороший секс напоследок, да? – ворчит он, отходит от дверного проёма и берёт свои ключи с прикроватной тумбочки. Не могу поверить, что он сказал мне это.

– Что? Это совсем не то, чего я хотела! – в глубине души я знаю, что это ложь.

Я не хотела чувствовать его, я хотела только его тело, и Кэл пытался унести меня туда, куда я не могла попасть. Я хотела, чтобы он дал мне что-то, чтобы я *перестала* думать о нём, чтобы избавиться от всего этого. Я знаю, что это неправильно, но ведь это он, чёрт возьми, уходит после всего.

– Да. Ты хотела, чтобы я трахнул тебя, но ты даже не могла смотреть на меня, – язвительно смеётся он, рука лежит на затылке. Я открываю рот, чтобы ответить, но мне на ум не приходит ничего стоящего.

– Чего ты хочешь от меня, Кэл? Что? Это ты уходишь. Что ты хочешь, чтобы я сделала? Как мне, по-твоему, себя чувствовать? – спрашиваю я, с каждой минутой становясь всё злее.

– Я хотел, чтобы ты меня впустила, – говорит Кэл так подавленно, что это разбивает мне сердце.

Почему он это делает? Почему он пытается забрать меня туда, откуда я должна переехать?.. Но, думаю, реальность такова, что ему не надо было отводить меня в то место. Я уже там живу. С того самого дня, как встретила его, я была там, и Кэл единственный человек, с кем я хочу там быть.

Я проглатываю свою гордость и слезаю с кровати. Ему больно, и он легко может оттолкнуть меня, но я всё равно подхожу к нему. Когда я уже стою перед ним, он опускает глаза на меня, его руки спрятаны в карманах джинсов. Я кладу обе руки на его грудь и заставляю себя посмотреть на него, и я знаю, что как только я это сделаю, та хрупкая стена, которую я пыталась возвести вокруг себя сегодня, вот-вот развалится. И когда я смотрю ему в глаза, она рушится.

– Ты уже внутри. Ты всегда там был и навсегда там останешься, – говорю я, не в состоянии представить себе, как Кэл до сих пор этого не знает.

На подсознательном уровне у меня проскальзывает мысль, что это всё обман. Разве это он хотел услышать всё это время? Может, это игра, в которую он играет, чтобы понять, что может легко уйти и вальсом ворваться обратно в мою жизнь в любой момент, потому что Кэл не может *не* знать, как сильно я люблю его, как сильно он нужен мне, и насколько

мелких частей разорвет меня наше расставание? Такое ощущение, что у меня вырвали сердце.

– Пообещай мне, – говорит Кэл, и только во *второй* раз в моей жизни его голос колеблется и кажется неуверенным. Я бешено киваю и становлюсь на цыпочки. Я целую его, как он целовал меня раньше, со страстью, но спокойно, и в ответ он целует меня так чувственно, будто хочет забрать мою душу с собой. Его руки проскальзывают под мои шорты и снимают их. Я делаю то же самое с его штанами, и вскоре на нас обоих уже нет одежды, а я снова на кровати, на этот раз он полностью во мне, мы связаны.

Кэл не заводит руки мне за голову, а позволяет моим пальцам глубоко впиться в его кожу, пока уводит меня на вершину экстаза. Я вбираю его запах, его дыхание, его касание. Я стараюсь запомнить каждый его поцелуй, каждое его движение и сохраняю в памяти. Я позволяю ему входить в меня так глубоко, как ему хочется, вбирая боль и удовольствие одновременно. Я произношу вслух его имя, и моё тело снова и снова поддается ему, как всегда, даже зная об опасности, которой я себя подвергаю.

Я говорю ему, как сильно я люблю его, и что я буду ждать, если он только попросит... но он не просит. Он сделал, что я просила. Моя ранняя просьба убаюкать меня. Я с трудом держу глаза открытыми, но теперь я пытаюсь бороться со сном, который с тяжестью свалился на меня, которого я так хотела раньше. Я вымотана эмоционально и физически. Я смотрю на Кэла, и он уже спит, так что я ложусь как можно ближе к нему. Мои веки такие тяжелые, но я не хочу опускать их.

– Не забывай обо мне, – его слова звучат тихо, чуть громче шёпота, и как только Кэл их произносит, то они сразу же исчезают. Может, я это придумала? Закрываю глаза с пониманием того, что вскоре эта ночь будет лишь воспоминанием вместе с кошмаром, который я хочу забыть. Теперь это только сон. Я всё ещё готова отдать ему своё сердце и позволить увезти его с собой.

Ну, это не совсем, правда. Я не могу дать ему то, что у него и так всегда было.

Глава 22

22 апреля 2010 года

Я открываю глаза и потягиваюсь, замечая, что в кровати больше места, чем обычно. Сажусь, оглядываюсь и понимаю, что одна.

– Кэл? – кричу я.

Лучше ему не оставлять меня снова. Я ненавижу быть в этом доме одной. Особенно ненавижу просыпаться одной в этой кровати, а не в его объятиях. Я смотрю в окно и замечаю, что на смену солнцу пришла темнота, которую нарушают огни города. Встаю с кровати и включаю лампу, чтобы найти свою одежду. Клочок бумаги на прикроватной тумбочке бросается в глаза. Это записка от Кэла, в которой он просит меня подняться на крышу.

«Что это ты задумал?» – спрашиваю я себя, и по лицу расплывается улыбка. Я быстро открываю один из ящиков комода и вытаскиваю футболку, вместо того, чтобы тащиться в этой дурацкой простыни. Я бросаю быстрый взгляд в зеркало – нужно поправить волосы. Я нигде не могу найти расческу, так что расправляю волосы пальцами и отбрасываю их за спину. Так пойдет.

Поднимаясь по лестнице, я слышу музыку. Мои брови подскакивают вверх, когда я вижу свечи, освещающие путь наверх, и лепестки розовых роз на ступеньках. Когда я наконец-то добираюсь до крыши, у меня падает челюсть. По всему периметру расставлены свечи, а пол устлан лепестками роз.

– Боже мой, – на лице появляется улыбка. – Кэл, не могу поверить, что ты это сделал, – в шутку ругаю его я. – Ты где? – я останавливаюсь, и он подхватывает меня сзади. – Как ты всё это устроил? – смеюсь я, когда он ставит меня на место.

– Ну, технически, это не я делал, но это моя идея.

– Откуда ты знал, что я не проснусь?

– Ну, я удостоверился, что ты достаточно вымотана, не так ли? – с намёком улыбается Кэл, притягивая меня к себе. Я игриво отталкиваю его.

– Очень красиво, правда. Это мой подарок на выпускной? – спрашиваю я. Кэл намекал, что у него для меня есть большой сюрприз, и это был бы не он, если бы мужчина не сделал этого на месяц раньше, чтобы я была по-настоящему удивлена.

– Помнишь тот первый вечер, когда я танцевал с тобой? – спрашивает он, опять притягивая меня в свои объятия.

– Да, я помню, к чему это привело, – смеюсь я, обнимая руками его шею, и мы кружимся в такт музыке.

Кэл смотрит мне в глаза.

– Я же говорил, я дам тебе всё.

– Ты пытался затащить меня в постель, – напоминаю ему я с легкой ухмылкой.

– Это не важно.

– В ту ночь для тебя это было очень важно.

Широкая улыбка на его лице смягчается.

– У меня было много женщин, – моя бровь слегка поднимается, с тревогой ожидая услышать продолжение этой речи – очень хорошее начало. Но я молчу, и он продолжает: – Я видел их насквозь, а они никогда этого не замечали, или их это не беспокоило. Когда я впервые увидел тебя, то у меня не получилось. Ты мне не позволила. Это для меня было полной неожиданностью. Всё, что связано с тобой, для меня полная неожиданность.

Его рука проскальзывает под его рубашкой, надетой на мне, вверх по спине. Мы прекращаем танцевать, его пальцы начинают выводить свой пресловутый маршрут по моей коже. От его прикосновений у меня пробегают мурашки, и я невольно прикусываю губу. Кэл убирает пальцы с моей спины и берет мою руку, выхватывая один из моих пальцев, подносит его к моей спине, а затем точно так же водит им по спине, как делал уже сам тысячу раз. В этот раз я понимаю, что там, и моё сердце начинает трепетать.

– Я хочу что-то более долговременное, чем выводить своё имя у тебя на спине, – Кэл отходит назад, смотря мне в глаза.

– Я не буду делать татуировку с твоим именем, – шучу я, обхватывая руками его шею. Он смеётся и отрицательно качает головой.

– Ну, чернила в любом случае со временем выцветут, – подмигивает мужчина, облизывает губу и показывает мне свою мальчишескую ухмылку. Одной рукой он лезет в карман. Другая рука скользит вниз по моей, и он берёт мою руку в свою. – Ты знаешь, я никогда не жил по плану. Я всегда решал, что делать, когда хотел, и мнение других мне не важно. С тех пор, как я встретил тебя, все изменилось. Я никогда не думал, что буду испытывать такие чувства к кому-то, как к тебе.

Ритм моего сердца ускоряется, во рту становится сухо. Я поднимаю взгляд на него, в глазах уже собираются слёзы. Кэл достает руку из кармана и открывает ладонь, в которой лежит золотое кольцо с бриллиантом. Моя челюсть падает на пол.

– Я пытался отговорить себя от этого столько раз, что ты и представить не можешь. И это только сегодня. Я знаю, что ты выпускаешься в следующем месяце, и в твоей жизни начинается новый этап, – он берёт кольцо и надевает его на мой палец. Кольцо сидит идеально. – Я не хочу быть частью твоего прошлого. Я хочу быть единственным, от чьих прикосновений у тебя бегут мурашки, кто будет

шептать тебе на ухо такие вещи, от которых ты будешь краснеть. Я знаю, ты хочешь многое узнать обо мне, и я был с тобой не до конца открытым. Но знай, что я люблю тебя. Я люблю тебя дольше, чем я себе позволил.

Мой язык окончательно прилип к небу. Я даже не могу открыть рот и сказать что-нибудь.

– Ты всегда говоришь, что мне надо поработать над просьбами, – Кэл опускается на колено. Его глаза блестят, выражение лица спокойное. Мне пробирает дрожь. Он берёт меня за талию и опускает меня к себе на колено.

– Я хочу, чтобы ты... То есть, ты выйдешь за меня?

Кэл передо мной. Кольцо уже на моём пальце, и я всё ещё не могу поверить. Я никогда бы не подумала, что это случится сейчас. Я даже не могу ничего сказать. Открой свой рот! Я хочу сказать «да». Хочу прыгнуть в его объятия и сказать ему «да» миллион раз, но что-то останавливает меня. Это не я. А он готов? Ведь есть столько причин, из-за которых у нас может ничего не получиться. Я поднимаюсь с его колена, которое с легкостью удерживало мой вес, и встаю, и Кэл делает то же самое.

– Ты уверен? – шепчу я, пытаюсь вытереть слёзы, которые всё льются. Он встаёт и прижимает меня ближе к себе, нежно обхватывая руками моё лицо.

– Никаких сомнений, – решительно отвечает он.

Я кладу голову ему на грудь. Боже, помоги мне. Когда я смотрю ему в глаза, у меня пропадают всё сомнения, но они не уходят без следа.

Мой разум говорит мне одно, а сердце другое. В моей голове эхом раздаются слова Хелен. Разве уже прошло так много времени с того дня? Я поднимаю голову и смотрю ему в глаза. В одно мгновение они избавляют меня от колебаний, но в то же время моих слёз становится ещё больше. Я знаю, что он в мгновение ока может разбить мне сердце.

– Да, – тихо отвечаю я.

Я не могу сказать «нет». Зачем? Я люблю его. Я люблю его дольше, чем я хочу в это верить. Если бы я не могла трогать его, говорить с ним, чувствовать его, то не знаю, что бы я делала. Я легко могла бы прожить с ним всю жизнь. Хотя...

– Да, – повторяю я, в основном, для себя. Я бросаюсь в его объятия и нежно целую его губы, и Кэл чувственно целует меня в ответ. Он берёт меня на руки, и мир вокруг кружится. Голос в моей голове замолк, и по щекам катятся слёзы счастья.

Но всё, о чём я могу думать, это «Пожалуйста, не разбей мне сердце».

Глава 23

7 июня 2011 года

Не хочу быть здесь. Все мои переживания, предположения по поводу того, что делал Кэл с тех пор, как он ушёл, с кем он был, чем он занимался, ревность, одиночество и боязнь собственного воображения душат меня, словно петля. Сейчас, быть без Кэла гораздо хуже. Настолько хуже, что я никогда не могла об этом подумать, представить или подготовиться к этому. Я никак не могла подготовиться к такому. Думаю, где-то в глубине души я знала, что этот момент настанет, но надеялась, что это было безосновательный страх. Я всегда уверяла себя, что я параноик, что все мои кошмары были отражением моих страхов о том, что он уйдёт. И все-таки я чувствовала приближение этого момента сильнее и сильнее, когда смотрела ему в глаза, когда он держал меня, но смотрел в другую сторону.

Та связь, которую я создала с ним, пыталась что-то мне сказать, а я не понимала. Я не могла выяснить, в чём дело. Или я не хотела. Может быть, всё то время, что я была с ним – это был всего лишь обратный отсчёт до того момента, когда я потеряю его. Было сложно жить с Кэлом, любить его за то, какой он есть и за всё то, о чём он мне никогда не рассказывал, но я знаю, что будет сложнее жить без него.

Следующий день после того, как он ушёл, был самым долгим, самым тяжёлым днём в моей жизни. Казалось, что он никогда не закончится. Часы тянулись, словно дни, и я никак не могла ускорить время. Я знала, что когда проснусь, его уже не будет рядом, но всё равно, когда я открыла глаза, я надеялась, что Кэл будет лежать рядом со мной.

Его не было, он ушёл.

Он не взял ничего с собой. Дом выглядит так, будто он и не уходил.

Вот почему мне также пришлось уйти из дома. Каждый раз, когда звонил телефон, моё сердце билось чаще, я думала, что это он, но затем я слышала голосовое сообщение от Декстера, Хэлен или Рейвен – все, кроме него. На что бы я ни смотрела – всё вызывало воспоминание о чём-то, о чём я не хотела думать. А если я старалась не думать о нём, то все попытки приводили к тому, что я думала о нём ещё больше.

Спустя почти неделю, которую я практически не помню, я вернулась к Энджеле. Она встретила меня с распростертыми объятиями, без расспросов, хотя я уверена, ей очень хотелось. Я как могла, скрывала свои чувства: сделала всё для того, чтобы выглядеть в порядке, особенно после того, как я всю неделю непрерывно плакала, не в силах это контролировать. Единственное время, когда я не плакала – когда я спала, и

как только просыпалась, то начинала плакать снова.

– Лорен, – я поднимаю голову и вижу Энджелу, которая стоит передо мной слегка с беспокойным видом. Она была так мила со мной, а я сказала ей едва три предложения, кроме как «Я в порядке», «Не волнуйся» и «Спокойной ночи».

– Да, – быстро отвечаю я, растягивая губы в поддельной улыбке, которая, я уверена, совсем не убедительна.

– Может, поговорим? – спрашивает подруга, кусая губу. Разговор, я знала, что придёт его черед: даже самый терпеливый человек на свете спросил бы меня о ближайших планах.

– Конечно, – киваю я, меняя свою стандартную позу эмбриона, в которой я нахожусь последнюю пару недель.

– Хорошо, – она улыбается и затем исчезает на секунду, я встаю и складываю постель. Когда заканчиваю, Энджи возвращается с галлоном мороженого и двумя ложками. Я улыбаюсь в надежде на то, что станет весело, как только мы начнём есть мороженое. Она усаживается на диван и хлопывает рукой, приглашая меня сесть рядом с ней. Я тоже усаживаюсь и беру ложку, которую она мне протягивает. Быстро набираю полную ложку и отправляю её в рот, чтобы не заговорить первой.

– Ну, ты ведь знаешь, я не люблю везде совать нос или выведывать что-то, да? – тихо спрашивает она. Я киваю, зная, что будет дальше. – Но с тех пор, как ты вернулась, ты словно зомби. Ты молчалива, что нормально. Я могу понять, ты не в настроении говорить о том, как себя чувствуешь. Но когда бы я не пришла домой, ты всегда спишь. Ты не просто дремлешь, Лорен. Ты спишь, когда я ухожу и когда возвращаюсь домой, – подруга останавливается, давая мне возможность ответить. Я, правда, не знаю, что сказать ей. Она права.

– Ты не обязана рассказывать мне, но я здесь, чтобы выслушать тебя, – говорит она мне.

Я делаю глубокий вдох.

– Ничего такого, – мямлю я, кладя в рот очередную ложку с мороженым. Смотрю на Энджи краешком глаза.

– Я слышала, как ты плакала вчера ночью, – тихо признается она. – Я слышала, как ты плакала три ночи подряд, и я волнуюсь за тебя.

Я открываю рот, чтобы сказать, что переживать не о чем, что я в порядке, но вдруг у меня начинает крутить живот. Я бегу в ванную как можно быстрее. Слава богу, я смогла удержать содержимое желудка до туалета. Когда поднимаю голову, то вижу, как Энджела молча стоит в дверях с руками на груди. Я отворачиваюсь от её скептического взгляда и

беру зубную щетку.

– Угадай, что я сейчас спрошу, – говорит она, протягивая мне зубную пасту.

– Это не то, о чём ты думаешь, – говорю я с зубной щёткой во рту и чищу зубы как можно дольше, чтобы только не смотреть ей в лицо.

– И ты знаешь это наверняка? – спрашивает подруга, сидя на краю ванной.

Вижу, она так просто не сдастся. Я натянуто улыбаюсь и полощу рот.

– Я знаю своё тело, – просто отвечаю я и выхожу из ванной. Я никак не могу быть...

Энджи следует за мной в гостиную:

– Когда у тебя были месячные?

– Три недели назад, – отвечаю я, не задумываясь, в надежде, что вопросы закончатся.

– Полный цикл или... – продолжает она.

Я останавливаюсь и поворачиваюсь к ней лицом:

– Это не важно, потому что я не беременна, – надо было пойти в отель.

– Уверять себя, что не беременна, не сработает.

– Ну, противозачаточные сработают.

– У них не стопроцентная гарантия.

– Для меня – стопроцентная, – в голосе проскальзывают злые нотки.

– То есть, ты никогда не забывала принять таблетку, или, когда у вас с Кэлом был секс, то всегда с презервативом? – смеётся подруга.

Я закрываю лицо руками.

– Я не хочу разговаривать об этом, ладно? – хнычу я.

– Лорен, нельзя это игнорировать!

– Я ничего не игнорирую, потому что игнорировать нечего. Ну и что? Ну, вырвало меня один раз. Я могла отравиться. А может, у меня грипп. Это не значит, что я беременна.

– Нет, но с тех пор, как ты здесь, ты только и делаешь, что ешь, спишь и плачешь. Я не знаю, что случилось, когда я забрала тебя домой. Я ни о чём тебя не спрашивала, но я знаю тебя. Расскажи мне, что произошло, – искренне просит она.

– Он бросил меня, Энджи! Кэл бросил меня. Вот почему я плачу, – говорю я, повышая голос. Я прикусываю губу, стараясь снова не заплакать. – Я сплю, потому что так не буду думать о том, что он ушёл. Я скучаю по нему, и хочу, чтобы он вернулся. Какими бы ужасными ни были наши отношения, я хочу, чтобы Кэл вернулся. Я люблю его, – я снова закрываю

лицо руками.

Энджела обнимает меня.

– Лорен, почему ты не сказала мне?

– Я была в замешательстве. Я не знаю, что мне делать. Я не хотела, чтобы ты меня жалела, но не могла оставаться в доме или вернуться к тёте. Тем более я не хотела быть одна. Я не хотела признавать, что это случилось, – со слезами говорю я.

– Мне так жаль, Лорен. Я не знала. Это нормально, что ты скучаешь по нему. Не удивительно, ведь ты была с ним последние три года своей жизни. Я бы больше переживала, если бы ты не скучала. Прости. Что он сказал тебе? Он не сказал, почему или куда он едет?

– Это не важно. Он ушёл, это всё, – я хватаюсь рукой за лоб. – Просто ушёл, – я стараюсь успокоить себя и сажусь на диван, который служил мне кроватью всю прошлую неделю. – Я не знаю, Энджи, – честно говорю я, вытирая лицо.

– Что не знаешь? – осторожно спрашивает она, садясь возле меня.

Я разочарованно провожу рукой по волосам.

– Последний полный цикл у меня был два месяца назад. Так что я, правда, не знаю, беременна ли я. Это возможно. Но я точно знаю, что это совсем не подходящее время, совсем, – хнычу я, закрывая лицо руками. – Ребенок – это не то, что мне сейчас нужно. Я не могу быть беременной, – я складываю руки на животе.

– Ну, давай не будем делать поспешных выводов. Может, ты и не беременна. В конце концов, твой цикл мог сбиться из-за стресса, и ты так много спишь, потому что эмоционально истощена, – подруга старается успокоить меня, но её взгляд совсем не убедительный. – Главное, чтобы ты всё выяснила, а потом можно думать, что с этим делать, ладно? – говорит она, поднимая мой подбородок.

Я вяло улыбаюсь. Она идёт к холодильнику и протягивает мне чай со льдом.

– Так, я бегу в магазин за тестом. Ты сидишь здесь и успокаиваешься. Не спи – посмотри лучше телик, или послушай музыку, но если ты вырубись, то я надеру тебе зад, – шутит она. Я улыбаюсь.

Я не беременна. Нет.

* * *

– Здесь сказано, что нужно подождать пять минут. Если результат положительный, то будет плюс, а если отрицательный, то минус, – улыбается она, пытаясь скрыть беспокойство.

– Я знаю, ты мне уже дважды говорила, – нервно отвечаю я ей.

– Прости, – Энджи лихорадочно кусает губу.

– Боже, почему так долго? Такое ощущение, что прошло уже минут двадцать. Сколько осталось? – спрашиваю, меряя кухню шагами.

– Три. Прошло только две, – отвечает подруга, посмотрев на часы. – Может, нам прогуляться? Ты с ума сойдешь, если мы просто будем сидеть здесь, – предлагает она.

– Нет. Я должна узнать, что не беременна как можно скорее, – говорю я ей, потирая кончики пальцев.

Я никак не могу быть беременной, не сейчас. Не сейчас!

– Ладно, уже пять минут, – я чувствую, как сердце ушло в пятки. Вдруг начинаю жалеть, что вообще сделала этот тест. Я хочу убежать из дома и не оглядываться. Не знать совсем лучше, чем знать, что я беременна. Сейчас совсем не подходящее время.

– Лорен, ты в порядке? Ты вся бледная, – говорит Энджела с обеспокоенным видом.

– Все нормально, – отвечаю я, стараясь убедить себя в этом.

– Ну что, ты проверишь? – спрашивает она. Я смотрю на дверь в ванной, сердце бьётся чаще.

– Не могу. Ты смотри, – говорю я ей, присаживаясь.

– Ты уверена? – снова спрашивает девушка.

Я киваю.

– Ладно.

Закрываю глаза и слышу, как отдаляются её шаги. Когда я слышу, что она возвращается, я ещё сильнее сжимаю веки. Энджи легонько касается моего плеча. Я смотрю на неё, стараясь всё прочесть по ее лицу.

– Хорошие новости, – говорит она с лёгкой улыбкой.

Я с облегчением вздыхаю.

– Слава богу, – говорю я, словно с меня свалился двадцатифунтовый груз. – Я не могла думать ни о чём другом. Ты не представляешь, как я испугалась. Если бы я была беременна, я даже и представить не могу, что бы я делала. Я даже не знаю, что мне делать теперь. Завести ребенка сейчас – это бы всё намного усложнило, – говорю я, обнимая её. Вдруг я замечаю, что она не обнимает меня в ответ. Отстраняюсь и вижу, что её лицо побелело.

– Может, мне надо было сказать «плохие новости», – говорит подруга, хватаясь за лоб. – Я такая идиотка, прости меня!

– Что? – в недоумении спрашиваю я, и она протягивает мне тест. У меня замирает сердце, когда я отчетливо вижу розовый знак «плюс».

– Нет. НЕТ! – я бросаю тест на пол. – Я не могу сейчас иметь ребенка!

Это не могло случиться! – в бешенстве говорю я, по щекам снова льются слёзы.

– Лорен, успокойся, – умоляет она.

– Успокоиться? Я не могу быть беременной! Я даже не знаю, где мой муж. Это не могло случиться! Он, должно быть, неправильный, – кричу я, – Я не могу сейчас стать мамой. Он же неправильный, да? В большинстве случаев, они ошибаются, – стараюсь я успокоить себя. Энджела берёт меня за руки.

– Да, возможно, он ошибочный. У них нет стопроцентной гарантии, но ты должна подготовиться к тому, что, возможно, он правильный, – настаивает она, что заставляет меня плакать ещё сильнее.

– Я не могу растить ребенка одна. Я не готова к ребенку, – я отчаянно качаю головой.

– Лорен, послушай меня, ладно? У тебя получится. Тебе не нужен Кэл. Если он вернётся, я буду счастлива за тебя, но если нет, то пошёл он. Ты сильная, замечательная, добрая, красивая женщина. Если он не знает этого, то не заслуживает тебя. Определенно не заслуживает, чтобы ты так переживала, и он не заслуживает этого замечательного, красивого малыша, который мог бы у тебя появиться. И ты не будешь одна. У тебя будем мы с Хилари и Рейвен. Мы все будем с тобой.

Я смотрю на неё, Энджи искренне так думает, но она не понимает. Я встаю, подхожу к раковине и умываюсь. Я стоически выхожу из ванной и беру сумочку, направляясь к двери.

– Ты куда? – обеспокоенно спрашивает она.

– Мне надо подышать воздухом, я пойду прогуляюсь, – говорю я ей и открываю дверь.

Она встает.

– Я пойду с тобой.

– Нет, мне надо побыть одной.

– Лорен...

– Все будет нормально. Я в порядке, – говорю я ей с сухим смешком, когда закрываю за собой дверь.

Глава 24

7 ноября 2010 года

– Лорен, детка, ты копаешься уже вечность, – жалуется Кэл, стоя в дверном проёме, одетый в серую рубашку с воротником со спрямленными углами, поверх неё – черный пиджак и брюки в тон. Я обуваю свои чёрные

кожаные лодочки и оцениваю своё отражение в зеркале, убеждаясь в том, что облегающее серебряное платье не собирается складками.

– Ты отлично выглядишь, – он отходит от двери и теперь стоит позади меня, его руки обнимают меня за талию, прижимая моё тело ближе к себе. Я высвобождаюсь из его объятий и беру утюжок, выравнивая очередную прядь волос.

– Если мы собираемся опоздать, то давай опоздаем по уважительной причине, – шепчет мужчина мне в ухо, и его рука проскальзывает под моё платье. Я изворачиваюсь и игриво убираю его руку.

– Нет, Кэл. Не сегодня, – говорю я, отходя назад.

Я должна научиться собираться быстрее, потому что когда я не готова и мы можем опоздать, он решает использовать это в качестве предлога, чтобы опоздать ещё больше. Кэл преграждает мне дорогу, и я оказываюсь в ловушке между своим туалетным столиком и его грудью. Он забирает у меня утюжок, кладет его на столик.

– Мы всё равно уже опоздали, – говорит он, и спустя мгновение уже приподнимает меня на туалетный столик.

– Но... – меня прерывают его губы, целующие мои. Только мы можем опоздать на собственную вечеринку по случаю нашей помолвки. Я уже начинаю сдаваться, когда слышу звонок домофона. Единственный человек, который звонит нам по нему – это консьерж.

Я прерываю поцелуй.

– Он так и будет звонить?

Кэл рычит и поворачивается, чтобы снять трубку и ответить, и возвращается ко мне.

– Да, – нетерпеливо говорит он, его губы целуют мою шею. Секунду спустя, прекращает и переключает всё внимание на телефон.

– Как её зовут? – спрашивает он.

Я наблюдаю за ним, но он отворачивается, так что я не вижу его реакцию, когда ему отвечают.

– Я сейчас приду, – говорит он, вешая трубку.

– Что случилось? – спрашиваю я, слезая со столика и поправляя платье.

– Думаю, торговый агент или вроде того, – говорит Кэл, поправляя свой пиджак.

– Торговый агент? – я иду за ним, он выходит из спальни и спускается по лестнице. – В пять вечера в субботу?

Мой тон шуточный, но лицо остаётся серьёзным.

Кэл останавливается и смотрит на меня.

– Я пойду проверю, кто там, – говорит он. – Сейчас вернусь.

– Я пойду с тобой, – уведомляю я его.

– Нет, заканчивай собираться. Это не займет и пяти минут, – говорит мужчина обыденным тоном, засовывая руки в карманы пиджака.

Я пристально смотрю на него в поисках хоть намек на взволнованность или угрызения совести. Он раздраженно вздыхает.

Я складываю руки на груди.

– То есть ты отвечаешь на странный звонок, из которого узнаешь, что с тобой внизу хочет встретиться женщина, и ты говоришь, что она *торговый агент*, – Кэл никогда не бросается делать что-то, а потом по телефону ему говорят, что внизу его ждёт женщина, и я просто должна сказать «Хорошо, дорогой»?

Кэла, кажется, позабавила моя реакция. По его лицу расплывается улыбка, и он говорит мне, притягивая к себе:

– Ты так сексуальна, когда ревнуешь, – его руки окружают мою талию. Я убираю их, чувствуя себя слегка смущенной. Никогда раньше не ревновала, но я действительно настроена быть с ним. Куда бы мы не пошли, он словно магнит для женщин. Кэл никогда не был неучтив со мной или поощрял это, но это начинает раздражать, действительно раздражать.

– Она здесь не для того, чтобы встретиться со мной. Она хочет встретиться с тобой, – возражает он, снова подходя ко мне, и я удивленно приподнимаю бровь.

– Со мной?

– Да, с тобой, и если это имеет какое-то отношение к покупкам, то будем считать, что я сохраню твоё время, сказав ей зайти позже, – дразнится он. Я не делаю так много покупок, чтобы обзавестись личным торговым агентом, отслеживающим меня. Я стараюсь не думать о том, кто мог бы прийти ко мне.

– Заканчивай собираться и можешь встретить меня внизу, – говорит он, и секунду спустя выходит за дверь.

Я возвращаюсь в гардеробную, поправляю платье и провожу рукой по волосам. Беру свой утюжок, но в животе какое-то ноющее чувство – что-то вроде того, когда ты где-то что-то забыл. Я кладу утюжок обратно и беру свою сумочку и пиджак. Стремглав бегу вниз по лестнице, чуть не сломав лодыжку на этих каблуках, и выхожу из квартиры. Я жму кнопку лифта тысячу раз, и такое ощущение, что проходит целая вечность, пока его двери не открываются.

Нажимаю кнопку первого этажа и жду, когда закроются двери. Пока лифт начинает свой долгий спуск, я делаю глубокий вдох. Я не знаю,

почему нервничаю, но что-то здесь неладно. Когда двери открываются, я стараюсь быстро выйти, не переходя на бег. Прохожу мимо стойки, когда Ламар, один из консьержей, здоровается со мной. Я хочу быть слегка грубее и просто помахать ему и пройти мимо, но я всегда останавливаюсь, чтобы поздороваться. Вдалеке я вижу Кэла, который разговаривает с какой-то женщиной. Она стоит спиной ко мне, демонстрируя гриву длинных рыжих волос, струящихся по её спине, похоже, она поворачивается из стороны в сторону.

– Лорен, твоё платье потрясающе, – тихо говорит консьерж, так что другие жильцы его не слышат.

– Спасибо, Ламар, это ты звонил нам, чтобы я спустилась? – спрашиваю я. Всё моё внимание сосредоточено на Кэле и этой женщине.

– Да. Мистер Скотт ответил и сказал, что он спустится вместо вас, – отвечает тот, его внимание приковано к моим туфлям.

– Она не представилась? – спрашиваю я немного нетерпеливо от того, что ему более важен мой вид, чем предмет обсуждения.

– Она сказала, что была вынуждена так поступить, – говорит он, изгибая бровь дугой. Моя бровь так же поднимается в знак понимания. Я открываю сумочку, надеюсь, что там есть какие-нибудь деньги, и с радостью обнаруживаю уже сложенную двадцатку. Я прикусываю губу и оставляю деньги на стойке, закрывая их рукой.

– Ещё что-нибудь? – спрашиваю я, смотря на Ламара. Он оглядывается, затем берёт деньги и наклоняется ближе ко мне.

– Кажется, она слегка занервничала, когда увидела мистера Скотта вместо вас, и они вышли на улицу. Похоже, она была не очень рада его видеть.

– Как она выглядела? – спрашиваю я, и глаза Ламара зажигаются так, словно я задала ему лучший вопрос за день.

– Ну, похоже, она не отсюда, – говорит он, нахмурившись.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, знаете, как здесь все одеваются? Она не выглядела как бездомная или вроде того, но казалась неуместной. Скорее всего, она ехала в пригород, потерялась и слонялась здесь, – смеётся он.

– Как думаешь, сколько ей лет? – с любопытством спрашиваю я.

– Женщина в возрасте. Может, слегка за пятьдесят, – говорит он, а затем останавливается. – Но она выглядела как-то знакомо, как будто я уже видел её раньше, но, может, и нет, – он качает головой, прогоняя мысль, и приковывает всё внимание к компьютеру, так как к стойке приближается менеджер.

– Всё в порядке, мисс Брукс? – спрашивает у меня мисс Райли с широкой улыбкой.

– Да, всё замечательно, – говорю я, покидая стойку и направляясь к двери. Когда подхожу к ней и выхожу, рыжая женщина уходит, а Кэл возвращается ко мне.

– Что-то важное? Кто она? – спрашиваю я Кэла, застёгивая пиджак.

– Ничего особенного, – говорит он, открывая мне дверь, чтобы мы вошли внутрь. Секунду я колеблюсь, и женщина оборачивается и смотрит на нас. Она достаточно далеко, но её лицо угрюмое.

– Ты идешь? – нетерпеливо спрашивает Кэл. Я смотрю на него, а затем снова на загадочную рыжеволосую женщину, которая исчезла в потоке людей.

– Ничего особенного? – спрашиваю я, подчеркивая слова.

– Я позаботился об этом, у неё не было ничего важного, – говорит мужчина. Он садится на один из плюшевых шоколадно-коричневых кресел в холле. Думаю, Кэл ждёт, пока пригонят нашу машину.

– Так что случилось? Чего она от меня хотела? – спрашиваю я, усаживаясь рядом с ним.

– Она действительно говорила что-то бессмысленное. Она казалась взвинченной из-за чего-то. Я сказал ей уходить, – вздыхает он, вытаскивая свой телефон.

– Может, надо было дать мне поговорить с ней, – говорю я, толкая его локтем, чтобы он посмотрел на меня.

– Я не хочу, чтобы тебя расстраивала какая-то сумасшедшая перед нашим ужином сегодня, – просто говорит Кэл.

– Почему она бы расстроила меня? Откуда она знает меня, и где я живу? Я не понимаю.

– Слушай, она несла какую-то чушь. Она, наверное, прочла твоё имя в какой-то статье о каком-нибудь мероприятии, где мы были с Декстером. Нужно быть внимательным, когда кто-то хочет с тобой встретиться. Когда ты связан с «Крест Филдс», люди видят только доллары в купюры, и они будут втирать тебе любую душещипательную историю в надежде на то, что ты выпишешь им чек. У большинства людей есть какой-то порядок действий, и я уверен, у неё тоже был, но она больше не вернётся. Не нужно сейчас вот так просто доверять любому человеку, ладно? – говорит он, беря меня за руку во время последней части его речи.

Я киваю и стараюсь принять его объяснение. Оно кажется логичным, но то ноющее чувство не исчезает, и лицо той женщины не может так просто выйти из моей головы.

Глава 25

7 июня 2011 года

Я вхожу в кабинет, и первое, что бросается мне в глаза – женщина, пытающаяся удержать своего ребенка и одновременно читать журнал. Она улыбается мне, и я изо всех сил стараюсь улыбнуться ей в ответ, прежде чем подойти к регистратуре.

– Здравствуйте. Добро пожаловать в кабинет доктора Грин. Чем я могу вам помочь? – спрашивает девушка с широкой улыбкой.

– Мне нужен осмотр на определение беременности, – напрямую говорю я. Кажется, девушку застигла врасплох моя откровенность.

– Это возможно, – улыбается она, просмотрев записи. – Мне нужно записать ваше имя, а вам – заполнить вот этот бланк, и тогда я смогу записать вас на приём, – говорит она, протягивая мне несколько бумаг.

– Нет, вы не понимаете. Мне нужен осмотр сейчас, – быстро говорю я ей.

Она поднимает брови.

– Извините, но сначала нужно записаться, – нервно информирует меня девушка.

– Это-это неотложный случай, – быстро говорю я ей.

– Неотложный? – переспрашивает она.

Я понимаю, что больше не в состоянии сохранять спокойствие. Я наклеиваю на лицо широкую улыбку и наклоняюсь ближе к ней.

– Мой муж ушёл от меня на прошлой неделе, и я понятия не имею, где он, чёрт возьми. Сегодня утром я сделала тест на беременность, и угадайте что! Он положительный! Так что мне нужно увидеть доктора, чтобы он сказал мне, что тест ошибочный, и что не нужно добавлять ещё один пункт в список, о чём мне нужно переживать. У меня нет с собой наличных, но у меня есть эти кредитки и чековая книжка. Я заплачу сколько угодно.

Я вытаскиваю свой кошелёк и кладу его на стойку.

– Я подпишу бумажку, где написано, что вы не виноваты, если во время осмотра случайно меня убьёте, но я не могу больше гадать, вам понятно? Не могу гадать, что ещё со мной случится в жизни. Я не сошла с ума, но с каждой минутой я приближаюсь к этому состоянию. Так что если вы не хотите, чтобы я взбесилась в вашем офисе и закатила ещё более серьёзную сцену, чем сейчас, вы скажете доктору, что здесь очень отчаявшейся женщине требуется его или её помощь! – после этого словесного потока я перевожу дыхание и, посмотрев на девушку, надеюсь, что она не вызовет полицию.

– Эмм, пусть идёт вместо меня, я пойду попозже, – та женщина,

которая ранее улыбалась мне, с сочувствием смотрит на меня.

– Спасибо, – резко говорю я ей. Дверь открывается, и выходит медсестра, обращаясь к девушке в регистратуре.

– Кто следующий? – девушка указывает на меня.

* * *

Такое ощущение, что доктора нет уже целую вечность. Думаю, секретарь рассказывает ей, что случилось, и какая я сумасшедшая. Возможно, мне не следовало так скоро приходить сюда, но у меня было такое чувство, будто я не могу дышать, пока не узнаю всё наверняка. Когда дверь открывается, я облегченно вздыхаю.

– Ну как вы, миссис Скотт? – спрашивает она, присаживаясь на стул напротив меня.

– Ну, бывало и лучше, – бормочу я.

– Когда у вас был последний полный цикл? – спрашивает доктор, её глаза по-прежнему просматривают планшет с зажимом.

– Около двух месяцев назад. Ну, у меня были месячные три недели назад, но они длились только один день.

– Вы сказали медсестре, что сделали дома тест на беременность, и он был положительный? – спрашивает она, небрежно заполняя какую-то таблицу.

– Да, но я слышала, что они могут ошибаться, да? Они не дают стопроцентной гарантии.

– Нет, они не дают стопроцентной гарантии, но они почти всегда верны. Около 97% дают точный результат.

– Но всё равно ведь остаются три процента, что я не беременна, – быстро говорю я.

Она наконец-то прекращает писать и теперь смотрит мне в глаза.

– Миссис Скотт, я буду с вами честна. Похоже, вам сейчас как раз нужна честность, а не моё неточное подтверждение ваших слов, – начинает она.

– Брукс, лучше называет меня Брукс, – тихо говорю я. Думаю, мне нужно привыкать к моей старой фамилии.

– Мисс Брукс, тест на беременность или осмотр у врача, как сейчас, поможет вам определить уровень гормона, который называется хорионический гонадотропин, гормон беременности. Для экспресс-теста используется моча, чтобы выявить уровень гормона в вашем теле. Я сделала вам качественный анализ крови на гормоны – он поможет определить точный уровень гормона в крови не раньше, чем через неделю после овуляции. Экспресс-тесты на беременность дают не такой точный

результат, если вы его сделали в течение недели после овуляции, из-за чего вероятен ложный результат, так как он был сделан слишком рано. Но судя по вашим данным, опираясь на моё профессиональное мнение, могу сказать вам, что если у вас нет месячных уже шесть недель, то, вероятнее всего, тест точный. Исходя из симптомов, которые вы описали, как, например, сильная усталость, утренняя тошнота, высока вероятность того... – ее голос звучит приглушенно. Я знаю, что беременна, потому что если и так всё плохо, то обычно становится ещё хуже.

* * *

Когда я открываю дверь, то вижу Энджелу, разговаривающую по телефону.

– Мне надо идти, – быстро говорит она и завершает разговор. Я закрываю дверь и прислоняюсь к ней.

– Лорен, я так волновалась за тебя. Я не знала, где искать. Твоя тётя продолжает названивать, и я не знаю, что ей говорить. Тебя не было пять часов, – отчитывает меня подруга с беспокойством в голосе.

– Восемь недель, – просто говорю я.

– Что? – её тон смягчается.

– Мой срок беременности – восемь недель, – говорю я, чувствуя себя полностью оцепеневшей. Я опускаюсь на пол и закрываю лицо руками. Учитывая то, что я уже выплакала столько слёз, я удивляюсь, что у меня нет обезвоживания. Думаю, я буквально выплакалась. Энджи ничего не говорит, а садится возле меня и берёт меня за руку.

– Я пошла в клинику в конце улицы. После того, как всё узнала, я гуляла ещё около четырех часов, пытаюсь очистить голову, и это мне помогло, – говорю я, прочищая горло. – Я не могу больше плакать или жалеть себя. У меня будет ребенок, и я с этим справлюсь. В мире так много людей, у которых появлялись дети в ситуациях и похуже моей, так что я не могу больше плакать из-за этого. Но меня так злит то, что я не должна была столкнуться с этим одна. Я могу справиться сама, но я не должна была!

– Тебе и не придется. У тебя есть я, твоя тётя...

– Он должен быть здесь! Он нужен мне, а его со мной не будет. Я вспоминаю ту ночь, когда это случилось. Когда я хотела от него уйти, а он отнес меня наверх, словно какую-то шестилетнюю капризную девчонку и запер меня в комнате... и потом той ночью он вернулся домой с десятком розовых роз. Я была так зла на него, и, все-таки, я сдалась. Я по-прежнему хотела его. Он занимался со мной любовью всю ночь, а на следующий день он ушёл, – я встаю. – В ту ночь он сделал это со мной. И, как и тогда, он

ушёл!

Энджела встаёт и подходит ко мне.

– Может, сейчас всё кажется ужасным, но когда ты возьмёшь на руки этого малыша и увидишь его глаза и улыбку, всё это дерьмо, через которое ты пройдёшь, будет того стоить.

Я обнимаю её. Она всегда была мне таким хорошим другом, не смотря на все мои заскоки и анти-социальное поведение, она никогда не жаловалась и всегда выслушивала меня без расспросов.

Я справлюсь. Я стану лучше, больше для себя и теперь для этого малыша, который растёт внутри меня. Теперь дело не только во мне. Я не могу больше плакать из-за Кэла. В моей жизни всё не может вертеться вокруг Кэла или воспоминаний о нём. Думаю, каким-то образом, он оставил мне частичку себя, и теперь у меня есть ещё один человек, которого я буду любить.

Глава 26

7 декабря 2010 года

На следующей неделе я буду стоять в церкви перед пятью сотнями гостей, большинство которых со стороны Кэла или те, на которых мне, в общем-то, всё равно, даже Майкла пригласили. Кстати, я больше не ненавижу его так сильно. Будут сняты тысячи снимков, пока мы будем произносить наши клятвы во второй раз. На мне будет платье от *Веры Вонг* за девять тысяч долларов и кольцо с бриллиантами, которое стоит слишком много, и после всего этого будет торжественный приём. Но это *не моя* свадьба, ну, по идее, это моя свадьба, но я называю её «Церемония Крест Филд».

Мы с Кэлом шутили на этот счет. Декстер говорит, что это пойдет на пользу имиджу компании – что бы это ни было. Кэл хотел забить на это, но меня умоляла Хелен. Я никогда не думала, что она когда-нибудь будет умолять в своей жизни, и, думаю, какая девушка не хотела бы себе две свадьбы?

Но сегодня, в этот идеальный день с температурой воздуха в семьдесят градусов (*Прим.: 22 градуса по Цельсию*) на частном пляже в Рио, когда на мне надет короткий белый сарафан, жемчуг и желтый цветок в волосах, а пальцы моих ног утопают в прекрасном белом песке, я согласна провести остаток своей жизни с мужчиной, который сбил меня с ног и украл моё сердце. Я держу его руку, а по щекам свободно катятся слёзы. Кэл в белых брюках и рубашке с коротким рукавом в тон с жёлтым платком в переднем

кармане. На его лице мальчишеская улыбка, но я знаю, какая порочность скрывается за ней. Он сжимает мою руку, когда священник, чей английский далек от идеального, сказал ему произнести свою клятву. Кэл делает глубокий вдох, и Декстер похлопывает его по плечу. У него вырывается небольшой смешок, но затем его лицо становится серьёзным.

– Лорен, ты знаешь, что я люблю тебя больше всего на свете, больше всех на свете, – говорит он, его голос звучит уверенно, и я слышу, как в паре шагов от меня вздыхает Рейвен. Я хихикаю, но серьёзность его слов вызывает у меня теплую волну наслаждения.

– Ты сделала меня лучше, – говорит он чуть тише и останавливается. Я вытираю слёзы с лица и сопротивляюсь желанию крепко обнять его. Кэл подходит ближе и поцелуями осушает слёзы на моих щеках. Женская половина публики приходит в дикий восторг, включая Энджелу, Рейвен, Хилари и Хелен.

– Я никогда не хотел ничего так сильно, как нашу свадьбу, Лорен. Ты – то единственное, что принадлежит мне. Единственное настоящее, что у меня есть – это мы. Раньше у меня была другая причина, чтобы жить. Она пришла из темноты. Моя мотивация изменилась, когда я влюбился в тебя. Ты моя сила и моя слабость. Ты – та причина, из-за которой я борюсь за жизнь, – говорит он, обняв моё лицо руками, и я не могу устоять сильному желанию поцеловать его прямо сейчас. Я сдаюсь, буквально прыгнув в его руки. Его губы приветствуют мои, и я остаюсь в его объятиях.

– Я так сильно люблю тебя, Кэл, – тихо говорю я, когда наши губы разделяются, и только он может слышать меня.

Я уверена, что священник смотрит на меня неодобряюще за то, что я раньше времени перешла к поцелую, но мне плевать. Мы и раньше не следовали традициям, так зачем начинать сейчас? Как только все действие заканчивается объявлением меня миссис Лорен Скотт, всё будет не важно – ни его секреты, ни его прошлое. Каждое негативное эхо, оставшееся в моей голове, рассеялось, это просто не важно. Наша любовь преодолет любимые проблемы, с которыми мы столкнёмся. Я уверена, что они будут, у каждого брака они есть, но когда я вижу его искрящиеся серые глаза, в которых иногда виден зеленый проблеск, я знаю, что мы пройдем через любые трудности, которые подбросит нам жизнь. Он может быть не идеальным, но я думаю, я нашла своего супер сексуального одетого в кожанку и на мотоцикле Прекрасного Принца двадцать первого века.

Глава 27

7 марта 2013 года

– Завтра Рейвен отвезёт её в зоопарк, так что у неё будет в два раза больше веселья, – я щекочу Кэйлен, а затем заканчиваю её одевать. Я благодарна за то, что она сейчас не капризничает, как обычно.

– Ты будешь хорошей девочкой и будешь спать ради мамочки, да? – спрашиваю я, наблюдая, как её маленький рот открывается для зевка. Когда я кладу её в кроватку, она протягивает мне свои ручки. Я кладу её на спину, укрывая одеялом. Держу её за руку, пока она не закрывает глаза.

– Удивительно, как сильно она похожа на К... – Хелен останавливается на полуслове и складывает руки так, будто она ребенок, который сказал плохое слово.

– Знаешь, можно произносить его имя в моём присутствии. Я не скорчусь и не умру, если ты это сделаешь, – шучу я, чтобы сбавить напряжение в комнате.

– Я ничего не собиралась говорить, – врёт Хелен, поднимая плюшевого медведя, которого Хилари купила для Кэйлен на день рождения.

– Кэл. Ты хотела сказать, что она выглядит точно как Кэл. Знаешь, мне приходило это в голову. Я не слепая, – мой голос звучит резко, но я не хотела этого. Хелен смущённо отворачивается.

Я делаю глубокий вдох.

– Прошло уже почти два года. Не нужно ходить на цыпочках вокруг меня. Ты можешь произносить его имя. Я не умру или начну плакать, – я понимаю, как странно для неё было говорить о нём, когда это случилось.

Я помню, как я злилась на следующий день после того, как я узнала, что беременна Кэйлен. Я ворвалась к ним домой, требуя сказать мне, где Кэл, потому что если кто и знал, то Декстер. Он принялся говорить, как он сочувствует мне в этой ситуации, и что они с Хелен всегда мне помогут, но он понятия не имел, где Кэл. После того, как три частных детектива не выяснили ничего, на шестом месяце беременности и отчаявшись, я умоляла Декстера, чтобы он попросил Кэла связаться со мной в последний раз, а он посмотрел мне в глаза и сказал, что не знает, где Кэл. Это была самая большая ложь в его жизни. После этого я не разговаривала с ним и Хелен до рождения Кэйлен.

Хелен пришла в больницу с десятками роз, шариков и плюшевых медведей. Она действительно сделала каждого, кто дарил мне что-нибудь на беби-шауэр. После этого я уже не могла на неё злиться. В конце концов, я не могла винить её за то, что у Декстера с Кэлом была прочная связь. Даже если бы я умирала, Декстер не сказал бы мне, где Кэл, если бы я его попросила.

– Прости, я никогда об этом думала. Ну, вообще-то, думала, поэтому прости. Прости за всё то, через что ты прошла, Лорен. Если бы я...

Я перебиваю её:

– Хелен, тебе не нужно извиняться. Ты была так добра ко мне и Кэйлен . Я больше не злюсь на тебя. И не обижаюсь. Я даже больше не расстраиваюсь из-за Декстера. Я прошла через это. Если он так и не сказал мне, где Кэл, то только потому, что Кэл этого не хочет. Сейчас я это понимаю. Я не могу винить кого-то ещё за его поступки. Скажи Декстеру, пусть приходит на все следующие дни рождения Кэйлен да и вообще когда ему захочется. И ему не нужно волноваться о том, что я буду забрасывать его вопросами или беситься, – слегка смеюсь я.

Хелен улыбается.

– Я передам ему. Ему жуть как хочется её увидеть. Я рада, что ты простила его, – говорит она, выпуская облегченный вздох.

Я смотрю на неё и закатываю глаза.

– Поверь, нет. Я не знаю, смогу ли я вообще, но это не значит, что я проведу остаток жизни в ожидании Кэла. Он подарил мне самый замечательный подарок, и я всегда буду благодарна за это. Но я никогда не прощу его за то, что его не было в жизни Кэйлен , – я понимаю, что мои слова звучат злее, чем я хотела. С момента рождения Кэйлен я не произносила его имени вслух или говорила с кем-то о нём. Думаю, я не могу не быть злой.

– У тебя есть полное право злиться. Я знала, что Кэл себе не изменит, но я никогда не думала, что он вытворит нечто подобное.

– Не ты одна, – тихо говорю я и целую Кэйлен в щёку. Она наконец-то уснула.

– Добрых снов, милая, – шепчет Хелен и выходит из комнаты. Прежде чем тоже выйти, я выключаю свет и включаю ночник.

Я спускаюсь по лестнице и вижу Рейвен, которая снимает своё пальто и пытается удержать три коробки с подарками одновременно.

– Слышала, я разминулась с именинницей.

– Рейвен, ты пришла! – широко улыбаюсь я, крепко обнимая её.

– Да, ты не поверишь, какие там пробки. Я должна была приехать два часа назад, – злобно говорит она, кладя подарки.

– Рейвен, не надо было, – ругаю её я. Она уже так много всего купила для Кэйлен .

– Конечно, надо. Ты ведь не думаешь, что я не купила бы своей любимой девочке что-нибудь на её день рождения? Но поскольку я старомодна, она не откроет их до своего настоящего дня рождения, –

игриво отчитывает меня Рейвен.

– Ну, понедельник – не лучший день для вечеринки. У всех работа или учеба.

– Скажи мне, что вы сделали кучу фотографий, – улыбается она, протягивая мне пальто.

Я забираю её пальто и вешаю в шкаф.

– Стивен всё записал. Я скажу, чтобы он переслал тебе всё на телефон.

Её улыбка слегка слабеет. Рейвен не нравится Стивен так, как мне хотелось бы.

– Стивен. Да, кстати, а где он? – спрашивает она, стараясь звучать весело, но я вижу незаинтересованность в её глазах.

– Он собирает новую кровать Кэйлен, – говорю я ей.

– Как это мило, – она замечает Хелен, которая присела на диван. – Здравствуй, Хелен, как поживаешь? – вежливо спрашивает Рейвен.

– Здравствуйте, мисс Брукс, – говорит Хелен, протягивая руку. – Всё в порядке, спасибо. Лорен, думаю, мне пора идти.

– Уже? – разочарованно спрашиваю я.

– Да, у нас с Декстером ещё встреча, которую никак нельзя пропустить, – с сарказмом ворчит она, забирая свою кожаную куртку.

– Ну, давай я заверну тебе торт, – говорю я прежде, чем она остановит меня.

– Никакого торта. Я уже на диете, не надо искушать меня, – улыбается она и обнимает меня.

– Ты в прекрасной форме, тебе не нужна диета, – серьёзно говорит Рейвен.

Хелен снисходительно улыбается ей.

– Что ж, спасибо, но есть одно платье, которое я очень сильно хочу купить на свой день рождения, так что я просто хочу сбросить пару фунтов, – подмигивает Хелен.

– Я провожу тебя, – говорю я ей.

– А я пойду посмотрю на маленького ангела. Буду рада, увидеть тебя снова, Хелен, – говорит Рейвен, прежде чем подняться вверх по лестнице.

Хелен кивает, и мы обе направляемся к лифту в холле.

– Так что, четверг – день спа, и в этот раз никаких отговорок! – ругает меня Хелен.

– Не буду, обещаю, – широко улыбаюсь я, пока она заходит в лифт.

– Я позвоню тебе завтра, – говорит она, и двери лифта закрываются.

Прежде чем они закроются, я успеваю помахать ей, меня пробирает дрожь, и я обнимаю себя руками – такое ощущение, что у них включен

кондиционер круглый год. Она имеет полное право упрекать меня. Я отменяла наш поход в спа уже больше, чем пару раз. Думаю, мои отговорки уже, наверное, устарели.

Возвращаюсь обратно в пентхаус. Вечеринка практически закончилась, и все мои мысли снова о Кэйлен, о её первом дне рождения, и о том, что её папы здесь нет.

– Ты в порядке? – я поднимаю голову и вижу Стивена, который странно смотрит на меня.

– Да, а что?

Он подходит ближе ко мне с сосредоточенным выражением лица.

– Ты выглядела немного странно.

– Я в порядке, – говорю я, выдавливая улыбку.

Его рука нежно касается моего лица, и я её не убираю.

– Точно? – спрашивает он со скептицизмом во взгляде.

Я слегка улыбаюсь.

– Теперь да, – боковым зрением я замечаю сзади какое-то движение и вижу, что Рейвен стоит наверху лестницы. Я отхожу от него и складываю руки на груди.

– Лорен, можно с тобой поговорить? – зовет тетя.

– Конечно, – быстро отвечаю я.

– Здравствуйте, мисс Брукс, – улыбается Стивен и дружелюбно машет ей рукой.

Рейвен натянуто улыбается ему, но ничего не говорит в ответ. Я бросаю на Стивена сочувствующий взгляд, но он только смеётся и идёт ко всем остальным.

Я направляюсь вверх в спальню Кэйлен, где её держит Рейвен.

– Она проснулась?

– Все нормально, малышка со мной, – говорит она. Рейвен садится в кресло-качалку и качает Кэйлен, играя с её черными локонами.

– Итак, вы со Стивеном достаточно сблизились с тех пор, как я видела вас вдвоём в последний раз.

Я вспоминаю то время, когда я ещё не была замужем и ещё не встречалась с Майклом. Тогда был Стивен. Со своими светлыми рыжеватыми волосами и светло-голубыми глазами, которые только дополняют его забавный характер, он всегда знает, как рассмешить меня; даже когда мы разошлись по обоюдному согласию, мы остались хорошими друзьями, чего не скажешь о моих отношениях с Майклом.

– Он мой друг, – быстро говорю я ей.

– Он всё ещё с той милой девушкой, которая была на твоём беби-

шауэре?

– Нет. Они расстались пару месяцев назад.

– Что ж, как удобно, – небрежно говорит тетя.

Я чувствую, как мой желудок завязывается в узел.

– Ладно. Давай не будем об этом. О чём ты хотела спросить меня?

– У тебя есть к нему чувства? – спрашивает она обыденным тоном, а Кэйлен сидит на полу и протягивает ей плюшевого мишку, чтобы поиграть.

– А что, если есть? Что, если у меня действительно есть к нему чувства? – раздраженно спрашиваю я.

Рейвен продолжает следить за Кэйлен .

– Ну, если ты забыла, ты всё ещё замужем.

– Фактически я не замужем, – резко отвечаю я.

Она быстро поворачивает ко мне голову:

– Не замужем? – шокированно переспрашивает она.

– Для меня замужество – это больше, чем клочок бумаги с двумя именами на нём.

– И что, ты собираешься возобновить с ним отношения?

– Слушай, я ничего не говорила об отношениях, – кричу я, и Кэйлен начинает плакать. Рейвен протягивает её мне, и я качаю её на руках.

– Лорен, думаю, пора перестать притворяться, что Кэла не существует.

После этих слов я окончательно роняю челюсть. И это моя Рейвен, единственный человек, который может упомянуть его имя в моём присутствии, но она никогда не была такой бестактной.

– Притворяться? Если бы! Думаешь, я просто могу заблокировать его у себя в голове? Позволь мне сказать тебе кое-что. Ты не знаешь, как тяжело мне быть здесь. Быть в этом доме, в котором, куда бы я не посмотрела, я вспоминаю что-то, что лучше бы забыла. Каждый раз, когда я закрываю глаза, он здесь, иногда, клянусь, я чувствую, как он обнимает меня, – я чувствую, как глаза начинают слезиться, и, слава богу, Кэйлен наконец-то успокоилась. Я кладу её обратно в кроватку и смотрю, как она засыпает. – Каждый раз, когда я смотрю на его дочь, я вижу его глаза, его улыбку, – я глажу Кэйлен по её темным кудрявым волосам. – Когда смотрю на неё, иногда я вижу только его, – единственная слеза катится по моей щеке, и Рейвен обнимает меня.

– Прости меня, милая. Я даже и подумать не могла, что я наделала. Не знаю, о чём я думала.

– Все нормально, – быстро говорю я, вытирая слезу. – Это первый раз, когда я позволила себе немного о нём поплакать за всё последнее время, – говорю я больше себе. Одна слеза – это не так уж и плохо, по сравнению с

тем...

– А что со Стивеном? – спрашивает Рейвен, выражение её лица мягче, чем раньше.

– Я не знаю, – честно говорю я, обнимая себя за плечи. – Он просто так мил и добр.

– И он здесь, – добавляет Рейвен.

– Да, – признаю я. – И это главное, – я подхожу к двери спальни и закрываю её. – Не знаю, искренние ли мои чувства, или это одиночество берёт своё, – говорю я ей, подбирая одного из медведей Кэйлен и играя с его лапами.

– Это понятно, – стоически говорит Рейвен. Я вижу, что ей неудобно об этом разговаривать.

– Я не хочу обидеть его, Рейвен. Я просто не знаю, что мне делать.

– Скажи ему, что ты чувствуешь. Всё, как ты рассказала мне – если ты чувствуешь, что сейчас самое время и из этого может получиться что-то стоящее. Тебе нужно разобраться с Кэлом и разводом. Он бросил вашу семью...

Меня передергивает от этих слов.

– Я не хочу сейчас об этом говорить, – в дверь кто-то постучал, спасая меня от того, к чему может привести этот разговор.

– Входите, – говорю я как можно громче, не разбудив при этом Кэйлен

.

Энджела заходит на цыпочках.

– Здравствуйте, мисс Брукс, – шепчет она, обнимая Рейвен. Я счастлива видеть, как сильно они сблизились друг с другом из-за меня. Без них эти два года могли быть просто кошмарными.

– Как ты, дорогая? – шепчет Рейвен, краем глаза следя за малышкой, которая переворачивается во сне.

– Все хорошо. Мне пора идти. Завтра нужно ужасно рано на работу, – смеётся подруга.

– Ты взяла себе торта? – спрашиваю я.

– Да, Стивен дал мне тарелку. Я просто хотела сказать, что уже ухожу, – говорит она и обнимает меня. – Увидимся, принцесса, – шепчет она, целуя Кэйлен в лоб.

– Спасибо, что пришла, Энджи. Я знаю, у тебя завтра будет длинный день.

– Я не могла такое пропустить, – говорит она, застегивая куртку. – А, Хилари заснула на твоём диване. Я хотела подбросить её домой, но ты знаешь, какая она вредная, если её будят, – смеётся Энджела.

– Не беспокойся о ней. Стивен может подвезти её или она может переночевать у меня, а я подвезу её завтра, – уверяю я её.

– Пойдем, проводишь меня, – жестами указывает Энджела. Она машет рукой Рейвен, и мы выходим из комнаты.

– До свидания, мисс Брукс.

– Езжай осторожно, дорогая.

Мы с Энджелой подходим к входной двери, и она останавливается, прежде чем открыть её.

– Ты в порядке?

– Просто устала, – улыбаюсь я, позволяя себе зевнуть. – Не думала, что устраивать вечеринку для годовалой девочки будет так утомительно, – смеюсь я.

– Мы больше потратили времени на приготовление, а не на саму вечеринку, – смеётся она и открывает дверь. – Не надо меня провожать. Лучше отдохни, ты выглядишь уставшей, – говорит подруга, нахмурившись.

– Джи, спасибо, – облегченно смеюсь я.

Она слегка улыбается.

– Ты знаешь, о чем я.

– Знаю, – вздыхаю я, смотря ей в глаза.

Мы с Энджелой сблизилась больше, чем с остальными, ведь она была со мной во время самого ужасного периода в моей жизни. Ей не надо гадать, почему или как я себя чувствую большую часть времени. Она просто знает.

– Эй, не забудь свой торт! – Стивен выходит из кухни с тарелкой, завернутой в фольгу.

– Спасибо. И, похоже, это ты везёшь Хилари домой, – Энджела игриво толкает его в грудь.

– Это ещё почему? – Стивен поднимает брови, изображая удивление.

– Ну, ты остался последний, так что ты выиграл, – смеётся Энджела, забирая у него тарелку.

– Проводить тебя? – спрашивает её Стивен.

– Я уже большая девочка, я могу и сама справиться.

– Напиши мне, когда доберешься до машины, – говорит ей Стивен. Его инстинкт старшего брата пробивается наружу, и я не могу сдержать улыбку.

– Напишу, папочка, – дразнит она, – Пока, ребятки, – говорит она, закрывая за собой дверь.

Я запираю её на замок.

– Теперь настало весёлое время уборки! Ура!

– Так много веселья, я сам справлюсь, – с поддельным энтузиазмом

говорит Стивен.

– Нет. Я не могу тебе этого позволить, – говорю и начинаю убирать игрушки Кэйлен, разбросанные на полу.

Он смеётся и забирает игрушки у меня из рук.

– Ой, да ладно, для меня уборка – веселее некуда.

– Точно? – в последнее время этот мужчина так много делает для меня.

– Абсолютно. А ты иди ложись. Уверен, Кэйлен тебя вымотала.

Я смотрю на его легкую улыбку и чувствую, что краснею.

– Стивен, – нервно говорю я и начинаю потирать пальцы. – Рейвен остаётся ночевать, что гарантирует мне наличие няни завтра. Я уже какое-то время никуда не выходила, и хотела спросить, не хотел бы ты... не хотел бы ты пообедать со мной? – такое ощущение, что мне снова четырнадцать.

Я вижу, как выражение его лица добреет, а затем на нём расцветает застенчивая улыбка.

– С радостью.

Я начинаю смеяться.

– Почему я чувствую себя так, будто вдруг оказался в старшей школе? – дразнится он.

Я смеюсь.

– Встретимся в одиннадцать?

– Конечно.

– Хорошо. Ладно, на случай, если я усну до того, как ты уйдешь, спокойной ночи, – и следующее, что я делаю, удивляет даже меня. Я целую его в щёку.

Стивен выглядит удивленным, но затем замечает что-то за мной, и его глаза расширяются. Я поворачиваюсь и вижу Рейвен за своей спиной. Чёрт.

– Я пришла помочь с уборкой, – удивленно говорит она.

– Время веселиться, – дразнит он.

Рейвен улыбается. Я не могу не улыбнуться ей в ответ. Вообще-то, она к нему добра.

– Ну, не буду мешать вам, двое сумасшедших детей, – смеюсь я направляясь к лестнице. Она машет мне рукой, а затем они начинают уборку. Я чувствую себя счастливой. Я рада, что Рейвен даёт ему шанс.

Когда я поднимаюсь на второй этаж лофта, я тайком захожу в комнату Кэйлен, чтобы убедиться, что она спит, а затем направляюсь в свою спальню. Когда дохожу до неё, я закрываю за собой дверь и подхожу к зеркалу. При виде себя я вздыхаю. Когда у тебя есть дети, твой стиль стопроцентно изменится. Теперь для меня шикарная одежда – это чистая

футболка и джинсы, и своим утюжком для волос я сушила то, что раньше НИКОГДА не подумала бы.

Я беру радио-няню с комода и утаскиваю её с собой в кровать. Как только я ложусь, понимаю, что лежу на игрушке Кэйлен «Speak and Say». Двигая её на другую сторону кровати, я смеюсь над тем, как много всего поменялось за эти два года. Я зеваю и чувствую, как засыпаю.

– Милая, я забыла раствор для контактных линз. Я сбегаю в аптеку за ним, – говорит Рейвен, стоя в дверях моей спальни. – Закрой за мной дверь.

– Хорошо, – говорю я, зевая. Еще пару минут...

* * *

Я просыпаюсь от плача Кэйлен . Должно быть, я уснула. Рейвен, наверное, ещё не вернулась. Встаю с кровати и направляюсь к Кэйлен , но когда я пытаюсь открыть свою дверь, она не открывается. Сквозь меня проходит волна паники, и я бешено верчу ручку, но та не поддаётся. Я не могу выбраться! Я не могу добраться до моей малышки! Поворачиваюсь и хватаю телефон, чтобы позвонить Рейвен.

– Шшш, не плачь, милая. Папа ведь не плачет, а ты совсем как папа, – от голоса из радио-няни у меня появляются мурашки. Я слышу, как малышка перестала плакать. – У меня для тебя кое-что есть, – говорит голос снова. Моё сердце бешено бьется, но я не могу пошевелиться. У меня получается только поднести радио-няню к уху.

– Я скучал по тебе. Никто не мог помешать мне, увидеть тебя сегодня, – у меня сдавило грудь, я напоминаю себе дышать. Через несколько секунд из радио-няни до меня слабо доносится голос Рейвен, и я роняю её на пол. Я снова вернулась в реальность, это не сон.

– Это Кэл! – говорю я, не веря своим ушам, ослабляя хватку, я роняю телефон, и пытаюсь снова поднять его.

– По твоей маме я тоже скучал. Я просто не хочу все усложнять, не хочу обидеть её снова, – говорит он. По моим щекам текут слёзы.

Он слегка смеётся.

– Тебе повезло, ты видишь её постоянно. Возможно, это был не самый разумный поступок. Жаль, что я не могу разорваться пополам, это бы всё так упростило.

Проходит ещё несколько секунд, и я слышу звук, который издаёт Кэйлен , когда её что-то очаровывает, и она пристально это изучает.

– У меня не получится увидеться с тобой ещё какое-то время, да и сейчас у меня не так много времени... – тон его голоса меняется, и теперь вместо сожаления в нём слышится настойчивость.

Вдруг, моё тело снова способно двигаться.

– Кэл! – кричу я, изо всех сил пытаюсь открыть дверь. Я не могу к нему добраться.

– Кэл, подожди! – кричу я снова. Я не знаю, сколько проходит времени, пока я пытаюсь открыть дверь, но наконец-то я слышу приближающиеся шаги. Когда я прекращаю кричать и наваливаться на дверь, я могу почувствовать тишину. Я отхожу от двери, сердце хочет выскочить из груди. Ручка поворачивается, и я перестаю дышать. Но когда дверь открывается, передо мной стоит Рейвен.

– Лорен, что случилось? Ты бросила трубку, а дверь была не заперта, ты кричишь изо всех сил... – гневно спрашивает Рейвен.

– Кэл, – я бегу мимо Рейвен в спальню Кэйлен . Она смотрит на меня из своей колыбели и улыбается мне. Я открываю её шкаф и вижу, что там никого нет. Рейвен бежит за мной в комнату.

– Лорен, дорогая, что-то не так? Что случилось? – она подводит меня к шезлонгу и усаживает, обнимая меня.

– Он был здесь, он был здесь, Рейвен, – бормочу я в промежутках между всхлипываниями.

– Кэл был здесь? – недоуменно спрашивает она.

– Он был здесь! Он был здесь с Кэйлен , разговаривал с ней, – хнычу я, стараясь перевести дыхание.

– Ты видела его? – спрашивает Рейвен, с очевидным замешательством на лице.

– Я-я слышала его. По радио-няне, я слышала, как он разговаривал с ней, – я шмыгаю носом.

Её лицо меняется.

– Дорогая, ты видела его на самом деле? – беспокойно переспрашивает тетя.

– Нет, Рейвен, но я слышала его. Меня заперли в комнате. Должно быть, он запер дверь! – кричу я на неё.

– Дорогая, ты уверена, что тебе это не приснилось? – спрашивает она, пытаюсь обнять меня, но я отстраняюсь.

– Нет, – говорю я ей, начиная плакать ещё сильнее. Она недоверчиво смотрит на меня. – Да не спала я, чёрт возьми! – кричу я. Теперь она выглядит озадаченно. Я понимаю, что сказала грубость, и вытираю щёки. – Прости, – начинаю плакать снова. – Но это был не сон. Я знаю, это был не сон, Рейвен!

– Откуда ты знаешь, милая? – спокойно спрашивает Рейвен, как будто если она будет говорить ещё громче, то это выведет меня из себя.

– Потому что я не спала. Мне снились сны до этого, и это был не сон!
– я пытаюсь убедить её, несмотря на то, что от крика у меня уже болит горло.

– Может, ты это придумала.

– Ничего я не придумывала. У меня нет галлюцинаций!

– Я не говорила, что они у тебя есть, – быстро отвечает она.

Я встаю и подхожу к шезлонгу, в котором я обычно читаю Кэйлен , и ложусь на него, закрываю лицо руками.

– Почему сейчас, Рейвен? Почему после почти двух лет, я вдруг ни с того ни с сего начала придумывать? – вскрикиваю я.

– Ну, сегодня – день рождения Кэйлен , может это послужило причиной. Может, ты себя плохо чувствуешь из-за того, что у тебя чувства к Стивену, я не знаю! – Рейвен пытается найти причину.

Я смотрю на её лицо: она не поверит мне, не важно, что я скажу.

– Лорен, давай выпьем чаю. Я волнуюсь за тебя, – говорит тетя, выходя из спальни. Я сердито смотрю на неё, она вздыхает и идёт в холл. Я беру Кэйлен к себе на руки. Направляюсь в её комнату, громко закрывая за собой дверь. Сажусь на кровать и прижимаю её к себе, слава богу, с ней всё хорошо.

– Ты ведь знаешь, что мамочка не сошла с ума, да? – спрашиваю её я. Малышка протягивает свои маленькие ручки и машет ими, ударяя меня по лицу. Я не могу не рассмеяться.

– Может, я и сошла с ума. Может, я придумала это все, – бормочу я себе под нос. Затем я замечаю браслет из белого золота на её крошечной ручке, который я раньше никогда не видела. На нём курсивом выведены буквы «П.М.Д». Я хмурюсь, понятия не имея, что это значит.

– Но я знаю, что я не сумасшедшая, – облегченно вздыхаю я, обнимая её снова.

Глава 28

7 февраля 2011 года

Сегодня наша двухмесячная годовщина, и я в восторге. Кэл вернётся домой из Нью-Йорка в любую минуту, а от страстных звонков и сообщений, которыми мы обменивались, я готова запрыгнуть на него в ту секунду, когда он постучит в дверь. Но я не буду. Эта ночь будет особенной. У меня все запланировано. Любимая группа Кэла играет в «TheCave», и все билеты раскупили, но мне удалось достать парочку у Райана, и после ужина на крыше Люк, начальник Хелен будет играть, а после этого будет

любимый десерт Кэла: я, как ему захочется.

Когда я слышу, как открывается дверь, я бегу к ней и прыгаю в объятия Кэла, обхватывая его ногами.

– Привет, красавица, – он широко улыбается, прежде чем я атакую его губы. Мужчина легко удерживает меня одной рукой, затем кладёт на пол свою сумку, всё ещё придерживая меня другой.

– Я скучала по тебе, – мурлычу я, целуя его шею.

– Покажешь мне, как сильно? – говорит он, поднося меня к дивану. Кэл начинает расстёгивать мой свитер, и я отстраняюсь от него. Его лицо становится грустным, и я смеюсь.

– Позже, детка, – говорю я, слезая с него.

– Позже? – спрашивает он с таким разочарованным лицом, будто ему пять лет. Он всё ещё идёт за мной, но я продолжаю от него отдаляться.

– Да, у меня всё запланировано. Просто наберись терпения, – таинственно говорю я.

– А как же радушный приём? Это приветствуется, но не обязательно. Я хочу сейчас, – говорит Кэл, поймав и подняв меня.

Я смеюсь, но потом перестаю.

– Ты не знаешь, какой сегодня день? – спрашиваю я немного разочарованно – хотя и не очень сильно. Он ведь мужчина.

– Сегодня же не твой день рождения, да? – спрашивает Кэл.

Я хмуро смотрю на него, и он опускает меня на пол.

– Нет, это всё равно глупая затея, – говорю я, стараясь показаться безразличной. Я подхожу к нашему дивану и сажусь.

Мужчина хмурит брови.

– Детка, не нужно ждать от меня, что я буду помнить все эти идиотские даты, потому что ты меня сильно расстроишь, если это так, – говорит он, садясь на корточки, так что теперь наши глаза на одном уровне.

– Серьёзно, Кэл – говорю я, не веря своим ушам.

– Что? – спрашивает он, а я проскальзываю мимо него.

Он довольно ясно дал мне понять, не ждать от него чего-то потрясающего или запоминающегося. Интересно, отпуск считается? Может, ты и не празднуешь годовщину каждый месяц, ведь прошло только два, но это были самые счастливые два месяца в моей жизни. Какая я дура, хотела отпраздновать с ним, из-за него мне определенно придется это переосмыслить.

– Ты злишься, – вздыхает он, направляясь за своим чемоданом.

– Нет. Ну, хотя да, я злюсь. Я могу простить тебя за то, что ты забыл о нашей годовщине, хотя прошло только два месяца, но если ты думаешь, что

я буду прощать тебе каждый праздник, о котором ты забыл, то... – я умолкаю, так как он вытаскивает прекрасную черную коробку, перевязанную красной лентой. Кэл кладёт её мне на колени. Я поднимаю на него взгляд, и он многозначительно улыбается, сложив руки на груди.

– Что вы говорили, миссис Скотт?

По моему лицу расплывается широкая улыбка, и я закатываю глаза.

– Ты придурок, ты знаешь об этом? – смущённо говорю я, развязывая красный бант.

Мужчина садится рядом со мной, целует в шею и наблюдает, как я осторожно снимаю красную ленту.

– Давай, детка, разорви обёртку! – нетерпеливо торопит он и щекочет меня.

– Ладно, ладно. Просто она такая красивая, – говорю я, разворачивая обёрточную бумагу, и когда вижу золотистую коробку с надписью «Christian Louboutin», я замираю. Кэл смотрит на меня, и по его лицу расплывается широкая улыбка.

– Да ладно! – говорю я, и лихорадочно открываю коробку и вижу пару вишнево-красных замшевых туфель, украшенных золотистыми стразами – точно такие же, как у Джессики Альбы на каком-то вечере, и я заставила его смотреть на них вместе со мной. – Боже мой, Кэл! – говорю я, чувствуя себя ужасно за то, что рассердилась на него.

– Прочти открытку, – говорит он с улыбкой, указывая на крошечную карточку между туфлями. Я открываю её и читаю вслух.

– Эти туфли выглядят так, будто они прямо из сказки «Волшебник из страны Оз», и поскольку иногда я как торнадо, принесший тебя в Оз, думаю, ты можешь носить красные туфельки Дороти. А если я уеду и потеряюсь, ты можешь постучать каблуком, и я найду дорогу домой.

Я смотрю на него, а Кэл смущённо смотрит вниз.

– Это банально, да? – спрашивает он со смущенной улыбкой.

Я киваю и забираюсь ему на колени.

– Так же банально, как и то, что ты стал моим Прекрасным Принцем, – говорю я, обхватывая руками его лицо и нежно целуя его в губы.

Он обнимает меня за талию, удерживая у себя на коленях.

– Ты наденешь их для меня? – говорит Кэл с похотливым блеском в глазах.

– У меня есть идеальное белое платье под них, – говорю я, проводя рукой по его волосам.

– Без платья. Только туфли, – говорит он, прикусывая губу с игривой улыбкой, но я знаю его уже довольно долго, и знаю, что он серьёзно.

– Позже, – обещаю я. – Мне нужно бежать и забрать твой подарок, – говорю я, слезая с его колен. Я подбегаю к консольному столику и хватаю свою сумочку.

– Нет, ты можешь быть моим подарком, – умоляюще говорит мужчина, и я смеюсь.

– Буду. Ночью, – снова обещаю я, дойдя до двери. Кэл похож на грустного щеночка. – Не смотри на меня так, – смеиваюсь я. – Нет. Пять футов, – говорю я угрожающе, держась за дверную ручку, и смеюсь. Знаю, что если он подойдет ближе, то я пропала.

– Надеюсь, что ты успела выспаться, пока меня не было. Потому что ты не будешь спать всю ночь, – говорит Кэл, угрожая не по-настоящему, и от этой мысли моё тело оживает.

– Выспалась, – говорю я, подмигивая ему, а затем проскальзываю в дверь.

* * *

Когда я возвращаюсь домой, то слышу телевизор, а Кэла нигде не видно. Беру пульт и выключаю его. Я уже собираюсь звать Кэла, но затем я понимаю, что он наверху.

Поднимаюсь наверх и слышу, как орёт Кэл, как будто с кем-то спорит. От того, насколько мощно звучит его голос, я останавливаюсь, не зная, стоит ли мне пойти обратно вниз и оставить его одного или мне надо ворваться в комнату. Но я не слышу кого-то ещё, кто отвечает Кэлу. Направляюсь к лестнице и останавливаюсь как раз возле двери.

– Чёрт, да я в бешенстве! Я не могу перестать принимать их. Что мне делать, чёрт возьми? Ты сказал, что был уверен, прежде чем я сделал это. Это всё меняет! Я не собираюсь прекращать – Декс, я тоже мог бы! И как я должен объяснить это? Я не буду. Я не могу ввязывать её в это дерьмо. Что ж, выясни это поскорее.

Моё сердце бешено бьётся, а ноги прикованы к полу. Единственное, что заставляет их шевелиться – глухой звук за стеной. Я стараюсь выяснить, что мне делать. Не знаю, что происходит, но я никогда не слышала, чтобы Кэл так злился, когда говорил с Декстером. Не знаю, почему, но я разворачиваюсь к лестнице, и когда дверь открывается, я притворяюсь, что как раз поднимаюсь по ней.

Выходит Кэл, его лицо излучает злость. Он смотрит на меня, и выражение его лица меняется на какое-то другое. Кажется, он полон раскаяния.

– Кэл, что случилось? Ты выглядишь расстроенным, – говорю я, голос выдаёт моё беспокойство.

– Эм, – выдыхает он и закрывает лицо рукой, и я вижу, что его рука покраснела и расцарапана.

Я избегаю по лестнице к нему и беру его запястье.

– Кэл, что ты сделал? – лихорадочно спрашиваю я, ведя его в гостевую ванную.

– Только не злись, но я пробил дыру в стене, – говорит он обыденным тоном, пока я мою его руку.

Я резко поворачиваю голову в его сторону.

– Зачем ты это сделал?! – говорю я, хватая нашу аптечку и вытаскивая антибактериальные салфетки.

– Декс реально меня выбесил, – говорит Кэл, садясь на край ванной, пока я очищаю его руку.

Я киваю и делаю глубокий вдох.

– Я вроде как услышала, что ты говорил с ним, – признаю я, виновато смотря на него. Его глаза на секунду округляются, а затем возвращается его спокойная манера. Я хочу, чтобы он сказал что-нибудь, но он молчит.

– Это как-то касалось меня? – спрашиваю я, садясь к нему на колени.

– Я... мне надо будет уехать, меня не будет дольше, чем я думал, – говорит он, взгляд устремлен в пол. Я делаю глубокий вдох и улыбаюсь.

– Хорошо. Ну, то есть, это не хорошо, но из-за этого не стоит пробивать стены, – дразню его я, проводя рукой по его волосам. Если у нас когда-нибудь будут дети, надеюсь, у них будут его волосы. Они густые, блестящие и роскошные, как будто он снимается в рекламе шампуня. – Я уже большая девочка, – добавляю я, стараясь успокоить его, но на самом деле моё сердце ушло в пятки.

На его лице появляется тень улыбки, но затем пропадает.

– Я себя неважно чувствую, детка. Будет ужасно, если мы сегодня никуда не пойдём? – спрашивает Кэл, всматриваясь в моё лицо, и я не показываю и намёка на разочарование.

Я широко ему улыбаюсь.

– Нет, детка. Раз ты себя плохо чувствуешь. Мы пойдём в другой раз, – с улыбкой вру я, скрывая разочарование.

– Точно? Потому что ты можешь заняться чем-нибудь, если хочешь, а я просто полежу, – говорит он, обхватывая мой подбородок и смотря мне в глаза, как будто он пытается найти мои настоящие чувства.

Но я не позволю ему их увидеть. Я знаю, что бы там не случилось во время того разговора, Кэл будет думать только об этом, мысленно находясь в тысячах миль от меня.

– Нет, отдохни. Ты ведь только вернулся домой, и, наверное, ещё не

привык к разнице во времени. Все нормально, – уверяю я его, нежно целуя в губы.

– Я подстроюсь под тебя, – говорит мужчина, пока я слезаю с его колен и улыбаюсь. – И тебе не нужно сидеть здесь со мной. Позвони подругам и сходи с ними куда-нибудь, – настаивает он, заходит в спальню и ложится на кровать.

– Я не собираюсь проводить с ними нашу годовщину. Главное, что я с тобой, вот что важно, – говорю я, забираясь на кровать рядом с ним.

Кэл обнимает меня одной рукой и прижимает к себе.

– Ты ведь знаешь, что я люблю тебя, да?

Мне бы хотелось, чтобы его голос звучал веселее, как обычно, но он звучит печально.

– Конечно, знаю, – говорю я, смотря на него с любопытством.

– Нет, серьёзно, – Кэл разворачивает меня лицом к себе. Мы смотрим друг другу в глаза. – Не важно, что. Что бы ни случилось это не важно, при любых обстоятельствах, – он берёт мою руку, кладёт её себе на грудь и держит её там. – Ничто никогда не отнимет тебя от меня, – я пытаюсь придумать, что сказать. Его слова тяжело повисли в воздухе, и он продолжает. – Даже если так и не кажется, всегда знай, что я тебя очень сильно люблю. Я никогда не любил никого так, как тебя, и даже, если я всё испортил...

Я обхватываю руками его подбородок.

– Кэл, ты пугаешь меня. Всё в порядке? – спрашиваю я, поднимаясь и опираясь на локоть.

Серьёзность исчезает с его лица, и теперь на нём красуется веселая ухмылка.

– Да, я просто пытаюсь переспать с тобой, – шутит Кэл, а затем снова прижимает меня к себе.

Я улыбаюсь, но все равно меня пробирает чувство тревоги, и я не могу его игнорировать.

– Ты можешь рассказывать мне всё. Ничто не заставит меня разлюбить тебя. Ты всегда будешь моим Кэлом, – честно и искренне говорю я, игнорируя его игривый взгляд.

– Знаю. Поэтому я и люблю тебя, – говорит мужчина, а его мальчишеская улыбка успокаивает мою тревогу. Пока он целует меня, она медленно исчезает.

Я отвечаю на его поцелуй и кладу голову ему на грудь. И хоть Кэл и выставил свою речь как попытку заняться сексом, он не прикасается ко мне так, чтобы я могла в это поверить. Он держит меня, как будто

наслаждается моментом, и я лежу в его объятиях до тех пор, пока мы оба не засыпаем, чем я тоже наслаждаюсь.

Глава 29

9 мая 2013 года

Когда стучат в дверь, я стараюсь успокоиться. Я уже согласовала с охраной, что Стивен – мой гость, так что ему не нужно ждать разрешения, чтобы попасть на мой этаж.

– Привет, – его голос звучит жизнерадостно, а выражение лица добродушное, но до тех пор, пока его глаза не переключаются на мою одежду, и он видит, что я одета в большую красную футболку и джинсы. Не совсем подходящий наряд для свидания.

– Привет, – говорю я, стараясь убрать дурное предчувствие.

– Ты готова идти? – скептически спрашивает он.

– Мне надо с тобой поговорить, – говорю я, приглашая его зайти.

– Хорошо, – Стивен сомневается, но идет за мной.

Я закрываю дверь и делаю глубокий вдох.

– Можешь присесть ненадолго? – указываю на диван, он кивает и садится. Я сажусь на стул напротив него, а не рядом с ним.

– Что-то случилось? – спрашивает он, чувствуя всю неловкость момента.

– Кэл был здесь прошлой ночью, – наспех говорю ему я.

Обеспокоенное выражение его лица сменяется ошеломленным.

– Оу, – говорит Стивен, округляя глаза и роняя челюсть. – Вау. Он вернулся? Он здесь? – говорит он, оглядываясь по сторонам.

– Нет, ты не понимаешь, – смеюсь я. – Он не вернулся. Он... Я слышала его вчера в комнате Кэйлен, – я жду от него хоть какой-то реакции, но его лицо не меняется. – Я слышала, как он говорил с ней, и когда я его услышала, меня это вроде как взбесило, – я встаю и принимаюсь мерить шагами комнату.

– Я не понимаю, – говорит мужчина так же растерянно, как и выглядит.

– Ну, вообще-то я его не *видела*, но я знаю, что он был здесь. Он запер меня в моей комнате.

Его рука скользит по лицу. Когда я говорю это вслух, то понимаю, насколько безумно это звучит.

– Ты уверена, что это был он? – со вздохом спрашивает он.

– Я бы поклялась жизнью.

Он кивает.

– Итак, я полагаю, обед отменяется, – сухо смеется он.

– Я думала, что готова двигаться дальше. Правда, но я не... Я... Мне очень жаль, – мой взгляд прикован к полу, я чувствую себя слишком виноватой, чтобы смотреть на него. Он подходит ко мне и кладет руки мне на плечи. Я смотрю на него, избегая его глаз. Не знаю, что сказать.

– Все это время, проведенное с тобой, помогло мне понять, как сильно я скучал по тебе. Я снова начал влюбляться в тебя, – признается Стивен, делая мой укол смущения и вины еще острее. – Вчера вечером, когда ты пригласила меня пообедать, я думал, что это был знак. Я не хотел говорить, что чувствую к тебе. Я не хотел, чтоб ты думала, что я проводил время с тобой и Кэйлен из-за какого-то тайного плана, потому что это не так, и это до сих пор правда. Но мои чувства изменились, и я не могу больше просто наблюдать, – продолжает он.

Затем он смотрит прямо мне в глаза.

– Я знаю, через что ты прошла из-за него. Даже когда ты улыбаешься, в твоих глазах грусть. Теперь, когда ты думаешь, что слышала его голос, ты выглядишь такой счастливой, какой я не видел тебя за этот год. Я не могу с этим соперничать.

Я моргаю, пытаюсь смахнуть слезы. Да что со мной не так? Передо мной стоит отличный парень, а я могу думать только о Кэле.

– Не плачь, – говорит он, обнимая меня.

– Ты не ненавидишь меня? – хнычу я ему в грудь.

– Нет. Я это переживу. Обещаю, – говорит он с легким смешком. Я также не могу сдержать улыбку.

– Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. Ты заслуживаешь быть счастливой с Кэйлен, – говорит он, целуя меня в лоб.

– Однажды ты, правда, кого-то осчастливишь, – улыбаюсь я, хлопая его по руке, и мы расходимся.

– Ерунда, – шутит Стивен. – Ну что, тогда я пойду. Умираю с голоду, – говорит он, потирая свой живот. – Знаешь, мы все еще можем пойти, если хочешь...

– Я уже перекусила до того, как ты пришел, – признаюсь я, немного смутившись. – Вообще-то, я могу тебе что-нибудь приготовить. Салат или... кашу? – я хмурюсь, осознавая тот факт, что мне действительно нужно научиться готовить.

Мужчина смеется.

– Нет, я наверно захвачу где-нибудь бургер или типа того, – говорит он, направляясь к двери.

Я иду за ним.

– Спасибо за то, что ты такой... – начинаю я, но он поднимает руку.

– Мы ведь не хотим, чтобы стало неловко или слишком эмоционально, – смеется Стивен, и я киваю. – Увидимся позже, – говорит он, хлопая меня по руке.

Я провожаю его до двери и смотрю, как он спускается в холл к лифту. Интересно, правильно ли я поступаю? Ведь он прекрасный парень, который хочет меня, несмотря на все мои проблемы, и он милый, забавный и красивый, и которого я отшиваю ради чего? Я даже сама пока не уверена. Тем не менее, Стив заслуживает кого-то, кто будет любить его всем сердцем, а не женщину, которая уже свое отдала. Я машу ему, когда он заходит в лифт, и дверь закрывается, прекращая мой невинный, но многообещающий роман.

* * *

Звонят в дверь, и я смотрю на экран домофона. Внизу стоит Хилари. Хм-м-м. Она не говорила, что зайдет сегодня. Впускаю ее и бросаю взгляд на часы. У меня еще есть час, пока Рейвен не вернется с Кэйлен из зоопарка. Я убираю с дивана одеяло и складываю его как раз, когда Хилари стучит в дверь. Я открываю, и подруга влетает внутрь, очевидно, с поручением.

Вдруг она оборачивается.

– Ты отшила Стивена?

– Что?

– Боже, Лорен, да что с тобой не так? – восклицает она. – Ты разве не знаешь, что он уже пару месяцев в тебе души не чает? А потом ты, наконец, просыпаешься и видишь это, и бросаешь его, потому что думаешь, что услышала Кэла?

– Подожди минутку. То есть ты знала, что Стивен чувствовал все это время, и не сказала мне?

– Я не знала, что ты сама чувствуешь, и не хотела рушить все между вами двумя, если бы ты вдруг не чувствовала то же самое, – просто заявляет она. – И с чего ты вообще взяла, что слышала Кэла? Это еще что такое?

Я пытаюсь сохранять спокойствие. Открываю рот, чтобы что-то ответить, но она перебивает меня.

– Лорен, его уже давно нет, ты не думаешь, что пора забыть о нем? Господи, я думала, что ты уже давно с этим покончила!

– Постой, Хилари, тебе надо успокоиться. Ты совсем не знаешь о том, что происходило со мной, так что прежде, чем приходить сюда и

наказывать кого-то, ты должна знать, что происходит, – вот почему я не рассказываю ей. Вот именно поэтому сначала я иду к Энджеле.

– Ок, ладно. Тогда расскажи мне, что происходит, – требует она, нетерпеливо топая ногой.

– Я проснулась от того, что услышала по радио-няне плач Кэйлен. Когда я попыталась пойти к ней, то поняла, что моя дверь заперта, а затем я услышала, как с ней говорил Кэл. Я не могла прийти к ней, потому что не могла выйти из комнаты. К тому времени, как Рейвен вернулась из аптеки и выпустила меня, его уже не было.

– И по этой причине ты упускаешь свой шанс быть со Стивенем? Ты даже его не видела, Лорен, – говорит она с пренебрежением.

Ее тон бесит меня.

– Я не думаю, что мне показалось. Я знаю, что слышала. У меня есть доказательство, – говорю я ей, подходя к стойке и протягивая ей браслет Кэйлен.

– «П.М.Д». Что это вообще значит? – спрашивает подруга, смотря на браслет так, будто он бессмысленный.

– Это значит «Папина маленькая девочка». Когда Кэл говорил с ней, я слышала, как он сказал, что у него для нее кое-что есть. Это был браслет!

Она вздыхает, явно не взволнованная этим, и протягивает браслет мне.

– Ты не поняла? – продолжаю я. – Я слышала, как с ней говорил Кэл, и затем у нее вдруг из ниоткуда появляется браслет с этой аббревиатурой. Скажи мне, как такое возможно, – требую я.

– Ок, ну и что? Давай отбросим весь скепсис и скажем, что это был он. Если бы он, правда, был здесь, что тогда происходит сейчас? Ты собираешься сидеть здесь и ждать, пока он опять не появится?

Я открываю рот, чтобы что-то ответить, но у меня нет слов. Я не знаю, что сказать.

– Если он, правда, вернется, тогда что? Ты собираешься принять его с распростертыми объятиями, начать с чистого листа, забыв тот факт, что он два года был пропавшим без вести, занимаясь бог знает чем, или кем, и для тебя это нормально? Это просто фантастика, что он бросил тебя одну, беременную, самой растить Кэйлен, а потом может вот так запросто заявится, когда ему вздумается? – с издевкой спрашивает меня она.

То, как она говорит о Кэле, что-то разжигает во мне.

– Ты не понимаешь. Когда я слышала, как он говорил с ней, мне показалось, что его как будто держали подальше от нас. Это был не его выбор, – я защищаю его. Я собираюсь сказать еще один комментарий в его защиту, но снова звонят в дверь, и в мониторе я вижу Энджелу. Встаю и

нажимаю кнопку, впуская ее внутрь.

– Ладно, давай представим, как бы смешно это ни было, что нечто очень важное заставило его бросить семью, а теперь он может вернуться. А как насчет всех тех проблем, которые у тебя с ним были до того, как он ушел? Все просто начнется заново? Ты будешь притворяться, что этого никогда не было? Не говори мне, что ты переборола свое отчаяние, – говорит Хилари, смотря мне в глаза.

Я отворачиваюсь, чувствуя, как горят щеки. Как бы сильно я не хотела это признавать, она права. Я игнорировала все, что не должна была. Я провожу рукой по волосам и разочарованно закрываю руками лицо.

– Слушай, Эл, я твоя подруга. Даже если мы в последнее время не были так близки, как раньше. Я не хочу видеть, как тебе больно. Не хочу видеть, как ты *снова* избавляешься от чего-то, что случайно стало подлинным в мире, полном страданий, – продолжает она, а я кусаю губу, стараясь не кричать на нее.

Стук в дверь прерывает речь Хилари. Я открываю дверь, и в пентхаус влетает Энджела.

– Где именинница? – весело спрашивает она нараспев, держа в руке подарок. Ее улыбка исчезает, когда она видит мое лицо. – Что происходит? – спрашивает девушка, переводя взгляд с меня на Хилари.

– Вчера ночью я слышала Кэла, – говорю я ей.

– Она *думает*, что вчера ночью слышала Кэла, – поправляет Хилари.

– Я знаю, что слышала его. Я же показала тебе браслет! – кричу я на нее.

– Подожди. Что?! – Энджела озадачена и шокирована услышанным и тем, как мы с Хилари перекрикиваемся.

Я показываю ей браслет и кратко пересказываю, что произошло вчера.

– Думаю, мне надо присесть, – выдыхает она, присаживаясь рядом с Хилари.

Энджела с сочувствием смотрит на меня, а Хилари с неверием.

– Ты ведь веришь мне, Энджи? – с надеждой спрашиваю я ее, фокусируя взгляд на более оптимистично настроенной стороне дивана. Мне нужен кто-то, кто хотя бы признает возможность, что все мои слова – правда.

– Лорен, я не знаю, что сказать. Правда не знаю, – тихо вздыхает она.

– Она хочет сказать то же самое, что я уже тебе сказала, – ворчит Хилари.

– Хилари, заткнись, – резко говорит ей Энджела.

– Нет, я не заткнусь! Скажи ей, что это безумие! – кричит Хилари в

ответ. Она хватается за голову и закрывает глаза. – Это сведет меня с ума! Не пойми меня неправильно, Лорен. Мне нравился Кэл. Я думала, что ошибалась на его счет, но он оказался именно таким, как я и ожидала, – говорит она, поднимаясь. – Суть в том, что если бы он любил тебя, то сейчас его задница была бы здесь. Он бросил тебя, когда ты нуждалась в нем больше всего, и совсем не на неделю. Прошло уже почти два года. А ты сидишь здесь и плачешь, сохнешь по нему, словно он ушел на войну! – восклицает подруга.

– Я не просто так сижу здесь. У меня есть работа, и я ращу Кэйлен !

– Да, та еще жизнь. Ты редактируешь те дерьмовые рукописи, потому что можешь делать это одна, закрывшись от всего мира. Ты ведь собиралась стать художницей и путешествовать по миру, так что случилось?! – ее слова сильно меня задевают, потому что в них есть доля правды. – Он бросил тебя, а ты все еще здесь, чахнешь, как маленькая верная женушка.

– Хилари, перестань! – кричит на нее Энджела, смерив ту взглядом, а затем с сочувствием посмотрев на меня.

– Никто не может говорить тебе такое, но я не собираюсь врать или игнорировать то, что здесь происходит. Вот почему я была та-а-а-к счастлива видеть, как ты снова потеплела к Стивену, а затем я узнаю это!

– Кэл обещал мне, что он не бросит меня из-за другой. Он только сказал, что ему надо уехать. Кэл делал много всяких поступков, но он никогда не лгал, – резко говорю я ей.

– Откуда ты знаешь? Потому что он сказал, что не врет? – смеется Хилари.

Моя кожа горячая, а сердце колотится, как бешеное.

– Кэл – кто угодно, но только не лжец! – я подхожу к ней, так что теперь мы стоим лицом к лицу. Энджела быстро подсакивает к нам, готовая вмешаться в этот нарастающий конфликт.

– Нет, Лорен! Ты знаешь его так же, как и я, то есть плохо, – кричит она, и моя злость начинает таять, на ее место приходит уныние. Я вижу, как с ее лица тоже сходит злость.

– Лорен, – ее тон смягчается, – я должна была показать тебе это сразу, когда я это нашла, – говорит Хилари. – Я не знала, что делать. Я не хотела сделать тебе больно. Я подумала, что если ты не узнаешь...

– О чем ты говоришь? О чем она говорит, Энджи? – сердито спрашиваю я ее, пытаясь не поддаваться тем словам, которые говорит Хилари о Кэле.

– Я, я не знаю, – говорит Энджи, удивленная не меньше меня. – Лучше

присядь, – тихо говорит она мне.

– Что? – спрашиваю я ее, быстро посмотрев на Энджи, которая, кажется, прозрела.

Хилари садится возле меня, а затем начинает.

– Помнишь, как в прошлом месте я поехала к своей тете на день рождения? – медленно говорит она.

– А это тут причем? – нервно спрашиваю я, чувствуя себя в замешательстве.

– Не перебивай, – говорит она, смотря мне в глаза. Я складываю руки на груди и слушаю, надеясь, что это не очередной поток критики.

– Когда я приехала, моя кузина рассказала мне, как ее дочь вернулась домой настоящей королевой, и, знаешь, маленький город – это попало в газеты... и пока я просматривала заметку, я увидела это, – говорит она, вытаскивая листок бумаги. Хилари протягивает его мне. Я читаю заголовок и вздрагиваю. – Это газета из Мэдисон. Это где-то в двух округах от Сагино...

– И причем тут это? – спрашиваю я, мысли в голове путаются.

– Открой на второй странице. Ты поймешь, о чем я говорю, – я закатываю глаза и открываю газету, просматривая страницу. Мои глаза останавливаются на фото, от которого мое сердце замирает. Это фото Кэла с мужчиной постарше. Я читаю заголовок под ним.

«Бывший выпускник старшей школы Мэдисон Крис Скотт позирует со своим отцом после ежегодного соревнования по поеданию пирогов».

– Хилари, что это такое, черт возьми? – мой голос дрожит, глаза прикованы к фотографии.

– Лорен, что там? – спрашивает Энджела обеспокоенным голосом.

– Я спросила о нем свою тетю. Он играл в футбол против ее сына, и он был довольно хорош. Его маму зовут Гвен, они познакомились через каких-то спортивных инвесторов, – тихо признается Хилари.

– Нет... – говорю я, медленно, но непокорно качая головой. – Нет! Это не он! Это не может быть он! – ору я на нее, кидая на пол газету. Ее подбирает Энджела, и я вижу, как у нее меняется лицо.

– Лорен, фотографии не лгут! Он врал тебе все это время! Теперь ты понимаешь, почему я так злюсь на тебя? Я пытаюсь тебе помочь! Он не тот, за кого себя выдает! – беспокойно говорит Хилари, но злость исчезает с ее лица.

У меня такое чувство, что меня сейчас стошнит.

– Скажи ей, Энджи! Это Кэл или нет? – кричит Хилари, взяв фото и держа ее на уровне глаз Энджи.

Я очень медленно и аккуратно сажусь на пол.

Это не может быть он. Это было бы бессмысленно. Кэл не стал бы есть пироги в каком-то маленьком городке.

– Лорен, выглядит почти как он, – тихо говорит Энджела.

– *Выглядит?* Да это *он!* – визжит Хилари.

Энджела садится напротив меня.

– Лорен, ты говорила, что Кэла усыновили. Может, это его брат, брат-близнец... – она пытается найти какое-то объяснение.

– Биологический брат-близнец, о котором он никогда не рассказывал, с такой же фамилией, как и у его приемных родителей? Ой, да перестань, он – аферист. Он живет двойной жизнью, – говорит Хилари с недовольным стоном.

– Хилари, замолкни на минуту! – орет Энджела, а мне становится жарко и начинает кружиться голова, в глазах все расплывается на пару секунд, но затем это проходит.

– Мне надо... немного воды, – говорю я, поднимаясь и направляясь на кухню.

– Лорен, все хорошо? – спрашивает Энджела, хватая меня за плечо. Ее голос. Их голоса такие громкие, они стуком отдаются у меня в ушах, и когда я поворачиваюсь, их лица размыты. Я чувствую, что потеряла равновесие и падаю. Энджела подхватывает меня, прежде чем я окончательно падаю на пол.

– Хилари, принеси воды! – кричит она. – Лорен, слушай меня, ты слышишь мой голос? – она берет газету и принимается обмахивать мое лицо.

– О боже, что с ней?

– Думаю, она в шоке, вот и все, – я слышу их голоса, но даже не могу их различить. Такое чувство, что я пьяная. Пытаюсь осмыслить то, что я только что увидела. Выглядел так же, как он, в статье даже указана его фамилия... но это невозможно. Это же бессмысленно. Его зовут не Крис!

– Лорен, скажи что-нибудь, милая. Ты нас пугаешь, – говорит Хилари, голос полон сожаления, она подносит мне чашку воды. Когда я подношу ее к губам и делаю глоток, они обе с облегчением выдыхают.

– Я такая стерва. Не надо было тебе вот так это рассказывать, – отчитывает себя Хилари. – Я просто не могла смотреть, как ты печешься об этом козле.

– Ты должна была сказать мне сразу, как только узнала, – шепотом говорю я, поставив стакан. Они обе смотрят на меня так, будто я умираю. Я прячу лицо в руках. – Дай мне еще раз посмотреть газету, – бормочу я,

стараясь не расплакаться.

Энджела выглядит скептически, но передает ее мне. Я снова смотрю на фото, его лицо... Он широко улыбается, держит награду с мужчиной постарше рядом с ним. Он выглядит таким счастливым, и другим. Я просто не могу понять. Если это он, то все, что он говорил мне – это ложь. А я как идиотка, сижу здесь и думаю, что он попал в какую-то беду, но почему там? Почему в каком-то маленьком округе, который не может быть больше моего родного городка. Я думала, что он будет в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе, или даже где-то за границей, но не там. И он говорил мне, что жил отдельно от родителей. Факты не сходятся. Мне нужен ответ сейчас!

Я встаю и смотрю на них обеих. Они выглядят такими обеспокоенными. Я надеваю стоящие рядом тапочки и беру ключи.

– Нужно, чтобы кто-то из вас остался здесь и рассказал Рейвен, что происходит, – говорю я, направляясь к шкафу и доставая пальто.

– Куда ты идешь? – с беспокойством спрашивает Энджела.

– К человеку, который может дать мне пару ответов, – говорю я им, а затем иду к двери.

* * *

– Привет, Лорен! Что ты здесь делаешь? – с удивлением спрашивает Хелен, приветствуя меня, хотя я знаю, что им доложила охрана о моем приходе. – Что случилось? – спрашивает она, заметив мое выражение.

– Где Декстер? – настойчиво спрашиваю я.

– Он в... в своем кабинете. Лорен, что случилось? – снова взволнованно спрашивает она, пока я врываюсь в холл, где расположен офис Декстера. Я громко стучу два раза, затем захожу. Я прерываю Декстера от телефонного разговора, на его лице смесь удивления и раздражения.

– Я вам перезвоню, – бормочет он, вешая трубку. – Лорен, вот это сюрприз, – мужчина встает и обходит стол, чтобы обнять меня. – Как ты? Хелен рассказала мне, что ты ей сказала, и я очень рад, что... – он останавливается, заметив, что я достаю из сумочки газету.

– Может, ты объяснишь мне, что это? – я швыряю газету ему на стол. Он с любопытством смотрит на нее, затем подбирает. По его лицу проходит волна эмоций; я вижу шок, осознание, и затем – да, это оно! – вину. Спустя секунду он бросает взгляд на меня, и на мгновение мне кажется, что у него нет слов.

– Он похож на Кэла, – начинает он, приклеив на свое лицо фальшивую улыбку. Не могу поверить, что он вот так может врать мне.

– Чушь собачья! – ору я. Декс моргает, ничуть не взволнованный.

Однако Хелен выглядит, словно перепуганный олень, освещенный фарами машины. – Теперь я собираюсь просидеть здесь весь день, если потребуется, но ты расскажешь мне, или, богом клянусь, я выйду из этого кабинета и исчезну с лица земли, и ни ты, ни Кэл, никогда больше не найдете меня с Кэйлен, несмотря на все деньги, которые у вас есть. Так что дважды подумай, прежде чем открыть рот и солгать мне, – злобно ворчу я.

– Что, черт возьми, Кэл делает в Мэдисоне? – в замешательстве спрашивает Хелен. Декстер не отвечает. – Отвечай! – злобно требует Хелен.

– Хелен, это тебя не касается, – сурово говорит он ей.

– Я – твоя жена, а еще я ее подруга. Она заслуживает знать все, что знаешь ты! – кричит Хелен.

– Хелен, уйди! – резко приказывает он.

– Нет, Декс! Это выше твоей преданности к нему. Скажи ей, или уйдет не только она! – говорит Хейлен низким и ужасным тоном, от которого у меня бегут мурашки.

Декстер смотрит на нее таким взглядом, как будто она блефует, но Хелен не сдает позиций, и секунду спустя он подходит к своему креслу и садится.

– Что ты хочешь знать, Лорен? – спокойно спрашивает Декстер.

– Это Кэл? – умоляюще спрашиваю я. Он ничего не говорит, но глаза его выдают. Я чувствую, как сердце начинает биться быстрее. – Что он там делает? Почему он там? – я жду ответа, но он молчит.

– Декс, – резко говорит Хелен.

– Может, ему нравятся пироги, – бормочет Декс.

Не могу поверить – у него еще хватает наглости шутить!

– Почему в статье написано, что его зовут Крис? – настойчиво спрашиваю я, чувствуя, как в глазах от досады собираются слезы.

– Потому что это он и есть, – тихо отвечает Декстер.

Хелен стоит в таком же замешательстве, как и я.

– Ты знаешь, что это Кэл. Я знаю, что это он, так почему бы тебе не сказать уже чертову правду? – отчаянно кричу я.

– Это сложно, – отрывисто говорит он.

– Тогда объясни! – кричу я, и от слез все размывается.

– Я не вправе говорить тебе, – подчеркнуто говорит он.

– Это ты не вправе держать от меня секреты. Все, что я хочу знать – это то, что знаешь ты! – я умоляю его, но мужчина даже не вздрагивает. – Все это время, все это время ты знал. Я прошла через то, что во время

беременности была одна, плакала каждую ночь, переживала за него, сидела, сложа руки как идиотка, а ты знал! Ты знал все это время, и до сих пор ты не можешь рассказать мне, даже когда я держу эту чертову фотографию перед твоим носом! – кричу я.

– Я не могу помочь тебе, Лорен. Прости, – тихо говорит он.

– Я думала, что он ушел от меня по какой-то неземной причине, чтобы защитить меня, а это была ложь. Он жил в Мэдисоне, прикрываясь фальшивым именем. Здесь написано, что он ходил там в старшую школу, ради всего святого. Кэл говорил мне, что вырос в Чикаго! – кричу я. Мне снова становится дурно, все эмоции сваливаются на меня.

– Ты не понимаешь то, что я хочу сказать! – нерешительно говорит Декстер.

– Нет, я все прекрасно понимаю. Я устала задавать вопросы, на которые ты, очевидно, не собираешься отвечать. В любом случае, ты не тот, с кем мне нужно поговорить, – я смотрю на Хелен, которая, кажется, пытается сохранять спокойствие, хотя ее нервы на пределе. – А его адрес? Это все, что мне нужно от тебя. По крайней мере, я этого заслуживаю, – говорю я, вымотанная всей этой драмой.

– Я не могу тебе его дать, потому что Кэл не в Мэдисоне, – непреклонно говорит он.

– Все, чего я хочу – это его адрес! – мне удается кричать с той злостью, что осталась во мне.

– Декс, скажи ей! – кричит Хелен.

– Я не могу! Человека, которого она ищет, там не будет! – рычит Декстер.

– Тогда я сама найду его, – Мэдисон примерно такой же, как Сагино. Я могу найти его за неделю.

– Лорен, я прошу тебя, не ищи. Дай мне немного времени... – говорит он, вставая с кресла.

– Да как ты смеешь? – со злостью говорю я. – Как ты смеешь молчать о том, где он, и просить не искать его!

– Это не то, что ты думаешь! – кричит он.

– Тогда скажи ей! – кричит в ответ Хелен. На секунду я вижу, как она бросает ему вызов, идя против всего, что она советовала мне во время одного из наших первых разговоров о жизни с секретами наших мужчин. Давно пора!

– Ты не знаешь, о чем я думаю! И если бы ты слушал все, что я тебе говорила, ты бы знал, насколько все плохо! – кричу я. Затем я переключаю внимание на Хелен, которая выглядит так, словно она уже готова выйти за

дверь и отправиться со мной на поиски.

– Пока, – говорю я, и мой голос ломается. Я слабо машу ей рукой и выхожу из кабинета, но она бежит за мной.

– Лорен! – зовет Декстер.

Я останавливаюсь на полпути.

– Он никогда не хотел, чтобы все так вышло. Он, правда, пытался, – говорит Декс, а затем снова исчезает в кабинете.

– Черт, это еще что значит? – спрашиваю я, испуская измученный и расстроенный стон. Я никогда не чувствовала себя совершенно истощенной.

– Декс говорит загадками, но послушай меня, – говорит Хелен, обнимая меня за плечи. – Я выясню, где он. Он расскажет мне что-нибудь еще до того, как закончится вечер, и когда я узнаю, я позвоню тебе первой, – говорит она, открывая дверь.

– Звони намобильный, меня не будет дома, я еду в Мэдисон, – говорю я ей, направляясь к лифтам.

Она следует за мной.

– Сейчас? – ее голос удивленно подсакивает.

Я вызываю лифт.

– Я сидела и бездействовала слишком долго. Теперь больше нет оправданий, я знаю, где он, и я не собираюсь ждать, пока ему не представится случай спрятаться где-то еще, – нетерпеливо говорю я ей.

– Ч-что насчет Кэйлен ? Где она? Ты не можешь просто бросить ее.

– Кэйлен с Рейвен. Она в надежных руках. Я позвоню им по пути. Я делаю это не только для себя. Моя малышка не будет расти без отца, если у нее есть выбор. Если Кэл ничего мне не должен, то он должен ей абсолютно все! – говорю я резче, чем собиралась.

Хелен виновато опускает глаза вниз.

– Дай мне один день, даже если Декс не расскажет мне, я найму частного детектива. Ты не сможешь ничего сделать, если не знаешь, где он, – умоляет она.

Раздается звонок, и двери лифта открываются. Я с досадой вздыхаю и захожу внутрь.

– Думаешь, я этого не делала? Если бы был другой путь, и ты была бы на моем месте, стала бы ты терять еще время?

– Я не пытаюсь остановить тебя, Лорен, я-я просто хочу помочь, – обиженно говорит она. Ее глаза выражают искренность, но мне всегда приходится с ней угадывать.

Я делаю глубокий вдох. Иногда Хелен для меня загадка. В одну минуту

она холодная, уверенная, устрашающая женщина, и в другую она кажется теплой, подлинной и искренней. Когда я впервые увидела ее, Кэл предупредил меня о ней, но прямо сейчас его слова не имеют для меня так много веса. У меня нет времени выяснять ее или чьи-либо еще мотивы, и мне действительно плевать, на моей ли она стороне или на Декстера, или у нее есть свое расписание на этот случай, потому что у меня лично – есть.

– Если хочешь помочь мне, Хелен, – я нажимаю на кнопку лифта. – Достань мне адрес, – просто говорю я ей, и двери лифта закрываются. С меня хватит жизни среди вопросов. Если мне придется стучать в каждую дверь, объехать каждую улицу, я не уеду, пока не найду его. А когда найду, я поеду домой с моим мужем или с разводом.

* * *

Четыре часа. Вот сколько я ехала. Мне дважды пришлось останавливаться и спрашивать дорогу, а все из-за моего спонтанного решения поехать сейчас и глупого навигатора. Мой телефон звонит без остановки с того момента, как я сказала друзьям о своем решении ехать в Мэдисон в одиночку. После такого долгого пути я начинаю думать, что они были правы.

Та часть меня, что помудрее, жалеет, что я не подождала пару дней, чтобы все осознать, дожждаться вестей от Хелен или, по крайней мере, собрать какие-то вещи. Я съехала на обочину и плююсь на знак «Добро пожаловать в Мэдисон» уже как минимум полчаса. Взбешенная, злая и встревоженная часть меня уже готова без разбора стучать во все двери. Честно сказать, это моя единственная идея. Я совершенно без понятия, где Кэл, и вообще здесь ли он до сих пор. Я не знаю, что буду делать, если найду его. Что я ему скажу? Я хочу знать так много всего, на что я никогда не получала ответов. Статья в газете только добавила вопросов в список. До прошлой ночи, когда я слышала его, я пыталась забыть о нем. Я так сильно пыталась, но тот факт, что Кэйлен – его вылитая копия, мне не очень помогает.

Когда я впервые увидела ее, я заплакала. То были слезы счастья от того, что я увидела лицо своего ребенка, и странное удовольствие, потому что я знала, что никогда не смогу забыть ее отца. Каждый раз, когда я смотрю на нее, а она в ответ на меня, издевается надо мной, и еще то обещание ему... но он определенно не сдержал парочку своих.

Я перегибаюсь через подлокотник и открываю бардачок, доставая потертый испачканный конверт. Я даже не хочу хранить его у себя дома. Открываю его и достаю свое обручальное кольцо. Я так давно не трогала его. С того дня, как узнала, что беременна Кэйлен. Я сняла его и

запечатала обратно в конверт. Не могла решиться и выбросить его, но также не могла снова носить его.

Я снова думаю об этой фотографии в статье. Каким бы его лицо не казалось незнакомым, но даже на низкокачественном фото его глаза притягивали меня.

Я вздыхаю и смотрю на часы: сейчас 4:30. Прошло уже 4,5 часа... еще один вздох. Я снова делаю глубокий вдох и смотрю на себя в зеркало заднего вида. В мешках под моими глазами можно носить продукты. Я выгляжу так, будто не спала уже пару дней.

Беру телефон и набираю номер Хелен, в ответ слышу то же сообщение, что сейчас абонент не доступен и что надо позвонить позже. Я с досадой кладу трубку.

Я не знаю ничего об этом городе, кроме того, что наша футбольная школа играла с ними раз или два. Я даже не знаю, здесь ли Кэл.

Мой телефон звонит снова. На этот раз – это Энджела.

– Привет, Энджи, – вздыхаю я и смотрю, как мимо проносится машина.

– Вообще-то, это Хилари, я взяла у нее телефон, ведь на мой ты не ответишь, – говорит она. Я закатываю глаза, все еще злюсь от того, что произошло раньше.

– Ну, у меня была причина, чтобы не отвечать, – откровенно говорю я.

– Лорен, я уже говорила, прости меня. Я знаю, что должна была сказать тебе сразу, как только узнала, но я не знала, как, – быстро выпаливает подруга.

– Что ж, должно быть, ты узнала об этом сегодня, – резко возражаю я.

– Ты права. Я была самой последней стервой на свете, – говорит она, смеясь. Но смех звучит натянуто, и она со вздохом прекращает.

– Я просто думала, что если ты начнешь встречаться со Стивенном, то это пойдет тебе на пользу. Что ты не застрянешь в этом доме с Кэйлен, и что снова будешь сама собой.

– Прости, что между нами все было не так, как раньше. Что мы с Энджелой были более близки, но... Просто потому, что Энджела видела меня в один из самых ужасных периодов моей жизни. Так что я не чувствовала себя такой беззащитной, когда говорила с ней, потому что она видела меня, когда мне было хуже всего. Я просто... Я не знаю, когда я сломаюсь, понимаешь? Я постоянно чувствую себя уязвимой, и ненавижу себя за это. И также мне стыдно, – я хмурюсь. – Сегодня я злилась на тебя, потому что ты сказала мне правду. То же самое постоянно говорит мне тихий голосок в моей голове, но я перестала его слушать в тот день, когда

встретила Кэла, – я выпускаю слабый смешок, вытирая слезы, которые уже катятся из моих глаз. Я слышу, как она смеется на другом конце.

– Да, это я! Тот голос, который орет на тебя, и который ты не можешь заткнуть, – как же хорошо смеяться.

– Иногда мне нужен этот голос, – уверяю я ее.

– Да, ну, он работает на меня, – говорит подруга, хихикая, затем прочищает горло и говорит снова.

– Я позвонила своей тете, той, о которой я тебе рассказывала, которая живет в Мэдисоне. Я пыталась узнать у нее адрес Гвен Скотт, – она останавливается в ожидании ответа. Я молчу, так что она продолжает. – Она начала выяснять, зачем он мне нужен, и мы поспорили. Но затем я пообещала своей кузине двадцать пять долларов за адрес, когда увижу ее, – смеется она, но мое веселое настроение окончательно ушло. Упоминание о Скоттах заставляет мое сердце бешено колотиться.

– Т-та женщина, это его мать?

– Да... я подумала, если ты начнешь поиски, разве не лучшее место для начала – дом его родителей? Или людей, которые говорят, что они его родители...

Я потираю виски. Просто так много всего.

– Лорен, ты же сейчас не едешь, да? – вдруг спрашивает она. Думаю, она беспокоится, что я выскочу с дороги.

– Нет, я съехала на обочину напротив знака «*Добро пожаловать в Мэдисон*».

– Ты серьезно? – смеется она.

– Да, – признаюсь я, смеясь над собой. – Я на самом деле не знала, куда идти, и подумала, что стучать в каждую дверь вроде как опасно.

– Нам не надо было оставлять тебя вот так. Но я не думаю, что ты дала бы нам себя остановить, – смеется Хилари, и я к ней присоединяюсь.

– Скорее всего, нет.

– У тебя есть ручка?

– Да... – отвечаю я, вытаскивая из сумочки булавку и чек с прошлой покупки.

– Улица Северный Грентон, 1206, – говорит она, и я быстро царапаю адрес. Затем делаю глубокий вдох.

– Если у тебя будут какие-то проблемы, позвони мне, ладно, Эл?

– Хорошо.

– Дать тебе адрес моей тети?

– Нет. Со мной все будет в порядке, – уверяю я ее, уставившись на чек с нацарапанным адресом. У меня дрожат руки.

– Думаешь, он будет там? – кротко спрашивает она.

– Ну, я это выясню, – вздыхаю я.

– Будь осторожна и позвони мне, когда доберешься туда. Не делай ничего, за что можно сесть в тюрьму, – она болтает всякие пустяки.

– Не буду, Хилл, – говорю я, пока она продолжает говорить. – Я отключаюсь. Скажи всем, что со мной все хорошо.

Уверена, что Хилари продолжает говорить после того, как я повесила трубку и рассматриваю адрес на чеке. Беру свою карту и вижу, что адрес, который мне дала Хилари, есть на ней. Я кладу адрес и карту на пассажирское сиденье и упираюсь головой в руль на пару секунд, чтобы подумать.

Кэл никогда не рассказывал мне ничего о своих родителях. Все, что я знаю – это то, что они усыновили его, когда он был маленьким, и что они жили отдельно.

Все это бессмысленно.

Он не бросил бы меня, чтобы вернуться домой. Это не может быть его дом. Он говорил мне, что вырос в Чикаго. Я никогда даже не думала, что у него есть близкие родственники. Он ничего о них не упоминал.

На нашей свадьбе единственными гостями с его стороны были Декстер и Хелен, и совсем немного партнеров по бизнесу. Все это ложь. Всему этому должно быть какое-то объяснение. Я не могу даже представить, что он скажет, когда увидит меня... если он вообще будет в этом доме. А что скажет эта женщина, когда я приду, и буду расспрашивать ее о сыне? Это вообще его мать? Все эти вопросы роем проносятся в моей голове.

Я выравниваю спину и делаю несколько глубоких вдохов, стараясь прочистить голову и избавиться от своих спутанных мыслей. Что ж, есть только один способ выяснить все это. Я поворачиваю ключ и завожу машину.

Глава 30

8 марта 2011 года

– Откуда ты знаешь, что с ним все в порядке, Декстер? Почему он не отвечает на мои звонки? Я уже готова вызвать чертовых копов! – бешено говорю я в трубку, меряя комнату шагами. Тон его голоса меня бесит. Он спокоен и весел, очевидно невозмутимый, в то время как я уже теряю рассудок.

Я не видела и ничего не слышала о Кэле уже четыре дня. Нет ответа на

мои текстовые и голосовые сообщения. Сначала я пыталась изображать спокойствие. Я не хотела казаться заскучавшей сумасшедшей женой. Особенно если учитывать тот факт, что это всего лишь вторая поездка с тех пор, как мы поженились.

День первый: я не звонила ему весь день – ну в любом случае какое-то долгое время. На самом деле, я правда хотела убедиться, что он там, где должен был быть. Я отправила ему смс, но ответа не получила. Так что в тот вечер я ему позвонила. Без ответа. Я звонила снова, и вызов переключился прямо на голосовую почту.

День второй: я снова звонила, как и любой другой здравомыслящий человек, но телефон выключен, и вызов направлялся на голосовую почту.

День третий: я по-прежнему попадала на голосовую почту, и я должна была вот так просто с этим мириться? Я не знала, где Кэл и в порядке ли он. Надо ли пустить все на самотек? Кэл ведь не в чертовой армии. Уверена, где бы Кэл ни был, там можно зарядить телефон, если он выключился.

День четвертый: ору на Декстера, я знаю, что это не его вина, но из-за того, что Декстер не воспринимает ситуацию всерьез, мне приходится кричать на него, как до этого на Кэла. По словам Декстера, это все нормально. Не о чем беспокоиться! Что ж, если все в порядке, Кэлу уж точно придется поволноваться, как только он приедет домой.

– Лорен, я тебя уверяю, с Кэлом все в порядке. Это его работа, – говорит Декстер. – Кэл не сможет отвечать на каждый твой звонок, если бы что-нибудь случилось, я бы знал, и тогда, конечно, ты узнала бы первой, – вновь заявляет он мне. Вообще-то, если бы Декстер знал первым, то я бы узнала уже второй, но не собираюсь сейчас спорить по этому поводу.

– Я не жду, что он будет отвечать на каждый звонок, но я должна хоть что-то услышать от него хотя бы один раз за эти четыре дня. Почему ты можешь до него дозвониться, а я нет? Я действительно...

Я замолкаю, так как внизу открывается дверь, и заходит Кэл.

– Ладно, не важно, – говорю я и резко бросаю трубку. Декстер не заслуживает допросов от меня или возможной злобы, исходя из объяснения от его лучшего друга, но прямо сейчас мне все равно. Заходит Кэл с сумкой за плечом и бросает ее на пол. Когда он видит меня, на лице расплывается широкая улыбка. Должно быть, Кэл совсем неверно понял выражение моего лица, которое на самом деле было между обеспокоенным и супер-взбешенным.

– Привет, красотка! – говорит Кэл, притягивая меня к себе.

Я позволяю ему наспех чмокнуть меня в губы, но затем отстраняюсь.

Кажется, Кэла задела моя реакция. О, вот сейчас он поймет.

Я хлопаю его по груди и дотрагиваюсь до его лица, рассматривая его то с одной, то с другой стороны.

– Открой рот, – говорю я, положив руки на бедра.

Он высовывает язык, и через секунду Кэл обхватывает меня и облизывает мою щеку. Я отталкиваю его, приказывая себе не смеяться. Я все еще злюсь, и все его маленькие выходки сегодня не сработают.

– Если хочешь поиграть в доктора, так и скажи, – говорит Кэл, сжимая мои ягодицы.

Я убираю его руку.

– Нет. Я пытаюсь выяснить, что с тобой такое. Что-то должно быть не так, ведь я не разговаривала с тобой четыре дня, – резко говорю я, скрестив руки на груди. Он смотрит на потолок, словно его утомила моя речь. – Алло? – говорю я, раздраженная его беспечным поведением.

– Я слушаю, – говорит Кэл, отходя от меня.

Я иду следом за ним.

– Ты знаешь, как я переживала? – признаюсь я, пытаюсь сделать так, чтобы в голосе слышалась искренность.

Я следую за ним на кухню. Кэл устремляется напрямиком к холодильнику, очевидно, что он больше внимания уделяет тому, что собирается съесть, а не моим словам, и я чувствую, как во мне начинает расти злость.

– Когда я уезжал, я сказал тебе, что волноваться не о чем, – говорит Кэл, роясь в холодильнике. – Черт, я так хочу есть, – Кэл закрывает дверцу, явно не довольный содержимым холодильника.

– Где ты был? – язвительно спрашиваю я.

– Я говорил тебе. В Колорадо, работал, – Кэл запикивает в рот булку, а затем усаживается на кухонную тумбу.

– Работал. Серьезно? – немного с сарказмом спрашиваю я.

– А-что-еще-мне-там-делать? – медленно произносит Кэл, как будто я не понимаю его.

– Не надо быть со мной снисходительным, Кэл. Сейчас действительно неподходящее время для этого, – мое терпение становится все тоньше, пока продолжается этот разговор.

– Это *ты* снисходительна. Я уже третий раз говорю тебе, где я был. Не знаю, как еще ты хочешь это услышать, – с сарказмом говорит Кэл, прыгивая со стола и направляясь обратно к холодильнику за газировкой.

– Почему ты не отвечал на телефон? – спрашиваю я.

– Я просто не мог до него добраться, – нетерпеливо говорит он,

обыденно пожимая плечами. «Пожимая плечами!»

Я прикусываю губу.

– И все? Ты просто не мог до него добраться? – резко говорю я.

– Да, – просто констатирует Кэл, его голос звучит так же резко, как и мой, я не могу поверить, что его раздражают *мои* вопросы. Это почти как если бы он не понимал, почему я их задаю. Я разочарованно качаю головой и отхожу от него, подавляя неутолимое желание разразиться на него словесной атакой.

– Что это за допрос? Раньше в этом не было никакой проблемы. Почему сейчас? – направляясь за мной, спрашивает Кэл.

Я останавливаюсь на полпути и поворачиваюсь, смотря ему прямо в лицо.

– Ой, извини. Это я не перезваниваю тебе, оставив на три дня и не отвечая на звонки, и не звоню, – говорю я.

– Я уже уезжал раньше, и ты не бесилась так, как сейчас.

Я складываю руки на груди.

– В этот раз все по-другому, – говорю я.

– С чего бы это? – возражает он.

– Потому что это ненормально! Все было нормально, когда ты уезжал по работе, но обычно хоть как-то связывался со мной. Я так переживала за тебя. Я не знала, все ли с тобой в порядке, и вообще долетел ли ты. Как ты *не* понимаешь, что я сейчас чувствую? Это были три дня переживаний, отчаяния и беспокойства. Думаешь, я так хочу себя чувствовать, когда ты едешь на работу? – говорю я, стараясь, чтобы голос не звучал так злобно, я только лишь хочу, чтобы Кэл услышал мою проблему, но возможно, у меня плохо получается, потому что прямо сейчас я в бешенстве.

Кэл быстро отводит взгляд, рассматривая свои ноги.

– Детка, такое будет иногда случаться. Я думал, ты понимаешь это, и что ты не против, – с ноткой неверия в голосе говорит Кэл.

Я не знаю, откуда у него появилась мысль, что я когда-либо была не против, чтобы он со мной не общался во время этих своих «поездок». В первый раз он уехал в командировку на неделю после нашей свадьбы. Кэл позвонил мне, когда приземлился, и потом каждую ночь, пока был там. Кэл присылал мне смски, в которых писал, как сильно скучает по мне. До свадьбы Кэл звонил мне и всегда оставался на связи. Теперь Кэл ведет себя так, будто это также естественно, как перейти дорогу.

– Не знаю, откуда у тебя взялось впечатление, что я не буду против, – говорю я, не веря своим ушам. Кэл вздыхает и обхватывает руками свой затылок.

– Я пойду прилягу. Перелет был долгим. Я скучал по тебе. Думал, ты тоже скучала. Но я не буду это выслушивать, – сухо говорит Кэл, отходя от меня.

– Ты скучал по мне? – с сарказмом спрашиваю я, идя за ним. – О, как это мило. Я бы так не сказала, ведь я ничего от тебя не слышала. Один раз, – продолжаю я, поднимаясь за ним по лестнице. Кэл тих, как мышка. Вообще ничего не отвечает, типа того, как тогда, когда он уехал. Как только мы заходим в спальню, Кэл вздыхает так, будто сердится. «Кэл сердится?»

– Алло? – говорю я в ожидании хоть какого-нибудь ответа, но он по-прежнему молчит.

Кэл снимает рубашку через голову и убирает ее, расстегивает брюки и снимает их. Секунду спустя, Кэл уже лежит поперек кровати.

– Не знаю, в чем, блин, проблема, но я устал, и я собираюсь поспать, – Кэл бросает на меня взгляд, и затем закрывает глаза.

– Серьезно, Кэл? – злобно говорю я.

Кэл не отвечает и хватается подушку, засовывая ее себе под голову.

– Что ты, черт возьми, делал три, четыре дня, что ты не мог ответить мне или позвонить? И как я, по-твоему, должна на это реагировать? – в бешенстве говорю я.

Да это, блин, шутка. Должна быть. Тем не менее, Кэл не отвечает и отворачивается от меня. Я хватаю оставшуюся подушку возле него и бью его так сильно, как могу. Кэл едва вздрагивает, но хватается ее и кладет на голову.

– Ты... ты знаешь. Ты сейчас ведешь себя как настоящий козел. Хуже, – говорю я, мой голос надрывается.

Я беру свое одеяло и быстро выхожу из комнаты, прежде чем из глаз начинают литься слезы. Спустившись по лестнице, включаю телевизор и устраиваюсь на диване, завернувшись в одеяло и задаваясь вопросом, почему в первую ночь, когда любовь всей моей жизни вернулась домой, мы спим в разных комнатах. Если бы кто-нибудь сказал мне три дня назад, что такое случится, я бы рассмеялась ему в лицо.

* * *

Меня будит громкий стук, за которым следует «Черт».

Свет выключен, но благодаря лунному свету из окна я вижу, что Кэл наткнулся на свою сумку, брошенную у лестницы. Я бы посмеялась, если бы не была такой уставшей.

Я кладу голову обратно на подушку и закрываю глаза. И слышу, как приближаются его шаги, через секунду мое удобное положение нарушается, так как позади меня убрали диванные подушки. Вскоре их

заменяла грудь Кэла. Он устроился позади меня, одной рукой обняв мой живот и притянув меня к себе, уткнувшись головой мне в шею. По лицу расплывается улыбка. Я не могу ее сдержать.

– Прости меня, – шепчет Кэл.

Он берет мою руку, переплетая свои пальцы с моими, и целует их. Я сжимаю его руку, но ничего не говорю.

– Я был такой задницей, – тихо говорит Кэл мне в ухо, затем целует его, и я вздыхаю.

Я все еще злюсь, но от этого не прекращается дрожь, вызванная им у меня между ног. Это отстой: из-за моей злости я не перестаю его хотеть. Моя печаль заставляет меня хотеть его еще больше.

– Огромной задницей, – с легким смешком уступаю я.

Я переворачиваюсь на спину, и он наклоняется ко мне. Его губы медленно целуют мои, смакуя каждую из них, и я целую его в ответ точно так же. Обхватываю его лицо руками, и Кэл притягивает меня к себе. Я забираюсь на него, положив голову ему на грудь. Он легко касается моей спины, и я чувствую, как Кэл выводит на мне свою роспись. Не могу поверить в то, что я так сильно скучала по этому. Кэл приподнимается, выдвигая вперед мои колени, его грудь касается моей до того, как мы меняемся местами, так что теперь я лежу на спине.

– Я просто не хотел ругаться, – говорит Кэл, замирая, пытаюсь извиниться за свое поведение.

– Я тоже не хотела ругаться, – я провожу рукой по его волосам.

Я скучала по его поцелуям, прикосновениям, запаху, по всему.

– Я с ума сходил без тебя, – говорит он, целуя мое плечо, устремляясь к шее. – Я скучал по тебе, – теперь его губы снова возле моего уха. – И я сейчас покажу тебе, насколько, – добавляет Кэл, прежде чем его губы спускаются вниз по моему животу.

Я закрываю глаза и позволяю ему овладеть мной, мое тело уже показало ему, как сильно скучало. Знаю, что возможно, нам стоило бы поговорить о том, как или, что более важно, *почему*, вышло так, что мы поссорились, но мы этого не делаем. В данный момент я просто хочу спокойствия. Мы оба этого хотим, и мы теряемся во время нашего первого супружеского секса. Тем не менее, похоже, это только временное перемирие, мы еще даже не подняли свои белые флаги – они только показываются из нашего бункера. Глубоко внутри я знаю, что это еще не конец, и я довольна этим. Но что пугает меня, так это тихий голосок в моей голове, который говорит, что это совсем не то, чем заканчиваются битвы, и возможно, это лишь начало войны.

Глава 31

8 марта 2013 года

– Я смогу, – вслух напоминаю я себе, уставившись на дом напротив.

У меня получилось набраться храбрости и выйти из машины... Осталось только дойти до входной двери.

Я стою здесь, не могу пошевелить ногами. Осматриваюсь вокруг. Разительный контраст с городской жизнью, к которой я привыкла. Дом прекрасен, словно из диснеевского фильма: светло-желтая краска и огромное крыльцо напоминает мне о доме Рейвен в Сагино, только этот намного больше. В нескольких шагах от дома замечаю большой амбар и акры за ним, огороженные забором.

Я кладу ключи в глубокие карманы куртки, пока приближаюсь к двери. И вдруг задаюсь вопросом, а что, если никого нет дома? Поднимаясь по ступенькам, делаю глубокий вдох, а затем звоню в звонок. Я отхожу от двери и бросаю взгляд в окно; занавески слегка приоткрыты.

Со своего места вижу, что комната безупречна, в центре стоит камин. Теплый, медовый оттенок стен придает дому гостеприимства, как и диван в тон и стул возле журнального столика. Я быстро напоминаю себе, что подглядываю за чьим-то домом и возвращаюсь к входной двери.

Снова звоню в дверь. Я замечаю, что пританцовываю от нервов, стараясь успокоиться и справиться с адреналином. Я звоню еще два раза и яростно стучу в дверь: спокойствие, которое я пыталась сохранять до этого, постепенно испаряется.

– Может, никого нет дома, – говорю я себе и разворачиваюсь, чтобы спуститься вниз, но тут слышу, как дверь открывается. Я останавливаюсь на полпути, почти боясь обернуться.

– Я могу вам помочь? – его голос мгновенно останавливает меня.

Мне даже не нужно оборачиваться, чтобы сказать, что это он. Я хватаюсь за перила, чтобы не упасть.

– Кэл, – говорю я так тихо, что не уверена, услышал ли он меня.

Оборачиваюсь, и глаза наполняются слезами. Медленно подхожу к нему с таким чувством, будто могу проснуться в любую секунду. Я так давно не видела его.

Когда я подхожу к нему, и мы стоим лицом к лицу, он выглядит так же, только его глаза почти полностью зеленые, серый оттенок едва переплетается с доминирующим зеленым. Я медленно поднимаю руку, чтобы прикоснуться к его лицу, но рука так трясется, что не могу это

контролировать.

– Это ты, – я не могу больше ждать ни секунды, хочу быть рядом с ним и прыгнуть в его объятия.

Я так давно не касалась его, слишком давно. Все мои вопросы сейчас кажутся совсем не существенными; важно только то, что он здесь.

– Я так скучала по тебе, – я не могу не плакать. Поднимаю на него взгляд в ожидании, что он скажет что-нибудь, но понимаю, что у него нет слов, он почти шокирован, и замечаю, что его руки не обнимают меня.

– Крис, кто там? – я смотрю за него и вижу высокую блондинку, которая странно смотрит на нас.

– Крис? – недоуменно спрашиваю я. – Крис. Его зовут не Крис! – резко говорю я ей, злость заменяет эйфорию от того, что я увидела его, напоминая мне, зачем я сюда приехала.

Она хмурится, а затем смотрит на него.

– Кто это? – сердито спрашивает женщина.

– Я-я не знаю! – отвечает он блондинке.

– Кто я? Кто вы? – защищаясь, спрашиваю я.

Затем понимаю, что он только что сказал. В недоумении я роняю челюсть.

– Что? – резко спрашиваю я, переключаясь на него.

– Думаю, вы меня перепутали с кем-то, – говорит мужчина, странно уставившись на меня. Мое сердце уходит в пятки, присоединяясь к челюсти на полу. – Она просто начала плакать, когда увидела меня, – он объясняет женщине позади, кажется, его больше волнует она, чем я.

– Да что ты такое говоришь, черт возьми? – злобно спрашиваю я.

– Не похоже, чтобы она тебя с кем-то перепутала! – злобно говорит ему женщина, с подозрением рассматривая меня.

– Кэл, да кого ты хочешь обмануть? – по телу разливается жар, во мне сейчас взорвется гнев с нетерпением.

– Меня зовут Крис, – отходя от меня, говорит Кэл.

«Что происходит?»

– Послушайте, кто вы такая? – нетерпеливо спрашивает женщина.

– Я – его жена, вот кто! – гневно отвечаю я. – А вы кто такая? – резко спрашиваю я.

Блондинка хмурится, но затем начинает смеяться.

– О-о-о, я поняла. Это шутка. Хорошая шутка, Крис, я почти поверила на минуту, но знаешь, все твои розыгрыши я вижу насквозь, – она похлопывает его по груди.

– Разве, похоже, что я шучу? – в бешенстве спрашиваю я, глаза снова

обжигают слезы.

Блондинка прекращает смеяться. Я вглядываюсь Кэлу в лицо, а он смотрит на меня так, будто понятия не имеет, кто я.

– Кэл, скажи ей! – кричу я на него, отчаянно пытаюсь не плакать от гнева.

«Это происходит не со мной!»

– Меня зовут не Кэл! – в панике его голос поднимается.

– Крис, кто она? – снова со злостью спрашивает его женщина, теперь ей совсем не кажется, что это розыгрыш.

– Дженна, я никогда раньше не видел эту женщину! – умоляюще говорит ей Кэл.

– Ты – подонок! – кричу я, толкая его.

Как это может быть не Кэл! Это он! Правда! Это его голос! Его лицо! У меня такое же чувство, как раньше, когда я стояла возле него... почти. И я так явно ощущаю это с тех пор, как меня давно этого лишили...

– Ты не знаешь, кто я?! – гневно кричу я, а по щекам катятся слезы.

– Ну а кто дал мне вот это? – с издевкой спрашиваю я и вытаскиваю из кармана кольцо и бросаю в него. Женщина его подбирает и рассматривает.

– Крис, это же обручальное кольцо! – кричит она, тыча ему кольцом перед глазами.

– Я никогда в жизни его не видел! И ее я тоже никогда в жизни не видел! – орет он, указывая на меня как на незнакомку. Кэл в явной панике, почти, как и я.

– Крис, не лги мне! – кричит блондинка на Кэла.

– Она даже не знает моего имени! Она сумасшедшая! – орет Кэл на женщину.

Блондинка смотрит на меня, пытаюсь понять, кто здесь врет. Выражение его лица смягчается, и Кэл подходит к ней, беря ее за руку.

– Дженна, клянусь тебе. Я понятия не имею, о чем она говорит, – умоляет он более спокойным голосом.

Я начинаю смеяться в истерике. Меня сейчас тошнит. Должно быть, это сон. Это кошмар, это не может происходить на самом деле!

– Черт, кто она тебе? Вот почему ты ушел? Вот на кого ты меня променял?! – говорю я сквозь слезы, хватая его за руку.

– Он, – огрызается блондинка.

Я снова начинаю смеяться, закрывая лицо, пока отхожу от этой парочки. Я качаю головой, не в состоянии в это поверить, и сознательно хихикаю. Я должна смеяться, потому что если не буду, то, блин, взорвусь. Я чувствую, как закипаю, и наконец, все выплескиваю.

– Как, черт возьми, он может быть женат на тебе, если он все еще женат на мне?! – кричу я, хватаясь за голову. Грудь сдавило, а голова пульсирует.

– Я даже вас не знаю, кто вы? Откуда вы меня знаете? – злостно спрашивает меня Кэл.

– Все это время, все это время ты врал мне, а теперь... Теперь! Ты притворяешься, что даже не знаешь меня! – я начинаю рыдать в истерике. – Ты клялся мне, что дело не в другой женщине. Ты – чертов подонок! – я продолжаю ругаться. Этот сукин сын ничего от меня не заслуживает. Я разворачиваюсь и спускаюсь на две ступеньки, направляясь к машине. – Я хочу развестись! – кричу я через плечо. – Не хочу больше тебя видеть! Даже не приближайся ко мне или Кэйлен снова! Я перешлю твоё дерьмо через Декстера, я хочу, чтобы твоих вещей не было в моем доме! – угрожающе кричу я Кэлу.

– Откуда она знает Декстера? Черт, откуда она знает Декстера, Крис? – я слышу, как кричит женщина.

– Я не знаю, Дженна, должно быть, это шутка! – говорит Кэл сквозь панический смех. «Шутка?» Я опять разворачиваюсь и поднимаюсь по лестнице.

– Шутка! Это я – шутка? Думаешь, то, что ты разрушил мою жизнь, это чертова шутка?! – я взбегаю вверх по ступенькам и толкаю Кэла со всей возможной силой, а он пытается сдержать меня. Вмешивается Дженна.

– Убери от него свои руки! – кричит она, пытаясь оттащить меня от Кэла.

Блондинка крепко держит меня за руку. Мой гнев теперь полностью под контролем, и я жестко отталкиваю ее, а рука приземляется прямоком на ее лицо, и она теряет равновесие, удивляется, и секунду спустя устремляется ко мне. Если она хочет драки, то она выбрала подходящий день! Кэл оказывается между нами двумя. Отталкивает меня в одну сторону, а ее удерживает.

Мне становится жарко, перед глазами все плывет. Как я могла ему верить после всех этих лет? Он никогда не любил меня. А эта женщина рядом с ним, и Кэл так отчаянно хочет, чтобы она поверила ему... он любит ее.

Из дома выходит мужчина. Он выглядит озадаченным всем этим хаосом.

– Что здесь происходит?

– Эта сумасшедшая напала на нас! – кричит блондинка, наконец, успокоившись в объятиях Кэла.

– Это вообще тебя не касается! – я пытаюсь восстановить дыхание и собраться с мыслями после ее смешного обвинения. Уж если кто и сошел с ума, так это они! – Это касалось меня и моего мужа! – возражаю я.

– Что? – недоуменно переспрашивает пожилой мужчина.

– Скажи ей, папа, она мне не верит! – я слышу, как говорит Кэл.

Все остальные слова кажутся жужжанием, так как у меня кружится голова. Надо выбираться отсюда. Не могу больше это терпеть, я как Джерри Спрингер, который готов спрыгнуть с крыльца в любой момент. Я уже начинаю идти обратно к машине, но мои ноги кажутся ватными, и все вокруг начинает кружиться, и...

* * *

Я открываю глаза, и сначала все выглядит размыто, но затем медленно начинает приобретать очертания. Я потираю виски: в них по-прежнему стучит, словно кто-то молотком бьет меня по голове.

Осматриваюсь и вижу, что нахожусь в комнате для отдыха; передо мной ярко светит теплый камин. Я смотрю в окно и вижу, что на улице совершенно темно, за исключением крыльца, освещенного фонарем. И пока смотрю сквозь прозрачное стекло, начинаю понимать, что события до этого были совсем не сном, и я их не придумала.

Я пытаюсь встать, но колени дрожат, так что быстро сажусь назад. Я вижу свою сумочку на столе возле меня. Интересно, как я сюда попала. Смотрю на дверь и понимаю, что сейчас мой единственный шанс выбраться, и выйти из этого ужасного положения, в которое сама себя загнала, но знаю, что ответы, которые мне так нужны, получу в этом доме. Никогда не думала, что все будет вот так. Ни разу за все свои годы я не думала, что буду почти, что драться с женщиной за мужчину, которого люблю, особенно того, который заявляет, что даже не знает меня.

...Обручены. Как я могла быть такой дурой? Все его слова, обещания, ложь, каждое последнее из них, но меня больше всего ранит именно то, как он ведет себя... словно и не знает меня. Как будто я совершенно ничего для него не значу. И меня разрывает изнутри... от того, как Кэл себя ведет... у него это так хорошо получилось...

Зачем разыгрывать весь этот спектакль? Почему просто не развестись со мной, или быть честным и сказать, что он любит кого-то еще? Почему он приходил повидаться с Кэйлен? Зачем кормил ее всем этим враньем о том, как скучает по мне? Он должен быть или психопатом, или аферистом. Хилари была права. Хотя, может и нет, а если это так, то как я объясню это своей дочери? Как Кэл мог жить одной жизнью со мной, имея здесь вторую семью? Как у него получилось жить двойной жизнью? Как он

может владеть пентхаусом в Чикаго и жить на ферме в Мэдисоне? Земли много, но... это просто... не похоже на него. Но, опять же, думаю, я не знаю его. Я запуталась еще больше, чем сегодня утром, когда не знала абсолютно ничего.

– Ты проснулась, – тихий голос вырывает меня из потока моих мыслей.

Я поднимаю глаза и вижу рыжую женщину средних лет, которая так тепло мне улыбается, что у меня сразу появляется чувство, будто я ее знаю.

– Уильям. Она проснулась, дорогой, – зовет она кого-то из кухни.

Женщина осторожно подходит ко мне и предлагает дымящуюся чашку чая. Я внимательно смотрю на нее, желая узнать, кто же она такая.

– Тебе нужно выпить чего-нибудь, – настаивает она с улыбкой.

Я беру чашку и медленно делаю глоток.

Уильям. Теперь я вспоминаю мужчину с фотографии, когда он заходит в комнату и осматривает меня, осторожно остановившись возле женщины. Присутствие мужчины, вроде ничем не угрожающе, холоднее, чем женщины; он выглядит нахмурившимся.

Я ставлю чашку на стол напротив себя. Я открываю рот, чтобы сказать что-нибудь, но не могу выдать и слова. Мужчина вздыхает, почти раздраженно, и садится на массивный стул. Он хлопает руками и смотрит на свою жену. Она становится рядом с ним, кладя руку ему на плечо. Они смотрят на меня, как будто знают больше, чем я, что очень пугающе, ведь я понятия не имею, кто они такие.

– Ты очень красивая, – тихо говорит женщина мрачным тоном.

Я ерзаю на диване от неудобства, понимая, как, наверное, сейчас выгляжу, и уж точно не красивой. Я быстро поправляю свою блузку и распутываю пальцами волосы.

– Ты не знаешь, кто мы, – больше похоже на утверждение, чем на вопрос.

Я киваю головой. Женщина слегка улыбается и смотрит на мужчину рядом с ней; он хмурится. Я смотрю на них обоих: кажется, им так же неловко, как и мне. Я провожу рукой по коленям и вздыхаю.

– Я увидела вашу фотографию с Кэлом в газете, – тихо говорю я, переводя взгляд на мужчину.

– Когда вы с Крисом выиграли состязание по поеданию пирогов, дорогой, – я вижу, как она слегка улыбается мужу. И чувствую, как мой рот неодобрительно кривится.

– Почему вы продолжаете называть его Крисом? – выпаливаю я.

Я хочу ответов, но чувствую тяжелое положение всей ситуации, из-за

чего начинаю закипать. Когда женщина не отвечает, из моего рта сыпется еще больше вопросов.

– Кто вы такие? Что происходит? – то маленькое чувство спокойствия, которое у меня было, быстро ускользает.

Пара смотрит друг на друга, прежде чем ответить.

– Я – Гвен Скотт, а это мой муж – Уильям, – быстро объясняет женщина. – Мы родители Криса.

Я снова встаю. Если кто-то еще раз назовет его Крисом, я уйду.

– Я хочу поговорить с Кэлом. И поговорить хочу с ним прямо сейчас! – от волнения я повышаю голос.

– Это невозможно, милая, – спокойно отвечает женщина.

Я начинаю злобно ходить перед диваном из стороны в сторону.

– Он не хочет меня видеть? Он меня и так уже ранил! Я просто... он должен передо мной объясниться! – я направляюсь к двери, чтобы найти Кэла, пусть даже мне придется самой искать его в каждой комнате этого дома.

– Лорен, пожалуйста, успокойся, – уговаривает меня миссис Скотт.

Я останавливаюсь и поворачиваюсь к ней.

– Вы знаете, как меня зовут? – тихо спрашиваю я.

По ее лицу вижу, что она пытается скрыть какую-то боль, пока жалобно смотрит на меня, а затем снова на своего мужа.

Мужчина встает рядом с ней.

– Мы знаем, кто ты, – угрюмо говорит ее муж. – Ты жена Кэла, – вздыхает он, складывая руки на груди.

Его жена смотрит на меня почти сочувственно.

– Кэл, – так хорошо слышать, что кто-то еще произносит его имя.

Я уже начала думать, что я в полудреме.

– Так он рассказывал вам обо мне? Тогда почему он ведет себя так, будто не знает меня? Это из-за той женщины? Простите, я не знаю, кто... Он никогда не рассказывал о вас. Хе-хе... – я чувствую, как начинаю замолкать. Это уже слишком. Это не правильно, а я толком ничего и не знаю.

– Он не знает, кто ты, – говорит женщина, подходя ближе ко мне.

– Что? – я прижимаю сумочку к груди и подозрительно смотрю на нее.

– Человек, которого ты видела сегодня, не Кэл, – говорит мне ее муж.

– Я не понимаю... Нет, это был Кэл, я знаю, должен быть, – говорю я, понимая, что мне нужно присесть.

– Нет, это был не он, – говорит она, присаживаясь рядом со мной.

Я ищу ее глаза, чтобы понять, шутит ли она. Выражение ее лица

спокойное и сочувствующее. Я не понимаю. Он выглядит как Кэл, звучит как Кэл.

– То есть вы хотите сказать, что... это его брат? Близнец Кэла? – спрашиваю я, вспоминая идею Энджелы.

На самом деле, в этом есть какой-то смысл. Это объяснило бы, почему он не знал меня, почему смотрел на меня так, словно никогда раньше не видел. Кэл никогда не говорил, что у него есть брат-близнец, но он так же не рассказывал и о многих других вещах.

Ее муж выгибает бровь.

– Да, – быстро отвечает мистер Скотт.

Миссис Скотт хмуро смотрит на него.

– Уильям, нет. Больше никакой лжи; она заслуживает знать правду, – тихо ругает она мужа, отчего он так же хмуро смотрит на нее.

– Она не поймет, – говорит мистер Скотт, отходя от нас обеих.

– Мы согласились, что расскажем ей, – его жена встает и смотрит ему в глаза.

– Не пойму что? Он близнец или нет? – упрямо спрашиваю я.

– Хотели бы мы, чтобы все было так просто, – говорит миссис Скотт, в ее глазах читается боль.

Я бросаю взгляд то на нее, то на него.

– Пожалуйста, я-я не знаю, что и думать обо всем этом. Я приехала сюда, надеясь выяснить что-то... что-то другое, а не это. Я знаю, что я видела, но во мне теплится надежда, что это не то, чем кажется, – я жалобно смеюсь над собой и надеждой, которая все еще есть у меня, что это просто огромное недоразумение.

Я делаю глубокий вдох.

– Я всегда чувствовала, что Кэл от меня что-то скрывает. Я не знала, что или почему. Все, что я знаю, это то, что прошло уже почти два года, как он ушел от меня. Что бросил меня без какого-либо объяснения, но у меня было ощущение, что Кэл сделал это не по своей воле, а теперь... Я наконец-то нашла его сегодня, но он, очевидно, влюблен в другую женщину, притворяясь, что понятия не имеет, кто я, и это так больно. Если есть что-то, что угодно, что вы можете мне рассказать, даже если это подтверждение того, что я видела сегодня – правда. Пожалуйста... Пожалуйста, просто скажите мне, – я чувствую, как по щекам текут слезы.

Я вытираю их, ожидая ответа. Я ощущаю теплую руку на своем плече и, поднимая взгляд, вижу, что у Гвен тоже глаза на мокром месте.

– Я просто хочу правду, – с трудом произношу я. – Даже если он не хочет больше видеть меня, я просто хочу ответов, по крайней мере, точки в

отношениях, – умоляю я ее.

Она все еще колеблется и смотрит на своего мужа в поисках согласия. Я перевожу взгляд на него.

Теперь он рассматривает вид из окна. Я встаю и касаюсь его руки. Смотрю в глаза этого пожилого человека и вижу в них какой-то проблеск чувствительности, но затем он снова выстраивает стену. Теперь я вижу, от кого Кэл перенял это. Мистер Скотт со вздохом скрещивает руки. Я жду, и буду ждать до тех пор, пока мне все не объяснят.

– Пожалуйста, – тихо, едва не шепотом говорю я.

– Правда в том, что человека, за которого ты вышла замуж, не существует, – говорит мистер Скотт, смотря сквозь меня.

Я проглатываю комок в горле, думаю, я ожидала чего-то такого.

– Так его настоящее имя – Крис, – говорю я, надеясь, что тон моего дрожащего голоса выровняется. – Он все это время врал мне, – тихо говорю я себе, вытирая новые слезы, а затем обнимаю себя за плечи, чтобы как-то успокоиться.

– Нет, дорогая, ты не понимаешь, – сочувственно говорит миссис Скотт, усаживая меня на диван рядом с собой.

– О, я понимаю, – говорю я, кивая головой, и закрываю глаза, пытаюсь справиться с новым потоком слез. – Я понимаю, что он использовал меня... Он никогда не любил меня, – мой голос предательски дрожит, и я всхлипываю.

– О, нет, дорогая, ты неправильно все поняла, – уверяет она меня, поглаживая по спине, будто она моя мама.

Я скептически смотрю на нее, и она делает глубокий вдох.

– Крис и Кэл, они... два разных человека, – говорит она, беря обе мои руки.

Я смотрю на ее мужа, и он усаживается в широком кресле, где сидел до этого, с опасением что-то проворчав.

– Я, я не понимаю, – посматривая на них обоих, заикаюсь я. Они сказали, что он не близнец.

– Крис и Кэл живут в одном теле, но... Человек, которого ты видела сегодня – Крис, а не Кэл, – осторожно объясняет миссис Скотт. – Вот почему он так себя вел. Он действительно не знает, кто ты, – мягко продолжает она, держа меня за руку и пытаясь заглянуть мне в глаза в надежде найти в них какую-то реакцию на эту информацию. – Кэл и Крис – разные личности, – снова говорит миссис Скотт, медленно, как будто я не понимаю.

Я убираю свои руки.

– О чем вы говорите? – спрашиваю я, устремляя свое внимание на ее мужа. – Разные личности? – спрашиваю я его, ожидая нечто вроде подтверждения.

– Знаю, это может быть сложно для понимания, но это правда, – упрямо говорит ее муж.

Я качаю головой и встаю с дивана.

– Мы говорим тебе правду.. – говорит его жена с еще большим состраданием. – У Криса так называемое диссоциативное расстройство личности.

– То есть вы хотите сказать, что у Кэла... много личностей? – спрашиваю я, не веря своим ушам. «Они что, шутят?»

– У Криса. Кэл – это личность, которую Крис выдумал. Его нет на самом деле. Кэл выдуманный, – объясняет мистер Скотт.

«Да, так я и поверила. Нет. Ни за что».

– Даже не думайте, что я поверю в это, – злобно смеюсь я.

Я смотрю на миссис Скотт, чье выражение лица меня пугает, потому что в нем читается такая искренность.

– Я знаю, в это сложно поверить, даже невозможно, – осторожно говорит миссис Скотт, кладя руки на колени.

– Сложно поверить? Что ж... я не верю! – гневно выкрикиваю я, вскидывая руки вверх. – Вы – вы оба врете ради него. Вы его покрываете! – думаю, это единственное возможное объяснение на данный момент.

– Мы говорим тебе правду. Крис не знает, кто ты. Он не знает того, что знает Кэл, – умоляющим тоном говорит мне миссис Скотт.

Я закрываю лицо руками. Они все сошли с ума, продумывая это шутку или ложь, которую придумал Кэл. Они же не ждут, что я поверю в это. Они не серьезно, такое не могло произойти! Я опускаю ладони и изучаю их лица, они выглядят абсолютно серьезными. Я чувствую, как нервный комок в животе начинает расти. Я бешено трясусь головой.

– Вы лжете! Должны лгать! – восклицаю я. – Вы говорите, что у Кэла нечто вроде раздвоения личности. Что Кэл – человек, которого я знаю, но ваш сын Крис, с которым я встретила сегодня, очень кстати не знает, кто я, и он реальный человек, – цинично говорю я. Я смеюсь от возмущения. – Получается, что я вышла замуж за личность, не за человека, а за личность, – говорю я, продолжая смеяться, от слез все снова расплывается перед глазами.

– Пожалуйста, успокойся, – умоляет миссис Скотт, подходя ближе, но я отхожу от нее. Это не может быть правдой, нет... это просто... НЕТ!

– Мне нужно доказательство, что у него расстройство личности!

Записи врача, или заключение, да что угодно! – говорю я, и вместо слез появляется злоба.

– Сейчас у нас его нет, но мы можем достать их для тебя, мы позволим тебе проверить все, что у нас есть, – терпеливо говорит миссис Скотт.

– Нет, я не хочу видеть ничего, что мог подделать Декстер. Я – я вам не верю! – с жестоким сарказмом в голосе огрызаюсь я.

– У тебя нет выбора! – злобно отвечает мне ее муж.

– Почему я должна поверить в то, что вы говорите? – спрашиваю я, пытаюсь успокоиться, что совсем непросто.

– У нас нет причин лгать тебе! – кричит мистер Скотт. – Наш сын вернулся домой! Крис вернулся, Кэл ушел, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы убедиться, что он останется здесь! – говорит он мне холодным тоном.

– Уильям! – вскрикивает миссис Скотт почти что в ужасе.

Она нервно смотрит на меня, и я понимаю, что разинула рот.

– Я говорил тебе, что она нам не поверит, – бормочет мистер Скотт своей жене.

– Я хочу поговорить с Кэлом прямо сейчас, – угрожающе говорю ему я.

– Пожалуйста, позволь нам объяснить, – умоляет миссис Скотт, пытаюсь успокоить накаляющуюся обстановку в комнате между мной и мистером Скоттом. – Я знаю, что это ошеломляющая информация, но если ты только дашь мне шанс все объяснить... – просит она.

Смерив взглядом ее мужа, я присаживаюсь. Чтобы успокоить дрожь в руках, я крепко сжимаю их вместе.

– Прежде чем все это началось, наш сын был хорошо воспитанным и вежливым, очень трудолюбивым и заботливым, – ее теплая улыбка ожесточается, пока она продолжает. – Но незадолго до своего семнадцатилетия Крис начал вести себя по-другому. Все началось с мелочей: он стал притворяться кем-то другим. Не хотел делать работу по дому, что было странным, потому что Крис всегда предлагал нам свою помощь. Он знал, что у нас не было средств самим заниматься фермой. Затем мы неожиданно поняли, что вынуждены просить его о помощи, даже требовать. Вскоре после этого его учителя сказали, что он не делал домашних заданий и прогуливал уроки... Он делал все, чего никогда бы не стал делать наш сын. – Ты должна понять, что это было совсем на него не похоже, – говорит миссис Скотт с мрачным видом.

Все это кажется мне таким знакомым, бесследно исчезает, никогда не объявляется, когда его ждут, приходится выпрашивать у него ответы...

– Крис – чрезвычайно яркий человек, и школа всегда была для него

важна. Но во время этих перемен его поведение в школе стало таким плохим и переменчивым, что нас даже вызывали к директору и решали что делать, чтобы его не отчислили, – объясняет она.

– Они сказали нам, что поведение Криса было отвратительным. Он не слушался учителей, выходил из класса, когда ему вздумается, устраивал драки с другими учениками. Обычно наш сын даже не вступал в споры; когда он был помладше, то ходил на бокс, но сам никогда не был инициатором конфронтаций, так что мы не могли поверить своим ушам, когда услышали это, – вздыхает она, прочищая горло, и продолжает снова. – Они описали его как совершенно другого человека, а не мальчика, которого они учили все эти годы. Мы знали, что он вел себя по-другому дома, но никогда не думали, что это зашло так далеко...

Она начинает забываться, и мистер Скотт успокаивает ее.

– Сначала мы думали, что это всего лишь фаза взросления, – продолжает миссис Скотт, – что это нормально быть подростком-бунтарем. Дома его поведение было едва ли таким же плохим, как описывали его учителя, – она останавливается и на ее лице отражается боль. – Когда мы открыто поговорили с ним, он не выдержал, и сказал нам, что не знал, что случилось, и что с ним что-то происходит. Он сказал, что у него бывают периоды, когда ему необходимо что-то сделать или сказать, и что он это не контролирует. Затем он признался, что он на мгновение терял сознание. Что он просыпался утром, и в мгновение ока проходили часы, а он понятия не имел, где был и что делал. Представь себе, что кто-то рассказывает тебе такое, это самое страшное, что может произойти, особенно если это кто-то, кого ты любишь. Если бы ты только видела страх в его глазах, когда он рассказывал нам об этом... Он был в ужасе... и мы тоже. – Мы сказали, что отведем его к терапевту. Что выясним, что с ним происходит. На следующий день он пропал. Мы везде его искали, по всему городу, в окрестностях, мы не могли его найти. Спустя пять дней он пришел домой. Он был за рулем машины, которая стоила больше, чем годовой доход от нашей фермы, а он не помнил, как в нее попал. А в багажнике было двадцать тысяч долларов, – вспоминает миссис Скотт, покачивая головой.

– Мы понятия не имели, с чем мы имеем дело до того момента, – мистер Скотт наконец-то включается в разговор. – Крис раньше вообще не доставлял нам никаких хлопот, но тогда мы одни справлялись с такими серьезными проблемами. Наш сын был так напуган от того, чем он занимался, пока страдал от этих провалов во времени, да и мы тоже. Он заставил нас запереть его в комнате. Мы обратились к единственному человеку, который, как мы думали, мог нам помочь – моему отчиму

Декстеру Крест Филду Старшему, – объясняет мистер Скотт, и я вижу, как он сжимает кулаки, произнося его имя. – Он оплатил Крису самого лучшего психиатра; мы надеялись, что ему станет лучше. После этой терапии доктор пригласила нас поговорить с ней. Она сказала, что Крис страдал от формы диссоциативного расстройства личности, и такой формы она еще не видела. В большинстве случаев это расстройство было следствием травмы, с которой человек не мог справиться, создавая такое альтер-эго, которое сможет. Но в случае Криса, никакой травмы не было: было так, как будто его личность всегда была раздвоена. Как будто его альтер-эго росло вместе с ним, – говорит мистер Скотт с ноткой ярости на лице. – Доктор сказала, что познакомилась со второй личностью Криса еще на первом сеансе, что было необычно. Она объяснила, что обычно проходит много сеансов на то, чтобы проявилось альтер-эго, но оно появилось сразу же, – объясняет он и ждет от меня какого-то ответа.

Я тихо сижу, поглощая то, что слышу и жду, когда он продолжит.

Миссис Скотт подхватывает слова мужа, когда тот останавливается.

– Ты должна понять, что мы никогда не сталкивались с такими проблемами. У нас был сложный период, когда мы верили в то, что слышали, и я знаю, что ты тоже веришь. Даже если она была лучшей в своей области, мы все равно сомневались. Но пока не увидишь, не поверишь. Доктор сказала нам присутствовать на сеансе вместе с ней, и мы встретились с ним. Все это время мы были настроены скептически, но она загипнотизировала Криса, или как она говорила, ввела его в состояние бессознательности и попросила выйти его вторую личность. В тот день мы познакомились с Кэлом.

– Я никогда не верил во всю эту чушь про психические заболевания, пока сам не увидел это своими глазами, – говорит мистер Скотт, опустив взгляд на свои руки. – Этот человек выглядел как наш сын, звучал как наш сын, но он совсем не был нашим сыном. Он был... злым, нахальным... совсем не похожим на нашего сына, – вспоминает он. – У него также был характер, – продолжает мистер Скотт, – и у него совсем не было интереса к жизни, какую мы видели для Криса, или той жизни, которую он сам себе создал. Стало ясно, что это совсем не наш сын, и что у него не было никаких намерений иметь с нами каких-либо дел. У него были большие планы на свою жизнь, большие, чем жизнь на ферме, – я заглядываю в глаза мистера Скотта, и вижу там почти что ненависть.

Я начинаю ощущать, как живот скручивается узлом. Эта жизнь, эти люди совсем не вписываются в жизнь Кэла. Это не может быть правдой. Это не может происходить на самом деле. Из всех людей, с кем это могло

случиться, почему со мной? Почему с человеком, которого я люблю? Я закрываю глаза; насколько бы безумным это не казалось, в этом есть какой-то смысл.

– Мы боялись, что он навредит кому-то, или сделает что-то, за что Крис может попасть за решетку. Мы не могли его контролировать, так что мы решили отправить его пожить с сыном моего отчима. С Декстером-младшим, – говорит мистер Скотт. – Ты знакома с Крест Филдами, так что ты понимаешь, что это значит, – говорит он печальным голосом.

При упоминании его имени я не могу не сжать свои руки покрепче, при мысли, что Декстер так долго держал меня в неведении, по моим венам растекается злость. Мистер Скотт замечает мой дискомфорт при упоминании Декстера Крест Филда и продолжает.

– Я с гордостью называю не ассоциацию. Имя, с которым я не хочу иметь ничего общего, но для Кэла она хорошо подходила. И мы знали, что с ними у него будет все, чего он хочет, и ему не пришлось бы калечить людей или воровать, ставя под угрозу жизнь нашего сына. Конечно, Декстер-младший был из тех людей, которые нравились Кэлу. По большому счету, на нас ему было плевать. Когда Крис получит контроль, то он вернулся бы домой, а когда Кэл – уезжал бы.

– Два года назад моя жена получила такие новости, которые кардинально поменяли жизнь всей нашей семьи, – мистер Скотт умолкает, и его жена берет его за руку, сжимая ее.

– Мне диагностировали третью стадию рака, – тихо говорит она. – Мы попросили Декстера-младшего рассказать Кэлу. Вскоре после этого контроль захватил Крис и вернулся домой, и больше он не уезжал, – тихо заканчивает она.

Я стараюсь осмыслить все, что только что услышала. Я вспоминаю, что было два года назад, и неожиданно перед глазами у меня проносятся события последней ночи, проведенной с Кэлом, когда он ушел после того, как ему позвонил Декстер. И тут меня озаряет, что было в тот момент... Мои мысли спутаны, но сердце все еще хочет узнать, через что тогда проходил Кэл, и никто не мог его утешить или помочь справиться с этим.

– Мне, правда, очень жаль, что с вами такое случилось, – я стараюсь быть деликатной, но от всего этого я не могу собраться с мыслями. – Это, это не может быть правдой, – хнычу я про себя, пряча голову в ладони, пока сажусь, обдумывая всю информацию, которую только что услышала.

То, что я только что сказала – это чтобы убедить себя, но то, что эти двое мне говорят, идеально сходится со всем тем, что произошло. Я чувствую, как моего плеча касается рука, но сбрасываю ее, не желая верить

в услышанное. Я не хочу принимать это.

– Если все это – правда, если у меня получится в это поверить, то почему мне никто не говорил? – в бешенстве спрашиваю я. – Вы ведь должны были знать обо мне! Декстер знал обо мне. Я была у него дома. Я ужинала с ним... Он стал моим другом! И никто не сказал мне! – я смотрю им обоим в глаза.

– Сначала мы не знали. Кэл встречался со многими женщинами, – с презрением говорит мистер Скотт, его слова звучат резко. – Мы не знали, что с тобой у Кэла все было серьезно, – он замолкает, рассматривая свои ноги. Его жена встает, нервно теребя руками, в воздухе все еще чувствуется напряжение между мной и ее мужем.

– В тот день, когда Декстер позвонил нам и сказал, что он помолвлен, нам впервые рассказали про тебя, – говорит миссис Скотт.

– Он сказал, что ты была хорошим человеком... Что ты была хорошей для Кэла. Он сказал, что когда ты была с Кэлом, он был настолько близок к Крису, насколько возможно. Его доктор сказал, что, возможно, ты помогла бы ему поправиться, знакомя его с той стороной себя, которую он не знал, с добротой, теплом и любовью.

– А как же я? Вы продолжаете говорить о том, что все думали, как будет лучше для Кэла, для Криса? А как же я, кто-нибудь задумался, как это повлияет на меня? Кто-нибудь хоть на секунду смотрел на меня, как на человека, а не как на форму терапии?! – гневно кричу я.

– Да! Эти мысли побудили меня рассказать тебе о нем больше, о нем настоящем. Я, я приезжала, чтобы увидеться с тобой. Конечно, ты не знала, кто я. Я попросила тебя спуститься, но вместо тебя спустился Кэл, и он остановил меня. Я попросила его не жениться на тебе. Я сказала, что он навредит тебе, и он взбесился. Сказал, что любит тебя больше всего на свете, и что никогда тебя не обидит, и если мы расскажем тебе все, то больше никогда не увидим Криса, – она виновато опускает глаза.

И осознание сваливается на меня, как тонна кирпичей. Теперь я узнаю ее, она была той рыжей женщиной, которая приходила повидаться со мной перед вечеринкой по случаю помолвки. Кажется, меня сейчас стошнит.

– Я умоляла его рассказать тебе правду. Что он не мог вечно жить с тобой во лжи, – продолжает миссис Скотт, по щекам текут слезы. – А он продолжал говорить о том, что сделает что-то, что решит его проблему, что он полностью избавится от Криса, – последнюю часть она говорит со вздохом. – Когда я это услышала, то испугалась того, что он сделает. Я надеялась, что он лжет, и единственное, чего я хотела – это убедиться, что он не станет как-то вредить себе, – она вытирает слезы. – Мы хотели

рассказать тебе. Мы знали, что ты заслуживаешь правду, но мы не могли пойти на такой риск и потерять нашего сына, – слезы льются из ее глаз, как из фонтана, а я пытаюсь отбросить сочувствие, которое испытывает мое сердце. Сейчас их нельзя жалеть.

Они искренне кажутся хорошими людьми. Я прокручиваю в голове все те моменты, когда уезжал Кэл, что он никогда не рассказывал мне о своей семье. Я вспоминаю слова Декстера, как он сказал, что если я буду искать Кэла, то я его не найду. Я потираю свои пульсирующие виски и начинаю плакать. Если все это – правда, то мой муж, отец моего ребенка не существует. Но нет, я не могу это принять. Кэл настоящий; по крайней мере, когда он со мной.

Я поднимаю голову, и вижу, как миссис Скотт смотрит на меня с сочувствием. Я не знаю, что сказать. Что я должна сказать? Мои мысли неожиданно переключаются на события сегодняшнего дня. Я делаю глубокий вдох, стараясь прочистить горло и беру «Клинекс», который мне протягивает миссис Скотт.

– Так, сегодня днем, он... его зовут Крис? – запинаясь, произношу я.

Миссис Скотт кивает.

– Так я... вообще ничего для него не значу? – спрашиваю я, теребя краешек своей футболки.

– Это потому что он не знает, что делает Кэл, когда захватывает контроль, – говорит мистер Скотт низким, нервным голосом.

На секунду я перестаю думать, переваривая его слова.

– Подождите минутку! – говорю я, меня озаряет. – Вы никогда ему ничего не рассказывали?

Миссис Скотт стыдливо опускает взгляд.

– Мы думали, что для него будет лучше не знать. Он и так уже перенес так много всего, потому что мы решили, что для него так будет лучше, – объясняет мистер Скотт.

Я роняю челюсть.

– Вы никогда...? Он не знает про Кэла? Про меня? Про... Вы позволили ему обручиться с другой женщиной, зная, что он женат? – резко говорю я, поднимаясь.

– Технически, он не женат на тебе. Ты жена Кэла, а не Криса, – холодно отвечает он.

Голова его жены тут же поворачивается к нему.

– Я жена Кэла? – кричу я. – Вы никогда не утруждались рассказать мне, что Кэл ненастоящий, так что прямо сейчас я замужем за вашим сыном!

– Тот монстр, которого ты любила, не мой сын! – кричит он в ответ.

– Кэл не монстр! Он не такой злой, как вы рассказываете. Возможно, он не идеален, но он хороший человек! – злобно говорю ему я.

– Кэл – самое худшее, что случилось с нашей семьей! – кричит он на меня.

– Как вы смеете! У вас нет никакого права, особенно после всего этого, обвинять кого-то в безнравственности. Вы ничего не знаете о Кэле, и если вы так думаете, то вы и не заслуживаете ничего знать! – защищаясь, говорю я.

– Ты ничего о нем не знаешь! – кричит он.

Его слова ранят меня, потому что я не знаю, что происходит, и если это правда, то Кэл разорвал нашу жизнь на части, но не позволю ему вот так стоять и обвинять Кэла с такой ненавистью. Я не знаю, чему верить на данный момент, но не разрешу кому-то так говорить о Кэле, он все еще отец моей дочери, и если его отец так к нему относится, то я знаю, почему именно он ушел.

– Уильям, прекрати! – приказывает его жена, и он сразу же ей подчиняется.

– Да он вообще знает, что у него? Что у него раздвоение личности? – мой голос начинает дрожать.

– Он знает, что страдает от эпизодов потери во времени, но в этом смысле, нет. Это часть его лечения – постепенно рассказать ему о Кэле. Если мы обрушим все это на него, он может сломаться, и тогда все станет еще хуже. Прямо сейчас ему это не нужно, ему наконец-то становится лучше, – говорит мистер Скотт, его голос становится спокойным.

– Лучше? Вы говорите, что ему становится лучше? Как ему может стать лучше, если он даже не знает, что у него есть жена и ребенок? Что вы от меня хотите? Чтобы я исчезла? Позволила ему жить этой маленькой счастливой жизнью с вами? – кричу я.

– Ребенок? – бормочет миссис Скотт.

Она широко распахивает глаза и повторяет слова.

– У вас было почти два года, и вы ничего не рассказали ему. Вы даже мне не собирались рассказывать...

– Мы собирались рассказать Крису, просто нам нужно больше времени, нам нужен его врач. Но ты должна понять, что ты часть жизни Кэла, и что у Криси есть своя собственная жизнь. Кэла здесь нет, и наша конечная цель – полностью избавиться от Кэла! – подчеркнуто говорит он, и мое сердце замирает.

– Уильям... – миссис Скотт берет мужа за руку, ее глаза все еще широко

открыты, и она пытается привлечь внимание мужа.

– Мы расскажем Крису и Дженне, но тогда, когда будет подходящее время. Мы надеемся, что ты будешь уважать наше решение сделать это, когда мы сочтем нужным, – продолжает он, смотря мне прямо в глаза.

– Уильям! – в ярости визжит его жена. – Ты слышал, что она сказала? – говорит женщина ломающимся голосом и со слезами на глазах. Я вытираю свои слезы. – Она сказала, что у них ребенок, Уильям.

Его хмурое выражение лица смягчается, и брови устремляются вверх. Они оба смотрят на меня. Я чувствую, как во мне зарождается новая волна гнева и замешательства.

– У тебя ребенок? – тихо спрашивает он.

Я ничего не отвечаю, хмуро уставившись на них обоих. Я хватаю свою сумочку, вытаскиваю телефон и показываю им фотографию Кэйлен, протягивая телефон миссис Скотт. Я не могу не заметить выражение шока на ее лице. Поворачиваюсь к ее мужу, и у него такое же лицо, у них такие взгляды, как будто они вообще впервые что-то об этом слышат.

– Д-Декстер никогда не говорил нам, что ты была беременна. Мы ничего об этом не знали, – говорит он, его голос звучит холодно, но лицо смягчается.

– По вашим словам, ее отец – не Крис. Ее отец – монстр, от которого вы хотите избавиться! – резко говорю я.

– Как ее зовут? – миссис Скотт говорит так тихо, что мне приходится напрячь слух, чтобы разобрать. По ее лицу расплывается улыбка, и глаза наполняются слезами, пока она смотрит на фотографию. – Она выглядит совсем как он, – ее голос ломается, и она прикрывает рот рукой.

– У тебя дочь от Криса? – мрачно говорит он.

Забавно, что теперь у меня ребенок от Криса, когда еще минуту назад я была женой Кэла.

– Посмотри, Уильям, какая она красавица, – без устали повторяет миссис Скотт и пытается показать фотографию мужу.

На секунду он бросает взгляд на фото, затем к нему снова возвращается сердитый вид.

– Это уже плохо, что он женился на этой женщине, но ребенок. Я не думал, что он опустится так низко, – он подходит к окну и ударяет рукой о стекло.

– Уильям, успокойся.

– Как он мог так поступить? Почему Декстер ничего нам не рассказал?

– Уильям, у нас есть внучка! – говорит она, пытаясь сфокусироваться

на положительном аспекте.

– Это дочь Кэла! Не Криса, есть разница! – орет он на нее.

Ее улыбка исчезает, и она сердито смотрит на него, берет телефон и подносит к его лицу.

– Чьи это глаза? Чья это улыбка? – спрашивает она. – Криса. Я вижу свою внучку, Уильям! – орет она на него.

– Я не могу в это поверить! – кричит он.

– Кто-то должен был рассказать мне! – хрипло кричу я, устав от того, что меня игнорируют. – Секреты не так уж хороши, когда их скрывают от тебя? – горько спрашиваю я, и они виновато опускают глаза. – Никто не считал нужным рассказать мне, что человек, которого я полюбила, за которого вышла замуж и от которого родила ребенка, с расстройством личности? Думаю, как только он вернулся домой, вы снова стали счастливой семьей, даже не задумываясь о той семье, которую он бросил в Чикаго. Это принесло бы вам слишком много неудобства – сообщить мне, что происходит! Мы с Кэйлен были слишком тяжелым грузом для вашей идеальной маленькой жизни! – кричу я, чувствуя, как меня всю трясет.

– Мы понятия не имели, что у тебя есть ребенок. Декстер никогда не рассказывал нам, что ты была беременная.

– А если бы не была? Тогда вы бы просто позволили мне исчезнуть, без малейшего понятия, где он. Все, что в прошлом, должно быть забыто, да? Вы можете не воспринимать Кэла как реального человека, но для меня он настоящий, и я тоже настоящая! Я из кожи и плоти, и у меня есть чувства. Я люблю его, мужчину, а не плод моей фантазии или этого монстра, как вы его называете... когда он бросил меня, мне было так больно. Я плакала каждую ночь. Каждая частичка моего тела болела. Вы любите своего сына! Я люблю своего мужа! Каждый момент, когда вы были с ним счастливы, я была одна, задаваясь вопросом, где был мой муж! Я понятия не имела, был ли он ранен, или жив вообще, но вы были спокойны, зная, что ваш сын был в безопасности каждый раз, когда он исчезал! – говорю я, чувствую, как текут слезы, сдерживаемые все эти годы. – И теперь, когда вы знаете, что у меня есть ребенок от Кэла, или Криса, или как он там хочет себя называть, что теперь? Я просто должна сделать что? – такое ощущение, что мистер Скотт смотрит сквозь меня.

– М-мы... Конечно, нет. Мы ему расскажем, что у него есть прекрасная малышка, – говорит миссис Скотт, смотря на фотографию.

Мистер Скотт хмуро смотрит то на меня, то на нее.

– Я сейчас позвоню Декстеру и спрошу его обо всем этом, – рычит он и выходит из комнаты.

– Мне так жаль, Лорен, – говорит миссис Скотт, и слезы все катятся по ее щекам. – Мы понятия не имели. Я знаю, мы поступили неправильно, что не сказали тебе. Но если бы мы знали, что у тебя ребенок, мы бы рассказали Крису. Мне так жаль, – ее голос надывается, и затем она замолкает, пытаясь успокоиться.

Я смотрю на нее, и мне почти хочется ее обнять. Кажется, ей искренне жаль, и от ее присутствия так тепло. Я не могу не подумать, что в другой ситуации она была бы отличной свекровью. Я вешаю сумочку на плечо и делаю глубокий вдох. Это был слишком долгий день. Я подхожу к ней и протягиваю руку, прося телефон обратно.

– Ты не... ты не против прислать мне фотографию? – спрашивает она, с неохотой протягивая мне телефон. Я открываю сумочку и достаю из кошелька фотографию, на которой я с Кэйлен, и пишу на обратной стороне свой номер.

– Ее зовут Кэйлен, это мой номер, – я разворачиваюсь и направляюсь к двери.

Она идет за мной, чтобы проводить.

– Где... где ты остановишься? – спрашивает миссис Скотт, шмыгая носом, стараясь оправиться от всего того, что только что произошло, как и я.

– Я еще не знаю, где-нибудь поблизости, – говорю я ей, открывая дверь.

Миссис Скотт оборачивается и у нее такой вид, будто хочет что-то сказать, но она молчит.

– «Риттер Инн» очень милое место, недалеко отсюда, цены приемлемые, и там работают хорошие люди, – говорит она с натянутой улыбкой.

– Я все еще не уверена, что смогу поверить во все, что вы мне рассказали, – прямо говорю я. – То есть, никто не был со мной честен до этого момента, – она открывает рот, чтобы что-то сказать, но я перебиваю ее. – Я знаю, вы делали все это, чтобы защитить вашего сына, потому что вы любите его. Тогда поймите, что я люблю свою дочь, и она не будет расти без отца. Если бы дело было только во мне, я просто ушла бы. В конце концов, Кэл держал меня в неведении так же, как и все остальные, – я останавливаюсь, не хочу больше лить слезы. – Но она заслуживает отца, неважно, Кэл это или Крис, или, может, ему вздумается называться Бобом. Один из них принимал участие в ее создании, – я стараюсь, чтобы голос звучал мягче. – Скажите вашему мужу, что я не собираюсь исчезать. У вас есть три дня, чтобы рассказать ему все, что не рассказали, потому что

когда я увижу его, я расскажу ему все. Но, думаю, он бы предпочел услышать это от вас, а не от меня. Думаю, мы сможем поговорить обо всем без необходимости мне рассказывать ему все, что вы не расскажете, – откровенно говорю я.

Миссис Скотт кивает, широко распахивая глаза. Я выхожу из дома и быстро спускаюсь по ступенькам на крыльце.

Когда добираюсь до машины, я оборачиваюсь и вижу, что она все еще смотрит мне вслед. Я забираюсь внутрь и быстро уезжаю. Так много из того, что они сказали, могло бы быть правдой... но все ли из этого сказано честно? Мне придется решать самой. У честности нет четких границ.

Глава 32

1 апреля 2011 года

Вот уже три дня, как Кэл вернулся из своей последней поездки. *Работа*. Забавно. Ну, не совсем, что он стал уезжать за город чаще, да и дело не только в этом, а в том, что они стали спонтанными. Судя по всему, ему может понадобиться уехать посреди ночи, по небольшому указанию – как я потом узнаю. И я просыпаюсь утром, а рядом со мной нет мужа. Все не так уж плохо. Я стараюсь думать об этом в положительном смысле, что это здорово, что я не знаю, когда он будет дома, что это как бы игра. В этом нет ничего странного или оскорбительного – по словам Кэла.

Я вспоминаю нашу первую ссору, которая произошла три месяца назад из-за недостатка общения. Как тогда это было на него не похоже, по сравнению с двумя поездками, в которые он уезжал до нашей свадьбы и одну сразу после нее. Тогда, оказывается, он общался со мной, как с нормальным человеком. И *это* было совсем на него не похоже.

Единственное, что удерживает его от словесного взрыва – это сообщения. О, как мне повезло, что я вообще их получаю. Обычно два слова, если повезет, то три. «*Я закончил*». «*Скоро буду дома*». «*Не злись*». Скорее всего, он просто внес их в шаблоны сообщений. После этой последней командировки я решила, что с меня хватит умолять его вести себя как нормальный человек, уважать и не забивать на меня. Я просто устала идти на компромисс и просить. Я уже близка к тому, чтобы покончить с ним и этим браком.

Кэл может говорить все, что хочет – что это работа или что он там, черт возьми, думает, что я достаточно глупа, поэтому всему верю, но мне тошно от этого. Кэл думает, что мне здесь весело, пока жду, когда он решит объявиться. Когда я вижу его командировочную сумку, я чувствую, как

закипаю от злости. Здесь что-то еще помимо работы. Должно быть.

Мы не разговариваем эти два дня. Кэл приехал домой из своей последней «командировки», в которой он был шесть дней, за все это время вспоминая обо мне в сумме один час, в ту самую ночь, когда пообещал мне поехать вместе в Сагино навестить Рейвен. С тех пор, как Кэл дома, я не могу и слова выдать. Он не хочет говорить, о чем хочу я – о том, с кем он, черт возьми, когда уезжает. Я знаю, что, скорее всего, у него где-то есть любовница, может, по одной в каждом тупом штате. Когда я сказала это Кэлу, он просто рассмеялся. Это было определенно смешно, учитывая его реакцию. Когда я сказала, что его должность должна называться «Сучка Декстера», Кэл не посчитал это забавным. И теперь он со мной не разговаривает.

Самая ужасная часть этого всего – это то, что даже, не смотря на то, что я так сильно на него злюсь, что хочу его побить, но все равно скучаю по нему. Я так сильно скучаю, что у меня сводит живот. Я скучаю по нему – хоть мы и спим в одной постели. Кэл даже не пробовал прикоснуться ко мне с той первой ночи, когда я оттолкнула его и сказала держать свои руки подальше от меня. Тем не менее, мое тело жаждет его прикосновений. Я хочу лежать у него на груди и ощущать, как его пальцы выводят свое имя на моей спине. И в бешенстве от того, что чувствую себя так, что Кэл делает с нами. Он думает, что я преувеличиваю. Думаю, что он недооценивает влияние, которое оказывает на нас.

Сегодня я была в спортзале и два часа колотила беговую дорожку кроссовками вместо того, чтобы колотить все дома. Не знаю, что со мной происходит, но я превращаюсь в ту, которой не хочу быть – злобную мстительную мегеру.

Я делаю глубокий вдох, вхожу в нашу спальню и вижу, как он роется в комод, укладывая вещи в чемодан возле своих ног. Мой живот сжимается, и я чувствую, как у меня стучит в висках. Кэл уезжает, а ведь вернулся только три дня назад.

– Завтра я еду в Сиэтл. На случай, если тебе есть дело, – с сарказмом говорит он.

Кэл должен почувствовать мой пылающий взгляд у себя на спине.

Я выключаю музыку и вытаскиваю наушники.

– Что? – злобно говорю я, хотя мы оба знаем, что слышала его четко и ясно.

– Ты слышала, что я сказал, – коротко отвечает Кэл.

Я злобно смеюсь.

– Ну конечно, уезжаешь. Спасибо, что предупреждаешь, куда едешь, но

к твоему сведению, меня это уже не особо волнует, – язвительно говорю я.

И сразу же сожалею о сказанном, но эти слова вылетели так легко.

Кэл прекращает рыться в ящике комода и резко оборачивается, его лицо выражает ярость. Его взгляд скользит снизу вверх по моему телу, и на секунду это взгляд кажется мне знакомым – что-то, чего я не видела за эту пару дней – желание. Но я слишком зла, чтобы меня это заинтересовало, так что это выражение исчезает, и на смену приходит та манера поведения, когда Кэла вывели из себя. Я шумно сажусь на кровать, снимая кроссовки. Мне жарко, меня все бесит и тошнит от всего.

– Не волнует, да? – смеется Кэл, не веря своим ушам.

Я закатываю глаза и снимаю второй кроссовок.

– Ну, тогда это последний раз, когда я говорю тебе, куда еду, раз тебя это не волнует, – злобно говорит он.

Я открываю рот, чтобы ответить, но чувствую, как горло горит огнем, и знаю, что если что-то сейчас скажу, то голос сломается, и начну плакать. Но я не доставлю ему такого удовольствия. Вместо этого, делаю глубокий вдох, встаю, смотрю ему прямо в глаза и показываю ему средний палец. А затем направляюсь к ванной, держа палец, пока не оказываюсь в ванной, а потом изо всех сил хлопаю дверью.

Как только захожу внутрь, злость быстро исчезает. Я устремляюсь к душе, включаю воду, чтобы Кэл не слышал, как я плачу. Снимаю свои пропотевшие шорты и спортивный бюстгальтер и становлюсь под воду, где полностью перестаю себя сдерживать. Я зла. Я настолько разозлилась, что даже *не чувствую* злости. Я опустошена. А ведь не прошло и трех месяцев, как он снова начал ходить на работу, а мой брак уже вот-вот развалится.

Я ненавижу то, как мы относимся друг к другу. Эта небольшая словесная перепалка стала фактически первым нашим разговором без криков. Завтра он снова уедет. Я в ужасе от того, что этот цикл просто изживет себя, и через год уже буду подписывать документы на развод.

Я опираюсь руками о стену, запрокидывая голову, позволяя воде литься на меня, и продолжаю плакать – горячая вода не смывает эту печаль внутри, не притупит боль в моей душе. Вдруг в душ врывается поток холодного воздуха. Я поворачиваюсь, и мой взгляд автоматически останавливается на его хмуром лице.

– Нам надо поговорить, – строго говорит Кэл.

Надеюсь, капельки воды скроют мои слезы. Я снова разворачиваюсь, едва смотря на него.

– Отъебись, Кэл, – злобно смеюсь я, едва встречаясь с ним взглядом.

Кэл не хочет разговаривать ни о чем, о чем бы хотела я, и он в любом случае уезжает, так что разговор не имеет смысла.

– О, хотя уверена, что тебе с этим помогают много женщин, – добавляю я с горьким смешком.

Секунду спустя Кэл оказывается в душе, полностью одетый.

– Что ты делаешь? – в шоке спрашиваю я.

Кэл начинает снимать свою рубашку, расстегивает брюки и снимает их прямо в душе. Затем выбрасывает из душа свою мокрую одежду и закрывает дверцу. Я качаю головой от шока, не веря своим глазам. Я пытаюсь выйти, но Кэл хватается за меня. Я двигаюсь, чтобы выскользнуть из душа, но он меня не пускает.

– Пусти, – толкая его, кричу я.

– Поговори со мной! – злобно требует Кэл, о-о-о, он разозлился.

Нет, это я разозлилась! Я устала разговаривать с ним. Это не помогает! Я попросту трачу воздух. Я снова пытаюсь вырваться, но Кэл не отпускает мою руку.

– Нет! – кричу я, пытаюсь сдвинуть его с дороги.

Как бы я не пыталась выйти, но преграждает мне путь.

– Я не хочу с тобой разговаривать! – гневно говорю я, отталкивая его, но Кэл с силой прижимает меня к себе, я снова принимаюсь его колотить, и он хватается за меня.

– Тогда, черт, просто послушай! – требует он, прижимая меня к стене душа, мои руки возле головы. – Я не кто-то там еще, понятно? Если бы я хотел других женщин, я не был бы с тобой. Я знаю, все выглядит плохо! Но, клянусь Богом, я не изменяю тебе. Если злишься, то злись на то, что меня нет, но я не могу справиться с тобой, когда ты ненавидишь меня за эту воображаемую чушь в твоей голове.

Я смотрю на него. Кэл тяжело дышит, брови нахмурены. Я хочу ударить его и поцеловать одновременно. Он смотрит мне прямо в глаза, пытаюсь прочитать меня, и я отворачиваюсь.

– Ты все, чего я хочу, – низким голосом говорит Кэл, опираясь головой о мою. – Ты все, чего я когда-либо хотел, – его хватка на моих запястьях ослабевает, но он все еще держит меня.

Кэл целует меня. Я слегка отворачиваюсь, все еще пытаюсь вырваться. Он охватывает мой подбородок, удерживая мое лицо напротив своего, и целует меня более настойчиво, и когда я прерываю поцелуй, мы оба переводим дыхание.

– Ты нужна мне, – говорит он с умоляющими нотками в голосе, и целует меня с еще большим желанием и до тех пор, пока я не начинаю

отвечать на поцелуй.

Его руки скользят по моим бедрам, и он без усилий поднимает меня. Я чувствую, как он проскальзывает внутрь. Когда Кэл входит, у меня вырывается стон. Мои пальцы впиваются в его спину, мое тело обвивается вокруг него. Он все глубже внутри меня, каждое движение напоминает мне, как сильно мое тело жаждет его, каждый толчок напоминает, что Кэл знает каждую трещинку. Мое тело сдалось ему, но сердце нет, оно разбито и прячется. Только после того, как он удовлетворил мое тело за все то время, пока его не было, и все еще находясь внутри, Кэл берет меня за руку, и его пальцы переплетаются с моими.

– Без тебя я ничто, – шепчет он мне на ухо.

Я стараюсь списать неуверенность в его голосе на то, что его тело восстанавливается после произошедшего. Но от этих четырех слов показалось мое сердце, и тоже сдалось ему. Мне все еще страшно, очень страшно. Тяжести в груди больше нет, и я верю, что Кэл не изменяет мне, но понимаю, что если не изменяет, то у нас проблема – еще больше, чем я думала. Потому что если Кэл любит меня так сильно, как уверяет меня, то так и есть. Но что-то медленно открывается в наших отношениях, и у нас может не получиться это исправить.

Глава 33

9 марта 2013 года

«...Ты та причина, по которой я борюсь, чтобы быть здесь».

Я открываю глаза, стараясь избавиться от последних слов, которые неустанно крутятся у меня в голове. Не могу спастись от них, они эхом раздаются в моей голове. Также пытаюсь сделать так, чтобы лицо Кэла исчезло из памяти, но каждый раз, когда закрываю глаза, снова вижу его.

Кажется, что в словах скрыто больше смысла, чем я могла себе представить, но теперь они бессмысленны. Что-то заставило Кэла прекратить борьбу. И даже если он боролся, то это довольно спорный момент.

Я сижу на мешковатой постели в милом номере гостиницы «Риттер Инн»... но на самом деле нет.

Вздыхаю, держась руками за голову. Сон был практически бессмысленным. Когда не слышу голос Кэла, то слышу его родителей, меня окружают слова Скоттов. Сцены моей жизни с Кэлом не дают мне покоя, каждую секунду проносясь в мыслях, или, что еще хуже, мое знакомство с «Крисом».

Прошло уже два дня с тех пор, как я узнала так называемую «правду», и так или иначе, я верю в это. Невозможно, но в этом есть смысл, в логическую цепочку выстраиваются все те мысли, которые бессвязно жили в моей голове все эти годы – все неожиданные исчезновения Кэла, его несостоявшаяся связь с семьей, со всеми, за исключением Крест Филдов, но поверить в то, что его не существует, что он просто поддельная личность... Я никогда не поверю в это. Просто не могу.

Я пытаюсь забыть выражения лиц Скоттов, они держались честно и искренне – даже мистер Скотт. Его озлобленность была такой неподдельной, он точно не притворялся. Слезы миссис Скотт были чересчур настоящими, и когда она говорила, в ее глазах было заметно огромное количество горя. Если все это выдумка, они оба должны получить «Оскар».

Я бросаю взгляд на прикроватный столик, где снова вибрирует мой телефон. В этот раз звонит Хилари. Она, Энджела и Рейвен звонили неоднократно, но я была не в состоянии говорить с ними. Потому что не могу сейчас отвечать на вопросы, на которые у меня нет ответов. Такое ощущение, что мне снится кошмар, и я жду, когда проснусь, как будто все это происходит у меня в голове.

Беру пульт, лежащий рядом со мной, и включаю телевизор в надежде на то, что это отвлечет меня от сложных мыслей. Вспоминаю о Кэйлен, я еще никогда так надолго не уезжала от нее. Я так скучаю по дочке. Хоть и знаю, что Рейвен прекрасно заботится о малышке, и она бы скорее умерла, чем допустила бы, чтобы с Кэйлен что-нибудь случилось, но все равно я очень скучаю по моей девочке.

Чувствую себя виноватой за то, что мало общаюсь с ними, но я просто пока еще не готова для разговоров.

Не могу размышлять над тем, что все это значит, если это правда. Чтобы я не сделала, у меня такое чувство, будто меня сейчас стошнит или упаду в обморок. Я ничего не знаю об этом Крисе, и он абсолютно ничего не знает обо мне. Крис любит другую женщину, или он обручен с ней. Могу только представить, как его родители объяснят ему, кто я такая.

Мысленно возвращаюсь к словам мистера Скотта о том, что возможно Крис не сможет принять правду, и что от этого все станет только хуже. Но что это значит? Получается, что Кэл вернется?

Я видела фильмы о раздвоении личности, сюжетные линии в мыльных операх, которые смотрела Рейвен, когда я была маленькой, но столкнуться с этим в жизни – это что-то совершенно другое.

Мои размышления прерывает стук в дверь. Наверно, это обслуживание

номеров, а это значит, что мисс Риттер хочет убедиться, что я не разнесла ее номер. Лениво встаю с кровати и открываю дверь.

– Мне не нужно... – я начинаю говорить, но замираю при виде человека, смотрящего на меня.

– Привет, – тихо говорит мужчина, его глаза такие же большие, как и мои.

Мое сердце подступает к горлу. Здесь, Крис здесь, стоит напротив меня. Я пытаюсь оторвать от него взгляд, но мои глаза просто прикованы. Я всматриваюсь в его глаза в поисках какой-то пронизательности, которую не видела годами, но в них только неуверенность.

Мои руки начинают трястись, тело не слушается. Я чувствую, как шквал эмоций начинает подниматься из живота, и они вот-вот вырвутся, если не справлюсь с ними.

Я не могу сорваться здесь, не могу дать чувствам выйти из-под контроля. И должна использовать это время, если не для себя, то для Кэйлен. Я должна увидеть, Кэл ли это, или он надо мной издевается, если все это ложь, или, что еще хуже, если все это правда.

Сейчас у него есть преимущество – элемент неожиданности. Я должна воспользоваться этим. Надо подумать... Из раздумий меня вытягивает еще один стук в дверь. Я понимаю, что подсознательно закрыла дверь перед его носом.

«Я смогу это сделать. Смогу», – подбадриваю я себя.

– Прости, что я заявился вот так. Я-я-я просто подумал... Я могу прийти позже, когда ты будешь готова, – говорит робкий голос, а затем слышу, как отдаляются шаги.

– Нет! – я быстро открываю дверь и выглядываю, чтобы увидеть его.

Крис оборачивается и медленно приближается ко мне, с каждым шагом, я чувствую, как у меня сжимается грудь, и мне становится тяжело дышать. Теперь мои глаза избегают его, невольно зафиксировавшись на груди, ведь Крис выше меня.

– Мои родители сказали, что ты зайдешь завтра, но... я подумал, мы... Я хотел поговорить с тобой наедине, если ты не против, – он запинается.

Я смотрю вверх и вижу, что его взгляд прикован к моей голове, кажется, мы оба используем одну и ту же тактику. Я пытаюсь ответить, но ничего не приходит на ум, так что отступаю назад, жестом приглашая его войти. Пока Крис проходит, я делаю глубокий вдох, бросаю ему вслед беглый взгляд, и затем закрываю дверь.

Я снова уверяю себя, что смогу это сделать. Подхожу к дивану, пытаюсь решить, лучше присесть или постоять, но мой взгляд все равно притягивает

Крис.

Не могу поверить, что уже почти два года прошло с тех пор, как я видела его, не считая вчерашнюю катастрофу. Я так сильно хочу не смотреть на него, но в то же время не могу удержаться.

Я складываю руки на груди и жду, пока Крис скажет что-нибудь, после всего этого это ведь он пришел сюда. Наши глаза встречаются, и его взгляд меня пугает. Они кажутся такими родными, но чужими. Он смотрит на меня как на незнакомку. Как бы на меня не смотрел Кэл, даже если я была расстроена из-за него, или он был расстроен, в его взгляде всегда было то, что удерживало меня, что-то настолько сильное, что я это ненавидела, когда злилась, а когда не злилась – меня это восхищало. Но теперь, когда смотрю в глаза Криса, то вижу смятение.

Его глаза какие-то серьезные и извиняющиеся, и меня это пугает, потому что в глазах Кэла я никогда не видела ничего подобного. Он никогда не признавал свою неправоту и редко извинялся.

Кажется, что в воздухе повисли несказанные слова, незаданные вопросы, по крайней мере, с моей стороны, но я не знаю, что сказать, с чего начать. «Как начать разговор с кем-то, кого ты вроде как знаешь целую вечность, но на самом деле не знаешь вообще?»

Я убедила себя в том, что если бы он был один, то сразу же поняла бы, что это все ложь. Я стараюсь убедить себя в том, что это все ложь. И теперь, когда я просто смотрю в глаза Крису, которые всегда выдавали так мало, и в то же время так много информации о нем, я понимаю. Я не вижу в них Кэла. Я хватаюсь за свое запястье и сжимаю его – это моя плохая привычка, когда я нервничаю.

– Я, правда, не особо знаю, что тебе сказать, или с чего начать, – тихим голосом начинает Крис.

Он впервые смотрит мне в глаза, как будто видит меня в первый раз. Это длится одну секунду, и затем Крис отводит взгляд. Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но останавливается, как будто не может подобрать абсолютно никаких слов.

Я стараюсь придумать, что сказать, чтобы нарушить эту мертвую тишину. Хочу сказать так много, но не ему. Не этому человеку, стоящему передо мной.

От слез все вокруг расплывается, и я изо всех сил стараюсь не расплакаться. Отворачиваюсь от него и быстро вытираю глаза. Вижу, что его взгляд прикован к своим ногам. Я понимаю, что должна поговорить с ним о том, кто он, о том, что я ничего о нем не знаю, и мне тяжело это осознавать.

– Эм-м-м, – я пытаюсь заговорить, но в горле начинает першить.

Я устремляю взгляд в потолок, пытаюсь быть сильнее, чем чувствую.

– Честно говоря, я и сама не знаю, что тебе сказать, – говорю я и злюсь на себя за то, что по щекам катятся слезы.

Я быстро вытираю их и замечаю, насколько ему неловко.

– Твои родители все тебе рассказали? – неуверенно спрашиваю я, приказывая голосу звучать твердо.

Крис вздыхает, все еще избегая зрительного контакта.

– Они рассказали, что вралли мне все это время. Что когда я ничего не помнил, то мою жизнь проживал за меня другой человек, что они думали, что будет лучше скрыть это от меня, – с горькой печалью в голосе говорит Крис. – Все, кого я знаю и кому верю, лгали мне. Мои родители, так называемый врач, – нахмутив лицо, говорит он.

– Добро пожаловать в клуб, – бормочу я, потирая виски.

Кажется, как будто у меня не прекращается мигрень с тех пор, как я сюда приехала.

Снова наступает тишина. Я замечаю, что на нем потертые рабочие ботинки, куртка чистая, но очевидно поношенная. Волосы тоже другие, короче, чем обычно. Он выглядит как модель компании «Олд Нэйви», еще более невинный, чем Кэл. Никаких темных цветов, никакой загадки, как видишь, так и есть.

– Я должен был понять, что что-то не так, – тихо говорит Крис, его слова снова вырывают меня из раздумий. – Я просыпался и не мог вспомнить дни, а иногда месяцы. Я должен был знать, что это что-то посерьезней, чем они мне говорили. Они сделали так, что все казалось нормальным, что я был под их контролем. Я думал, что мое лечение работает. Я не знал, насколько все плохо, – говорит Крис, но такое ощущение, будто он говорит это себе, а не мне. – Люди, которым я верил больше всего, обманули меня, – отчаянно говорит он.

– Ты не можешь винить себя... Это человеческая природа – хотеть верить в то, что все всегда хорошо. Когда я разговаривала с твоими родителями, они думали, что делали для тебя как лучше. Они действовали только в твоих интересах.

Крис смотрит на меня слегка удивленно. Я сама в шоке, не знаю, почему я это сказала. Я едва знаю Скоттов, и мы не совсем удачно начали наше знакомство, но такое ощущение, что они, правда, его любят, так сильно, что готовы обдурить кого угодно ради него. Хоть они и делали ужасные вещи, но это только ради него.

– Я не ожидал от тебя, что ты станешь их защищать. Особенно после

того... как они тебя тоже обманули, – неуверенно говорит он.

– Я не защищаю их, – быстро говорю я. – То, что они сделали – неправильно, это многим причинило боль. Но я не думаю, что они сделали это со зла. Они думали, что защищают тебя. Как родитель ты сделаешь все что угодно, чтобы защитить своего ребенка от того, что по твоему мнению может ему навредить. Если бы я была на их месте, и я бы верила в то, что ложь поможет тебя защитить, я бы так и сделала, – признаюсь я.

Секунду Крис молчит, его внимание приковано к своему карману, и он что-то вытаскивает из него. Подходит ближе ко мне, и каждый нерв моего тела вздрагивает. Я чувствую, как учащается мое дыхание, и Крис, должно быть, думает, что я сошла с ума, но не показывает этого. Его недавнее выражение лица смягчается, и я понимаю, что отхожу от него на шаг. Крис замечает, что мне неловко и останавливается, протягивая руку.

– Моя мама сказала... – он мешкает, и замечаю, что это фотография Кэйлен, которую я дала миссис Скотт.

Я чувствую, как на лице появляется небольшая улыбка. Его глаза все еще прикованы к фотографии, а на лице что-то между озадаченностью и волнением.

– Кэйлен, – тихо говорю я, дотрагиваясь до ее лица на фотографии.

Когда поднимаю взгляд, то замечаю, что Крис смотрит на меня, и мы оба отворачиваемся.

– Ты назвала ее в честь него... Кэла, – спрашивает он.

Я машинально киваю. Крис рассматривает фотографию, пока идет к дивану и садится.

– Сколько ей лет? – облегченно выдыхая, спрашивает он.

– Как раз три дня назад был ее первый День рождения, – говорю я ему, присаживаясь на край дивана, и мне становится легче, когда разговор заходит о Кэйлен.

Я вижу, как Крис удивленно вскидывает бровь, и полностью разворачивается ко мне.

– Ты растила ее одна, – он сочувствующе смотрит на меня, и по какой-то причине это начинает меня злить.

– Нет. С самого начала мне помогала моя тетя и друзья. У нее есть все, что нужно, – объясняю я.

– Кроме отца, – тихо говорит он. И сказал это он, не я. – Она-она в порядке?

– С ней все хорошо, – улыбаюсь я, скучая по малышке больше, чем думала.

– Ну, то есть, она здорова?

– Насколько может быть здоровым годовалый ребенок.

– Ты уверена?

Я хмуро смотрю на Криса.

– Конечно, уверена, – слегка раздраженно говорю я.

Я – ее мама, думаю, я бы знала, если бы она была не здорова.

– Она не делает ничего странного?

– Например?

– Ну, вообще?

– Кэйлен не странная, – резко отвечаю я.

– Нет, я не это имел в виду. Я просто хотел убедиться, что у нее все хорошо, – говорит Крис, подбирая слова.

Я встаю.

– С ней все хорошо уже целый год и без твоего участия. Я сделала так, что у нее все хорошо! – говорю я более злобно, чем намеревалась, но ведь я забочусь о дочке одна с самого ее рождения, а Крис думает, что я бы не знала, в порядке ли моя дочь.

– Я не имел в виду ничего такого. Я-я не знаю, что хотел сказать, – с явной искренностью говорит Крис, и протягивает мне фотографию.

По какой-то причине я чувствую себя виноватой, и до меня доходит, что он имеет в виду свое психическое состояние. Думаю, мне рано или поздно придется забеспокоиться по этому поводу, вдруг это может передаться и моей дочери, но я отгоняю эти мысли подальше, чтобы окончательно не сойти с ума.

– Прости. Я отреагировала слишком остро, – извиняющимся тоном говорю я. – Я... Просто для меня все это непривычно... все это, – говорю я, пытаюсь оправдать свое поведение.

– Нет, это я виноват. Я забылся. Не стоило задавать такой идиотский вопрос, – перебивает меня Крис.

В комнате снова наступает тишина, и мы оба вздыхаем.

– С ней все в порядке, у нее прекрасное состояние здоровья для одного года, – внимание Криса снова привлекает фотография сначала с легкой улыбкой, но потом она становится шире, как будто он наполовину перестал волноваться. Он улыбнулся впервые с тех пор, как... в общем, за долгое время. Вообще-то, это первая улыбка... Криса, но все равно я по ней соскучилась. Он снова усаживается на диван, и я осторожно сажусь рядом с ним, смотря на фото Кэйлен в его руке.

– У нее твои глаза, такой же разрез, как у тебя, – осторожно говорю я, как будто комментарий слишком личный, а потому неуместный. Кажется, Крису неловко.

Возможно, мне не стоило этого говорить. Не следовало...

– То есть... я... – я заикаюсь, вводя нас обоих в неловкое положение до тех пор, пока Крис не отрывает взгляд от фотографии и не улыбается мне.

В животе снова начинают порхать бабочки. Мысленно я начинаю молиться, чтобы мои щеки не покраснели так сильно, как думаю. Он отводит от меня взгляд, притворяясь, что ничего не заметил, затем его улыбка пропадает, а взгляд становится почти что обеспокоенным.

– И как мы с этим справимся? – тихо спрашивает он, не зная, что дальше говорить. – Я-я не знаю, что мне делать с этим... – говорит Крис, заламывая свои руки, разочарованно вздыхает и снова встает. – Ты ничего обо мне не знаешь. Я ничего не знаю о тебе. И этот Кэл... – он отчаянно закрывает лицо руками. – Ну, то есть... У меня есть дочь, которую я даже не помню... – злобно смеется он. – Годы *моей* жизни, – продолжает Крис, – все, что произошло, а я ничего из этого не помню. Никто не удосужился мне рассказать. Что мне с этим делать? – он нервно шагает по комнате туда-сюда. – Я пытаюсь. Правда... Я думал, если я смогу первым заговорить с тобой, то у меня получится, но...

Я вижу замешательство на его лице, беспокойство, неуверенность. Крис выглядит таким же потерянным, как и я, может, даже больше. Не знаю, что сказать, чтобы исправить это, или *можно* ли что-то сказать, чтобы исправить это. Я не видела его таким безумным и на грани. Я вообще *таким* его не видела.

– Я знаю, для тебя это тяжело. Даже представить не могу, через что ты сейчас проходишь, – честно говорю я, стараясь в какой-то степени его успокоить.

– Я *ничего* о тебе не знаю, – его голос звучит так, будто Крис оправдывается, но в его глазах и на лице я вижу сострадание. *Тем не менее*, его слова меня ранят, как будто в сердце вонзили нож. Это знакомое лицо поворачивается ко мне, но в его глазах нет и намек на то, что он меня знает, как и в его словах. – Но когда ты смотришь на меня, такое чувство, что ты знаешь обо мне все, – говорит Крис, пристально смотря мне в глаза, как будто пытается прорваться сквозь них, будто если бы он так долго смотрел на меня, то получил бы ответы на все свои вопросы.

– У меня и с одной жизнью хватает проблем, – говорит он с сарказмом. – Как я должен справиться с другой, о которой ничего не знаю? С той, которая... не моя на самом деле? – говорит он сам себе.

Я открываю рот, чтобы ответить, но понимаю, что Крис думает, что для меня вся эта ситуация не так тяжела. Кажется, что он почти не понимает, через что мне пришлось пройти... через что я прохожу.

Я останавливаюсь, стараясь как можно лучше подобрать слова, чтобы не беспокоить или не ошарашить его.

– Когда твои родители рассказали мне о тебе, – осторожно начинаю я, – это было самое тяжелое, что со мной случилось, самое тяжелое, что мне когда-либо приходилось слышать. Мне было больно, и я была в замешательстве, я им даже не поверила... я не хотела им верить, – говорю я, сжимая запястье. – Мне *по-прежнему* больно. Я *по-прежнему* в замешательстве. Я не знаю, что делать. Я не знаю, что сказать... тебе, – я слышу, как у меня ломается голос, и Крис поворачивается ко мне лицом. – Я не могу пойти на компромисс с кем-то, кого я не знаю, – я делаю пару вдохов, пытаюсь успокоить сердцебиение, но это бесполезно, мое сердце по-прежнему колотится как бешеное. Я ощущаю на себе его взгляд и продолжаю рассматривать пол. – Когда ты смотришь на меня... это как будто я – тяжкая ноша... проблема, и ты понятия не имеешь, как это больно, – я сглатываю комок в горле, обжигающие слезы наворачиваются на глазах, когда я, наконец, смотрю на Крису. Он выглядит так, словно хочет что-то сказать, но молчит. Теперь его глаза приклеены к полу. – Я не виню тебя за это, – быстро добавляю я. – Я не могу... Но ты должен понять, что у тебя все от Кэла... – смеюсь я, слез не избежать, но я пытаюсь изо всех сил и уверенным голосом продолжаю. – У тебя... у тебя его улыбка, его голос, его глаза... – я чувствую, как улыбаюсь сквозь слезы, когда вспоминаю, как Кэл улыбнулся бы мне, и он не казался бы снисходительным, умеющим манипулировать или высокомерным – те редкие моменты, когда он улыбался по-настоящему. – Когда я смотрю на тебя... Я вижу его. И это больно – знать, что это не ты украл мое сердце, когда впервые улыбнулся мне, кто отвез меня на банджи-прыжки на первом свидании, что это не ты сказал мне, что я единственная женщина, которую ты когда-либо любил. Но ты... ты ведь не он, и ты любишь другую, – я чувствую себя смущенной, по щекам бегут слезы, но Крису нужно увидеть их, чтобы знать, что я тоже человек. – Так что у меня вроде как тяжелый период, – наконец вытирая слезы, хихикаю я. – Даже зная все это, я не знаю, как я со всем этим справлюсь, – объясняю я. – Что мне с этим делать... даже если бы я могла, но я очень хочу попытаться ради той маленькой девочки на фотографии. Я бы сделала ради нее все что угодно, даже бросила единственного человека, которого любила...

Крис ошарашено смотрит на меня. Я чувствую, что сейчас разрыдаюсь окончательно, и делаю глубокий вдох, снова вытирая слезы, приказывая глазам перестать плакать. Я подхожу к нему, принуждая себя увидеть кого-то нового, не видеть Кэла, а увидеть... Крису.

– Я... прости. Пожалуйста, не плачь, – его голос дрожит, а лицо Криса – я еще таким не видела.

Я вижу, как он нервно оглядывается по сторонам, руки в поисках кармана, и вытаскивает платок, очень похожий на те, которые обычно бывают в фастфудах. Я беру его и вытираю глаза.

– Я знаю, ты не просил этого, – говорю я. – Знаю, что это не твоя вина. И я знаю, что ты хочешь верить в то, что это все не твои проблемы, но это так, и мои тоже... Но это не проблемы Кэйлен . – Я очень хочу принять тот факт, что ты не Кэл, что ты не мой муж, но у меня не получается. Но я не могу освободить тебя от обязанности быть отцом Кэйлен . Ты – часть ее, – говорю я достаточно упрямо, чтобы передать весь смысл, но в то же время достаточно мягко, чтобы не испугать его, – и в этом я точно уверена. Это все, что я могу тебе сказать.

Снова наступает тишина.

Я подхожу к дивану и сажусь, закрывая голову руками. Через пару минут я слышу, как Крис садится рядом со мной. Я поворачиваюсь к нему, он задумался, сложив руки. Я никогда не видела его... Кэла... таким раньше. Кэл никогда не подавал виду, что что-то не так, кроме того единственного случая, когда он был чем-то расстроен, он всегда пытался скрыть это. И у него это очень хорошо получалось.

– Мои родители сказали, что он... Они описывают его как... – Крис останавливается на полуслове, как будто пытается найти правильные слова, боясь меня обидеть.

– О, я знаю, – отвечаю я. – Твой отец не постеснялся рассказать мне, что он думает о Кэле, – говорю я со вздохом.

– А он... он был...?

– Тот человек, которого описывают твои родители – таким со мной Кэл не был, – говорю я ему, внимательно рассматривая свои руки. – Не пойми меня превратно, он мог быть высокомерным, трудным и насмешливым... очень, – честно рассказываю я. – Но это еще не все, что было в нем, – в защиту добавляю я. – Он был гораздо больше, чем это. Он мог быть добрым... заботливым... защитником, – улыбаюсь я, вспоминая наши прежние отношения, как я была влюблена в Кэла, как в школе, когда была влюблена в учителя. Боже, Кэл взял меня за палец. Я смеюсь над нелепостью этого жеста. – Он очень умный, уверенный и умеет убеждать, он мог говорить с кем угодно, делая то, что хочет. Он был красив, невероятно сексуален... – продолжаю я со смехом, прежде чем понимаю, что я только что сказала... «О Боже, я сказала это вслух!»

Я мельком смотрю на Криса и вижу, что его щеки ярко-красные. «Он

покраснел!» Я понимаю, что за всю свою жизнь я никогда не видела, чтобы Кэл краснел. Смотрю пристальнее... «Скажи же что-нибудь!»

К счастью, звонок его телефона нарушает это неловкое молчание. Крис вынимает и смотрит на него.

– Извини, – говорит мужчина.

Я киваю, и он отходит на несколько шагов, чтобы ответить на звонок. – Привет! Да, я знаю, что-то случилось? – по его тону голоса я могу понять, что звонит она. – Я уже еду прямо сейчас... Увидимся... Я тоже тебя люблю.

Я не могу подавить приступ ревности... больше ревности, чем приступ боли... больше похоже на то, что кто-то просто ударил меня в живот и встал на грудь. Человек, которого я люблю, или человек, который похож на человека, которого я люблю, одним и тем же голосом признается в своей любви другой женщине. Понимаю, что это она, он трогает ее за руки, целует... «О, Господи, мне нужно перестать думать об этом».

– О том дне... Я обычно не такая, – потираю шею.

– Ничего, забыли, – искренне говорит он.

– Она знает обо всем этом? – спрашиваю я, когда Крис вешает трубку, но мое внимание сосредоточено на потолочном вентиляторе.

– О некоторых вещах, – издавая глубокий вздох, говорит он.

Я киваю. Не знаю, что это за ответ, но решаю не настаивать дальше.

– Я... я должен... – начинает оправдываться Крис.

Я слабо улыбаюсь, позволяя ему понять, что не стоит, и иду с ним к двери.

– Мама сказала, что ты из Чикаго. Как долго ты здесь еще пробудешь? – нерешительно спрашивает Крис.

– Что ж. Я из Сагино, но живу в Чикаго, – поправляю я его, приближаясь к двери.

Я почесываю голову, и понимаю, что у меня достаточно денег, чтобы заплатить за еще один день в гостинице, потому что забыла свои кредитные карты.

– Я должна вернуться к Кэйлен, скорее всего, завтра утром, – говорю я, когда мы достигаем двери.

– О, – он немного хмурится, будто бы думал, что я останусь здесь подольше.

– У меня есть немного вещей, о которых надо побеспокоиться по возвращении домой. Это займет у меня пару дней, но я могу вернуться, и... Позволить тебе увидеть ее. Мы можем начать что-то делать, – говорю почти непоследовательно из-за этой непривычной ситуации, в которой мы

находимся.

– Было бы здорово. Я бы хотел, чтобы у нас было много работы, – говорит он.

Я не уверена, шутит он или нет.

– Позволь мне дать тебе мой номер мобильного телефона, – говорит Крис.

Я поворачиваюсь, чтобы достать телефон и передать его ему, через несколько секунд Крис вбивает свой номер, и передает мне свой, и я делаю то же самое.

– Теперь у тебя мой домашний номер, – говорит он после того, как я закончила, и мы неловко обмениваемся телефонами, как если бы мы старались не прикасаться друг к другу.

Крис открывает дверь и выходит. Это неловкий момент, и мы оба смеемся над нашим очевидным дискомфортом.

– Я просто поняла, что у нас никогда не было шанса по-настоящему... м-м-м... – я смотрю на него смущенно, протягивая руку.

– Я – Крис, – мягко улыбается он.

Я рассмеялась, понимая, что у нас никогда не было возможности должным образом познакомиться.

– Я – Лорен, – сказала я, пожимая его руку.

Глава 34

10 марта 2013 года

Забавно, как однажды может измениться весь ход вашей жизни. Даже день – за несколько секунд. В тот момент, когда вы узнаете, что у вас будет ребенок, или в тот день, когда вы получаете плохое медицинское заключение. Это момент когда вы знаете, что ваша жизнь никогда не будет той, какой была до тех пор, пока не произошли эти несколько секунд.

Я тысячу раз входила в дверь пентхауса. И каждый раз тайком надеялась, что Кэл будет там, сидя на кушетке, его глаза расскажут так много и одновременно так мало. И тогда время останавливается. В этот момент становится неважным, где или кем был Кэл, и только то, что он дома, и что любит меня и не может оставаться в стороне имеет значение. Конечно, я надеялась, что, будет разумное объяснение – обстоятельства, которые были вне его контроля, и которые удерживали его от меня, от нас и нашей семьи.

Каждый сценарий, который представляла, происходил по-разному и неопределенно, в глубине души я никогда не интересовалась

объяснениями, Кэл просто возвращался домой, и моя семья становилась полной. Когда Кэл ушел, я почувствовала, что часть меня исчезла. Эта часть меня была цельной, но не совсем устойчивой.

Я вспоминаю дни одиночества, когда вернулась, узнав о беременности. Даже тогда я пыталась убежать от воспоминаний о моем муже, ненавидя его всем своим существом. И все равно каждый день мой живот становился все больше и больше, когда часть Кэла росла внутри меня. Любовь и ненависть терпели крах, сражаясь в бесконечной битве, которая бушевала во мне. Я хотела стереть существование Кэла из своей памяти, но каждый день, входя в дверь, все еще втайне надеялась, что он будет там.

Я знаю, насколько смешной была идея пытаться сохранить свою надежду в тайне, даже от самой себя. Мысль о желании вернуть человека, который бросил беременную жену, была слишком жалкой даже для моего подсознания. «Хорошо, Кэл не знал, но все же, почему я мучительно держалась за надежду, неоправданную, фактически недостижимую?» Но я делала это и все еще надеялась на нас с Кэлом. Теперь же надежда исчезла совсем. Я впервые понимаю, что его не будет там. Тот, кого я любила и ненавидела все эти годы, всего лишь вымысел воображения человека по имени Крис... или нет, и это мой ум слишком истощен, чтобы справиться со всей этой ситуацией.

Я думала, что все будет совсем по-другому, когда вернусь из Мэдисона. В конце концов, я убедила себя, что это возможность начать все заново и оставить прошлое таким, каким оно было, заставить себя посмотреть на это, как на жизненный опыт. Я представляла себя идущей через дверь, глубоко вздыхающей от обременяющего груза.

Все те дни, когда я не знала, жив ли Кэл, ранен ли он, с кем находится, вспоминает ли обо мне, знает ли о Кэйлен ... тяжесть от всего этого уходит и освобождает меня.

Но сейчас, когда я *прохожу* через эту дверь, чувства ошеломляют, они почти такие же подавляющие, как и в тот день, когда ушел Кэл. Я думала, что убедила себя, что могу прогнать его из своей жизни, из своей памяти и мыслей. Убедила себя, что могла бы справиться с этим и что эта реальность дала мне завершение, которое было нужно, чтобы двигаться дальше. Но, проходя в эту дверь сейчас, в реальном времени, чувствую, что меня ударили кулаком под дых, воздух ушел из моих легких, и я не могу дышать.

Реальность этой ситуации бьет меня, как тонна кирпичей, и я не могу избежать падения на пол. Я пытаюсь перестать плакать, но чем больше

стараюсь, тем тяжелее мне дышать. Я хочу захлопнуть за собой дверь и прикрыть голову. И обещаю себе, что выплачу последние слёзы о Кэле в Мэдисоне, что выйду из этой двери сильнее, а не слабее, и буду готова закрыть эту главу своей жизни, что готова начать все заново.

Теперь я понимаю, что была идиоткой, думая, что могу быть готовой к этому, но это не так. Я так устала от этого чувства и не знаю, что сделала, чтобы заслужить это. Влюбиться и отдать всю жизнь человеку, которого даже не существует, и теперь делить ребенка с кем-то, кто даже не знает, кто я. «Как я могу объяснить это кому-нибудь?» Я сама едва смирилась с этим. «И теперь должна делать вид, что ни чего не случилось, глядя в лицо человека, с которым была связана?»

– Лорен, Лорен милая, что случилось?

Я смотрю сквозь пелену слез, и неясно вижу Рейвен и Энджелу. Пытаюсь взять себя в руки, но их прикосновение, кажется, заставляет мои эмоции изливаться еще больше. Рейвен опускается на колени и обнимает меня руками, поглаживая меня по спине. Я знаю, что должна взять себя в руки, потому что она видит меня в таком состоянии, и это заставит ее думать о худшем. «Что может быть хуже этого?»

– Лорен, что случилось? Ты нашла его? Лорен, поговори со мной, – говорит она, ее голос успокаивает, но становится все более и более обеспокоенным.

Я пытаюсь отдышаться, чувствуя, что с таким же успехом могу покончить с этим, когда вижу, как Хилари встает возле Энджелы. Я делаю еще одну попытку, это не так, как я хотела бы, чтобы все прошло. Ничего не происходит, как я этого хочу.

– Где Кэйлен, – в недоумении спрашиваю я, зная, что одна из тех не многих вещей, которые могут меня успокоить – это она в моих руках.

– С Кэйлен всё в порядке, милая, она спит, – заверяет меня Рейвен.

– Лорен, сейчас одиннадцать вечера. Ты два дня не отвечала на наши звонки. Мы так беспокоились о тебе! Что случилось... что случилось? Ты нашла его? – в отчаянии спрашивает Энджела.

– Я... я хочу ее увидеть, – хнычу, как маленькая.

– Лорен, нет, ей не понравится это, ты ужасно расстроишь ее, – ругает меня Рейвен.

Я понимаю, что просыпаться для истерически плачущей мамы, это не лучшая идея для моей дочери, и я смягчаюсь.

– О-он не настоящий, – изрядно запинаясь я, пытаюсь успокоиться.

Но я думаю, что все эти объятия и сюсюканье, которые они делают, усугубляют ситуацию.

– Что? Кто не настоящий, милая? Кэл... он действительно Крис? – Хилари пытается сделать вывод.

По крайней мере, она права. «Как об этом я могу объяснить?»

– Этот гребанный сукин сын! Я знала это, я все знала! – продолжает она.

Ее голос поднимается от неуверенного до сердитого в течение наносекунд.

– Нет-нет, это не то, что ты думаешь, это еще хуже, – между вздохами говорю я

– Пойдем, дорогая, присядешь и остынешь со стаканом воды, чтобы ты могла рассказать нам обо всем, – властно говорит Рейвен.

Они помогают мне встать с пола, и направляемся к кухне, где мы с Хилари садимся. Энджела нервно меряет шагами помещение. Рейвен берет кувшин лимонада из холодильника и наливает стаканы для меня, себе и Хилари. Я быстро делаю несколько глотков и думаю, как все объяснить. Обе смотрят на меня с любопытством.

– Я не знаю, с чего начать. Это... все так... настолько нелепо, это единственное слово, которым я могу все объяснить, – говорю я, глядя в холодный бокал лимонада.

– Не торопись, – успокаивает Хилари.

Рейвен кивает в знак согласия.

В течение следующего часа я рассказываю им спектакль о событиях, которые произошли за последние два дня. Я рассказываю им все, начиная от обнаружения «Криса» с его психическим заболеванием, затем со мной и Крисом, которые пришли к соглашению, чтобы он был в жизни Кэйлен, и, в конце концов, я в основном простила долги Кэла, имевшееся у меня помимо дочери. Ни одна из них в течение всей истории не прерывает меня. Они обе молчат, даже когда я заканчиваю, и тишина едва не пугает.

– Пожалуйста, скажите что-нибудь, – нервно настаиваю я, пытаюсь снизить напряжение в комнате.

Я сижу между тремя самыми уверенными женщинами, которых когда-либо встречала, и думаю, что на этот раз они потеряли дар речи.

– Я, я не знаю, что сказать, – говорит Рейвен.

Она выглядит неуверенно, поэтому я смотрю на Хилари, которая выглядит сердитой, я была уверена, что ей есть, что сказать.

– Хилари? – спрашиваю я, почти боясь услышать ее мнение, но сегодня хуже уже быть не может.

– Я тоже не знаю, что сказать. Я... я имею в виду, что я могу сказать о чем-то подобном? Я имею в виду, по существу...

Она останавливается и сжимает руки, как будто на самом деле размышляет над правильными словами. Я никогда не знала, что Хилари подбирает слова, прежде чем сказать, и я тронута тем, что она пытается быть чуткой, но в этот момент, чтобы она ни значила для меня, я бы предпочла, чтобы подруга все вывалила, чтобы после сегодняшнего дня я смогла попробовать оставить эти чувства позади.

– Хилари, что бы тебе ни было сказать, просто скажи, – призываю я ее.

Краем глаза вижу, как Энджела кидает в ее сторону предупреждающий взгляд.

– В последний раз, когда я это сделала, ты потеряла сознание, – сухо смеивается она.

– Это не то, что ты сказала, это то, что ты не сказала, – убеждаю я ее.

Слова причиняли боль, но она не должна была говорить их. Она не поделилась своей осведомленностью, которую от меня прятала. А просто вытащила газету с фотографией моего мужа, на которой он с другим именем.

– Что ж, я думаю, что это полная чушь, – нахально говорит Хилари, и я впервые за многие дни смеюсь.

Это начинается как маленькое хихиканье и нарастает, Рейвен смотрит на меня странно, и потом тоже начинает смеяться. Хилари скрещивает руки, а затем присоединяется. Энджела смотрит на нас, как будто мы все сошли с ума, но я не могу объяснить, какое это замечательное чувство – смеяться, по-настоящему смеяться и не плакать.

– Я имею в виду, что у меня нет степени в области психологии или чего-то еще, поэтому я могу быть просто дезинформирована, но... что? Раздвоение личности? Дайте мне перерыв! Вы знаете, сколько парней будут использовать это оправдание, если ты оставишь этот скользкий путь? Это ловушка, как дикий огонь. *«Дорогая, это был не я, черт возьми, это другой модник, это было мое альтер-эго».*

Она объясняет это со смехом, а затем успокаивается, и серьезность ситуации возвращается в комнату.

– Что ты думаешь об этом Рейвен, ты самая старшая из нас? – несерьезно подшучивает Хилари.

Рейвен выпускает то, что кажется очень необходимым вздохом, и кивает головой.

– Хорошо, я знаю, что это может говорить о моем возрасте, но, я помню, что видела эпизод с Опррой об этом психологе, который взял интервью у этой женщины, которая сказала, что у нее было пятнадцать...

ммм... Я забыла, как она их называла... нет, это было другое слово. О, черт возьми, это проскользнуло в моей голове.

Я смотрю на глубокие морщины у нее на лбу, когда она делает вид, что в глубокой задумчивости.

– Изменяет? – предлагает Хилари.

– Да, точно! – взволнованно говорит Рейвен, как будто выиграла приз на игровом шоу.

Я удивленно повернулась к Хилари.

– Я смотрю много сериалов, – пожимает она плечами.

– Хорошо Энджи, ты та, кто тратит все деньги папы на ученую степень. Ты брала пару курсов психологии, не так ли? Посмотрим, чего они стоят, – шутит Хилари.

– Ладно, я признаю, что знаю немного. На курсах, которые я брала, это было одним из нарушений, которые мы изучали, и из того, что сказал мой профессор, этот диагноз, о котором по-прежнему очень много дискуссий в сообществе психического здоровья. Есть врачи, которые клянутся, что это реально, а другие считают, что это ошибочный диагноз ряда других заболеваний, включая шизофрению, биполярное расстройство...

– Хорошо, так это реально или нет? – перебивает Хилари.

– Как я уже сказала, общего мнения пока нет. Однако было проведено одно исследование, в котором фиксировались неврологические изменения, которые доказывали, что предполагаемые «изменения» или «альтер-эго» могли быть. Однако это могло быть связано с рядом факторов...

– Что ж, независимо от того, существует ли это «условие» или нет, вопрос заключается в том, есть ли оно у него? Посмотрим правде в глаза, шансы, что у него это... что? – воскликнула Хилари.

– Хилари, я не знаю. Я не его психиатр. Но некоторые из проявлений, которые показывал Кэл, те о которых рассказала мне Лорен... я бы не исключила это как вариант.

– Дайте мне передышку, – бормочет себе под нос Хилари.

– Эй, ты спросила мое мнение, и как ты мне отплатила? – резко ответила Энджела.

Я пальцами массирую виски. Этот разговор начинает казаться подавляющим.

– Дамы! – Рейвен перебивает их обеих, и они тут же замолкают, очевидно, понимая, что уровень моего стресса повышается. – Я не думаю, что кто-то из нас здесь квалифицирован, чтобы согласиться или не согласиться с комментарием Энджелы о реальности этой болезни, –

говорит она, глядя на Хилари, которая отводит глаза от ее взгляда. Ее внимание сосредоточено на Энджелле. – И я думаю, что Энджелла согласится, не зная специфики заболевания Кэла или... состояния Криса, она не может быть уверена, действительно ли у него есть это условие.

Энджелла одобрительно кивает.

– Самое главное сейчас, это поддержать Лорен в том, во что она верит, и в том, как с этого момента она решит двигаться дальше.

Я поднимаю взгляд и замечаю, что все их взгляды обращены на меня. Рейвен протягивает мне руку, и я держу ее. Тетя сжимает ее, немного меня ободряя. Жест, сообщающий мне, каким бы ни был мой ответ, она рядом со мной, и сейчас это очень много значит для меня.

– Я не хотела им верить. Я не хотела верить ни одному из них, но когда мы были наедине. Это был не он. Это был не Кэл.

– Хорошо, дорогая, если это твое решение, я с тобой на сто процентов, и я буду рядом, чтобы поддержать тебя, – улыбается Рейвен и успокаивающе протягивает мне руку.

– У нас все получится, Лорен, – говорит Энджелла, обнимая меня сзади. Мы все смотрим на Хилари, а она делает глубокий вдох и на мгновение кажется, будто она размышляет.

– Ты и Кэйлен – весь мир для меня, и я знаю, что для тебя это достаточно сложно, и я не буду нагнетать обстановку. Если ты справишься со всем этим, я не стану той, кто все усложнит, – говорит Хилари.

Она подходит и обнимает меня. Я вздыхаю, это был огромный вздох облегчения. Просто зная, что у меня есть поддержка близких людей, все выглядит не так плохо. Конечно, не так плохо, как час назад, но я так боюсь. Я так долго держалась за прошлое... не зная, что случилось с Кэлом, это было похоже на костыль, на который можно было опереться – и теперь его убрали.

– Как я притворюсь, что за последние несколько лет в моей жизни ни чего не произошло? – в отчаянье говорю я.

Энджелла нежно берет мое лицо и поднимает его, так что я смотрю прямо на нее.

– Ты этого не сделаешь. Ты не притворяешься, что прошлого не было, но ты не останавливаешься на нем. Ты примешь прошлое, но больше не будешь жить им, – ласковым тоном говорит подруга, но слова ее непреклонны. – Ты решила смотреть в будущее и двигаться вперед, ты сможешь это сделать. Ты столько прошла, и ты споткнулась несколько раз, но не сломалась. Мы тебе этого не позволим! – говорит Энджелла и немного приобнимает меня. – Ладно? – спрашивает она, и властность

улетучивается с ее лица и появляется теплая улыбка, которую я знаю.

– Хорошо, – успокаиваясь, киваю я.

Она права. Я столько говорила о том, что буду двигаться вперед, но не делала этого. Это причина, по которой я все еще здесь. Везде, куда я смотрю, я вижу напоминания о Кэле, восторг, утешение и спокойствие для меня. И теперь в ложной надежде я не могу опираться на воспоминания. Я должна отпустить это. Я должна отпустить его и поверить, что будущее может занять место моего прошлого.

Глава 35

23 марта 2013 года

Прошло две недели с тех пор, как в моей жизни произошла катастрофа, с тех пор как я узнала, и познакомилась, и чуть не подралась с Кэлом... Крисом и женщиной, которую он любит. Женщиной, которая, к сожалению, каким-то странным и невообразимым образом будет *мачехой* моей дочери. Я стараюсь не думать об этом, или о том, как должна это принять. Я сказала, что согласна, и мой разум говорит, что я должна, но мое сердце и ум никогда не могли договориться ни о чем. Но с завтрашнего дня я согласилась, что вернусь в Мэдисон, чтобы Кэйлен могла встретиться с Крисом и его родителями, и все больше и больше думаю об этом. Сегодня я обрела уверенность, чтобы начать двигаться вперед. Тем не менее, забавно, когда вы пытаетесь двигаться дальше, но некоторые привычки из прошлого подкрадываются и окутывают вас.

С тех пор, как я узнала, что беременна Кэйлен, у меня не было и капли алкоголя во рту. Вообще-то, последний раз, когда я пила, это была ночь, в которую, скорее всего, и забеременела. В ту ночь я собрала свои вещи с бутылкой вина, решив оставить Кэла. Сегодня мне нужна поддержка, чтобы помочь упаковать его вещи, пытаюсь быть согласной с тем, что он ушел.

Я смотрю на последнюю коробку, которую упаковала, остатки от всего имущества «Кэла», которые я смогла найти. Это первый шаг из тех многих, которых я делаю, чтобы попытаться «освободить» себя от него, хотя мысль об этом заставляет мое сердце разбиваться, хоть мои собственные слезы и душат меня, когда я собираю все вместе. Я продолжаю пытаться напомнить себе, что должна это сделать, что это ради Кэйлен, но как мне избавиться от чувства, что я в трауре? Я знаю, что прошло всего две недели с тех пор, как все это произошло, но когда почувствую, что все исправлено? Когда я смогу преодолеть все, что произошло? Когда я начну чувствовать себя немного менее онемевшей, чем днем раньше? Потому что теперь одна и та

же дыра внутри меня становится все глубже, и то, что Энджела описывает это как способ вернуть мою жизнь назад, на самом деле, это как похоронить себя все глубже и глубже. Я сжимаю руки и глубоко вздыхаю. Я этого не вынесу.

Часами, собирая и упаковывая все его вещи, *освобождая* себя, я безуспешно искала, глядя на старые фотографии, пытаюсь найти какой-то знак. Был ли какой-то секрет, скрытый за его глазами, что я не смогла разгадать? Я прокручиваю все разговоры, которые у нас были, пытаюсь понять. Было ли что-то, что я упустила? Пытался ли он когда-нибудь мне рассказать? Было ли что-то, что я проигнорировала, что помешало бы мне быть здесь? В конце концов, я понимаю, что меня окружает прошлое, ложь, призрак человека, которого на самом деле никогда не существовало.

От этой мысли по всему телу у меня бегут мурашки, если бы я этому поверила, я бы не оплакивала человека, который все еще жив. По крайней мере, его тело живо. Я стараюсь не думать о том, где на самом деле Кэл. Что происходит со второй личностью, когда ее нет? Он полностью рассеялся, или он может видеть из-за глаз Криса? На первый взгляд, когда я бросилась на Криса и назвала его имя, мог ли быть где-то там Кэл? Мог ли он слышать, как я называю его по имени? Мог ли он меня видеть?

Я знаю, что должна перестать об этом думать. Это не поможет мне. Я не могу убеждать себя в том, что Кэл существует где-то там. Я должна идти дальше ради Кэйлен, нашей маленькой девочки, с которой я слышала, как он говорил той ночью. В то время Крис не знал о Кэйлен, поэтому это должен был быть Кэл. Удалось ли ему сбежать из той духовной пустыни, в которой он потерян, только ради этого?

Уф! Я сказала Крису, что смогу справиться с этим, но это были просто слова. Я толкаю коробку, которую упаковываю, и бросаю бокал в стену, наблюдая, как немного вина стекает по серой стене, оставляя яркое пятно. Мне нужно взять себя в руки. Я так рада, что Энджела забрала Кэйлен на ночь, пока я собираю вещи. Думаю, она знала, что это будет, не так легко, как заставила меня поверить.

«Ты жалкая, Лорен», – ругаю я себя.

Иду закрыть коробку и понимаю, что осталось только одно, что не было упаковано. Я подхожу к своему ящику и под всеми своими блузками, лежит его рубашка, застегнутая и усеянная крошечными черными пуговицами и слегка пахнущая одеколоном Кэла. Когда он ушел, я не смогла избавиться от его вещей. Я всегда надеялась, что он вернется, чтобы вернуть ее. Через несколько месяцев я избегала ее, ни разу не открыв свой шкаф.

Но эта рубашка единственное, что я не смогла спрятать в коробке, которую не скрывала и не избегала, хотя я спрятала ее от всех остальных. Та, которую я носила, чтобы спать по ночам, когда я скучала по нему, что даже ткань, которая в последний раз касалась его кожи, успокаивала меня. Его запах, слегка прилипший к ней, успокаивал меня, в то время как часть его давала передышку мне.

Прохождение всей беременности в одиночестве, без него, было одной из самых трудных вещей, которые я когда-либо делала. Я храбрилась при окружающих, особенно при Рейвен, Энджеле и Хилари. Они были со мной каждый день, убеждая, что я не одна, хотя мне все еще было одиноко, когда они были со мной, потому что они не были Кэлом.

Он не был со мной, чтобы гладить мой живот, подшутить над тем, будет ли это мальчик или девочка. Просто держать меня за руку. Я жалею об этом. Я отправлялась на занятия с Энджелой по родам, в то время как все мужья и друзья других беременных женщин были с ними, мне хотелось забиться в угол.

Я столько раз воображала, как Кэл врывается в комнату в тот момент, когда появляется Кэйлен. Я понимаю, что подобное происходит только в фильмах, потому что в этот день он так и не пришел. Но в те ночи, когда был дома одна, я надевала его рубашку и делала вид, что это его руки обнимают меня. Еще некоторое время она пропитана его запахом, и когда он исчез, мне стыдно было признаться, что я распыляла его одеколон на нее. В такие короткие моменты, я уверена, если бы я сказала кому-нибудь, они бы подумали, что это безумие или странная форма самоистязания. Но эти ритуалы почему-то сохраняли меня в здравом уме все эти ночи.

Я сажусь на пол с рубашкой в руке и прижимаю ее к груди, слезы начинают течь из моих глаз. Если я попрощаюсь, пытаюсь завтра сбежать от него, но я все равно могу одурачить себя сегодня. Я натягиваю рубашку через голову, встаю и выскользываю из трусиков, надевая его рубашку, и на мгновение притворяюсь, что все это плохой сон.

Но в комнате душно. Я смотрю сквозь стекло дверей, ведущих на террасу. Небо темное, и капли дождя начинают падать, словно облака вторят моей боли. Мне всегда хотелось, чтобы погода соответствовала моему настроению, это один из таких дней. Я перешагиваю через разбитый стакан, спускаюсь вниз на кухню и наливаю себе еще один бокал вина. Покончив с этим, укладываюсь на свой диван. Закрываю глаза и притворяюсь, что нахожусь в другой реальности, где мой муж, не мой. Здесь он не носит джинсы, которые стоят много сотен, а в тех, что не дорого стоят. Здесь он живет в доме на ферме, а не в одном из верхних

этажей высотки в городе. Здесь он носит навоз вместо того, чтобы летать на самолетах по всему миру, и это не так опустошающе, что он влюблен в женщину по имени Дженна, а не Лорен.

Но я знаю, что я не в другой реальности, потому что в другой реальности тяжесть из-за его отсутствия не будет похожа на могилу в моей груди, и то, что меня отвлекает, не будет длиться секунды. И в иной реальности, пока лежу на этой кушетке, закрывая глаза, я ничего не дам, за то чтобы Кэл был рядом со мной, чтобы почувствовать, как он целует меня в шею, чтобы его пальцы написали его имя на моей пояснице. Я бы все равно не была так влюблена в человека, который окажется призраком, мифом, сказкой и трагедией, всем соединенным в одно, и я бы не стала продавать часть моей души, просто чтобы услышать его слова, что «ты – все, что я когда-либо искал». Я сворачиваюсь и обнимаю свои колени, чтобы уснуть и начать все с нового дня.

Гром, грохочет за окном, пробуждая от сна. Моя голова все еще кружится. Стук в дверь будит меня, мне кажется, что мое тело, как будто весит сотню килограмм, а на полу в гостиной стоят ящики, о которых я забыла. Дверь распаивается, и адреналин, проносится по всему моему телу, сменяясь не облегчением, а полным смятением. Что он здесь делает?

– Крис? – восклицаю я, нерешительно подходя к двери. – Ты испугал меня до чертиков! – говорю я, в то время как одна рука держится за сердце, когда я подхожу к нему.

Но когда приближаюсь, я вижу, как его грудь вздымается вверх вниз. Он вдыхает как можно больше воздуха, одежда и волосы, мокрые от бури облепили его тело. Мой разум говорит, что надо бы спросить, в порядке ли он, что здесь делает, но когда я смотрю ему в глаза, которые смотрят прямо на меня, он кивает, на его лице появляется улыбка, и я понимаю.

– Конец, но не совсем правильный, – говорит мужчина, запыхавшись, но со знакомой усмешкой на лице. Когда мы лицом к лицу, я могу открепить язык от нёба.

– Кэл? – почти шепчу, потому что у меня пересохло в горле, и мне интересно, слышит ли он меня.

Но когда я смотрю на него, хоть он еще не ответил, его дыхание замедляется, улыбка постепенно становится соблазнительной, и я узнаю.

– Это слишком просто, да? – его голос замораживает меня.

Лунный свет из окна подсвечивает его серые глаза. Я пытаюсь двинуться, но не могу.

– Итак, ты отказываешься от меня, от нас. Так просто?

Кэл подходит ко мне, и я пытаюсь дотронуться до него, но мои пальцы

замерзли. Он наклоняется, глядя на коробку, которую я до этого упаковала.

– Ты собираешься выкинуть меня и притвориться, что я никогда не существовал? – рычит он и пинает коробку. Звук настолько громкий, что эхо разносится по всему дому. – Как насчет нас, Лорен? А что насчет нашей семьи? – рычит он.

Кэл так разозлился, что я вижу, как у него пульсируют вены. Я продолжаю пытаться ответить или дотронуться, но не могу.

– Ты действительно думаешь, что Скотты собираются принять вас в свою жизнь? Они хотят притвориться, что я никогда не существовал! Как ты думаешь, им нужно постоянное напоминание о том, как я уходил, испортив их дурацкий маленький мир? Я – ублюдок. Их блудный сын! – он сердито смеется, кружа вокруг моего замершего тела.

– Кэйлен нужен настоящий отец, который сейчас здесь, – шепчу я, как-то сбрасывая оцепенение.

– Я – ее отец! – сердито кричит он мне в лицо.

Он грубо хватается за руку и подводит к дивану, придавливая меня. Его вес давит, словно тяжесть дома, и мне сложно дышать.

– Это Крис, занимался с тобой любовью? Это его имя ты кричала? – шепчет он мне на ухо и разрывает мою рубашку пополам.

Его губы крепко прижимаются ко мне, и я отворачиваю лицо. Я так зла на него. Я пытаюсь сказать, но мой голос словно онемел. Кэл хватается за лицо и поворачивает назад.

– Ты многое хочешь мне сказать, да, Лорен? – смеется он мне в лицо.

– Да! – кричу я.

Глава 36

24 марта 2013 года

Я просыпаюсь от сна так похожего на реальность, я все еще чувствую на себе руки Кэла. Я лежу на полу в холодном поту. Не помню, как заснула, но, должно быть, я свалилась после того, как уложила Кэйлен спать. Пытаюсь отдышаться, одновременно успокаивая стук сердца. Это третий сон о Кэле, который я видела на этой неделе.

Каждый из них был немного другим, но я заметила, что некоторые вещи остаются неизменными. Он всегда весь в черном, глаза серые, и я едва могу говорить. А также он в ярости на меня за то, что я не боролась за нас. Что бы это могло значить? Я боролась за нас более пяти лет, два года из которых он вообще отсутствовал. Я не знаю, что еще он хочет от меня, кроме как бить Крису по голове, пока он не появится?

Если бы Кэл был мертв, я бы поклялась, что он преследует меня во сне. Но это не совсем Кэл, конечно. Я держалась так крепко до сих пор, но есть часть меня, у которой проблемы с прощанием. Я могу описать это только как наркотик. Наверное, сейчас подходящее время для этого. Я не хочу, чтобы Крис думал, что мать его ребенка – законченная психопатка.

Впрочем, не иронично было бы так думать, учитывая обстоятельства? По крайней мере, я хотела бы обрести свое мнение, тем более что я вернулась в Мэдисон, остановившись в прекрасной гостинице «Риттер Инн». Что еще более важно, я согласилась привезти Кэйлен, чтобы встретиться с Крисом и Скоттами позже, и я так беспокоилась из-за этого.

Что, если Крис переволнуется и не сможет справиться со всем этим? Что, если Кэйлен не понравится ему? Что, если она слишком полюбит его? Помимо всей очевидной странности ситуации, как я собираюсь приспособиться к совместному воспитанию моей дочери с человеком, которого не знаю? Я была единственным родителем, так долго, что не знаю, как можно воспитывать совместно. Я выросла с Рейвен, которая сама меня подняла на ноги. Интересно, как люди растят и воспитывают детей на расстоянии? Думаю, я слишком далеко забегаю вперед. Через три часа мы все узнаем.

Когда я последний раз встречалась с ним в этом доме, у меня был сильный нервный срыв. Он предложил приехать в Чикаго, но я подумала, что это будет странно для нас обоих. Уходя отсюда, я стараюсь сохранить оптимизм. Становится все труднее оставаться после всего, что произошло. Я действительно думаю, чтобы продать пентхаус и начать все заново.

Я выбрала для Кэйлен свитер серого цвета и розовые леггинсы с сапогами цвета хаки. Мне понадобилось двадцать нарядов, прежде чем я решила, что ей надеть.

Это странное ощущение, когда я наряжаю ее для встречи с Крисом. Особенно после всех тех дней, когда я размышляла над тем, как бы Кэл держал ее на руках. Чтобы посмотреть, каким он будет с крошечной версией самого себя. Хорошо, что сейчас этого не произойдет, напоминая я сама себе. Даже если малышка никуда не собиралась, я всегда одевала ее, как маленькую куколку.

В эти дни я трачу больше времени на то, в чем она будет одета, а не я. На самом деле давно я не носила что-то другое, нежели футболку и джинсы. У меня не было никого, чтобы наряжаться для него долгое время. Но сегодня я попыталась подобрать подходящую одежду. Не хочу выглядеть так, как будто я не задумывалась о том, что надену, но также не хочу выглядеть так, будто потратила на это слишком много времени. Я имею в

виду... у меня нет причин волноваться. Не похоже, что я еще не произвела первого впечатления, когда по лицу капала тушь, и волосы слиплись вокруг моей головы.

Я решаю одеться, как двойник Кэйлен в длинный серый свитер и леггинсы. Но вместо розовых, как жевательной резинка, я, конечно же, выбираю черные. Надеюсь избавиться от образа истеричной, кричащей, сумасшедшей женщины, с которой они встречались раньше. Не то чтобы они не заслужили этого после всего, что произошло. Я избавляюсь от мыслей о последней встрече у Скоттов, и последнего раза, когда Крис был здесь, в этой самой комнате. Я думаю о том, как он нервничал, почти так же, как и я. Тем не менее, кроме напряженной атмосферы, в нем было что-то почти успокаивающее. Я смею сказать... спокойное?

Смотрю на часы. У меня меньше часа до обычного пробуждения Кэйлен. Я хватаю свои вещи и направляюсь в ванную для быстрого принятия душа, надеясь расслабиться хотя бы до того, как начнется нервный и мучительный день.

* * *

– Хорошо, Лорен, ты можешь это сделать, – говорю я себе, затем смотрю в зеркало заднего вида и вижу, как Кэйлен улыбается мне.

– Ты думаешь, мама с ума сошла, а?

Я не могу не улыбнуться ей, и нервное состояние немного рассеивается. Она такая невинная. Я рада, что Кэйлен маленькая, поэтому ни одна странная странность всего этого не затрагивает ее. Я не знаю, стоит ли мне позвонить или просто подойти к двери Скоттов, чтобы не получилось так плохо, как в прошлый раз. По крайней мере, я знаю, что сегодня не буду поддаваться эмоциям. Я не должна. Нет, пока она здесь. Я побарабанила руками по рулю, чтобы успокоить нервы. Я понимаю, что худшее уже позади. Единственное, что сделало бы все еще хуже, чем в прошлый раз, если бы Крис открыл дверь в момент удара по ней. Я хихикаю, представляя эту ситуацию.

Пыталась убить немного времени, позавтракав с Кэйлен в маленькой закусочной «У Голдмана» по пути сюда. С тех пор, как я переехала из Сагино, я не ела горячего. Кэйлен нравилось *ковыряться* в яблочном пюре больше, чем есть его. Смотрю на часы и вижу что еще девять пятнадцать утра. Я сказала ему, что буду здесь в девять тридцать. «Ведь приезжать раньше неприлично?» Оглядываюсь на дом и вижу, как кто-то держит занавески у переднего окна. «О нет, они видели меня! Ладно, кто-то смотрит». Если я сейчас продолжу сидеть здесь, то буду выглядеть как преследователь или извращенец. Хорошо, сейчас или никогда.

Я выхожу из машины и делаю глубокий вдох. Вытаскиваю Кэйлен из детского автокресла и закрываю дверь. Наверное, это Крис. Никогда раньше не молилась, но тихонько прошу Бога дать мне силы, чтобы разобраться с этим и не выглядеть полной дурой.

Дверь в дом открывается, и я вижу, как двухметровая фигура проходит к ней. Я чувствую, что нервничаю, и делаю еще один глубокий вдох. Сжимаю маленькую руку Кэйлен, направляясь к возвышающейся передней веранде. Ее крошечные шаги делают самую длинную прогулку. Я смотрю на него, и ловлю его ярко-зеленый взгляд, с мерцающими серыми глазами. Когда он подходит ближе, его улыбка растет. Я смотрю на Кэйлен, чьи маленькие шаги начинают ускоряться.

– Привет, – мой голос слабый и незнакомый.

– Привет, – отвечает Крис, голос звучит мягко, но дрожит.

Его улыбка становится еще больше, когда его большие руки сжимают маленькую плюшевую игрушку, которую он держит. Я чувствую, как мое сердце начинает ускоряться. Я отпустила руку Кэйлен, после того как мы дошли до веранды. Она быстро подходит к нему.

Малышка тянется к пингвину, которого принес Крис, и он хихикает, глядя на нее так, что я могу описать это только как изумление.

– М-м-м, дочь моего друга любит пингвинов из мультлика «Мадагаскар». Я подумал, что ей понравится, – нервно объясняет он.

– Она часто смотрит этот мультфильм, – отвечаю и замечаю удивление на его лице.

Я смотрю на него, когда он садится на корточки напротив нее.

– Я подумал, что тебе может понравиться вот это, – говорит мужчина, протягивая маленького пингвина.

– Пипи! – взволнованно говорит Кэйлен, вынимая пингвина из его рук и вставляя его себе в рот. Он удивленно смотрит на меня.

– Она очень похожа на мои детские фотографии, – шепчет он вслух, но я думаю, он не хотел бы, чтобы это было услышано. Смотреть, как Крис смотрит на нее, дает мне то чувство, которого у меня никогда не было. Эмоции, меняющиеся на его лице, когда он смотрит на ее игру с маленьким пингвином, неописуемы.

– Кэйлен, я – Крис, – говорит он и его голос слегка хрипит.

Его глаза блестят, думаю, что вижу в них слезы. Я приближаюсь к ним и сажусь на корточки. С осторожностью мягко трогаю его за плечо. Кэйлен одной рукой прикасается к его лицу и хихикает.

В этот момент осознаю, что человек рядом со мной не тот, кого я знала. Я делаю глубокий вдох и готовлю себя сказать то, о чем я не

собиралась говорить. Я не знала, как и когда я скажу это ей. Будет ли когда-нибудь подходящее время, чтобы сказать это. Но теперь я знаю, без сомнения.

– Кэйлен, это твой папочка.

Я пообещала себе, что не сделаю этого. Но не смогла. Я никогда не думала, что все будет именно так после всей боли, беспокойства и страха. Тревога и стресс внутри моего живота становятся чем-то другим, что я не чувствовала так давно. Умиротворенность. Я поднимаю руку, чтобы вытереть свои слезы, начинающие падать, и он останавливает меня, нежно сжимая мою руку в своей.

– Спасибо, Лорен, – его голос и глаза полны печали, искренности и беспокойства.

И впервые в жизни я могу прочитать лицо, которое смотрит на меня. Здесь незачем скрывать эмоции, пытаться замаскировать их.

– Эй, красавица, – говорит он ей, и на секунду Крис поворачивается ко мне, его улыбка знакома, и он подмигивает мне. Мое дыхание замирает. Как только это произошло, прежде чем я смогла проверить, что это было, все пропало.

– Лорен? – он вопросительно смотрит на меня и... это все еще Крис, но, я знаю, что секунду назад это был не Крис, он был здесь – Кэл. Я приближаюсь к нему. Нерешительно подношу руку к его лицу, размышляя, позволит ли он мне прикоснуться к себе. Он разрешает.

Я игнорирую знакомые эмоции, которые проходят сквозь меня.

До этого момента я чувствовала, что отказываюсь от единственного человека, которого я когда-либо любила. Делала это для единственного человека в мире, которого люблю больше, его дочери. Я должна... не так ли?

– Я... все в порядке, Лорен? – он издал легкий смешок, и его щеки покраснели.

Я только киваю, глядя вниз на землю. Все будет хорошо.

Я позабочусь, чтобы так и было.

Я должна...

... даже если я сломаюсь.

КОНЕЦ